

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

VI Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора ***Зыбина Станислава Фёдоровича***

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции 20 ноября 2019 г.

Том 2

Санкт-Петербург
2019

ББК 67

А 43

А 43 Актуальные проблемы юридической науки и практики. VI Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича: в 2-х томах. Т. 2: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции 20 ноября 2019 г. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 344 с.

Во второй том сборника включены научные статьи научно-педагогических работников и обучающихся образовательных организаций Российской Федерации, юристов-практиков, отражающие содержание докладов и выступлений участников конференции.

В материалах сборника освещаются актуальные проблемы теории и истории права и государства, отраслевых юридических наук, правовые и организационные вопросы борьбы с преступностью, актуальные проблемы высшего образования.

Материалы, опубликованные в сборнике, представляют интерес для преподавателей и студентов юридических вузов и факультетов, работников органов государственной власти и местного самоуправления.

ББК 67

© АНО ВО «СЮА», 2019
© Коллектив авторов, 2019

СУСЛИН Эдуард Васильевич,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Санкт-Петербургская юридическая академия, первый-проректор-проректор по учебной работе; rectorat@jurac.ru

КУВШИНОВ Виктор Степанович,
доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный профессор Санкт-Петербургской юридической академии, советник при ректорате; rectorat@jurac.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ

В статье рассматриваются основные предпосылки формирования правовой образованности личности и совершенствования правового образования граждан.

Ключевые слова: *образованность, правовая образованность, правовая грамотность, правовое образование.*

В Концепции правовой информатизации России выдвигается на первый план решение глобальной задачи – формирования в России единого информационно-правового пространства, обеспечивающего правовую информированность всех структур общества и каждого гражданина в отдельности, ибо правовая образованность необходима, чтобы расти в условиях демократии (далее – Концепция)[1]. Современные реалии актуализируют проблему нового видения правовой информированности и правовой образованности граждан. В этом плане становится актуальным формирование, в частности современного уровня правовой образованности личности, которое имеет два одинаковых значимых аспекта. Один из них видится в определении понятия «правовая образованность», а другой – в выявлении ключевых предпосылок ее формирования. При этом любой из обозначенных аспектов должен основываться на общем понятии «образованность» [1, с. 4-5]. Расширение значения термина «образованность», сопряженного с определенными видами деятельности, привело к появлению ряда других терминов и понятий: «педагогическая образованность» [2, с.

[1] О Концепции правовой информатизации в России: Указ Президента Российской Федерации от 28 июня 1993 г. № 906 (в ред. Указов Президента Российской Федерации от 13 ноября 2013 года № 1365; от 22 марта 2005 г. № 329). Первоначальный текст документа опубликован в изданиях: Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 05.07.1993. – № 27. Ст. 2521. Российские вести. – 13.07.1993. – № 32.

187], «гуманитарная образованность [3, с. 61], «математическая образованность» [4, с. 173], «правовая образованность» [5, с. 45-46].

Термин «правовая образованность», насколько нам известно, отсутствует не только в действующем законодательстве об образовании, но и в энциклопедической юридической и педагогической литературе. Например, в Юридической энциклопедии [6], Большом юридическом словаре [7], Юридическом энциклопедическом словаре [8], Юридической энциклопедии [9], Юридическом энциклопедическом словаре [10,] Большом энциклопедическом словаре [11], Большом юридическом словаре [12], Педагогическом энциклопедическом словаре [13]. В связи с этим представляется важным определиться с терминологическим и понятийным полем рассматриваемой темы, а уже затем обратиться к некоторым предпосылкам формирования правовой образованности личности.

Анализ публикаций, посвященных правовой образованности, свидетельствует о наличии различных мнений относительно не только самого понятия, но и его содержания. Например, авторы учебника «Юридическая педагогика» отмечают, что правовая образованность «характеризуется наличием у гражданина определенных знаний, взглядов и убеждений, позволяющих понимать существующую в жизни общества правовую сферу, роль права, правопорядка, оценивать их как благо, как необходимое условие нормальной жизни и развития общества и защиты самих граждан» [2, с. 242]. С точки зрения других исследователей, «правовая образованность – неотъемлемая часть общей культуры общества. Она является условием того, что право станет регулятором жизни индивида, и никакой не помехой и препятствием на пути реализации своих личных и профессиональных задач» [14, с. 166]. К слову говоря, правовая образованность иногда отождествляется с правовой компетентностью [15, с. 91].

В свете вышеизложенного следует подчеркнуть, что в настоящее время правовая образованность характеризуется в большинстве случаев неоднозначно и пока еще не стала общепризнанным. Очевидно, это обстоятельство так или иначе повлияло на то, что в последние годы мы мало употребляем термин «правовая образованность», несмотря на его закрепление в Концепции правовой информатизации России (1993 г.).

Учитывая все отмеченное, попытаемся теперь обозначить в предельно краткой форме некоторые ключевые положения, которые являются исходными при определении понятия «правовая образованность». Во-первых, понятие «правовая образованность» является производным от понятия «образованность»; во-вторых, правовая образованность – главная цель, интегрированный и конечный результат правового образования; в третьих, правовая образованность есть ценность для личности и для общества; наконец, правовая образованность – качество развившейся личности.

Итак, согласно нашим представлениям, правовая образованность – это система сформированных актуального уровня знаний,

умений и навыков, ценностных установок, а также необходимых свойств личности в процессе ее правового образования, позволяющих ей ориентироваться в правовой действительности, приспосабливаться к ней, охранять и обогащать ее, приобретать о ней новые знания и посредством этого совершенствовать себя с учетом потребностей и интересов общества.

В дополнение отметим, что правовая образованность выступает в качестве одного из необходимых педагогических компонентов правовой культуры личности [16, с. 45]. Данное определение понятия «правовая образованность» рассматривается нами как рабочее. В дальнейшем оно будет, несомненно, уточняться и конкретизироваться по мере развития теории и практики правового образования.

Динамика и логика развития правового образования ставят вопрос о первоочередных основных предпосылках формирования правовой образованности личности. Думается, что такого рода предпосылкой становятся именно Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [17, с. 11] (далее – Основы), поскольку правовое образование является своего рода следствием социального заказа государства и общества и стратегическим ориентиром государственной политики в области развития правовой образованности населения, а промежуточным результатом правовой образованности выступает правовая грамотность.

Сразу оговоримся, что понятие «правовая грамотность» в настоящее время пока не получило своего надлежащего педагогического раскрытия и закрепления ни в справочной юридической энциклопедической литературе, ни в учебной литературе по юридической педагогике [5, 2, 17]. Данное понятие не раскрывается и в настоящих Основах, хотя термин «правовая грамотность» упоминается неоднократно. Справедливости ради стоить отметить, что в справочной литературе по педагогике определяется, что юридическая грамотность – «это правовая культура человека, хорошее знание своих прав и обязанностей и нормативно-правовых актов, регулирующих отношения между людьми, социальными общностями, организациями; умение применять правовые знания при анализе конкретных ситуаций, давать правовую оценку действиям социальных субъектов» [18, с. 432-433]. Как известно, грамотность применительно к характеристике населения – один из показателей его социально-культурного развития, конкретное содержание понятия «грамотность» исторически изменчиво, имеет тенденцию к расширению с ростом общественных требований к развитию индивида от элементарных умений читать, писать, считать – к овладению некоторым комплексом различных общественно необходимых знаний и навыков, позволяющих человеку сознательно участвовать в социальных процессах (т.н. функциональная грамотность) [19, с. 391]. Мы полагаем, что правовая грамотность как промежуточный результат и предпосылка правовой образованности личности представляет собой восходящую ступень овладения комплек-

сом необходимых знаний, умений, навыков, определенным уровнем готовности к адекватному восприятию правовой действительности, а также формирование соответствующих свойств личности в процессе правового образования, обеспечивающих ее повседневное правомерное поведение, активность в правовой информационно-познавательной среде. В целом правовая грамотность рассматривается нами в качестве определенной функциональной грамотности.

Настоящие Основы определяют принципы, цели, основные направления и содержание государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознание граждан (далее – государственная политика). Тем самым открывается определенная перспектива для общего представления о совокупности предпосылок формирования и развития правовой грамотности с учетом основных факторов, оказывающих влияние на ее состояние. Здесь имеется в виду распространение и использование доступных для восприятия информационных материалов, формирующих правовую грамотность населения, в печатном, электронном, аудиовизуальном и ином виде, а также с помощью средств массовой информации, правовое просвещение [20, с. 22-23], развитие правового образования, совершенствование системы юридического образования и подготовки квалифицированных юристов и педагогических кадров в области права.

Предусмотрены в Основах и следующие конкретные меры государственной политики: в области совершенствования законодательства Российской Федерации и правоприменения; по повышению правовой культуры лиц, замещающих государственные и муниципальные должности государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов; в области образования и воспитания подрастающего поколения, юридического образования и подготовки юридических кадров; в сферах культуры, массовой информации, эфирного и кабельного вещания, рекламной и издательской деятельности; организационного и методического характера.

В контексте рассматриваемой нами темы особый интерес вызывают меры государственной политики, представленные в VII разделе Основ (пункт 18). Итак, в пункте 18 Основ выделяются следующие меры государственной политики в области образования и воспитания подрастающего поколения, юридического образования и подготовки юридических кадров:

1) включение в примерную основную образовательную программу дошкольного образования, примерную основную образовательную программу начального общего образования задач приобщения детей к элементарным общепринятым нормам и правилам взаимоотношений со сверстниками и взрослыми (внимательность к людям, готовность к сотрудничеству и дружбе, оказания помощи, тем кто в ней нуждается, уважение к окружающим), а также развитие ценностно-смысловой сферы личности;

2) развитие практики обучения основам права в образовательных учреждениях различного типа и вида, поддержка различных вариантов региональных моделей правового образования, разработка учебных курсов, включающих правовую тематику соответствующих образовательных программ, учебных и методических пособий;

3) применение специальных программ правового образования и воспитания детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, трудных подростков и несовершеннолетних правонарушителей;

4) распространение программ дополнительного правового образования для взрослых;

5) повышение уровня юридической грамотности педагогов; подготовка преподавателей учебного предмета «Право», а также совершенствование профессиональной и методической подготовки преподавателей правовых дисциплин; проведение научно-исследовательских и опытно-экспериментальных работ в целях научно-методического обеспечения правового образования;

6) совершенствование уровня подготовки профессиональных кадров юридического профиля для замещения ими соответствующих должностей;

7) формирование прогноза потребностей экономики на федеральном и региональном уровне в специалистах с высшим юридическим образованием, включая разработку перечня направлений (специализаций) юридической подготовки;

8) распространение положительного опыта образовательных учреждений высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров по созданию и функционированию юридических клиник как формы оказания нуждающимся бесплатной квалифицированной помощи.

Рамки настоящей статьи не позволяют детально проанализировать структуру и содержание данного раздела Основ. Однако само структурно-содержательное построение этого раздела свидетельствует о его направленности непосредственно на формирование различных, как мы полагаем, уровней правовой грамотности личности. Поэтому находим возможным рассматривать данные меры государственной политики в качестве ключевых предпосылок формирования правовой грамотности, исходных, концептуальных положений организации и осуществления процесса правового образования личности. В дополнение к сказанному отметим, что другие разделы настоящих Основ так или иначе также ориентированы на формирование правовой грамотности граждан. Таким образом, в целом настоящие Основы видятся нами реальными предпосылками формирования правовой грамотности личности, и, следовательно, ее правового образования. Одновременно необходимо иметь в виду, что существуют и другие не менее важные предпосылки формирования правовой грамотности личности, например, правовое просвещение, правовое информирование граждан. Таковы некоторые подходы к вопросу формирования правовой образованности личности. Думается, что проникновение в

суть проблем формирования правовой грамотности будет способствовать успешному решению не только теоретических, но и прикладных и практических задач по совершенствованию и развитию правового образования.

Список литературы:

1. Суслин Э.В., Кувшинов В.С. Образованность: понятие и условия формирования / Э.В. Суслин, В.С. Кувшинов // Актуальные проблемы юридической науки и практики. V Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича: в 2-х томах. Т. 1: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции 21 ноября 2018 г. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2018. – С. 3-9.
2. Юридическая педагогика: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 210100 «Юриспруденция» / С.А. Беличева, Л.И. Беляева, А.В. Буданов и др.; под ред. проф. В.Я. Кикотя, проф. А.М. Столяренко. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 895 с.
3. Червякова, И.С. О возможностях и границах цифровизации гуманитарного образования / И.С. Червякова // Архитектура университетского образования в условиях единого информационного пространства: сборник трудов III Национальной научной методической конференции с международным участием. Часть 1. Под ред. проф. И.А. Максимуева, проф. В.Г. Шубаевой, проф. Л.А. Миэринь. – СПб.: Изд.-во СПбГУ, 2019. – 411 с.
4. Садовничий, В.А. Математика в созвездии наук. Избранные выступления. Издание второе, дополненное / В.А. Садовничий. – М.: Издательство Московского университета, 2019. – 278 с.
5. Столяренко, А.М. Юридическая педагогика. Курс лекций / А.М. Столяренко. – М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ». Издательство «ЭКМОС», 2000. – 496 с.
6. Тихомирова, Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров; под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: 1999. – 526 с.
7. Большой юридический словарь. 2-ое изд. перераб. и доп. / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 790 с.
8. Юридический энциклопедический словарь. 3-е издание перераб. и доп. Т. VI / под ред. В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 450 с.
9. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М.: Юрист, 2001. – 1272 с.
10. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. О.Е. Кутафин. – М.: Большая российская энциклопедия, 2003. – 559 с.
11. Барихин, А.Б. Большой юридический словарь / А.Б. Барихин. – М.: Книжный мир, 2006. – 792 с.
12. Большой юридический словарь. 2-ое изд. перераб. и доп. / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 704 с.

13. Педагогический энциклопедический словарь / под ред. Б.М. Бим Бад; ред. колл.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. – М.: Большая российская энциклопедия, 2003. – 528 с.

14. Каландаришвили, З.Н. Современная система правового образования студентов / З.Н. Каландаришвили, Ч.В. Кочисов // Управление качеством образовательного процесса в высшей школе в условиях реформирования: Сборник по материалам международной научной конференции. 2017. – С. 166-170.

15. Радченко, П.А. О правовой образованности военного специалиста / Радченко П.А. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета ТГУ. – 2009. – № 5 (8). – С. 88-92.

16. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: Утверждены Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. Пр. – 1168 // Российская газета. – 2011. – 14 июля.

17. Левитан, К.М. Юридическая педагогика: учебник /К.М. Левитан. – М.: Норма, 2008. – 432 с.

18. Словарь-справочник по педагогике / авт.-сост. В.А. Мижериков; под общ. ред. П.И. Пидкасистого. – М.: ТЦ «Сфера», 2004. – 448 с.

19. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. – 1888 с.

20. Подробно о состоянии и актуальных проблемах правового просвещения: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Российская газета. – 2019. – 11 июня. – С. 14-24.

БЕНЕРА Анастасия Олеговна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; abenera@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ О ПРИВЛЕЧЕНИИ РОДИТЕЛЕЙ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются отдельные вопросы правового регулирования института охраны семьи и несовершеннолетних. Автор анализирует судебную практику и доктринальное толкование уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступления против семьи и несовершеннолетних.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, права детей, семейное насилие, несовершеннолетние, родители, жестокое обращение.*

Среди видов ответственности, направленных на обеспечение прав детей, особое положение занимает уголовно-правовая ответственность, которая в силу своей специфики содержит самый суровый набор санкций по отношению к лицам, преступившим закон.

Среди субъектов, которые могут причинить ребенку вред, следует выделить родителей и заменяющих их лиц, которые как самые близкие к ребенку люди обязаны охранять его интересы, и потому совершение ими преступлений является верхом жестокости.

Анализ судебной практики и доктринального толкования имеющихся норм свидетельствуют, что действующие на сегодняшний день правила, регламентирующие уголовно-правовую ответственность, носят несовершенный характер, имеется немало проблем. В частности, существует тенденция к росту фактов применения ответственности и одновременно – латентность семейного насилия [5, с. 58]; отсутствует эффективный механизм защиты прав детей [4, с. 66]; в отношении родителей-алкоголиков не назначается принудительное лечение, но часто применяется условное осуждение или штраф при том, что последний нередко заведомо не будет выплачен, так как многие из осужденных не работают; деньги, получаемые родителями в виде пособий на детей, расходуются не на нужды ребенка; подавляющее большинство осужденных лиц подпадают под амнистию, что дает им возможность для продолжения преступных действий с повторным привлечением их к ответственности [3, с. 42-43]; нередко происходит оставление ребенка с родителями-алкоголиками со всеми вытекающими отсюда последствиями [8, с. 114].

С целью обеспечения наиболее объективного применения мер ответственности за преступления, совершенные родителями по ст. 150, 151 и 156 УК РФ, снижения уровня таких преступлений, недопу-

стимости их повторного совершения, воспитания в родителях чувства ответственности следует следующее:

1) штраф заменить на обязательные и исправительные работы [37, с. 110];

2) перевести преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ, из преступления небольшой тяжести в преступление средней тяжести [3, с. 43];

3) конституционно ограничить право Государственной Думы по применению актов амнистии (в частности, в связи с совершением преступлений против детей);

4) установить обязательное назначение судом принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных родителей, страдающих алкоголизмом и наркоманией, с условием последующей компенсации данными лицами расходов, потраченных на их лечение, внести соответствующие коррективы в УК РФ и УИК РФ;

5) отменить отсрочку исполнения наказания в отношении лица, имеющего ребенка, достигшего возраста трех лет, так как выполнение исправительных и обязательных работ вполне может осуществляться без какого-либо отрицательного воздействия на воспитание ребенка указанного возраста;

6) предусмотреть в Семейном кодексе РФ такую меру, как временное ограничение правомочий по воспитанию ребенка с передачей его на воспитание другому члену семьи, в приемную семью или в детское государственное учреждение в случае совершения лицом преступления, связанного с причинением вреда жизни, здоровью, общественной безопасности, созданием условий причинения физического или экологического вреда массового характера, относящегося к числу тяжких и особо тяжких преступлений, и отменить установленное Уголовным кодексом РФ положение, влекущее отсрочку исполнения наказания за эти преступления в связи с наличием малолетнего ребенка или беременности;

7) отменить условие об освобождении от наказания по истечении срока отсрочки;

8) предусмотреть административную ответственность с реальными мерами наказания в отношении родителей, не исполняющих обязанности по воспитанию и содержанию своих детей [5, с. 59-60] (на сегодняшний день самое суровое административное наказание – штраф в размере 500 руб. по ст. 5.35 КоАП РФ). На наш взгляд, в данном случае нельзя согласиться с О.А. Крыловой в том, что неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка может образовать самостоятельный состав преступления, а жестокое обращение с несовершеннолетними или применение к ним насилия следует рассматривать как квалифицирующие признаки;

9) дополнить примечание к статье 151 УК РФ после слов «бродяжничеством» словами «или попрошайничеством»; обязать службу занятости населения (или иной государственный орган) предоставлять рабочие места осужденным родителям, если у них не имеется

иного источника обеспечения материальными средствами своего ребенка, а в случае отказа родителей от такой работы и при отсутствии у них источника для материального обеспечения ребенка и, как следствие, нехватки средств на его содержание, применять административную ответственность к родителям в связи с ненадлежащим выполнением ими своих обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка;

10) ввести ответственность за неисполнение несовершеннолетними и их родителями обязанностей соответственно по обеспечению получения среднего общего образования, а также иных конституционно установленных обязанностей;

11) лишать родителей права на получение социальной помощи в виде пособия на детей, иных выплат, связанных с воспитанием или содержанием ребенка, если эти деньги используются не на нужды ребенка либо общие нужды семьи; ввести обязанность органов опеки и попечительства проводить проверку использования данных средств в отношении семей, имеющих статус «неблагополучных», а в случае неоднократного неправомерного использования денежных средств родителями обращаться в суд с требованием приостановления выплаты соответствующего пособия и перевода на себя обязанности по получению и расходованию средств социальной помощи с целью обеспечения нужд ребенка; ввести административную ответственность родителей в связи с нецелевым использованием средств социальной помощи.

Необходимо обратить внимание и на еще одну недавно появившуюся проблему. В начале 2017 г. был принят Закон о декриминализации насилия в семье [1], уголовное наказание теперь возможно только в случае административной преюдиции (ст. 116.1 УК РФ). Мнение законодателей о том, что члены семьи должны сами позаботиться о комфортном сосуществовании, несостоятельно в отношении «слабых» членов семьи, то есть тех, кто не имеет отдельного жилья, самостоятельного заработка и т.д., особенно в отношении ребенка – субъекта, не обладающего полным набором физических, психических и юридических возможностей, необходимых для самостоятельного отстаивания своих прав. Несмотря на то, что этот Закон не отменяет статью о наказании родителей за жестокое обращение с детьми, он в силу самостоятельного определения судьями понятия «жестокое обращение» способен привести к новому толкованию состава преступления по статье 156 УК РФ. Потому с целью защиты прав ребенка при декриминализации семейного насилия следовало бы внести изменения в статью 156 УК РФ, создав открытый перечень действий, составляющих жестокое обращение с несовершеннолетним, включив в него побои.

Теперь попытаемся рассмотреть проблемы применения наказания по ст. 157 УК РФ.

В 2016 г. объективная сторона преступления была дополнена [2]. Теперь основанием привлечения к ответственности стало не только неисполнение судебного решения о выплате алиментов, но и неис-

полнение нотариально удостоверенного соглашения о выплате средств на содержание ребенка. Это является положительным фактором, так как гарантирует исполнение конституционно установленной обязанности, а в случае договорного характера – условий обязательства. Также было заменено ранее неопределенное понятие «злостное уклонение от уплаты средств» его расшифровкой: лицо подлежит ответственности в случае неуплаты без уважительных причин средств на содержание ребенка, если это деяние совершено неоднократно, а неоднократность должна основываться на административной преюдиции.

Вместе с тем остался нераскрытым вопрос о том, будет ли являться основанием для применения ответственности невыплата средств за тот период, невыплата за который стала основанием для применения административной ответственности, или это уже должна быть невыплата за начавшийся после применения административного наказания период? Что следует понимать под наличием уважительных причин невыплаты средств на содержание ребенка? Может ли являться такой причиной отсутствие работы? Скорее всего, отсутствие работы должно служить основанием для признания обоснованной (и, следовательно, оправданной) задержки выплаты средств на содержание ребенка. Выплата же в любом случае должна состояться, так как главной целью обеспечительных норм является гарантирование выплаты причитающихся ребенку средств, а не наказание нерадивого родителя. А потому статья 157 УК РФ должна быть дополнена указанием на то, что основанием привлечения к уголовной ответственности признается неуплата без уважительных причин в срок средств на содержание ребенка.

В том случае, если субъектом преступления по ст. 157 УК РФ выступает лицо, страдающее алкоголизмом или наркоманией, а также неработающее (по своей вине), то по отношению к таким лицам должны применяться такие же меры реабилитации, что и к лицам, совершившим преступление по ст. 150, 151, 156 УК РФ, а в качестве основного наказания избираться исправительные и обязательные работы.

Однако субъектами преступления по ст. 157 УК РФ являются преимущественно уже не столько родители с низким социальным статусом, сколько иные лица – работающие, получающие заработную плату, внешне вполне респектабельные и ответственные. А потому за совершение данного преступления вполне логичным выглядит предложение о введении такого наказания, как лишение права занимать государственные должности [7, с. 115]. При этом в отношении всех категорий лиц, совершивших преступление по ст. 157 УК РФ, следует отменить лишение свободы как наказание, не соответствующее тяжести деяния и ввести другое – штраф.

Следует согласиться и с тем, что необходимо предусмотреть возможность освобождения от уголовной ответственности путем введения примечания к ст. 157 УК РФ, указывающее на то, что лицо,

совершившее преступление, не подлежит уголовной ответственности, если добровольно погасило задолженность по уплате алиментов [6, с. 270], возместило или обязалось возместить ущерб, связанный с просрочкой исполнения обязательства, компенсировать расходы государственных органов на осуществление процессуальных действий по обнаружению и фиксации факта нарушения уголовного запрета, так как важнее обеспечить максимально быстрое поступление денежных средств, необходимых для содержания несовершеннолетних детей, нежели наказать лицо, которое не заинтересовано в их выплате.

Как представляется, с помощью обозначенных мер, имеющих комплексный характер, можно будет усилить гарантии защиты прав ребенка, уменьшить число лиц, уклоняющихся от родительских обязанностей и использующих ребенка для совершения антиобщественных поступков, а также избежания уголовной ответственности; привести положения статей Уголовного кодекса РФ, посвященных охране семьи и детей, к более целесообразным формулам.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 УК РФ» // СПС «Гарант».

2. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «Гарант».

3. Вдовенков, В. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: криминологический анализ и пределы уголовной ответственности / В. Вдовеноков, В. Широков // Российская юстиция. – 2003. – № 12. – С. 43-45.

4. Кравчук, Н.В. Защита прав ребенка в судебном порядке / Н.В. Кравчук // Государство и право. – 2004. – № 6.

5. Крылова, О.А. Неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних как основание применения к родителям мер юридической ответственности / О.А. Крылова // Современное право. – 2009. – № 8. – С. 58-62.

6. Купирова, Ч.Ш. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей в уголовном законодательстве России / Ч.Ш. Купирова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 1 (29). – С. 270-275.

7. Марина, А.А. Ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей в нормах международного и зарубежного законодательства / А.А. Марина // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 115-119.

8. Нечаева, А.М. Семейное право: учебник для академического бакалавриата. 8-е изд., перераб. и доп. / А.М. Нечаева. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 294 с.

БИВЗЮК Александра Андреевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; sashaamax@icloud.com

ПОНЯТИЕ ЖИЛИЩНОЙ ПОТРЕБНОСТИ ГРАЖДАН

В статье рассматривается понятие жилищной потребности граждан, представлены процессы формирования и удовлетворения жилищной потребности.

Ключевые слова: *жилье, рынок жилья, доступное жилье, улучшение жилищных условий, покупательская способность, удовлетворенность.*

Потребность в жилье является одной из важнейших потребностей человека. Жилье служит важным фактором стабилизации и устойчивого развития общества. От удовлетворения жилищной потребности подчас зависят благополучие человека, его уровень жизни, отношения в семье, образ жизни, условия для социального и духовного развития. «Жилищная потребность – одна из тех материальных предпосылок, которая обеспечивает не только нормальные условия существования человека, но и его активное участие в производственной, общественной и культурной жизни общества». Иными словами человек не может обходиться без жилища - оно необходимое условие его жизни. Характерным является высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса, которые наличие жилища включили ь число необходимых условий человеческой жизни: «Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией» [1, с. 74].

На протяжении всей истории России жилищная проблема для большинства людей оставалась одной из самых острых и трудно разрешимых, которая существовала и в дореволюционной России, и в советский период. Как отмечает П.В. Крашенинников, на знаменах Октябрьской революции было начертано обещание решить жилищную проблему, однако, несмотря на ряд положительных сдвигов, радикально ее решить не удалось [2, с. 244]. Не случайно в годы, предшествовавшие перестройке, она неоднократно называлась на высших партийных и государственных форумах самой острой проблемой повышения благосостояния народа. К сожалению, за годы перестройки острота жилищной проблемы не только не спала, а еще более возросла.

На современном этапе решение жилищной проблемы как отмечается многими специалистами, по-прежнему, является одной из важнейших задач государства.

Однако определение направлений политики государства, ориентированной на решение жилищной проблемы и удовлетворение жилищной потребности граждан, невозможно без определения самой категории «жилищная потребность».

«Потребность» определяется в толковом словаре С.И. Ожегова как надобность, нужда в чем-нибудь, требующая удовлетворения [3, с. 456].

Категория «потребность» является предметом изучения многих наук -философии, экономики, социологии, психологии, истории, юриспруденции и др. Изучению категорий «потребность» и «жилищная потребность» уделяли внимание и ученые-цивилисты.

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что под именем потребности понимается неприятное ощущение недостатка, сопровождаемое стремлением его устранить. Такое устранение, вызывающее чувство удовлетворения, достигается при помощи благ, под которыми следует понимать все то, что способно служить желанной цели удовлетворения потребностей. Г.Ф. Шершеневич выделял физические и психические потребности. Говоря о физических потребностях, он отмечал: «Здесь определяется низший уровень потребностей человека, удовлетворяемых посредством материальных благ (Existenzminimum), за который он не может спускаться без риска потерять жизнь». К числу физических потребностей он относил потребность в питании, одежде и жилище. Основные физические потребности, по мнению Г.Ф. Шершеневича, обуславливают самое существование человека, а потому до их обеспечения невозможны психические наслаждения. Пока не удовлетворены физические потребности, мысль, воля, чувства направляются всецело, в силу закона самосохранения, на эту основную задачу [4, с. 59].

Таким образом, потребность в жилище рассматривалась Г.Ф. Шершеневичем как одна из жизненно важных физических потребностей.

В.А. Белов считает, что потребность в жилище – одна из насущнейших естественных нужд человека, без удовлетворения которых немыслимо нормальное существование и функционирование человеческого общества. Право па удовлетворение жилищной потребности В.А. Белов относит к числу наиболее существенных, неотъемлемых прав человека [5, с. 23].

М.Н. Рахваловой выдвинута концепция существования имущественных потребностей как разновидности материальных потребностей. «Материальность» имущественных потребностей опосредствуется вещными, то есть материальными категориями, такими как продукты, деньги и другие. Материальные потребности в пище, одежде, жилище выступают в качестве имущественных потребностей [6, с. 29].

По нашему мнению, дать всеобъемлющее определение «потребности» трудно. Тем не менее, «потребность» он определяет как отношение, выражающее взаимодействие человека (общества) с условиями материальной жизни, как сущность общественных отношений данного общества и характеризует следующими особенностями: это всегда нужда в чем-то, она проявляется как объективная необходимость и выступает как общественное отношение (в частности, может проявляться как имущественное отношение). Имуще-

ственную потребность он определяет как объективно-существующую необходимость (нужду) в потреблении материальных благ в целях создания условий для нормальной жизнедеятельности человека.

«Потребность как социальное явление обладает тем свойством, что со временем она может изменяться под влиянием изменения экономических, политических и социально-культурных условий жизни общества», – отмечает О.В. Макаров. Согласно его концепции, потребность, принявшая форму сознательного побуждения и проявляющаяся в жизни в виде желаний, намерений, стремлений, представляет собой интерес [7, с. 40].

Соотношение интереса и потребности, как отмечает М.О. Юрченко, состоит в том, что потребность – это определенное взаимодействие организма с внешней материальной средой, характеризующееся физической зависимостью субъекта от условий жизнеобеспечения, присущей как человеку, так и животному. Интерес же представляет собой потребность, присущую человеку как социальному объекту, то есть потребность, имеющую социальный характер [8, с. 46].

М.В. Ульянова отмечает, что жилищная потребность всегда оставалась абсолютной общечеловеческой материальной потребностью. Биологическая потребность в жилище функционирует не только на уровне отдельной личности, социальной группы, но и на уровне общества в целом, т.е. действует абсолютно в социальном виде. Значение этой потребности состоит в том, что от ее удовлетворения зависит воспроизводство жизни общества. Жилище обеспечивает функционирование человека – удовлетворение его физиологических потребностей; общение и его культурную деятельность; воспитание и обучение детей; хозяйственную и профессиональную деятельность; самообразование и любительские занятия [9, с. 33].

По нашему мнению, определение жилищной потребности может быть дано с учетом потребности граждан в качественном, «здоровом» жилище. Потребность в качественном жилье особенно остра в настоящее время. На это обратил внимание Президент РФ в Послании Федеральному Собранию РФ, указав на проблему ветхого и аварийного жилья: «Мы наблюдаем тревожную тенденцию постоянного увеличения объемов ветхого жилья. Сегодня объем ветхого жилья по стране составляет 93 млн. кв. метров, из них аварийного – более 11 млн. кв. метров – 11,2 млн., если быть точным».

Жилище является качественным тогда, когда отвечает определенным требованиям: санитарным, техническим, эколого-гигиеническим и иным. Соблюдение всех этих требований и будет свидетельствовать о возможности проживания в помещении, что в свою очередь является условием для признания помещения жилым.

Итак, исходя из вышеизложенного, нами предлагается следующее определение потребности в жилье: объективно-существующая необходимость (нужда) в постоянном месте проживания, отвечающем санитарным, техническим, эколого-гигиеническим, и иным характе-

ристикам, предъявляемым к жилому помещению, в целях создания условий для нормальной жизнедеятельности человека.

В Российской Федерации рыночная экономика находится в стадии становления, отсутствует реальная конкуренция, высок уровень коррупции во всех сферах жизни общества. Поэтому граждане в полной мере не могут реализовать предоставленные им Конституцией РФ экономические права, следовательно, и воспользоваться рыночными механизмами удовлетворения потребности в жилье.

В переходный период существования правовой системы государство должно создавать условия для формирования альтернативных классическим рыночным механизмам форм решения жилищного вопроса, например, содействовать дальнейшему применению договора найма жилого помещения в государственном и муниципальном жилищном фонде, закрепив в законодательстве принцип гарантированной государственной помощи гражданам в решении их жилищной проблемы, в том числе путем предоставления жилых помещений государственного и муниципального жилищного фонда по договору найма жилого помещения.

Список литературы:

1. Селиванова, Е.С. Система жилищных потребностей граждан и гражданско-правовые средства их удовлетворения / Е.С. Селиванова.// «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 73-77.

2. Крашенинников, П.В. Жилищное право / П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. – 415 с.

3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов / под ред. Л.И. Скворцова. – М.: АСТ: Мир и образование, 2014. – 1360 с.

4. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права: в двух томах. Том 1 / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Юрайт, 2019. – 148 с.

5. Белов, В.А. Жилое помещение и обязательственные отношения = Residential premises and obligatory relations: монография / В.А. Белов. – М.: Юстицинформ, 2018. – 160 с.

6. Рахвалова, М.Н. Новый подход к решению вопроса об удовлетворении потребности граждан в жилье / М.Н. Рахвалова. // Правовые вопросы строительства. – 2012. – № 1. – С. 19-21.

7. Макаров, О.В. Организационно-правовые формы удовлетворения жилищных потребностей и их правовой режим / О.В. Макаров. // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 6. – С. 38-41.

8. Юрченко, М.О. О причинах возникновения различий в правовом регулировании порядка удовлетворения жилищных потребностей в Российской Федерации и странах Западной Европы / М.О. Юрченко. // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 4. – С. 45-48.

9. Ульянова, М.В. Реализация гражданами права на улучшение жилищных условий / М.В. Ульянова. // Российское правосудие. – 2015. – № 3. – С. 29-35.

БРУСОВА Анна Юрьевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; evso194@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

В статье анализируются признаки владельца источника повышенной опасности (юридический и материальный).

Ключевые слова: *источник, повышенная опасность, причинитель вреда.*

Лицом, ответственным за причиненный вред источником повышенной опасности, считается владелец источника повышенной опасности. «Под владельцем источника повышенной опасности следует понимать организацию или гражданина, осуществляющих эксплуатацию источника повышенной опасности в силу принадлежащего им права собственности, права хозяйственного ведения, оперативного управления либо по другим основаниям (по договору аренды, по доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения компетентных органов о передаче организации во временное пользование источника повышенной опасности и т.п.)» [1]. Хотя Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.1994 г. № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья», где было дано данное определение источника повышенной опасности, утратило силу, соответствующая дефиниция продолжает оставаться актуальной и на современном этапе развития гражданского права.

Анализ приведенного выше определения позволяет выделить два признака владельца источника повышенной опасности: юридический и материальный. Юридический признак означает, что владельцем признается лишь то лицо, которое обладает соответствующим правомочием в отношении источника повышенной опасности. Такими правомочиями могут быть право собственности, право хозяйственного ведения или иное право вещного типа, право, приобретенное на основании договора, например, договора аренды, поручения, в силу распоряжения компетентного органа и т.п. [2, с. 41].

В соответствии с материальным критерием владельцем признается лишь тот собственник или иной титульный владелец источника

повышенной опасности, который одновременно осуществляет над ним фактическое господство, т.е. эксплуатирует или иным образом использует, в том числе хранит объект, обладающий опасными свойствами. Как правило, оба названных признака должны быть налицо, за исключением случаев, указанных в законе. Ориентируясь на эти признаки, судебной практикой выработаны определенные подходы к разрешению ряда типичных вопросов, возникающих в связи с разрешением конкретных судебных дел.

Необходимость разграничения ответственного и непосредственного причинителя вреда возникает в тех случаях, когда источник повышенной опасности обслуживается техническим персоналом организации, которая несет ответственность за действия своих рабочих и служащих [3, с. 27].

Здесь необходимо разграничивать владельца источника повышенной опасности и лицо, которое осуществляет управление источником повышенной опасности в силу трудовых отношений с владельцем. Таковыми лицами являются водитель, пилот, машинист, оператор. Такое лицо владельцем источника повышенной опасности не является и потому непосредственной ответственности перед потерпевшим не несет. Непосредственный причинитель вреда – работник владельца источника повышенной опасности – может быть привлечен к имущественной ответственности лишь самим владельцем в регрессном порядке с учетом характера тех договорных отношений, которые между ними существуют.

Непосредственные причинители вреда отвечают перед владельцем источника повышенной опасности лишь при наличии в их действиях вины. Условия и пределы материальной ответственности работников за ущерб, причиненный ими владельцу, определяются нормами трудового законодательства. Кроме того, право регрессного требования признается за владельцами источника повышенной опасности и в случаях, когда непосредственный причинить вреда не состоял с ними в трудовых отношениях, но своими виновными действиями причинил вред.

Кстати, возможность регрессного требования, по мнению М.М. Агаркова, подтверждает осуществление начала вины даже в таком специальном деликте как обязательства вследствие причинения вреда источником повышенной опасности [4, с. 230].

В отношении решения вопроса о том, кто несет ответственность за вред, причиненный работником собственника источника повышенной опасности не при исполнении им трудовых обязанностей, в практике выработалось два подхода. Так, в одном деле ФАС Восточносибирского округа, установив, что ДТП произошло по вине водителя ответчика во внерабочее время, суд признал, что транспортное средство выбыло из владения собственника, и освободил его от ответственности [5].

Однако более распространен иной подход, в соответствии с которым собственник не освобождается от ответственности на том ос-

новании, что его работник не находился при исполнении трудовых обязанностей [6].

В частности, ФАС Восточносибирского округа отклонил ссылку заявителя кассационной жалобы на то, что непосредственный причинитель вреда не находился при исполнении трудовых обязанностей, поскольку в силу п. 1 ст. 1079 ГК РФ не имеет значения, кто управлял источником повышенной опасности, субъектом ответственности по смыслу указанной нормы будет владелец источника повышенной опасности [7].

Из вышесказанного следует, что абз. 1 п. 1 ст. 1079 ГК РФ и п. 2 ст. 1079 ГК РФ при определении лица, ответственного за причинение вреда, не устанавливают существенных особенностей по сравнению с общими правилами. За факт причинения вреда отвечает владелец источника повышенной опасности (законный или незаконный – безразлично), который в абсолютном большинстве случаев совпадает в одном лице с причинителем вреда. В качестве исключения можно представить себе ситуацию, когда лицо, обладающее правом на владение (титулом), не управляет автомобилем, а находится на пассажирском месте в момент причинения вреда. В этом случае в принципе трудно определить, кто является владельцем источника повышенной опасности.

Считаем возможным признать правильным подход, при котором работник вне исполнения трудовых обязанностей должен быть признан владельцем источника повышенной опасности, и нести самостоятельную ответственность за причинение вреда.

В случаях, когда причинитель вреда управляет транспортным средством на основании доверенности и при этом не является работником собственника транспортного средства, суды, как правило, возлагают ответственность на фактического причинителя вреда [8]. В частности, при передаче источника повышенной опасности в аренду ответственность возлагается на арендатора [9].

Напротив, при отсутствии документов, подтверждающих право пользования автомобилем у причинителя вреда, суды возлагают ответственность на собственника источника повышенной опасности [10].

Исходя их приведенных примеров, получается, что законность или незаконность владения суды предлагают определять, смотря по тому, оформлялись ли отношения между собственником (арендатором) и причинителем вреда.

Согласно п. 2 ст. 1079 ГК РФ, владелец источника повышенной опасности не отвечает за вред, причиненный этим источником, если докажет, что источник выбыл из его обладания в результате противоправных действий третьих лиц. Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в таких случаях несут лица, противоправно завладевшие источником. При наличии вины владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его обладания ответственность может быть возложе-

на как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности.

Здесь, однако, можно выделить определенную несогласованность. Получается, например, что собственник транспортного средства не несет ответственность в случае, когда он целенаправленно передал источник повышенной опасности во владение другому лицу, но несет такую ответственность, если неосторожно способствовал хищению автомобиля.

Так, ФАС Волго-Вятского округа посчитал, что собственник транспортного средства и причинитель вреда при доказанности неосторожности владельца, несут долевую ответственность [11, с. 47].

Таким образом, когда источник повышенной опасности принадлежит нескольким лицам, имеющим на него разнородные права, то решающее значение приобретает материальный признак – кто осуществляет фактическое господство над источником, в том числе в момент причинения.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.1994 г. № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 7 (утратил силу).

2. Долгова, М.Н. Возмещение материального ущерба / М. Н. Долгова. – М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2009. – 288 с.

3. Кузина, М. Принцип бумеранга: регрессные требования компании к работникам-водителям / М. Кузина // Трудовое право. – 2015. – № 1. – С. 23-34.

4. Агарков, М.М. Проблема обязательства из причинения вреда // Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. II / М.М. Агарков. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – С. 218-246.

5. Постановление ФАС Восточносибирского округа от 12.01.2014 № А79-2564/2013-СК2-2449 // СПС «Консультант плюс».

6. Практика применения Гражданского кодекса Российской Федерации частей второй и третьей / А.Б. Бабаев [и др.]; под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – 1525 с.

7. Постановление ФАС Восточносибирского округа от 03.08.2017 № А38-2859-3/243-2016 // СПС «Консультант плюс».

8. Постановление ФАС Западносибирского округа от 31.08.2016 № Ф04-4986/2015 // СПС «Консультант Плюс».

9. Постановление ФАС Московского округа от 04.04.2017 № КГ-А40/1588-17-П // СПС «Консультант Плюс».

10. Постановление ФАС Западносибирского округа от 08.12.2014 № Ф04-8617/2014 (6924-А67-4) // СПС «Консультант Плюс».

11. Соломина, Н.Г. К вопросу о возникновении обязательства по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности / Н.Г. Соломина // Право и экономика. – 2016. – № 4. – С. 45-49.

Буйлова Анна Юрьевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; builowa@mail.ru

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается механизм реализации конституционного права граждан на жилище.

Ключевые слова: *жилище, право на жилище, конституционное право, реализация права на жилище.*

Механизм обеспечения права на жилище – неотъемлемая и важная часть реализации самого права, являющегося единым целым, в связи с чем большое значение имеет его комплексное и всестороннее исследование. Однако главную роль в таком исследовании имеет конституционное право, отдельные вопросы которого изложены в ряде работ [2, с. 67; 7; 8; 9; 10]. Механизм обеспечения права на жилище должен осуществляться законными способами. При этом, поскольку он является целостным организмом, в него также входят гарантии (например, неприкосновенности частной собственности), способы охраны и защиты, закреплённая за государством обязанность создания возможностей реализации гражданином своего права на жилище и содействие ему в этом. Механизм обеспечения права на жилище является системой, в которую входят социально-экономические, политические, организационные и правовые средства, осуществление которых создает условия для реализации рассматриваемого субъективного права и достижения конечных результатов при разрешении определенных задач по удовлетворению потребности и интересов личности и общества в целом. Специфика правового механизма обеспечения права на жилище связана с его специфическими социальными чертами и юридической природой посредством закрепления основных социальных возможностей и гарантий личности [4, с. 19].

В качестве средств охраны и защиты могут использоваться следующие легитимные способы:

1) конституционно-судебный механизм защиты;
2) судебная защита;
3) законная самозащита человеком своего права на жилище;
4) административно-правовая защита;
5) международная защита.

Под конституционно-судебным механизмом защиты личных прав и свобод в соответствии со ст. 125 Конституции РФ понимается возможность гражданина в случае нарушения его прав и свобод федеральным законом обратиться в Конституционный Суд РФ. Данное право детально определяется Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

В силу ст. 1 указанного Закона Конституционный Суд РФ является судебным органом конституционного контроля, который самостоятельно и независимо осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Спецификой такого механизма обеспечения является косвенная защита конституционных прав и свобод каждого гражданина. Степень такой конституционной защиты различается в рамках рассмотрения ряда категорий дел:

1) при проверке конституционности актов и договоров, которые указаны в п.п. «а», «б», «в», «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ;

2) при разрешении споров между органами государственной власти, определенными пп. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 125 Конституции РФ;

3) при толковании Конституции (ч. 5 ст. 125 Конституции РФ).

Обязанностью Конституционного Суда РФ является проверка конституционности закона, который применен или только подлежит применению в конкретном деле, в том случае, если от гражданина поступила жалоба на нарушение его конституционных прав и свобод. Кроме того, он осуществляет проверку конституционности закона, который применен или подлежит применению в конкретном деле, если поступил запрос из суда, согласно которому суд считает, что данный закон нарушает конституционные права и свободы граждан, в порядке, который установлен федеральным законом (ч. 4 ст. 125 Конституции РФ).

Рассмотрение конституционных жалоб граждан в конституционных судах является особой категорией дел. Для того чтобы подать жалобу заявителю, необходимо четко определить в ней свое мнение относительно того, какое именно его личное право или свобода нарушены. При этом основным назначением Конституционного Суда является не защита и восстановление права гражданина, а лишь оценка на предмет конституционности закона или подзаконного акта, действия (бездействия) должностных лиц. В связи с этим процедура рассмотрения конституционной жалобы никоим образом не заменяет юрисдикционную деятельность иных судов по защите прав и свобод личности. Так, благодаря практике Конституционного Суда РФ, к жилищному фонду стали относиться жилые строения, пригодные для проживания и расположенные на садовых земельных участках [6, с. 12]. Конституционный Суд РФ избрал в качестве критерия, который определяет основания для государственного учета жилищного фонда, фактическую пригодность жилого строения для постоянного проживания. Конституционно-правовой механизм защиты прав очень тесно связан с судебной защитой личных прав, поскольку в случае удовле-

творения Конституционным Судом РФ жалобы отдельного человека или группы лиц, то суд при рассмотрении конкретного дела должен исходить именно из позиции Конституционного Суда РФ. Судебная защита прав и свобод гарантирована каждому человеку, что обусловлено закреплением данного положения в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ. Правила и особенности судебной защиты прав и свобод устанавливаются федеральным законодательством.

Судебная защита в теории рассматривается по-разному: в качестве института конституционного права и вида государственной защиты прав и свобод личности [5, с. 214], в виде общественного отношения и государственной функции [1, с. 225]. Некоторые исследователи отождествляют судебную защиту с правосудием или рассматривают ее в качестве гарантии доступа к нему. Существует и множество иных определений судебной защиты. Общепризнанным является то, что судебный порядок – это наиболее совершенный из всех известных мировой человеческой цивилизации способов эффективно обеспечить реализацию прав личности. Это, в частности, обусловлено универсальным характером судебной защиты, что напрямую ведет к ее наибольшей эффективности при защите и восстановлении нарушенных прав и свобод личности. Другой важной чертой судебной защиты является то, что она имеет неограниченный (всеобщий) характер, что предопределяется следующими признаками:

1. Распространение на неограниченный круг лиц. Так, правом на защиту жилища может воспользоваться каждый российский гражданин, если считает, что его право нарушено. При этом не имеет значение статус и иные характеристики такого лица (гражданство, пол, возраст, экономическое положение и т.д.). С другой стороны, те решения, которые вынесены судом, являются обязательными для всех субъектов права, в чем проявляется сила судов как органов государственной власти.

2. Распространение на все без исключения права и свободы, которые принадлежат индивиду как в силу закона, так и те, которые вытекают из духа закона, но не имеют прямого закрепления в нормативном акте. Право на судебную защиту закреплено законом, который имеет высшую юридическую силу, а поэтому оно действует непосредственно, даже если не обозначена процедура его реализации.

3. Возможность обжаловать в суд решения и действия (бездействия) любых государственных и муниципальных органов, в том числе и если нарушителем является сам суд.

4. Отсутствие каких-либо ограничений права на судебную защиту. Ограничения в правах могут закрепляться в законе только тогда, когда необходимо достигнуть признаваемые Конституцией РФ цели: защитить основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы иных лиц, обеспечить оборону страны и безопасность государства. Механизм обеспечения прав на жилье осуществляется и через законную самозащиту человеком его права [3, с. 12].

Самозащита может происходить как лично, так и посредством общественных объединений, но в рамках, которые оговорены в действующем законодательстве. В силу ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе осуществлять защиту своих прав и свобод всеми способами, кроме тех, которые не запрещены законом. Человек вправе использовать в целях защиты своего права любые государственные средства защиты (например, обратиться в государственный орган, обжаловать его акты). Более того, он вправе защищать свое право на жилище, посредством использования демократических институтов гражданского общества: обращаться в СМИ, представительства партий, правозащитные организации, использовать пикетирование, участвовать в митингах, демонстрациях и т.д. Гражданин вправе осуществлять самооборону путем применения гражданского оружия определенного вида; вправе осуществлять необходимую оборону и действовать в состоянии крайней необходимости. Эта возможность предоставляется и при нарушении права гражданина на жилье. Необходимая оборона позволяет предотвратить или оказать активное сопротивление уже начавшемуся посягательству на жизнь и иные личные права человека. При определенных условиях причинение вреда правонарушителю расценивается в качестве правомерного при осуществлении необходимой обороны и крайней необходимости. Защита прав на жилище может осуществляться и административно-правовым способом.

Данный способ защиты устанавливается административным законодательством, в котором фиксируются права, обязанности, полномочия органов исполнительной власти в определенных областях управления. В действующем законодательстве определяются взаимоотношения органов публичной власти с гражданами, в том числе и обязанности данных органов по защите его прав и свобод, а также ответственность за такое неисполнение. В Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) содержатся нормы об административной ответственности, в том числе и за нарушение права граждан на жилище. Так, например, в ст. 7.22 КоАП РФ устанавливается административная ответственность за нарушение правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений. Административно-правовая защита личных прав человека и гражданина может происходить в следующих формах: 1) законодательные гарантии в области публичной власти; 2) административный (внесудебный) порядок обжалования актов органов публичной власти; 3) специальный метод государственного контроля за органами исполнительной власти в виде контроля Президента РФ. 4) государственный надзор; 5) прокурорский надзор.

Важное значение в механизме реализации личных прав и свобод человека и гражданина имеет их международная защита, благодаря которой такой субъект вправе обратиться в Европейский суд по правам человека или иные международные правозащитные организации на основании положений международных договоров. Условием

для реализации такого права является исчерпание индивидом на территории России всех имеющихся средств правовой защиты (т.е. им пройдены все судебные инстанции). В Европейский суд по правам человека вправе обращаться любые физические или юридические лица, неправительственные организации, группы частных лиц, которые считают, что стали жертвами нарушений со стороны государства (в нашем случае – России). На уровне законодательства и принятия программ государство в рамках осуществления социальной политики должно закреплять такие гарантии, как доступность и обеспеченность жильем, при этом основное содействие в указанном деле должно обеспечиваться государственными и муниципальными органами.

Существует несколько легитимных способов защиты права гражданина на жилище в России: конституционно-судебный способ; судебная защита прав и свобод; законная самозащита; административно-правовая защита прав и свобод (включает в себя законодательные гарантии в сфере исполнительной власти; административный (внесудебный) порядок обжалования актов органов исполнительной власти; контроль Президента РФ; государственный надзор; прокурорский надзор); международная защита. На законодательном уровне государство должно принимать нормативно-правовые акты и программы в рамках осуществления социальной политики должно закреплять такие гарантии, как доступность и обеспеченность жильем, при этом основное содействие в указанном деле должно обеспечиваться государственными и муниципальными органами.

Список литературы:

1. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации / М.В. Баглай, Б.Н. Габричидзе. – М., 2015. – 672 с.

2. Грудцына, Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России / Л.Ю. Грудцына. – М., 2010. – 352 с.

3. Кузнецов, В.В. Конституционные гарантии реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / В.В. Кузнецов // Законность. – 2015. – № 3. – С. 10-15.

4. Матинская, М.Ю. Реализация конституционного права граждан на жилище в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / М.Ю. Матинская. – М, 2011. – 27 с.

5. Мордовец, А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / А.С. Мордовец. - Саратов, 2014. – 362 с.

6. Николаев, А. Проблемы реализации принципа разделения властей в Конституции Российской Федерации / А. Николаев // Право и жизнь. – 2012. – № 25. – С. 11-16.

7. Суслин, Э.В. Конституционное право: учебное пособие в 4-х частях. Ч. 1. Общая часть. Основы теории конституционного права / Э.В. Суслин, О.В. Виноградов, Л.М. Дулич [и др.]; под общей ред. д.ю.н., проф. Э.В. Суслина. - СПб.: АНО ВО «СЮА», 2017. – 196 с.

8. Дулич, Л.М. Правовое государство: история и современная российская практика: монография / Л.М. Дулич. – СПб.: НОУ СЮА, 2007. – 171 с.

9. Дулич, Л.М. Перспективы и проблемы формирования правового государства в России / Л.М. Дулич // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2010. – № 3. – С. 12-18.

10. Суслин, Э.В. Конституционное право: учебное пособие в 4-х частях. Ч. 2. Особенная часть. Раздел I. Основы конституционного права Российской Федерации / Э.В. Суслин, Л.М. Дулич [и др.]; под общей ред. д.ю.н., проф. Э.В. Суслина. - СПб.: АНО ВО «СЮА», 2018. – 336 с.

ВОСТРИКОВ Павел Викторович,
Санкт-Петербургская юридическая академия», магистрант; pavel.vostrikov.86@bk.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы исчисления сроков апелляционного обжалования.

Ключевые слова: *апелляционное обжалование, уголовно-процессуальный кодекс, восстановление срока, апелляционная жалоба, представление.*

Исследованиям проблем апелляционного обжалования посвящали немало времени такие ученые как Б.А. Ринчинов, В.Ю. Брянский, Н.И. Шелепанов и т.д.

С 1 января 2013 г. вступили в силу изменения уголовно-процессуального законодательства РФ и открылись новые проблемы и недоработки законодательного регулирования апелляционного обжалования, которые продолжают исследоваться учеными-экспертами.

В части 1 статьи 389.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закреплено, что «апелляционные жалоба, представление на приговор или иное решение суда первой инстанции могут быть обжалованы в течение 10 суток со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда, а осужденным, содержащимся под стражей, – в тот же срок со дня вручения ему копий приговора, определения, постановления» [1].

Срок апелляционного обжалования судебных решений не имеет разделения в зависимости от того, каким судебным органом вынесены обжалуемый приговор или иное решение. Это является одним из проявлений принципа равенства граждан перед законом и судом.

Начало течения срока апелляционного обжалования для осужденного, содержащегося под стражей, продлевается потому, что он может ознакомиться с приговором только после того, как ему будет вручена его копия, в отличие от других участников и иных лиц, которые могут непосредственно и значительно раньше получить копию приговора, либо сделать из него выписки уже сразу после провозглашения. Особый порядок исчисления срока апелляционного обжалования приговора предусмотрен исключительно для осужденного, содержащегося под стражей, он не распространяется ни на защитника, ни на законного представителя такого осужденного. Однако, по нашему мнению, это может повлиять на согласование позиций между осужденным, содержащимся под стражей, и его защитником при формулировании защитником апелляционной жалобы, поскольку для этого защитнику необходимо в течение апелляционного срока посетить своего подзащитного в следственном изоляторе. Особенно актуальность этой проблемы можно отметить в связи с тем, что копии приговора на практике часто своевременно не вручаются как осужденному, так и его защитнику. Учеными справедливо отмечается, что «защитник не может принять решение об обжаловании до тех пор, пока осужденный не получит копии приговора, не ознакомится с ней и не определит своего отношения к обжалованию приговора. Несмотря на то, что защитник вправе обжаловать приговор от своего имени, он должен знать позицию осужденного, равно как осужденный должен знать позицию своего защитника» [4, с. 104]. В этой связи полагаем, что в УПК РФ следует определить, что начало течения срока апелляционного обжалования для защитника осужденного, содержащегося под стражей, отодвигается до вручения последнему копии приговора.

Установленный в части 1 статьи 389.4 УПК РФ срок апелляционного обжалования представляется нам весьма достаточным для составления полных и мотивированных апелляционных жалобы или представления.

Практика показывает, что апелляционная жалоба или представление часто не могут быть составлены без ознакомления с протоколом судебного заседания, изготовление и подписание которого нередко производится значительно позднее установленного частью 6 статьи 259 УПК РФ 3-суточного срока со дня окончания судебного заседания [4, с. 105]. Кроме того, в течение трех суток со дня ознакомления с протоколом судебного заседания (возможность которого может быть обеспечена председательствующим только в течение трех суток со дня получения ходатайства, поданного также в течение трех суток со дня окончания судебного заседания) на него могут быть поданы замечания. Указанные действия не только занимают весь срок апелляционного обжалования, но и, что чаще всего происходит, могут выйти за его пределы. Именно поэтому продолжается практика подачи так называемых «предварительных» апелляционных жалоб (представлений) с указанием на подачу позднее, после ознакомления с про-

токолом судебного заседания и рассмотрения на него замечаний, дополнительной жалобы с подробным изложением конкретных доводов [4, с. 105].

Мы согласны с мнением Л.М. Разяповой и А.М. Каминского по редакции части 1 статьи 389.4 УПК РФ: «Апелляционные жалобы, представление на приговор или иное решение суда первой инстанции могут быть поданы в течение 10 суток со дня изготовления и подписания протокола судебного заседания в целом. Для осужденного, содержащегося под стражей и его защитника, – в тот же срок со дня вручения ему копий окончательного приговора, определения, постановления» [3, с. 135].

Представляется, что такой порядок исчисления срока апелляционного обжалования снял бы проблему возвращения апелляционной жалобы (представления) для пересоставления в порядке части 4 статьи 389.6 УПК РФ в виду неприведения в ней (нем) доводов и апелляционных оснований, когда причиной составления немотивированной жалобы (представления) является именно неознакомление участника с протоколом судебного заседания.

О том, какова продолжительность апелляционного срока, о начале его исчисления стороны и иные заинтересованные лица узнают из резолютивной части приговора или иного судебного решения. При провозглашении приговора или оглашении иного судебного решения председательствующий обязан разъяснить право апелляционного обжалования, в том числе его срок, порядок его исчисления.

Часть 2 статьи 389.4 УПК РФ регламентирует, что «в течение срока, установленного для обжалования судебного решения, уголовное дело не может быть истребовано из суда» [1]. Это служит гарантией обеспечения права сторон и иных заинтересованных лиц на беспрепятственный доступ к уголовному делу для ознакомления с его материалами в целях подготовки мотивированных апелляционных жалобы или представления.

Подача в установленный законом срок апелляционной жалобы либо представления влечет обязательное возбуждение апелляционного производства и направление уголовного дела в суд апелляционной инстанции.

Исходя из части 2 статьи 129 УПК РФ, «срок не считается пропущенным, если жалоба, ходатайство или иной документ до истечения срока сданы на почту, переданы лицу, уполномоченному их принять, а для лиц, содержащихся под стражей или находящихся в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, либо в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, если жалоба или иной документ до истечения срока сданы администрации места предварительного заключения либо медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях» [1].

В соответствии с частью 3 статьи 389.4 УПК РФ «пропуск срока, установленного для обжалования судебных решений, не вступивших в законную силу, является основанием для оставления апелляционной жалобы (представления) без рассмотрения» [1] и лишает правомочных на обжалование участников такой гарантии их прав и интересов, как рассмотрение уголовного дела судом апелляционной инстанции, если при этом нет оснований для восстановления этого срока.

Статья 389.4 УПК РФ не содержит регламентации, в каком порядке апелляционная жалоба или представление, поданные с пропуском срока апелляционного обжалования, оставляются без рассмотрения. В соответствии с частью 1 статьи 389.3 УПК РФ вопрос об оставлении апелляционной жалобы или представления без рассмотрения должен решаться судом, через который эти жалоба или представление подлежат направлению в апелляционную инстанцию; по данному вопросу суд первой инстанции должен вынести постановление и известить лицо, подавшее апелляционную жалобу или представление с пропуском срока обжалования, о принятом решении [1]. Такое решение может быть обжаловано в общем порядке.

В случае пропуска срока апелляционного обжалования по уважительной причине лица, имеющие право подать апелляционные жалобу, представление, могут ходатайствовать перед судом, постановившим приговор или вынесшим иное обжалуемое решение, о восстановлении пропущенного срока. Статья 389.5 УПК РФ содержит указание о том, что «ходатайство о восстановлении срока рассматривается судьей, председательствовавшим в судебном заседании по уголовному делу, или другим судьей» [1].

В качестве уважительных причин для восстановления срока апелляционного обжалования зачастую указываются болезнь правомочного лица; трагические и другие непредвиденные события в жизни лица, обращающегося с ходатайством о восстановлении срока; несвоевременное изготовление протокола судебного заседания или отсутствие возможности ознакомления с протоколом; несвоевременное рассмотрение замечаний на указанный протокол; неточности в резолютивной части приговора (например, неточности при указании срока обжалования); несвоевременное вручение копии приговора или иного судебного решения; заключение адвокатом с подзащитным соглашения об оказании ему юридической помощи на стадии апелляционного производства лишь в конце апелляционного срока; пропуск срока апелляционного обжалования осужденным по причине непринесения в этот срок апелляционной жалобы его защитником; несмотря на соглашение об оказании юридической помощи, и т.д. [4, с. 104].

Нередко именно суд, вынесший судебное решение, своими действиями (бездействием) создает уважительные причины для восстановления срока апелляционного обжалования вынесенных им судебных решений. Часто это связано с невручением либо несвоевремен-

ным вручением копий судебных решений, особенно тех, которые выносятся без участия сторон либо иных заинтересованных лиц.

УПК РФ не устанавливает, в течение какого периода после окончания срока апелляционного обжалования может быть заявлено ходатайство о восстановлении пропущенного срока. Очевидно, что установление какого-либо точного срока для восстановления срока обжалования ограничило бы право правомочного лица на обжалование восстановление срока в связи с пропуском, так как обстоятельства, по которым срок обжалования может быть пропущенным по уважительной причине, могут быть совершенно непредсказуемыми по длительности. Однако судье при принятии решения по ходатайству о восстановлении пропущенного срока, заявленного субъектом апелляционного обжалования, следует учитывать, что каждый из других правомочных лиц по делу, и прежде всего представляющих противоположную сторону, обладают правом на то, чтобы правосудие по уголовному делу, которым затрагиваются их интересы, состоялось в разумные сроки [5, с.42]. Поэтому, принимая решение по ходатайству, судья, помимо вопроса об уважительности причин пропуска срока апелляционного обжалования, должен решать вопрос о том, насколько разумным при определенных обстоятельствах был срок (по истечении срока апелляционного обжалования), в течение которого лицо было лишено возможности обратиться с апелляционной жалобой (представлением).

По результатам рассмотрения ходатайства судья выносит мотивированное постановление о восстановлении срока на апелляционное обжалование судебного решения либо об отказе в удовлетворении ходатайства. При удовлетворении ходатайства в постановлении судье надлежит указать точную дату окончания течения восстановленного срока, который должен быть равным установленному УПК РФ сроку апелляционного обжалования.

Часть 2 статьи 389.5 УПК РФ устанавливает, что «постановление судьи об отказе в восстановлении пропущенного срока может быть обжаловано в вышестоящий суд, который вправе отменить такое постановление и рассмотреть поданные апелляционные жалобу, представление по существу либо вернуть их в суд, вынесший обжалуемое судебное решение, для выполнения требований, предусмотренных ст. 389.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1]. Предоставление таких полномочий суду апелляционной инстанции, в отличие от прежней редакции УПК РФ, позволит ускорить рассмотрение уголовного дела в суде апелляционной инстанции.

Таким образом, можно резюмировать, что в правовом регулировании института апелляции имеется ряд неточностей, касающихся сроков для апелляционного обжалования. Эти вопросы заслуживают дальнейшего исследования и внимания законодателей.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СПС «Консультант Плюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 01.12.2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «Консультант Плюс».

3. Сроки производства по уголовному делу в суде первой инстанции после провозглашения приговора / Л.М. Разяпова, А.М. Каминский // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2015. – Т. 25. – Вып. 2. – С. 134-137.

4. Руковишникова, А.А. Возможные перспективы развития системы обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе при реализации проекта федерального конституционного закона «о внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» / А.А. Руковишникова // Российский криминологический журнал. – 2018. – № 11. – С. 103-107..

5. Скляренко, М.В. Функционирование системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений непрерывно совершенствуется / М.В. Скляренко // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 1. – С. 41-46.

ГАБДУЛЛИН Роберт Ильдарович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; robert3_96@mail.ru

КОНКУРСНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК СТАДИЯ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

Статья посвящена конкурсному производству как стадии процедуры банкротства застройщика.

Ключевые слова: *банкротство, конкурсное производство, процедура банкротства, застройщик, конкурсный управляющий.*

Конкурсное производство – это одна из стадий процедуры банкротства, применяемая к должнику, признанному банкротом. Целью конкурсного производства является соразмерное удовлетворение требований кредиторов в соответствии с очередями, предусмотренными Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве). Реализа-

ция указанной цели осуществляется арбитражным управляющим, именуемым конкурсным управляющим.

Рассмотрим данную стадию на примере банкротства застройщика. На наш взгляд, конкурсное производство наиболее актуально в сфере строительства зданий и многоквартирных домов. Это подтверждается тем, что при рассмотрении споров о банкротстве застройщика, предусмотренные Законом о банкротстве, процедуры наблюдения и финансового оздоровления отсутствуют.

Важной новеллой является то, что при рассмотрении дела о банкротстве застройщика не применяются процедуры наблюдения и финансового оздоровления. Сначала вводится процедура конкурсного производства, но потом возможен переход к внешнему управлению, если в ходе конкурсного производства появились достаточные основания полагать, что платежеспособность должника может быть восстановлена [4, с. 116]. Указанные изменения позволяют сократить срок процедуры банкротства застройщика за счет исключения процедуры наблюдения и некоторых мероприятий, проводимых арбитражным управляющим и судом в деле о банкротстве застройщика. Участникам долевого строительства предоставляется больше возможностей по урегулированию обязательств застройщика перед ними.

По общему правилу конкурсное производство вводится сроком на шесть месяцев. В банкротстве застройщика конкурсное производство вводится сроком на двенадцать месяцев. Согласно п. 2.7 ст. 201.1 Закона о банкротстве, срок конкурсного производства может продлеваться по ходатайству лица, участвующего в деле о банкротстве застройщика, до шести месяцев.

Действия конкурсного управляющего в рамках процедуры конкурсного производства направлены на наиболее полное удовлетворение требований кредиторов, выполнение обязанности по обеспечению сохранности активов предприятия. Это объясняется тем, что конкурсное производство представляет собой завершающую стадию процедуры банкротства юридического лица

Ввиду того, что данная стадия приводит к ликвидации задолженности должника, на первое место выходит процесс формирования ее конкурсной массы. В соответствии со ст. 131 Закона о банкротстве под конкурсной массой понимается все имущество должника, имеющееся у него на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства.

В этой связи все счета должника в кредитных организациях, известные на момент открытия конкурсного производства, подлежат закрытию конкурсным управляющим по мере их обнаружения. Конкурсный управляющий обязан использовать только основной счет должника, т.е. один из счетов должника в кредитной организации [2, с. 52].

Если основной счет должника отсутствует, то арбитражный управляющий обязан открыть такой счет в ходе конкурсного производства на своё имя.

Составление реестра требований кредиторов и формирование конкурсной массы происходит параллельно по мере выявления арбитражным управляющим требований кредиторов, подлежащих удовлетворению. Конкурсный управляющий после окончания срока для предъявления требований кредиторами производит расчеты с ними согласно реестру требований, который отражает очередность и размер удовлетворения требований кредиторов (ст. 134-138 Закона о банкротстве).

Согласно п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве, за счет конкурсной массы погашаются вне очереди требования кредиторов по текущим платежам преимущественно перед кредиторами, требования которых возникли до принятия заявления о признании должника банкротом.

Из практики арбитражных судов следует, что в связи с ликвидацией признанного несостоятельным должника в процедуре конкурсного производства признается наступившим срок исполнения его денежных обязательств и выплаты обязательных платежей [3, с. 692].

В виду недостаточности имущества должника прекращается начисление процентов, неустоек (штрафов, пени) и иных санкций за ненадлежащее исполнение предусмотренных обязательств и обязательных платежей (абз. 3 п. 1 ст. 126 Закона), но продолжается начисление процентов и санкций по требованиям текущих кредиторов.

Согласно п. 2.1 ст. 126 Закона о банкротстве, в целях предупреждения неблагоприятных имущественных последствий для кредиторов должника в конкурсном производстве предусмотрено начисление процентов по ставке рефинансирования.

Правовая позиция ВС РФ по вопросу прекращения процедуры конкурсного производства в результате ликвидации должника заключается в следующем. В рамках дела о банкротстве застройщика многоквартирного дома производство не может быть прекращено в связи с его ликвидацией, так как по своей сути требование кредитора о передаче квартиры – это требование о признании статуса члена кооператива участников строительства, к которому перешли права и обязанности застройщика.

Погасив требования участников строительства путем передачи объекта незавершенного строительства, застройщик утрачивает права на объект строительства и земельный участок. Эти права переходят к жилищно-строительному кооперативу.

В случае если деятельность застройщика была прекращена в связи с его ликвидацией на основании определения арбитражного суда о завершении конкурсного производства, это не будет являться основанием для прекращения процедуры по требованию заявителя о включении в реестр требований о передаче жилых помещений. Данное требование по своей сути является требованием о признании за

лицом статуса члена кооператива на тех же условиях, на которых этот статус был приобретен участниками строительства.

Сведения о финансовом состоянии должника в ходе процедуры конкурсного производства не относятся к конфиденциальным сведениям или составляющим коммерческую тайну.

Согласно п. 1 ст. 201.4 Закона о банкротстве, с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии процедуры конкурсного производства в отношении застройщика требования о передаче жилых помещений и (или) денежные требования участников строительства могут быть предъявлены к застройщику только в рамках дела о банкротстве застройщика с соблюдением законодательства о банкротстве.

В процедуре конкурсного производства компетенция коллегиального и единоличных органов правления должника – юридического лица – прекращаются. Сохраняются полномочия общего собрания учредителей (участников), которые являются собственниками принадлежащего им имущества, а также полномочия собственника имущества унитарного предприятия принимать решения о заключении соглашения с третьими лицами об условиях предоставления денежных средств для исполнения обязательств должника.

Таким образом, стадия конкурсного производства банкротства застройщика недостаточно урегулирована в законодательстве и юридической литературе, поэтому возникают вопросы применения на практике норм о банкротстве застройщика, которые смысле требуют теряют более постоянно детального вперед внимания.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 03.07.2019) // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

2. Шишмарева, Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. – М.: Статут, 2015. – 332 с.

3. Пархоменко, И.К. О концепции правового положения арбитражного управляющего и его роли на стадии конкурсного производства при банкротстве юридического лица / И.К. Пархоменко // Научные труды Российской академии юридических наук. – М., 2015. – С. 690-699.

4. Зыбина, О.С. Финансовое право: учебное пособие / О.С. Зыбина, И.В. Бородушко, Е.К. Симакова. – СПб.: НОУ СЮА, 2013. – 124 с.

ГРИГОРЬЕВА Анастасия Евгеньевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; K237AE@mail.ru

ВИДЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

В статье рассмотрены отдельные виды имущественных прав несовершеннолетних граждан.

Ключевые слова: *имущественные права ребенка, право на содержание, право собственности, право владения, пользование имуществом, жилищные права, несовершеннолетние, имущественные права ребенка.*

На современном этапе развития российского государства и права законодательной основой имущественных прав детей выступают нормы различных отраслей права: семейного, гражданского, жилищного и др.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [1] (далее – СК РФ) в ст. 60 регламентирует категорию «имущественные права ребенка». Норма данной статьи, полагаем, направлена на развитие положений п. 1 ст. 27 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989, где сказано, что государства – участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка [2].

В семейном законодательстве (ст. 60 СК РФ) содержится указание на следующие имущественные права ребенка:

1. Право на содержание, которое предоставляется ребенку его родителями или же другими членами семьи;

2. Право собственности, объектом которого могут выступать доходы несовершеннолетнего, полученное в порядке наследования или дарения имущество, а также иное имущество, которое было приобретено за счет средств ребенка;

3. Право владения и пользования принадлежащим родителям имуществом, если ребенок проживает совместно с ними и имеется взаимное согласие несовершеннолетнего и его родителей.

В литературе содержание понятия «имущественные права ребенка» трактуется по-разному. Рассмотрим некоторые имеющиеся подходы. Так, юрист ООО «Пепеляев Групп» О.В. Евсеева под имущественными правами ребенка понимает право на получение содержания от родителей и других членов семьи, право на пенсию, право на пособие от государства, право собственности на доходы и имущество, право на владение и пользование имуществом родителей, право на наследование [3].

По мнению С.Б. Зубкова, к имущественным правам детей следует относить вещные и обязательственные права, которые принад-

лежат ребенку либо в силу факта рождения, либо в силу иного юридического факта, например, принятия наследства, одаривания ребенка и т.п. [4, с. 71].

Особым образом в науке выделяются имущественные права ребенка в жилищной сфере. Так, например, Е.И. Гладковская пишет о принадлежащем ребенку праве пользования жилым помещением, находящемся в собственности его родителя в случае раздельного с ним проживания (проживания у другого родителя после бракоразводного процесса) [5, с. 111]. Некоторыми особенностями обладает право на обеспечение жилым помещением, принадлежащее детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, так как данному праву корреспондирует обязанность органов исполнительной власти субъектов РФ по предоставлению жилого помещения указанным категориям детей. В соответствии с законодательством органы исполнительной власти обязаны однократно предоставить ребенку-сироте или ребенку, оставшемуся без попечения родителей благоустроенное жилое помещение из специализированного жилищного фонда (ст. 8 Федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [6]). Полагаем, специфика права на обеспечение жилым помещением, которое закреплено законом в качестве дополнительной гарантии прав на имущество и жилое помещение, заключается как в особом субъектном составе (дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей), так и в особом объекте (благоустроенное жилое помещение, входящее в состав специализированного жилищного фонда).

Некоторые авторы, в частности И.О. Басова, говорят об особых имущественных правах несовершеннолетних в контексте рассмотрения проблематики в сфере распоряжения материнским (семейным) капиталом [7, с. 65-66]. Указанный вывод подтверждается и материалами правоприменительной практики. Так, и.о. прокурора в интересах Е.А. Власовой и М.А. Власовой обратился в суд с иском к Л.М. Власовой об обязании оформить жилое помещение, приобретенное за счет средств материнского капитала в общую долевую собственность жилое помещение. Свои требования истец мотивировал тем, что проведена проверка соблюдения прав несовершеннолетних при использовании средств материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий. Промышленный районный суд г. Ставрополя при рассмотрении указанного дела права несовершеннолетних на жилое помещение именует «имущественными правами» [8]. Полагаем, что выделение подобных имущественных прав ребенка является весьма обоснованным. Действительно, если материнский капитал был потрачен на улучшение жилищных условий, то все члены семьи, включая несовершеннолетнего, выступают носителями имущественного права на материнский капитал, то есть имеют долю в праве собственности на приобретаемую жилую недвижимость.

Ряд авторов выделяют имущественные права применительно к особому статусу несовершеннолетнего, связанному с осуществлением им предпринимательской деятельности [9, с. 12].

Нельзя обойти вниманием вопрос об имущественных правах ребенка в сфере создания результатов интеллектуальной деятельности. Не вызывает сомнения тот факт, что субъектом интеллектуальной деятельности может быть любое физическое лицо независимо от возраста. В этой связи Э. Гаврилов подчеркивает, что несовершеннолетний гражданин вправе создать интеллектуальную собственность, которая, в частности, может подпадать под понятие «результат интеллектуальной деятельности» [10, с. 59]. Как известно, интеллектуальные права – довольно содержательная категория, которая включает в себя права имущественные и личные неимущественные (ст. 1226 ГК РФ). Правами имущественного характера являются исключительные права.

Нельзя не упомянуть о наследственных правах несовершеннолетних детей. Некоторые авторы, в том числе А.Ю. Касаткина, выработали определение наследственных прав ребенка и даже предложили их классификацию. По мнению указанного автора, следует выделять право ребенка быть призванным к наследованию по закону или по завещанию, право усыновленного ребенка наследовать после смерти усыновителей и т.д. [11, с. 15].

Содержащиеся в нормативных актах различной отраслевой принадлежности правила позволяют нам провести классификацию имущественных прав ребенка.

Во-первых, в зависимости от источника правового регулирования можно выделить имущественные права ребенка конституционного характера, международно-правового характера и имущественные права, закрепленные в национальных кодифицированных актах, федеральных законах и других нормативно-правовых актах.

Во-вторых, в зависимости от отраслевой принадлежности, можно выделить имущественные права гражданско-правового характера, которые реализуются в рамках правоотношений, как связанных, так и не связанных с проживанием ребенка в семье (вещные права, в том числе право собственности; обязательственные права, в том числе право на возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу несовершеннолетнего; исключительные права на результаты творческой деятельности, наследственные права); имущественные права семейно-правового характера, указанные в ст. 60 СК РФ, к которым относятся права несовершеннолетнего в отношении имущества, которые реализуются посредством норм гражданского законодательства, а также права несовершеннолетнего на получение содержания, входящие в содержание правоотношений по алиментированию.

В-третьих, в зависимости от особенностей осуществления имущественных прав несовершеннолетних можно выделить имущественные права несовершеннолетних, которые осуществляются ими в са-

мостоятельном порядке (например, права, возникающие из договора дарения или из мелкой бытовой сделки, о чем идет речь в ст. 28 ГК РФ); имущественные права несовершеннолетних, которые не могут осуществляться ими самостоятельно, а только от их имени их законными представителями или с согласия последних (например, права, возникающие из договора купли-продажи жилой недвижимости или наследственные права).

В итоге отметим, что имущественные права несовершеннолетнего ребенка обладают собственной семейно-правовой основой в виде ст. 60 СК РФ. Однако система имущественных прав ребенка носит межотраслевой характер, то есть выходит за пределы семейного права. Их правовая регламентация осуществляется главным образом нормами гражданского законодательства, а также жилищного, земельного, и пр. Вместе с тем норма ст. 60 СК РФ свидетельствует о том, что законодатель позиционирует ребенка как самостоятельного субъекта семейных правоотношений.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Выпуск XLVI.

3. Какие имущественные права имеет несовершеннолетний ребенок? // СПС «КонсультантПлюс», 2019.

4. Зубков, С.Б. Проблемы правового регулирования имущественных прав несовершеннолетних / С.Б. Зубков // Закон и право. – 2007. – № 10. – С. 69-73.

5. Гладковская, Е.И. Имущественные права ребенка / Е.И. Гладковская // Общество и право. – 2011. – № 4 (36). – С.110-113.

6. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (ред. от 25.12.2018) // СЗ РФ. – 1996. – № 52. – Ст. 5880.

7. Басова, И.О. Понятие и защита имущественных прав детей, воспитывающихся в семье / И.О. Басова // Северокавказский юридический вестник. – 2015. – № 1. – С. 64-68.

8. Решение Промышленного районного суда г. Ставрополя № 2-1432/2017 от 23 марта 2017 г. по делу № 2-1432/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: http://sudact.ru/regular/doc/ZSaIiyUvR05Q/?regular-txt (дата обращения: 05.10.2019).

9. Леженникова, И.М. Участие нотариуса в защите личных имущественных и неимущественных прав несовершеннолетних / И.М. Леженникова // Нотариус. – 2017. – № 4. – С. 11-14.

10. Гаврилов, Э. Интеллектуальные права несовершеннолетних / Э. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2011. – № 9. – С. 56-63.

11. Касаткина, А.Ю. Наследственно-правовое положение ребенка в Российской Федерации / А.Ю. Касаткина. – М., 2015. – 184 с.

ДАВУДГАДЖИЕВ Закарья Мухтарович,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (филиал в г. Пятигорске Ставропольского края), магистрант;
zmdavud@mail.ru

ИЗЪЯТИЯ ИЗ ЮРИСДИКЦИОННЫХ ИММУНИТЕТОВ ГОСУДАРСТВ И ИХ СОБСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается институт юрисдикционных иммунитетов государств и их собственности в современном международном праве.

Ключевые слова: *юрисдикционные иммунитеты, права человека, право на суд, допустимые ограничения, исполнение решений, международные суды.*

Анализируя судебную практику национальных и международных судов по вопросу юрисдикционных иммунитетов государств и их собственности за последние 40 лет, можно заметить, что она не отличается единообразием и переживает довольно сложный период поиска гибких и сбалансированных решений, учитывающих множество правовых, гуманитарных, экономических и политических факторов, которые возникают в такого рода делах [1, с. 126].

Нетрудно заметить, что национальные суды под влиянием своего внутреннего законодательства, расширительного толкования общепризнанного принципа уважения прав человека и необходимости обеспечения права каждого на справедливое судебное разбирательство все чаще и чаще принимают к рассмотрению иски частных лиц к иностранным государствам и выносят негативные для последних судебные решения.

Дело в том, что институт юрисдикционных иммунитетов государств и их собственности стал той сферой, где явным образом начали проявляться противоречия между принципами суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела, с одной стороны, и принципом уважения прав человека, с другой стороны.

Классический подход, в соответствии с которым государство не может судить или оценивать в своих судах действия другого государства и должно предоставить последнему процессуальный иммунитет от судебного преследования, распространяющийся на все гражданские, административные и уголовные дела, вряд ли может отвечать реалиям настоящего времени. Принцип абсолютного иммунитета по-

степенно теряет свое доминирующее значение, хотя следует признать, что такая точка зрения не является единодушной [2, с. 59].

Современное международное право (в частности, Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года [3], далее – Конвенция ООН, Конвенция Совета Европы об иммунитете государств [4], далее – Конвенция СЕ), законодательство значительного количества национальных государств постепенно эволюционируют в сторону признания ограниченного (функционального) юрисдикционного иммунитета, который не распространяется на сферы, в которых права частных лиц требуют приоритетной защиты, и по этой причине интересы дипломатии, международной вежливости, стабильности системы международных отношений не могут над ними превалировать.

Однако на практике применение принципа ограниченного юрисдикционного иммунитета сталкивается с множеством проблем, которые высвечивают всю сложность правового регулирования в этой сфере, требуют тщательного осмысления последствий принятия национальными судами решений против иностранных государств и, возможно, введения новых правовых критериев, которые должны учитываться при решении вопроса об отказе в предоставлении юрисдикционного иммунитета иностранному суверену.

Основным методологическим приемом, который используется в настоящее время в национальных правовых системах и в международном праве и который позволяет ответить на вопрос о предоставлении или отказе в предоставлении юрисдикционного иммунитета иностранному суверену, является анализ природы отношений, из которых возник спор. Для этого действия государства условно подразделяются на действия jure imperii (относящиеся к действиям государства в суверенном качестве) и действия jure gestionis (относящиеся к действиям государства в торговой, финансовой, коммерческой, иной частной сфере) [5, с. 37]. Юрисдикционный иммунитет государства распространяется только на первые. Каталог допустимых ограничений государственного иммунитета, из которых исходят Конвенция ООН, Конвенция СЕ, а также специальные законы об иммунитете государств тех стран, которые придерживаются концепции функционального иммунитета, выглядит следующим образом: 1) споры из коммерческих сделок, в которых иностранное государство выступает стороной сделки; 2) споры из трудовых договоров между иностранным государством и физическим лицом относительно работы, которая должна быть выполнена в государстве суда; 3) споры, касающиеся возмещения вреда, причиненного иностранным государством личности или собственности лица, находящегося на территории государства суда; 4) споры о движимом и недвижимом имуществе, находящемся на территории государства суда; 5) споры о правах на интеллектуальную собственность, охраняемую на территории государства суда; 6) споры, касающиеся участия иностранного государства в компании или другом объединении, зарегистрированном в государстве

суда; 7) споры из эксплуатации судов иностранного государства, используемых в коммерческих целях.

На первый взгляд, этот прием, дифференцирующий действия jure imperii и действия jure gestionis, выглядит очень удобным и не должен вызывать особых проблем на практике, так как в его основе лежит довольно простая идея, позволяющая прояснить ту роль, которую государство играет в спорных правоотношениях. Он также представляется сбалансированным по отношению к основополагающим принципам суверенного равенства государств и невмешательства в их внутренние дела, так как политическая сфера деятельности иностранного суверена по-прежнему остается под защитой юрисдикционного иммунитета.

Но современная национальная и международная практика убедительно показывают, что многие правоотношения с трудом поддаются такому «препарированию» на действия jure imperii и действия jure gestionis. В основной своей массе отношения носят смешанный, комплексный характер, и порой отделить одно от другого на практике представляет собой непростую задачу. Можно привести примеры, которые хорошо иллюстрируют сказанное: спор из контракта на строительство военной базы, из договора на поставку военного снаряжения и боеприпасов, разбирательства по поводу государственных закупок лекарственных препаратов для борьбы с лихорадкой или для решения иных общенациональных задач, споры, касающиеся изобретений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, выплаты долга по государственным облигациям и иные. В одних государствах такие действия могут относиться к ведению нормальной коммерческой деятельности, а в других – к осуществлению государственной политики.

Предвидя эти сложности, Комиссия по международному праву ООН при подготовке проекта статей о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности и комментариев к ним предложила сделать несколько важных оговорок, которые позволили бы избежать наиболее сильных расхождений в подходах государств [1, с. 15]. Эти предложения были впоследствии инкорпорированы в текст Конвенции ООН, что и придало данному документу достаточную степень гибкости.

Во-первых, к таким положениям можно отнести подход, закрепленный в п. 2 ст. 2 Конвенции ООН, согласно которому при определении того, является ли контракт или сделка коммерческой сделкой, следует прежде всего исходить из природы этого контракта или сделки, однако следует также учитывать их цель, если стороны контракта или сделки договорились об этом или если, согласно практике государства суда, эта цель имеет отношение к определению некоммерческого характера этого контракта или сделки. Как мы можем увидеть, Конвенция ООН прямо ориентирует на комплексную оценку отношений – оценку не только объективных факторов (коммерческая, хозяйственная природа сделки), но и субъективных (цели, которые

преследует государство). Такой смешанный, объективно-субъективный подход является полезным и довольно прагматичным в делах, связанных с юрисдикционными иммунитетами.

Однако у такого подхода есть и свои побочные эффекты, которые заключаются в высокой правовой неопределенности конечного результата. Особенно явно эта негативная сторона проявляется в спорах, где речь идет об имуществе инвесторов, контролируемых иностранным государством (иностранные суверенные фонды, центральные банки, государственные предприятия). Не секрет, что данные субъекты могут быть активно вовлечены в различные инвестиционные, финансовые проекты, преследуя цель сохранения и приумножения находящихся в их пользовании активов. Должны ли такие споры изыматься из категории коммерческих, а сами активы иностранного государства пользоваться иммунитетом?

В рамках Организации экономического развития и сотрудничества в 2010 году было проведено исследование на данную тему, которое хорошо показывает имеющиеся риски в данной сфере. Государства по-разному интерпретируют сочетание объективных и субъективных факторов, отдавая больший вес то одним, то другим, а имеющаяся практика довольно противоречива и не отличается единообразием [7, с. 16].

Конвенция ООН прямо изымает из своей сферы действия дипломатические привилегии и иммунитеты, которыми в соответствии с международным правом пользуется государство и его должностные лица (ст. 3 Конвенции ООН).

Конвенция ООН содержит ряд специальных норм, которые позволяют государствам сохранить свои юрисдикционные иммунитеты в отдельных случаях, в которых публичные интересы превалируют над частными.

И все же, несмотря на титанические и заслуживающие всяческого уважения усилия разработчиков Конвенции ООН, она не оставляет впечатление завершенности и, следует признать, не создает всеобъемлющего универсального регулирования. Многие ее положения могут по-разному трактоваться и пониматься государствами (на уровне законов) и их судами (на уровне судебной практики). Представляется, что не все жизненные ситуации в полной мере охватываются, а существующие положения нуждаются в еще большей гибкости на тот случай, если публичные интересы все-таки будут перевешивать частные. Возможно, в этом и заключается причина осторожного отношения и медленной ратификации Конвенции государствами ООН.

Подводя итоги, можно констатировать, что в современном международном праве сформировался основной подход, основанный на дифференциации действий государства на jure imperii и jure gestionis, а также кристаллизовался каталог допустимых ограничений из 7 видов споров, который нашел отражение в Конвенции ООН и Конвенции СЕ. В то же время международно-правовое и националь-

ное регулирование до сих пор находятся в стадии развития, комплексный, частно-публичный характер многих складывающихся отношений (в частности, связанных с оборотом культурных ценностей, статусом иностранных суверенных фондов) заставляет искать гибкие пути решения возникающих конфликтов, а также совершенствовать процедуру споров с участием иностранных государств.

Список литературы:

1. Старженецкий, В.В. Эволюция института юрисдикционных иммунитетов государств: равный над равным власть имеет? / В.В. Старженецкий // Международное правосудие. – 2014. – № 4. – С. 123-140.

2. Иванова, Т.Н. Юрисдикционный иммунитет иностранного государства: сравнение международного и национального подходов / Т.Н. Иванова, О.В. Монченко // Право и экономика. – 2017. – № 12. – С. 54-64.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (Нью-Йорк, 2 декабря 2004 года) // СПС «Консультант Плюс».

4. Европейская конвенция об иммунитете государств (ETS № 74) (Принята 18.01.1972 на 206-ом заседании представителей министров) // СПС «Консультант Плюс».

5. Хлестова, И.О. Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности и ее влияние на изменение цивилистического процесса в России / И.О. Хлестова // Закон. – 2012. – № 6. – С. 35-39.

6. Бессонова, А.И. Доктрина государственного иммунитета как способ защиты государственного имущества от исполнения по решениям международных инвестиционных арбитражей / А.И. Бессонова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 12. – С. 12-17.

7. Хлестова, И.О. О присоединении России к Европейской конвенции об иммунитете государства 1972 г. / И.О. Хлестова // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 12-19.

ДЖУМШУДЯН Оганнес Геворгович,
Санкт-Петербургский университет МВД России, адъюнкт кафедры уголовного права, лейтенант полиции Республики Армения;
jumshudyan@mail.ru

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ ПРИЗНАКИ ХУЛИГАНСТВА

В статье рассматриваются вопросы правовой природы хулиганства как преступления, его состав, степень опасности данного преступления для общества и государства.

Ключевые слова: *преступление, хулиганство, общество, безопасность, порядок.*

Применение норм уголовного права выступает крайним средством реагирования государства на негативное поведение и влечет существенное ограничение прав и свобод. Поэтому границы преступного поведения должны быть четко определены в диспозиции уголовно-правовой нормы. Криминализация деяния предполагает конкретность и определенность уголовно-правовой нормы, устанавливающей наказуемость именно этого деяния, т.е. указание всех признаков действия (бездействия), необходимых для признания лица виновным в совершении определенного преступления, предусмотренного конкретным составом преступления.

В главе 24 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплены преступления против общественной безопасности, в числе которых хулиганство. Хулиганство – грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия [1].

Основным объектом преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением общественного порядка и безопасности граждан в публичных местах, а дополнительными – жизнь, здоровье и имущество. Хулиганство признано многообъектным преступлением, потому что при его совершении должны нарушаться два объекта: общественный порядок и общественная безопасность. Два этих понятия не могут ни включать в себя, ни подменять друг друга.

Объективная сторона хулиганства заключается в действиях, которые являются грубым нарушением общественного порядка, выражая явное неуважение к обществу. Действия, которые представляют собой хулиганство, разнообразны: использование насилия в отношении граждан, уничтожение и повреждение чужой собственности, нарушение общественных событий, прекращение или приостановление транспорта и т.д.

Квалификация хулиганства как грубого нарушение общественного порядка по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы появилась в законе сравнительно недавно, с 2007 года. Указанная мера связана с противодействием экстремисткой деятельности.

Субъектом данного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 летнего возраста, а по квалифицированному составу ч. 2 ст. 213 УК РФ – достигшее 14 летнего возраста.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла и специальным хулиганским мотивом, т.е. показать обществу пренебрежение нормами морали и нравственности. Однако в том случае если противоправное поведение лица продиктовано личными мо-

тивами в отношении потерпевшего, то его действия не могут быть квалифицированы как хулиганство [2, с. 45].

Рассмотрев и проанализировав каждый из элементов состава, мы уже можем судить о важности данной статьи для уголовного законодательства, общественная опасность хулиганства понятна и заметна невооруженным глазом и выделяется своей распространённостью, преимущественно направленностью против всего общества, а не конкретного лица, непредсказуемостью действий хулиганов, их частой сопряжённостью с совершением иных, иногда более тяжких преступлений.

Сформулировав ряд основных теоретических положений, касающихся хулиганства, представим основные проблемные моменты данного вида преступлений:

Особенно трудной в квалификации является ситуация, когда в группе хулиганов один из сообщников использует оружие или другие предметы, используемые в качестве оружия. Так, при квалификации действий, согласно ч. 3 ст. 213 УК РФ, необходимо установить, что намерение преступника действительно направлено на использование оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Факт нахождения их у преступника, а также демонстрация оружия при отсутствии каких-либо действий, свидетельствующих о намерении его фактически использовать, не дают оснований для квалификации в соответствии с ч. 3 ст. 213 УК РФ. К примеру, действие не будет квалифицировано как хулиганство с рассматриваемым признаком в тех случаях, когда преступник угрожает непригодным или незаряженным оружием, демонстрирует оружие без намерения использовать его, а также когда угрожает предметами, которые имитируют оружие, если они не используются в качестве оружия, средств насилия, опасных для жизни и здоровья.

Когда хулиганство совершается организованной группой лиц, необходимо установить факт наличия и использования оружия или объекта в нападении, которое используется в качестве оружия, по крайней мере, одним членом группы с обязательным информированием об этом других сообщников. «Наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации независимой нормы об ответственности за хулиганство юридически необоснованно, усложняет уголовно-правовую защиту общественного порядка и приводит к нарушениям прав и свобод граждан, участвующих в уголовном процессе» [3, с. 121].

По нашему мнению, понятие «хулиганство» должно использоваться в криминологии для обозначения совокупности преступных действий, совершаемых из хулиганства. Целесообразность разделения таких деяний на отдельную группу может быть обоснована как особенностями формирования и проявления этих мотивов, так и характеристиками причинного комплекса, а также личностными качествами лиц, совершивших эти преступления, которые в основном состоят из

ошибок формирования и внешнего выражения мотивационной сферы [4, с. 14].

В результате исследования целесообразно отметить следующие предложения для улучшения законодательства в данной области:

1. Основным предложением исследования является ужесточение уголовной ответственности за хулиганство, поскольку это преступление носит социально опасный характер и совершается с использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Так, необходимы примечания к ст. 213 по понятиям «общественная безопасность» и «общественный порядок», которые различаются по содержанию, не могут ни включать, ни заменять друг друга, эти признаки характеризуют не следствие, а социальное свойство хулиганских действий, которое придает им социально опасный характер, и их различия должны быть установлены законом.

2. Угроза применения оружия или предметов, которые используются в качестве оружия, должна квалифицироваться как оконченное преступление.

3. Необходимо дополнение к ст. 213 об ответственности лиц, которые способствовали совершению хулиганства в форме бездействия, когда у них была юридическая обязанность предотвратить совершение преступления, но он по предварительному соглашению не выполнил эту обязанность.

По нашему мнению, цель хулиганства выходит за рамки рассматриваемого преступления и является его необязательной особенностью, которая способствует правильному определению мотивов действия и квалификации преступления; это изменение должно быть закреплено законом [5, с. 58].

Хулиганство относится к категории тех социально опасных действий, которые являются нарушением порядка системы социальных отношений, социально-психологического порядка в обществе и индивидуального психологического порядка, вызывающего беспокойство, страх, демонстрирующий в связи с его публичностью негативный пример. Преступления, совершаемые подобным образом, должны караться законом, в связи с чем необходимо постоянно совершенствовать законодательство в данной области.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Кунашев, А. Хулиганство как преступление с двумя основными мотивами / А. Кунашев // Законность. – 2017. – № 2. – С. 44-47

3. Сапожников, А.И. Административно-правовой режим общественной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04 / А.И. Сапожников. – Москва, 2006. – 255 с.

4. Пивоваров, А.С. Дискуссионные подходы к определению понятия «общественный порядок» / А.С. Пивоваров // Российская юстиция. – 2013. – № 3. – С. 52.

5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: моногр. – М.: Юридический центр, 2016. – 317 с.

ДМИТРИЕВА Татьяна Федоровна,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, подполковник милиции в отставке, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса; DTF1106@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО БЛОКА СИСТЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье на основе анализа и обобщения результатов теоретического исследования различных позиций ученых, базируясь на результатах авторских исследований, выделены основные элементы теоретического блока системы криминалистического обеспечения следственных действий, предложена его авторская структура и подчеркнуто значение для достижения эффективности функционирования обозначенной системы.

Ключевые слова: *следственные действия, криминалистическое обеспечение, место происшествия, технико-криминалистические средства, криминалистические технологии.*

Формирование системы криминалистического обеспечения следственных действий предполагает необходимость ее структурирования как в целом, так и каждого ее блока. Оптимальная организация структуры указанной системы непосредственно влияет на эффективность ее функционирования. Формирование структуры системы криминалистического обеспечения следственных действий в целом и каждого ее блока в отдельности затруднено ограниченным числом работ по этому вопросу.

Вопрос о формировании теоретического блока рассматриваемой системы является весьма актуальным в контексте решения современных научных проблем криминалистики и в рамках практического функционирования системы криминалистического обеспечения следственных действий. Поэтому автором для решения одной из важных задач теории криминалистики – упорядочения и унификации современных криминалистических знаний, составляющих содержание криминалистической науки [1, с. 57] с позиции системного подхода – предпринята попытка выделить ключевые элементы и сформировать структуру теоретического блока системы криминалистического обеспечения следственных действий.

Ранее нами (в других работах) на основе анализа различных точек зрения ученых были выделены исходные ориентиры, базируясь на которых, сформулировано понятие «криминалистическое обеспечение следственных действий», под которым нами понимается «динамическая организационно-функциональная система взаимосвязанных теоретических знаний и прикладных компонентов (умений и навыков практической реализации организационного, технологического и оценочно-контрольного обеспечения), основанная на применении определенным кругом субъектов специальных знаний, современных технико-, тактико-криминалистических средств и технологий при проведении конкретного следственного действия, в целях получения, накопления, оценки, обработки криминалистически значимой информации для ее дальнейшего использования в процессе расследования преступления» [2, с. 58]. Отмеченную в приведенном определении взаимосвязь теоретических знаний и прикладных компонентов системы криминалистического обеспечения следственных действий предлагаем рассматривать в виде двух взаимосвязанных блоков: теоретического и прикладного, по аналогии со структурой системы криминалистического обеспечения осмотра места происшествия [1, с. 68-71]. Считаем, что данная структура полностью соответствует формально-структурным позициям системы криминалистики.

Поскольку криминалистическое обеспечение как организационно-функциональная система обладает всеми признаками специфической деятельности с точки зрения ее целей, задач, субъектов осуществления, в качестве теоретического блока системы криминалистического обеспечения следственных действий могут быть представлены теоретические знания о целях, задачах, субъектах, системах технико-криминалистических средств и криминалистических технологий, применяемых в ходе следственных действий. Последние системы считаем целесообразным включать в теоретический блок в связи с особенностью криминалистических знаний, состоящей в реализации их значительной части на практике только с применением определенных технических средств и криминалистических технологий. «Совокупность овеществленного криминалистического знания (научной, научно-практической и учебной криминалистической литературы) в сочетании с системами и комплексами технико-криминалистических средств составляет материализованный банк научных знаний, который криминалистическая наука предоставляет правоохранительным органам для использования в различных сферах практической деятельности борьбы с преступностью» [1, с. 68-69].

Цели криминалистического обеспечения следственных действий при достижении их эффективности находятся в прямой зависимости от общих целей криминалистики: выявления, раскрытия и расследования преступлений; их профилактики; доказывания всех установленных фактов [3, с. 313]. Данное обстоятельство, несомненно, указывает на принадлежность этих знаний к теоретическому блоку системы криминалистического обеспечения следственных действий.

На наш взгляд, цели теоретического блока анализируемой системы необходимо рассматривать с точки зрения системного подхода с учетом целей криминалистического обеспечения осмотра места происшествия (конечных, промежуточных, тактико-криминалистических) [1, с. 73-75], поскольку базой криминалистического обеспечения следственных действий является практика их проведения с применением криминалистических средств и технологий уполномоченными на то субъектами.

Общеизвестно, что через задачи, решаемые для достижения целей, определяется содержание последних. Поэтому представляется, что содержание целей криминалистического обеспечения следственных действий необходимо рассматривать через систему специфических задач, находящихся в полном соответствии с общей структурой системы криминалистического обеспечения следственных действий.

К субъектам теоретического блока системы криминалистического обеспечения следственных действий относятся субъекты использования специальных знаний, технико-криминалистических средств и технологий при производстве следственных действий. К ним относятся, во-первых, наделенные правом проводить следственные действия, способные осуществить применение технико-криминалистических средств: следователь, дознаватель (согласно ст. 164, 38, 41 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации); следователь, лицо, производящее дознание (согласно ст. 192, ст. 204, 36, 39 УПК Республики Беларусь); во-вторых, специалист, непосредственно использующий специальные знания, навыки, технико-криминалистические средства и криминалистические технологии для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств (ст. 58, ст. 168 УПК Российской Федерации) и (ст. 62, ст. 200 УПК Республики Беларусь) [3, с. 312]. «Специальные знания, несомненно, являются одним из элементов криминалистического обеспечения каждого конкретного следственного действия, поскольку используются определенными субъектами в целях получения, накопления, оценки, обработки криминалистически значимой информации для ее дальнейшего использования в процессе расследования преступления» [4, с. 151]. Деятельность указанных субъектов в ходе проведения каждого конкретного следственного действия подчиняется его целям и задачам. В соответствии с этим характеристика указанных субъектов теоретического блока, на наш взгляд, может быть приведена лишь при сформированных системах целей и задач таких действий в зависимости от общей структуры криминалистического обеспечения следственных действий.

«Современный уровень научно-технического прогресса предопределяет необходимость использования инновационных технико- и тактико-криминалистических средств и технологий для достижения эффективности следственных действий и результативности расследования преступлений» [5, с. 155]. Для этого необходимо субъектам их применения владеть теоретическими знаниями, являющимися важ-

ным элементом научной организации криминалистического обеспечения следственных действий. Кроме того, использование на практике знаний о понятии и возможностях применения технико-криминалистических средств и технологий при проведении следственных действий позволяет получить, накопить, оценить, обработать криминалистически значимую информацию для ее дальнейшего использования в процессе расследования преступления. Именно поэтому указанные теоретические знания о системах технико-криминалистических средств и технологий являются значимыми элементами криминалистического обеспечения следственных действий [6, с. 186].

Таким образом, выделенные в качестве теоретического блока системы криминалистического обеспечения следственных действий теоретические знания о целях; задачах; субъектах; системах технико-криминалистических средств и криминалистических технологий следственных действий, полностью корреспондируют с социальными и практико-деятельностными функциями криминалистики и отражают занимаемое рассматриваемой системой место в этой науке. Применение субъектами криминалистического обеспечения следственных действий на практике знаний о целях и задачах ее функционирования является одним из главных требований научной организации этой системы [1, с. 84-85]. Новизна формирования теоретического блока системы криминалистического обеспечения следственных действий заключается в использовании системного подхода, при котором цели, задачи, субъекты, знания о системах технико-криминалистических средств и технологий тесно связаны между собой и взаимно обусловливают друг друга. Данное обстоятельство обеспечивает получение максимального объема криминалистически значимой информации о преступлении, а также позволяет максимально использовать специальные знания субъектов криминалистического обеспечения следственных действий для достижения их эффективности.

Список литературы:

1. Дмитриева, Т.Ф. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: теория и практика: монография / Т.Ф. Дмитриева; под науч. ред. Е.И. Климовой. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова», 2016. – 307 с.

2. Дмитриева, Т.Ф. Ориентиры для формирования понятия криминалистического обеспечения следственных действий / Т.Ф. Дмитриева // Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования: в 2-х томах. Т. 1. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции 25 ноября 2017 г. – СПб.: НОУ СЮА, 2017. – С. 54-58.

3. Дмитриева, Т.Ф. Цели, задачи, субъекты технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия /

Т.Ф. Дмитриева // Вестн. Орловского гос. ун-та. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2014. – № 6 (41). – С. 312-317.

4. Дмитриева, Т.Ф. Специальные знания как элемент криминалистического обеспечения следственных действий / Т.Ф. Дмитриева // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIII (70) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 15 февраля 2018 г. В 2 т. Т. 6. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С. 151-153.

5. Дмитриева, Т.Ф. О систематизации криминалистического обеспечения следственных действий / Т.Ф. Дмитриева // Традиции и инновации в праве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6-7 окт. 2017 г. В 3 т. Т. 3. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2017. – С. 155-158.

6. Дмитриева, Т.Ф. Технико-криминалистические средства как элемент криминалистического обеспечения следственных действий / Т.Ф. Дмитриева // Наука – образованию, производству, экономике: материалы региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 15 февраля 2019 г. В 2 т. Т. 1. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 185-186.

ДУДОРОВА Лада Александровна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; bananamiller6@gmail.com

МЕТОДЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ГАБИТОСКОПИИ

В статье рассматриваются необходимость повышения компетенции специалиста в области отождествления личности в связи с применением современного оборудования, ужесточения подходов к регламентации методов и средств, применяемых в ходе проведения отождествления человека по внешнему облику.

Ключевые слова: *габитоскопия, портретная экспертиза, экспертные методы, внешний облик человека, габитология, внешние признаки.*

История развития методов фиксации признаков внешности человека и его розыска берет истоки из глубокой древности. Описание личности по внешним приметам в России встречается в XIV в. Внешность ярко выражена, лежит на поверхности и выделяет предмет в пространстве. Поэтому отличительной особенностью внешности являются «признаки внешности» [1, с. 211].

Проблема установления личности в габитоскопии соприкасается с составлением фоторобота по методике словесного портрета.

Криминалистическое учение о внешнем облике человека является составной частью криминалистической техники. Как и все остальные ее части, учение о внешнем облике человека включает теоретические положения и основанные на них технико-криминалистические средства, методы собирания и использования данных о внешнем облике человека в криминалистической практике. Наружный вид человека определяется внешностью. Внешность человека остается относительно неизменной в течение всего жизненного цикла. Воспринимаемая по-разному, внешняя оболочка человека используется в розыске трупов и лиц, подозреваемых в преступлениях [2, с. 352].

Внешний облик человека перманентно определяется как комплекс разнообразных наружных сопоставимых данных, воспринимаемых зрительно, дополненных отдельными характеристиками. Структура внешнего облика индивида включает в себя совокупность элементов – деталей внешности, которые могут быть достаточно прямо выделены при визуальном изучении. Значимыми для криминалистической габитоскопии являются наглядные детали внешнего строения органов и областей головы, лица, тела, конечностей, предметов одежды, внешние функциональные проявления человека, общефизические данные. Однако внешний облик человека отличается характеристиками внешних данных в целом или в отдельных элементах, с помощью которых можно узнать человека или отдельные его детали, отнести эти детали к определенным группам [1, с. 45].

Проблемы исследования внешности человека еще недостаточно доработаны. Существуют некие разногласия в выборе компонентов систематизации элементов и признаков внешности индивида. Не выявлена конструктивная теория об особенностях отображения различных свойств индивида в окружающей действительности [3, с. 441].

Современная криминалистическая техника нуждается в применении методик, приемов обнаружения, фиксации, изъятия, исследования вещественных доказательств и других информационных данных о совершенных противоправных деяниях. Так же можно выразиться о соответствующих действиях в отношении информации внешнего облика человека, используемой для отождествления личности подозреваемого/обвиняемого в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, а также при производстве экспертизы. Исходя из практического подтверждения, для решения задач портретной экспертизы эффективным является применение совокупности методов и средств, поэтому вывод о необходимости экспертизы становится более объективным, а посему и достоверным. К тому же научный анализ и синтез обобщения полученных результатов позволяет увидеть отдельные закономерности в области теории габитоскопии [4, с. 824].

На первоначальном этапе расследования по раскрытию преступления, когда данных о внешнем облике индивида недостаточно, субъективные и объективные подходы к обнаружению и фиксированию информации используются комплексно, поскольку нужно не только извлечь сведения из разных источников, но и максимально приближенно к достоверному результату зафиксировать их. К примеру, при уместном использовании различных методов преобразование внешнего облика из низкокачественного видеоизображения посредством замены недостоверно отобразившихся элементов фотографическими элементами из баз субъективно существующих портретов дополняется полученными сведениями от словесного описания изображения функциональными и сопутствующими признаками [5, с. 283].

Словесный портрет – это способ фиксирования информации о внешнем облике индивида, используемый в деятельности правоохранительных органов во всем мире. Существует достаточно много научных работ, предоставляющих обзор теоретического и практического использования словесного портрета в российской и зарубежной криминалистике [4, с. 659].

Каждый в отдельности метод фиксации информации о внешнем облике объявленного в розыск лица имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Поэтому актуальность приобретает задача комплексного использования методов при установлении личности. Подчеркнуто эффективен комплексный подход при расследовании преступлений в местах массового скопления людей и иных случаях, связанных с установлением последовательности развития событий и действий каждого из его участников. Проведение анализа динамики совершения правонарушений берет истоки от всеобъемлющего изучения различных свойств внешнего облика, отражающих свое начало в объективных и субъективных средствах фиксации событий. За счет многогранного подхода к исследованию и оценке определяемых анатомических и функциональных признаков, с учетом воздействия неких факторов и обстановки в целом, удается решить сложные задачи на более качественном уровне.

Сопоставление признаков внешности индивида осуществляется с использованием нижеприведенных закономерностей:

а) совмещение равноименных половин лица на двух сравниваемых изображениях, разделенных медианой в плоскости;

б) соединение зеркального и прямого изображения половин лица;

в) соединение части изображения по ломаной плоскости и полного изображения;

г) соединение в процессе цифровой печати негативных или позитивных изображений между собой;

д) сопоставление признаков с помощью наложения координатной сетки;

е) сопоставление признаков с использованием «масок».

Метод сопоставления в пространстве относительных величин – это количественный метод, применяемый в рамках криминалистического исследования признаков внешности определенного лица. Реализуется данный метод следующим образом: на каждом портрете выбираются и измеряются одноимённые абсолютные величины, которые разбиваются попарно. Далее большая величина делится на меньшую. Потом происходит сравнение полученных пары относительных величин. Если выбор пал на одноимённые величины, то для измерений используют те из них, которые подвержены наименьшей изменчивости впоследствии воздействия разных факторов. Метод имеет ограниченную область использования в практической деятельности, потому что может применяться только при наличии сверхточных измерений [6, с. 266].

Проективно-геометрический метод состоит в выявлении на фотоснимке константных точек, которые в дальнейшем могут использоваться в качестве информационного оригинала. Требования метода к характеристикам совокупности данных точек нельзя приуменьшать: точки должны обладать относительной устойчивостью и индивидуальностью. Приемы выделения точек для последующего построения на них геометрических линий отражают влияние инструментальных ошибок, которые могут оказать существенное воздействие на конечный результат исследования. Константные точки хотя и обладают относительной устойчивостью, но в связи с возрастными изменениями лица, обладают подвижностью [5, с. 256].

Вероятностно-статистический метод основан на применении заблаговременно вычисленных вероятностей встречаемости различных вариантов признаков внешности и состоит в выделении, сравнении и оценке этих вариантов с учётом их значимости при разрешении вопроса о тождестве. Данный метод имеет определённые ограничения в применении, так как с его помощью можно исследовать лишь малый перечень вариантов признаков лица, для которых заранее вычислена частота встречаемости. Данные могут быть использованы лишь при работе с изображениями лиц тех же антропологических групп, для которых проводилось вычисление частот встречаемости вариантов признаков внешности. Метод не удается применить для исследования других вариантов признаков, в том числе различных особенностей внешности.

Аналитический метод основан на выявлении расстояний между различными точками одного и того же изображения лица и сравнении их с одноименными расстояниями, выявленными на изображении другого лица с обязательным учетом известных факторов съемки [6, с. 383].

Данный метод так же имеет ограничения подобно проективно-геометрическому. Имеется противоречие между условностью определения положения лица при фотографировании и безусловностью выводимого на этой базе коэффициента искажения, что, конечно, сказывается отрицательно на точности результатов анализа.

Широко известен метод угловых измерений признаков внешности, заключающийся в том, что на фотоснимках замеряются несколько углов, образованных с одной стороны, линией, соединяющей какую-либо выбранную константную точку лица и точку оси кругового транспортира, а с другой – медиальной линией лица. Использование этого метода возможно только при сравниваемых изображениях, полученных по правилам сигналетической фотосъемки. Вывод о тождестве изображенных лиц определяется совпадением всех угловых показателей на сравниваемых снимках [7, с. 259].

Судебно-медицинский метод эффективен только в случаях комплексного применения. Данный метод используется в практической деятельности органов внутренних дел и невозможен без современных преобразований научно-технического прогресса. Но достижение результата восстановления прижизненного облика достигается при помощи современных компьютерных технологий, что делает этот метод объективным [8, с. 227].

Некоторые положения теории идентификации не в полной мере отражают реалии сегодняшнего дня. В связи с этим значительно увеличилась и обострилась потребность во внедрении новых методов и средств отождествления внешнего облика индивида.

Специалисты/эксперты-криминалисты предоставляют субъектный состав комплексного исследования внешнего облика человека, так как они – уполномоченные сотрудники полиции, обладающие специальными познаниями в данной области [7, с. 356].

Список литературы:

1. Балашов, Д.Н. Криминалистика: учеб. для вузов / Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Маликов. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 502 с.

2. Игнашин, В.И. Криминалистика: учеб. пособие / В.И. Игнашин. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 413 с.

3. Ищенко, Е. П. Криминалистика: учеб. пособие для бакалавров и специалистов / Е. П. Ищенко. – М.: Питер, 2013. – 744 с.

4. Криминалистика: учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА, 2010. – 973 с.

5. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 352 с.

6. Россинская, Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – М., 2011. – 368 с.

7. Дмитриев, Е.Н. Судебная фотография: курс лекций / Е.Н. Дмитриев. – М., 2010. – 386 с.

8. Порубов, Н.И. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: Монография / Н.И. Порубов, А.Н. Порубов. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 304 с.

ЗУЕВ Андрей Вячеславович,
кандидат исторических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры теории и истории государства и права; univerandrey@mail.ru

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ О КАПИТАНЕ МОРСКОГО СУДНА

В статье дана общая характеристика законодательства Российской империи о капитане морского судна, рассмотрены наиболее важные положения, определяющие правовой статус капитана морского судна.

Ключевые слова: *Российская империя, законодательство, морское судоходство.*

В царствование Петра Великого впервые появилось морское торговое законодательство. 26 июня 1720 года был издан «Устав о эверсах», [1] а 31 января 1724 года – Морской Торговый Регламент и Устав [2].

В основе морского торгового права лежал «Устав купеческого водоходства», изданный в царствование Екатерины II (25 июня 1781 года).

Это было весьма точное воспроизведение изданного ровно за сто лет до этого французского ордонанса 1681 года.

Введение Устава было вызвано «недостатком» законов регулирующих морское судоходство. Вследствие этого в ряде случаев приходилось обращаться к помощи иностранного законодательства, которое было «несвойственно» методам управления применявшихся в Российской империи. Устав регулировал как морское, так и речное судоходство.

«Впоследствии правила, относящиеся к тому и другому, были отделены друг от друга. Те из постановлений Устава водоходства, которые относились к морской торговле, послужили основанием для создания второй книги Устава торгового. Те же, которые имели своим предметом судоходство по рекам, были перенесены в Устав путей сообщения, где они составили второй его раздел» [3, с. 37-38].

Назовем наиболее важные положения, определяющие правовой статус капитана морского судна в соответствии с Уставом купеческого водоходства:

1. Ответственность капитана как «морально», так и «имущественно» за целостность судна и груза. При этом судовладелец должен был заключить с капитаном письменный договор, который необходимо было составить в двух экземплярах. «Один подлинник остается у хозяина, другой у судовщика». Договор необходимо было «записать у Маклера в его Маклерской книге» [4, ст. 18].

2. Умышленное кораблекрушение или нанесение иного вреда или ущерба квалифицировалось как преступление, за которое, помимо взыскания убытков, полагалось назначение наказания вплоть до смертной казни. Капитану предоставлялось право найма «штурмана или кормчего, плотника, боцмана, кашевара и столько способных водоходцев и юнок и юнош, сколько он находит нужно для плавания того корабля или судна» [4, ст. 22]. Капитан должен был заключить с ними письменный договор. В соответствии с законом разрешались телесные наказания, но «не более пяти ударов верёвкой или хлыстом» и только над теми «служителями или водоходцами» которые медленно исполняют «нужное для спасения корабля или судна, или такелажа». Одновременно с этим капитану судна вменялось в обязанность «поступать с корабельными служителями и водоходцами милостиво и кротко, подавая им пример добронравием и добрым поведением, трезвостью и трудолюбием и похвальным исполнением своего звания, снискивая себе тем почтение и непринуждённое послушание от всех ему подчинённых» [4, ст. 25].

3. В случае «мятежа или возмущения» «с советом и согласием штурмана, ботсмана, плотника и старшего, или лучшего водоходца» наказывать виноватого по спине, но не более чем двенадцатью ударами. В случае если не было необходимости и можно было отложить наказание, то на территории Российской империи необходимо было подать «жалобу» городничему, в округе исправнику, а в иностранных государствах – Российскому консулу. При этом «жалоба исследуется и определяется наказание». В случае если на пути следования попадался «военный корабль Императорского Величества», то следовало «принесеть жалобу командиру военного корабля». Он же должен был принять решение и «учинить с виноватым по закону» [4, ст. 29].

4. Обязанность капитана требовать у лоцмана письменного свидетельства, которое он всегда при себе должен иметь.

5. Уголовная ответственность капитана за то, если он «обольстит своих служителей, разбой или увоз, или хищение, или пожег, или воровство со взломом,… или мошенничество, или иное уголовное преступление» [4, ст. 43].

6. Право капитана «заложить корабль, чтобы достать нужные жизненные припасы» [4, ст. 46] и т.д.

Закон определял также и обязанности членов экипажа, в частности штурмана и кормчего. Им предписывалось «точно и верно» исполнять приказания капитана, помогать ему в управлении судном, наблюдать за командой, за погрузкой и выгрузкой груза, следить за тем, чтобы принятый товар «пребывал» в хорошем состоянии и не испортился и не повредился в пути. Они должны были вести судовой журнал, занося в него все происшествия на судне, как в порту, так и в море.

Были и некоторые другие положения, касающиеся правового статуса капитана морского судна и членов экипажа. Однако уже в то время они не в полной мере удовлетворяли потребностям морского

судоходства. А выработанный в 1814 году «Комиссией по составлению законов» проект Торгового Уложения вообще не содержал в себе положений о морской торговле.

В течение почти полувека со дня издания «Устава водоходства» Российской империи существенных изменений в законодательстве не произошло. Лишь 12 февраля 1830 года были изданы «Дополнительные постановления о торговом судоходстве и мореходстве». Эти «постановления», как и дальнейшие отдельные законодательные изменения, оказались недостаточными для создания правовых условий деятельности, соответствующей развитию морской техники и морской торговли. По-прежнему основой закона продолжал оставаться все тот же Устав купеческого водоходства.

21 января 1836 году были приняты правила о спасении судов и грузов, «претерпевающих» крушение [5]. Новые правила составили раздел V Книги II Устава торгового. В 1846 году были обнародованы «Правила морского страхования», составившие VI раздел той же книги [3, с. 38]. В 1865 году был принят «Закон о корабельной регистрации».

В 1880 году были изданы Правила о предупреждении столкновения судов в море в Российской империи, а с 1897 года стали действовать международные, так называемые Вашингтонские правила 1889 года, по предупреждению столкновения судов.

С 1887 году Свод Учреждений и Уставов торговых был разделен на отдельные Уставы: Устав Торговый, Устав Судопроизводства Торгового, Устав о Векселях и Устав Консульский, в результате чего регулирующая морское торговое право «книга» получила новое название «О морской торговле», причем вместо третьей бывшей «книги» Свода Учреждений и Уставов Торговых ее переименовали во вторую «книгу» Устава Торгового.

Именно в ней содержались главнейшие положения, относящиеся к морскому торговому праву. Книга II Устава торгового содержала «русское морское право». Однако в основе своей, это были все те же «постановления» Устава купеческого водоходства 1781 года с незначительными дополнениями фискального и полицейского «содержания», и никакого отношения к собственно морскому праву не имевшие.

Устав Торговый подразделялся на шесть разделов:

Раздел I – о мореходных торговых судах.

Раздел II – о торговом мореплавании.

Раздел III – о бодмерее и займе припасов на море.

Раздел IV – об аварии.

Раздел V – о помощи и спасении в случаях кораблекрушения и о принадлежности потопленных вещей.

Раздел VI – о морском страховании.

При издании Устава Торгового 1887 г., 1893 г. и 1903 годов и в дальнейшем в него были включены некоторые дополнения. Например, были включены разделы: раздел VII – о местном управлении

приморскими торговыми портами, раздел VIII – о взимании корабельного и попудного сборов, раздел IX – положение о съездах судовладельцев.

В Российской империи были приняты и другие законы, которые были прямо связаны с правовым статусом капитана морского судна. Приведем лишь некоторые примеры: закон от 29 мая 1897 года о большом каботаже; законы от 27 апреля 1898 года и от 2 июня 1899 года относительно освобождения морских судов, доставленных из-за границы, от таможенных пошлин и относительно льгот за проход через Суэцкий канал; закон от 6 мая 1902 года об изменениях действующих правил о судоводителях на мореходных судах торгового флота, закон от 6 июня 1904 года о праве плавания под русским национальным флагом.

Некоторые положения Устава Консульского (т. XI. ч. 2.), Устава Таможенного (т. VI.), Устава Врачебного (т. XIII.), Уложения о наказаниях (т. XX.), Устава о Паспортах (т. XIV) и других также регулировали правовое положение капитана. Однако ни по своему содержанию, ни по системе расположения вышеперечисленные законы не удовлетворяли назревшим потребностям торгового флота. Основная деятельность законодателя сводилась лишь к введению в существовавшее, весьма устаревшее законодательство, «частых исправлений».

Для подтверждения несовершенства законов Российской империи о морской торговле можно привести следующий пример. В деле морского страхования «дозволяется ссылаться на правила, принятые другими государствами», т.е. на иностранное законодательство [6, ст. 561].

«Поэтому по всеподданнейшему докладу Министра финансов Государь Император в 23 день ноября 1901 года Высочайше повелел соизволить учредить Особое совещание под председательством Его Императорского Высочество Великого Князя Александра Михайловича для составления проекта уложения о торговом мореплавании» [7, ст. 49]. Была проведена огромная работа по пересмотру законов о морской торговле. Она носила «систематический» характер, поскольку касалась изменений не только самих институтов морского торгового права, но и гражданского, уголовного законодательства.

В 1909 г. Министерство торговли и промышленности выработало проект Уложения о торговом мореплавании, переработанный в новой редакции 1911 г., но «в стадию законодательной обработки он еще не вступил» [8, с. 309]. В силу известных исторических событий данный проект Уложения о торговом мореплавании в целом так и не был принят. Однако некоторые его положения стали применяться.

Положения второй книги Устава Торгового с 1909 г. стали распространяться на морские суда под иностранным флагом, за исключением тех случаев, когда данные положения, по своему прямому смыслу, относились только к судам, «плавающим под русским фла-

гом». На суда, плававшие по рекам и озерам, положения Устава Торгового не распространялись.

Действие Устава торгового не распространялось и на суда, принадлежащие финляндским гражданам и занесенные в реестр одного из финляндских портов. В отношении этих судов применялся особый действовавший в Финляндии Морской Устав 9 мая 1873 года с его последующими к нему дополнениями.

Хотелось бы обратить внимание на положительный опыт, применявшийся в Российской империи. Дело в том, что положения о морской торговле, торговом мореплавании были сосредоточены в большей своей части в Уставе Торговом 1903 г. Однако существовали десятки других нормативно – правовых актов, содержащие всего несколько статей, но которые также регулировали процесс мореплавания. Для того чтобы найти необходимую статью в Своде Законов Российской империи, требовались огромные усилия. С целью «легко и быстро» ознакомиться с нужными законоположениями было предложено сделать «извлечения» из законов, которые непосредственно относились бы к торговому мореплаванию и разместить их в отдельном сборнике. Эта работа продолжалась на протяжении десяти лет и была выполнена к 1915 году. Причем Устав Торговый как «специальный» кодекс был помещен в первый раздел сборника, а «извлечения» были сделаны во второй. Вместе с тем вопрос сделать подобные «извлечения», касающиеся именно правового положения капитана судна, даже не поднимался.

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской Империи. – СПб., 1830. – № 3615.

2. Полное собрание законов Российской Империи. – СПб., 1830. – № 4451.

3. Васьковский, Е.В. Учебник Морского Торгового законоведения / Е.В. Васьковский. – СПб., 1906.

4. Устав купеческого водоходства по рекам, водам и морям 1781 года. Часть1. – М., 1808.

5. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – № 9.200.

6. Свод Законов Российской Империи Т. XI, ч. 2, Устав торговый. – СПб., 1903.

7. Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства. – 1902. – № 7.

8. Шершеневич, Г.Ф. Учебник торгового права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: «СПАРК», 1994.

ИВАНОВ Александр Игоревич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; ASD1846@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с наследованием земельных участков, проводится краткий обзор законодательства о наследовании такого объекта недвижимости как земля.

Ключевые слова: *наследование, земельный участок, индивидуально-определённая вещь, право собственности, кадастровый номер, площадь.*

Наследование представляет собой одно из оснований приобретения права собственности, которое является переходом имущества умершего к другим лицам в порядке универсального правопреемства – в неизменном виде как единое целое в один и тот же момент. Особым видом имущества, которое способно выступать объектом наследования является земля. Исключительный статус земли в качестве объекта наследования определён не случайно. Во-первых, любой земельный участок является природным объектом, который, согласно гражданскому законодательству, включает в себя почвенный слой, замкнутые водоёмы и находящиеся в его пределах растения. Во-вторых, земля представляет собой объект недвижимости, что влечёт за собой специальный юридический порядок получения прав на неё. В-третьих, наследование земельного участка связано с определёнными практическими особенностями и проблемами, речь о которых пойдёт ниже.

Важно подчеркнуть, что исторический путь развития полноценного законодательства о земле начинается в советский период. Земельный кодекс 1970 г. определил законодательное решение вопросов предоставления и использования земельных участков. «В бессрочное пользование земельные участки предоставлялись не непосредственно гражданам, а предприятиям, организациям и учреждениям, которые и создавали садоводства из членов своего трудового коллектива» [5, с. 94]. В настоящее время земельными участками владеют на праве собственности, а также на праве пожизненного наследуемого владения, что является ограниченным вещным правом. В обоих случаях земельный участок свободно переходит по наследству, а его законодательный статус регулируется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ). ГК РФ выделяет наследование земельных участков в специальную гл. 65. Этим законодатель подразумевает особое положение земельных участков при переходе их по наследству.

Обратившись к вышеуказанной главе, необходимо отметить, что в соответствии со ст. 1181 ГК РФ для наследования земельного участка нет необходимости в получении специального разрешения, однако дабы оформить право собственности на подобный объект, появляется необходимость в регистрации такого права на себя, так как у наследника с момента открытия наследства возникает лишь право наследовать, а не само право собственности на указанный объект.

И хотя земельные участки могут использоваться по разному назначению, в первую очередь следует обратиться к законодательному определению данного понятия. Итак, согласно п. 3 ст. 6 ЗК РФ, земельный участок представляет собой часть поверхности земли, которая имеет характеристики, позволяющие определить её в качестве индивидуально-определённой вещи. В данном случае нам необходимо учесть, что земельный участок является частью земной поверхности, то есть имеет определённые границы. При этом весьма часто потенциальные наследники сталкиваются с проблемой раздела земельного участка после смерти наследодателя. Рассматривая данный вопрос, важно подчеркнуть, что земельные участки, участие которых допускается в гражданском обороте, подразделяются на делимые и неделимые. Делимыми признаются участки, которые могут делиться на части, каждая из которых после такого раздела способна образовать отдельный земельный участок. Неделимыми признаются все остальные участки. Логично добавить, что вопрос о разделе земли может подниматься только в отношении делимых земельных участков, о чём будет изложено ниже.

Вновь обратившись к гражданскому законодательству, выделим статью 1182 ГК РФ, которая определяет специфику раздела земельного участка между несколькими наследниками. Согласно данной статье, раздел земельного участка, должен производиться с учётом минимального размера земельного участка, который был установлен для участков соответствующего целевого назначения. При этом минимальный размер фиксируется в региональных и федеральных актах земельного законодательства, которые касаются земель различного назначения. Деление земельного участка меньше такого минимального размера на самостоятельные участки невозможно. При этом если раздел земельного участка между двумя и более наследниками с учётом минимального размера земельного участка не представляется возможным, то данный земельный участок переходит к наследнику, имеющему преимущественное право на получение в счёт своей наследственной доли этого земельного участка.

Кто может получить данное преимущественное право? На наш взгляд, при решении данного вопроса необходимо обратиться к статье 1168 ГК РФ. Согласно ей, такое право на наследование земельного участка может получить лицо, обладавшее совместно с наследодателем правом собственности на данный земельный участок. Кроме этого, если никто из потенциальных наследников не обладал сов-

местно с наследодателем правом собственности на данный участок, преимущественное право наследования может получить тот из наследников, который осуществлял постоянное пользование данным земельным участком. Важно отметить, что статья 1170 ГК РФ определяет необходимость для наследника, обладающего преимущественным правом наследования, осуществления компенсации другим наследникам. Обозначенная компенсация производится из состава наследства или предоставляется в иной форме, в том числе в виде выплаты соответствующей денежной суммы.

Однако, что происходит с судьбой земельного участка, если ни один из потенциальных наследников не обладает преимущественным правом на получение земли, или не воспользуется этим правом? Вновь обратившись к ст. 1182 ГК РФ, заметим, что «в случае, когда никто из наследников не имеет преимущественного права на получение земельного участка или не воспользовался этим правом, пользование и распоряжение земельным участком осуществляется наследниками на условиях общей долевой собственности» [1, с. 459].

Таким образом, законодательство весьма подробно регламентирует процесс перехода земельного участка нескольким наследникам, определяет преимущественное право и условия его получения.

Для рассмотрения следующего вопроса, затрагивающего проблему наследования земли, необходимо вновь обратиться к определению земельного участка, содержащегося в ЗК РФ. В данном случае нас будет интересовать формулировка, содержащая определение участка как индивидуально-определённой вещи. Итак, земельным участком принято считать не просто некую часть земной поверхности, а содержащую характеристики, позволяющие определить её в качестве индивидуально-определённой вещи. Об этих индивидуализирующих характеристиках и связанных с ними вопросах пойдёт речь.

В первую очередь необходимо отметить, что такими характеристиками являются «место нахождения земельного участка, его площадь и кадастровый номер» [7, с. 168]. Кадастровый номер является уникальным на территории России, следовательно, он представляет основной идентификатор объекта недвижимости. Кадастровый номер приписывается объекту недвижимости органом регистрации прав после проведения кадастрового учёта, благодаря чему объект недвижимости индивидуализируется. Эти данные позволяют определить, какой именно земельный участок подлежит наследственной передаче.

Отметим, что при реализации наследования многих земельных участков возникают серьёзные проблемы. К примеру, отмечаются «некорректности, оговорки, ошибки в правоустанавливающих документах; ошибки в кадастровых паспортах; трудности при согласовании границ земельных участков; наложение границ земельного участка на другие объекты; несоответствие данных о размере земельного участка с его фактической площадью и другие» [6, с. 44]. В частности, проблема согласования границ земельных участков во многих

случаях может продолжаться весьма длительное время, лишая потенциального наследника полной реализации своих прав. Довольно сложными в разрешении выглядят случаи, когда в процессе оформления прав на наследуемые земельные участки лицу приходится сталкиваться с целым перечнем подобных проблем.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что наследование земельных участков по сути своей является довольно сложным процессом, который во многом определён статусом получаемого земельного участка.

Право собственности на земельный участок распространяется на находящиеся в границах этого участка поверхностный (почвенный) слой, водные объекты и растения. При этом на любом земельном участке могут располагаться различные постройки и сооружения. Важно понимать, что по своему статусу они являются самостоятельными недвижимыми объектами и, таким образом, наследодатель способен завещать их разным наследникам. Однако законодательство РФ следует правилу о единстве судьбы строения и земли. Следовательно, невозможно совершение завещания, в котором определено, что участок земли, занятый постройкой, передаётся одному наследнику, а указанное недвижимое имущество другому наследнику. Данное завещание будет признано недействительным в соответствующей части.

Остаётся добавить, что наследование земельного участка всегда вызывало большой интерес у правоведов, что связано с огромной ценностью земли, с её высокой значимостью как для конкретных индивидов, так и для государства. Следует, однако, отметить, что законодательство весьма часто претерпевает изменения, а население РФ «не успевает воспринимать, усваивать, адаптироваться к новому, а также правильно толковать и применять необходимые нормы» [4, с. 38]. При этом на практике наследование земельного участка сопряжено с большим количеством проблем разного рода, грамотное решение которых способно упорядочить гражданский оборот, обеспечить максимально полную реализацию прав граждан.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

3. Анисимов, А.П. Правовые проблемы наследования земельных участков / А.П. Анисимов // Elibrary. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=11742196 (дата обращения: 27.07.2019).

4. Горина, Н.В. Некоторые вопросы наследования земельных участков в гражданском праве России / Н.В. Горина // Elibrary. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32407989 (дата обращения: 01.08.2019)

5. Казанцева, А.Е. Наследование земельного участка и находящихся на нём построек в садоводческом товариществе / А.Е. Казанцева // Cyberleninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/nasledovanie-zemelnogo-uchastka-i-nahodyaschihsya-na-nyom-postroek-v-sadovodcheskom-tovarischestve (дата обращения: 01.08.2019).

6. Морева, Е.В. К вопросу о наследовании земельных участков / Е.В. Морева // Cyberleninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-o-nasledovanii-zemelnyh-uchastkov (дата обращения: 31.07.2019).

7. Талевлин, А.А. К вопросу о наследовании земельных участков / А.А. Талевлин, Е.В. Титова // Elibrary. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30702951 (дата обращения: 25.07.2019).

8. Фатихова, Л.М. Правовые особенности наследования земельных участков в Российской Федерации / Л.М. Фатихова // Elibrary. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30535122 (дата обращения: 26.07.2019).

9. Яковлева, Т.А. Особенности наследования имущественного права на земельный участок / Т.А. Яковлева // Elibrary. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35707580 (дата обращения: 26.07.2019).

ИСЕРГЕПОВА Алиса Курманаевна,
Санкт-Петербургский университет МВД России, адъюнкт; alissa17issergepova@mail.ru

ПРОБАЦИЯ И ЕЁ ПЕРСПЕКТИВЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Статья посвящена вопросу реализации досудебной модели пробации в уголовном судопроизводстве Казахстана. Автор анализирует нормы законодательства, регламентирующие деятельность службы пробации в области производства процессуального права обвиняемого лица в виде осуществления в отношении него досудебной пробации.

Ключевые слова: *досудебная пробация, личность обвиняемого, досудебный доклад, сотрудники службы пробации, уголовное судопроизводство.*

Впервые термин «пробация» был использован в Законе Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы пробации» от 15 февраля 2012 года № 556-IV, который установил положение о создании подразделения пробации в структуре уголовно-исполнительной инспекции. На начальном этапе пробационная

работа осуществлялась только в отношении лиц, условно осужденных.

С 1 января 2015 года уголовно-исполнительные инспекции были преобразованы в службу пробации. Таким образом, помимо осуществления контроля за осужденными, в отношении которых назначены наказания без изоляции от общества, сотрудники оказывают социально-правовую помощь подучетным лицам в виде трудоустройства, предоставления медицинских услуг, получения образования, овладения профессией и т.п.

В рамках реализации 33 шага «Плана нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ», которая заключалось в выстраивании эффективной системы социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации [1], 30 декабря 2016 года принят Закон Республики Казахстан «О пробации».

Закон устанавливает основные положения пробационной деятельности, определяет цель, задачи, принципы и формы пробации, а также предусматривает функционирование общепринятых международным сообществом видов пробации. Так казахстанская пробационная система внедряет новую досудебную модель.

Досудебная пробация – это деятельность и совокупность мер по оказанию социально-правовой помощи подозреваемому, обвиняемому, направленных на коррекцию их поведения [2].

Подозреваемые, как и обвиняемые, имеют процессуальное право на реализацию досудебной пробации в отношении них (п. 13.1 ч. 9 ст. 68 УПК РК) [3]. Основы пробационной деятельности в рамках досудебной пробации строятся на принципах соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; законности; гуманизма; гласности; дифференцированного и индивидуального подхода при определении объема социально-правовой помощи; стимулирования правопослушного и активного общественно полезного поведения лиц, состоящих на учете службы пробации.

Казахстанский законодатель закрепил определенную категорию лиц, которые имеют процессуальное право на досудебную пробацию. Согласно ст. 13 Закона Республики Казахстан «О пробации», несовершеннолетние, пенсионеры, инвалиды, беременные женщины, а также женщины, имеющие малолетних детей до трех лет, мужчины, воспитывающие в одиночку малолетних детей в возрасте до трех лет, образуют данную категорию обвиняемых (подозреваемых). Вместе с тем лица, в отношении которых применены меры пресечения в виде домашнего ареста или содержания под стражей, к досудебной пробации не подлежат [2].

Объекты уголовного преследования на добровольной основе обращаются с письменным заявлением в службу пробации. Необходимо отметить, что адвокаты или законные представители обвиняемого (подозреваемого) лица могут обратиться от его имени за предоставлением пробационной услуги.

Специалисты по пробации с момента регистрации письменного обращения заводят в отношении обвиняемого или подозреваемого накопительное дело, которое состоит из двух частей. В первой части содержатся материалы, служащие основанием для постановки на учет: письменное заявление, копия постановления о признании лица в качестве подозреваемого либо обвиняемого, копии извещений, сообщений, регистрационный лист и отдельный лист для отметок, проверяющих по изучению дела. Вторая часть дела включает в себя характеризирующий материал, относящиеся к организации и осуществлению процесса исполнения досудебной пробации, оказания содействия в получении социально-правовой помощи [4].

При постановке на учет обвиняемого (подозреваемого) сотрудники службы пробации посредством беседы проводят изучение личности лица с установлением состояния здоровья, уровня его образования и занятости трудом, наличия места жительства, а также выясняют иные сведения, необходимые для определения объема социально-правовой помощи. Кроме того, сотрудниками разъясняется порядок предоставления социальной поддержки в виде оказания содействия в получении образования, овладении профессией, в трудоустройстве, лечении, а также обеспечении правовой помощи. Так, в течение трех рабочих дней, специалисты по пробации составляют индивидуальную программу, указывая категорию помощи, в которой нуждается подучетное лицо. В случае если обвиняемый (подозреваемый) не нуждается в социальной поддержке, оформляется акт об отказе [5].

Рассматриваемая социально-правовая помощь предоставляется государственными (в некоторых случаях негосударственными) организациями. Подготовленная индивидуальная программа направляется в соответствующие органы, которые предоставляют необходимую помощь. В указанных обстоятельствах служба пробации выступает в качестве посредника между гражданином и государством.

Помимо мероприятий социального характера, специалисты по пробации оказывают содействие правосудию в виде подготовки досудебного доклада в отношении обвиняемого (подозреваемого).

В соответствии со ст. 14 Закона Республики Казахстан «О пробации» под досудебным докладом следует понимать информацию о личностных особенностях подозреваемого, обвиняемого, выполнении ими мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой оказания социально-правовой помощи, следовании рекомендациям службы пробации и принятии ее помощи [2].

Специалисты по пробации проводят психосоциальное тестирование личности обвиняемого (подозреваемого), которое реализуется на добровольной основе в первой половине дня и не превышает длительности более шестидесяти минут. Данное тестирование осуществляется с применением следующих мероприятий: подготовка и организация психосоциального тестирования, сбор биографических дан-

ных, психологическая диагностика индивидуально-психологических особенностей личности [6].

Психосоциальное тестирование личности обвиняемого (подозреваемого) производится исключительно сотрудниками, имеющими психологическое или педагогическое образование. Применяемые ими разные методики направлены на изучение индивидуальных характеристик личности:

– психическое состояние (самочувствие, настроение, активность, работоспособность, тревожность, стрессоустойчивость);

– интеллектуальное развитие;

– свойства личности (особенности характера, темперамент);

– ценностные ориентации;

– внутригрупповые отношения.

Полученные итоговые результаты тестирования обобщаются на основе интерпретаций комплекса методик (тестовой батареи) и других данных. Комплексное и углубленное изучение личности обвиняемого (подозреваемого) позволят суду применить в отношении него принудительные меры обязательного и ограничительного характера с учетом индивидуальных особенностей подсудимого. Таким образом, сотрудники службы пробации отражают в досудебном докладе следующие аспекты: психологическое заключение и рекомендации органу правосудия о назначении тех или иных уголовных наказаний в отношении правонарушителя, которые, с точки зрения специалиста, будут более эффективными в процессе его исправления.

Досудебная пробация, безусловно, – перспективное направление правоохранительной деятельности Республики Казахстан. Учитывая опыт работы органов уголовно-исполнительной инспекции, рекомендации международных и национальных неправительственных правозащитных организаций, Общественного совета по вопросам деятельности органов внутренних дел, экспертов и ученых, принята модель, которая имеет определенные особенности, отличающиеся от зарубежной досудебной пробации. Указанные отличия заключаются в следующем:

1. Национальная модель пробации реализуется в рамках процессуального права обвиняемого или подозреваемого, в то время как в ряде зарубежных государств суд инициирует производство досудебного пробационного механизма.

2. Многолетний опыт функционирования досудебной модели в ряде зарубежных стран определил и установил процессуальный статус специалиста по пробации в их уголовном судопроизводстве. Данный аспект не отражен в нормах уголовно-процессуального законодательства Казахстана.

3. Согласно общепринятым международным стандартам, досудебная пробация осуществляется в отношении любой категории лица. Казахстанское пробационное законодательство определяет круг подозреваемых и обвиняемых, имеющих право на досудебную пробацию.

4. В деятельности казахстанских специалистов преобладающая функция заключается в оказании социально-правовой помощи подозреваемому или обвиняемому, что не является первостепенной задачей для сотрудников службы пробации зарубежных государств. Основной их целью является исследование личности правонарушителя, подготовка рекомендаций суду.

5. Национальная досудебная модель осуществляется службой пробации, которая относятся к структуре уголовно-исполнительной системы, в то время как в некоторых государствах функция досудебной пробации выполняется судебными органами.

Анализируя вышеперечисленные положения, на наш взгляд, казахстанская досудебная пробация нуждается в некоторых организационно-структурных изменениях, которые послужат совершенствованию и развитию пробации в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан.

Список литературы:

1. План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ: Программа Президента Республики Казахстан от 20 мая 2015 года // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31977084 (дата обращения: 11.10.2019).

2. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года № 38-VI ЗРК «О пробации» // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36232217 (дата обращения: 11.10.2019).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года № 231-V ЗРК // URL: http://online.zakon.kz (дата обращения: 11.10.2019).

4. Об утверждении Правил организации деятельности службы пробации: Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 15 августа 2014 года № 511 // URL: http://online.zakon.kz (дата обращения: 11.10.2019).

5. Об утверждении Правил оказания социально-правовой помощи лицам, состоящим на учете службы пробации: Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 октября 2014 года № 1131 // URL: http://online.zakon.kz (дата обращения: 11.10.2019).

6. Об утверждении Методики проведения психосоциального тестирования личности подозреваемого, обвиняемого на стадии досудебной пробации и Методики подготовки досудебного доклада: Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 4 февраля 2017 года № 90 // URL: http://online.zakon.kz (дата обращения: 11.10.2019).

КАПУСТИН Алексей Сергеевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент; superketchups@rambler.ru

БОРОВКОВА Марина Алексеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студентка; marinaborovkova98@gmail.com

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА БЕЗБИЛЕТНЫЙ ПРОЕЗД В ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕТРОПОЛИТЕНЕ

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при реализации норм Закона Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» по поводу привлечения к юридической ответственности лиц, нарушивших требования Правил пользования Петербургским метрополитеном о платности проезда, а также предлагается возможный вариант решения данного вопроса.

Ключевые слова: *петербургский метрополитен, административные правонарушения, безбилетный проезд.*

Введение новых правовых норм или же их редактирование под актуальные реалии жизни зачастую сопровождаются большим количеством проблем, которые нужно решить законодателю. Решение же данных вопросов позволит создать благоприятную почву для реализации нормативных правовых актов на практике, что не позволит ни одному из участников отношений безнаказанно отступить от предусмотренных правил.

Одним из подобных случаев в современном законодательстве является ситуация с регулированием проезда в Петербургском метрополитене без оплаты. Согласно пп. 7 п. 1 ст. 3 ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2017 № 442, метрополитен – вид внеуличного транспорта, движение подвижного состава которого осуществляется на электротяге по двум рельсам [1]. Российская Федерация передала органам государственной власти субъектов Российской Федерации осуществление полномочий по федеральному государственному контролю за соблюдением правил технической эксплуатации внеуличного транспорта и правил пользования внеуличным транспортом (п. 1 ст. 6 указанного закона). В такой ситуации необходимо оценить степень урегулированности вопросов деятельности такого вида транспорта, как метрополитены, которые являются источником повышенной опасности. Данный вопрос имеет большое значение, ведь на сегодняшний день метрополитен является одним из основных и востребованных видов транспорта для большинства жителей города Санкт-Петербурга. Поэтому в связи с широкой популярно-

стью в данной сфере совершается большее количество правонарушений.

Конечно, данная проблема является результатом противоправных действий граждан, которые, как и в любом правовом государстве, должны иметь определенные последствия, будь то материальная ответственность, предупреждение или же простое непринятие такого поведение государством, что должно быть выражено в нормативных правовых источниках.

Однако при решении любого вопроса не стоит зацикливаться лишь на одном его аспекте. Основная трудность написания законов – создание текста, который был бы и универсальным, и конкретным. Текст закона должен универсально охватывать все явление, но при этом конкретизировать его, доходя до каждой детали. Как известно, дьявол кроется в деталях (или бог в мелочах) [2, с. 9-10]. Не стоит забывать о том факте, что при создании новых редакций законов, принятия совершенно новых актов часто возникают проблемы. Они могут заключаться как и в том, что вопрос просто остается не урегулированным изначально по какой-либо причине, так и в том, что реализация данных норм либо невозможна или же отсутствуют полномочия у должностных лиц, призванных обеспечивать данные нормы права (отсутствие механизма реализации закона) [3].

Именно о последнем пробеле в праве пойдет речь в данной статье.

К полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области организации транспортного обслуживания населения при перевозках внеуличным транспортом, в том числе и на метрополитене, относится определение перечня должностных лиц, уполномоченных на осуществление контроля за оплатой пассажирами перевозки и провоза ручной клади сверх установленных норм, и установление порядка осуществления такого контроля. А одной из главных обязанностей пассажира считается оплата услуги по перевозке и провозу ручной клади. Ведь договор перевозки пассажира и багажа по своей сути является возмездным, о чем нам говорят ст. 786 Гражданского Кодекса РФ и ст. 12 ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4; 1].

В качестве основного документа, регулирующего отношение по административной ответственности, а в частности правонарушение в виде проезда без оплаты в Петербургском метрополитене, рассмотрим предыдущую редакцию закона Санкт-Петербурга от 31.05.2010 № 273-70.

Данный нормативный акт [5] в статье 40 предусматривал и предусматривает в актуальной редакции ответственность за нарушение правил пользования Петербургским метрополитеном. Так, в соответствии с п. 1 рассматриваемой статьи проезд в Петербургском метрополитене без оплаты влечет наложение административного штрафа в размере одной тысячи рублей.

Что же касается возможности реализации данной нормы на практике, то в соответствии со ст. 51 того же закона в той же редакции в п. 2-2 указывала на перечень должностных лиц Санкт-Петербургского государственного унитарного предприятия, осуществляющего перевозки пассажиров на метрополитене. В данный перечень входили, кроме прочих: дежурный по станции Службы движения; инспектор по станциям дистанции обеспечения контроля Службы контроля на метрополитене; управление метрополитена и т.д.

Данный список включал себя более десятка лиц, в полномочия которых входила возможность реализации права «на месте», что, конечно же, способствовало уменьшению правонарушений в этой области. Также стоит помнить о том факте, что распределение полномочий на дополнительных должностных лиц снижает нагрузку, а это напрямую влияет на возможности должностных лиц рассматривать другие правонарушения более внимательно и эффективно.

Однако в 2017 году Законом Санкт-Петербурга от 29 декабря 2017 г. № 886-164 п. 2-2 ст. 51 рассматриваемого закона утратил силу. Это привело к тому, что с лиц, перечисленных выше, были сняты полномочия по составлению протоколов, а значит, и по реализации самого Закона.

Сама ситуация, когда с должностных лиц снимают определенные полномочия, не является чем-то негативным или неправильным. Но стоит обратить внимание на тот факт, что не было предусмотрено замены данной нормы, которая регулировала схожие отношения в актах другого уровня (например, по причине необходимости регулирования данного правонарушения на федеральном, а не региональном уровне).

По причине того, что ответственность за данное правонарушение до сих пор остается в действующем Законе Санкт-Петербурга, следует внести в него изменения.

Рассматривая данную тему, не лишним будет обратить внимание на ныне действующую норму Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (ст. 23.8) в области таможенного регулирования, которая дает полномочия таможенным органам рассматривать ряд дел (например, дела об административном правонарушении по ст. 16.1 КоАП РФ – незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза товаров и (или) транспортных средств международной перевозки) [6]. А п. 12 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ наделяет должностных лиц таможенных органов полномочием составлять протоколы об административных правонарушениях, указанных в настоящей статье, а также осуществлять административное задержание лиц, совершивших данное правонарушение. Указанные нормы дополняются положениями приказа Федеральной таможенной службы от 2 декабря 2014 г. № 2344 [7]. Подобное делегирование полномочий должностным лицам таможенных органов позволяет значительно упростить процедуру привлечения к административной

ответственности лиц, нарушающих требования действующего законодательства.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. На сегодняшний день актуальной является проблема безбилетного проезда в метрополитене. Ведь данные нарушения препятствуют нормальному функционированию метрополитена и нарушают экономические интересы государства, т.к. объекты недвижимого имущества, принадлежащие на праве хозяйственного ведения ГУП «Петербургский метрополитен», являются государственной собственностью Санкт-Петербурга.

2. Ранее Закон Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» содержал простой и удобный, с точки зрения реализации механизма привлечения к административной ответственности лиц за безбилетный проезд в Петербургском метрополитене, наделив ряд сотрудников метрополитена полномочиями по составлению протокола об административном правонарушении требований, Правил пользования Петербургским метрополитеном об обязанности пассажиров оплатить проезд.

3. Однако после внесения изменений в данный нормативный акт в 2017 году вопрос привлечения к административной ответственности за безбилетный проезд остался недостаточно разработанным, ведь сотрудники службы безопасности метрополитена были лишены части своих полномочий.

4. В связи с этим представляется необходимым расширить полномочия сотрудников службы безопасности метрополитена и уполномочить их составлять протокол, а также осуществлять задержание лиц, нарушивших требования Правил пользования метрополитеном об оплате проездного билета.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2017 № 442-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Киселев, И.П. Внеуличный транспорт современных городов: к вступлению в силу нового федерального закона / И.П. Киселев // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. – 2018. – № 5 (78). – С. 7-10.

3. Шабаева, О.А. Общая характеристика механизма правового регулирования / О.А. Шабаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 214-219.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Закон Санкт-Петербурга от 31.05.2010 № 273-70 (ред. от 02.07.2019) «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Приказ Федеральной таможенной службы от 2 декабря 2014 г. № 2344 «Об утверждении перечня должностных лиц таможенных органов Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» // СПС «КонсультантПлюс».

КАРЛ Ардак Маратович,
Санкт-Петербургский университет МВД России адъюнкт; karl_ardak@mail.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В СТРАНАХ-УЧАСТНИЦАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье рассматриваются законодательное регулирование оперативно-розыскных мероприятий законодательств стран – участниц Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: *оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскной закон, Евразийский экономический союз.*

В современный период взаимодействие стран – участниц Содружеств Независимых Государств развивается в условиях многоуровневого объединения, ключевыми этапами которого стали создание Евразийского экономического союза, единого экономического пространства. Особая роль в обеспечении безопасности стран Содружества отведена Организации Договора о коллективной безопасности. Новым импульсом евразийского интеграционного образования стало подписание 29 мая 2014 г. Главами Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, к которому впоследствии присоединились Республика Армения и Кыргызская Республика.

Евразийский экономический союз – международная организация региональной экономической интеграции, первоочередной задачей которой является проведение согласованной и единой экономической политики, создание унифицированного либо гармонизированного внутреннего законодательства государств – членов Союза [8, с. 4].

Однако, останавливаясь на оперативно-розыскном законе каждой страны, участвующие в союзе, то далеко не все имеют сходства, в частности институт оперативно-розыскных мероприятий, который

является одним из ключевых элементов оперативно-розыскной деятельности [1, с. 5].

Так, в российском оперативно-розыскном законе органы, осуществляющие ОРД, могут проводить следующие мероприятия: 1) опрос; 2) наведение справок; 3) сбор образцов для сравнительного исследования; 4) проверочная закупка. 5) Исследование предметов и документов. 6) наблюдение; 7) отождествление личности; 8) обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; 9) контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; 10) Прослушивание телефонных переговоров; 11) снятие информации с технических каналов связи; 12) оперативное внедрение; 13) контролируемая поставка; 14) оперативный эксперимент; 15) получение компьютерной информации [9].

За 24 года с момента принятия закона в список оперативно-розыскных мероприятий было добавлено лишь одно новое мероприятие – это получение компьютерной информации.

Среди остальных стран – участниц ЕАЭС в казахстанском оперативно-розыскном законе количество оперативно-розыскных мероприятий самое большое. Они также на законодательном уровне подразделяется на общие и специальные оперативно-розыскные мероприятия.

Общие мероприятия: 1) опрос лиц; 2) установление гласных и негласных отношений с гражданами, использование их в оперативно-розыскной деятельности; 3) внедрение; 4) применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность; 5) создание конспиративных предприятий и организаций; 6) контролируемая поставка; 7) применение технических средств для получения сведений, не затрагивающих охраняемые законом неприкосновенность частной жизни, жилища, личной и семейной тайны, а также тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; 8) наведение справок; 9) получение образцов; 10) оперативный закуп; 11) применение служебно-розыскных собак; 12) поиск и отождествление личности по приметам; 13) поиск устройств незаконного снятия информации; 14) обнаружение, негласная фиксация и изъятие следов противоправных деяний, их предварительное исследование; 15) преследование лица, готовящего, совершающего или совершившего преступление, и его задержание; 16) осуществление с участием понятых личного досмотра задержанных лиц, изъятия находящихся при них вещей и документов, могущих относиться к преступной деятельности, а также досмотра жилых помещений, рабочих и иных мест, досмотра транспортных средств; 17) проведение операций по захвату вооруженных преступников; 18) наблюдение.

Специальные мероприятия: 1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места; 2) негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи; 3) негласное получение информации о соедине-

ниях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; 4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации; 5) негласный контроль почтовых и иных отправлений; 6) негласные проникновение и (или) обследование места [5].

Одним из новых оперативно-розыскных законов среди стран – участниц ЕАЭС, является принятый в 2015 году в Республике Беларусь. Считаем, что законодательное регулирование оперативно-розыскных мероприятий является одним из образцовых. Поскольку в данном институте предусмотрено более детальное разъяснение каждого вида оперативно-розыскного мероприятия, которое снимает многие вопросы регулирования как на практике, так и в науке. Закон состоит из 14 оперативно-розыскных мероприятий: 1) оперативный опрос; 2) наведение справок; 3) сбор образцов; 4) исследование предметов и документов; 5) оперативное отождествление; 6) оперативный осмотр; 7) наблюдение; 8) проверочная закупка; 9) контролируемая поставка; 10) слуховой контроль; 11) контроль в сетях электросвязи; 12) контроль почтовых отправлений; 13) оперативное внедрение; 14) оперативный эксперимент [4].

В армянском оперативно-розыскном законе, как и в белорусском, каждому оперативно-розыскному мероприятию предусмотрена самостоятельная статья. Оперативно-розыскные мероприятия: 1) оперативный запрос; 2) добывание оперативной информации; 3) сбор образцов для сравнительного исследования; 4) контрольная закупка; 5) контролируемая поставка и закупка; 6) исследование предметов и документов; 7) внешнее наблюдение; 8) внутреннее наблюдение; 9) отождествление личности; 10) обследование зданий, сооружений, местности, строений и транспортных средств; 11) контроль за корреспонденцией, почтовыми, телеграфными и другими сообщениями; 12) контроль за телефонными переговорами; 13) оперативное внедрение; 14) оперативный эксперимент; 15) обеспечение доступности финансовых данных и негласный контроль за финансовыми сделками; 16) имитация получения взятки или дачи взятки [3].

В кыргызском оперативно-розыскном законе по количеству 21 оперативно-розыскное мероприятие: 1) опрос граждан; 2) наведение справок; 3) сбор образцов для сравнительного исследования; 4) проверочные закупки; 5) исследование предметов и документов; 6) контролируемые поставки (проверочные поставки); 7) отождествление личности; 8) обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; 9) контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; 10) прослушивание и запись переговоров, производящихся по телефону и другим переговорным устройствам; 11) снятие информации с технических каналов связи; 12) создание конспиративных предприятий и организаций; 13) оперативное внедрение; 14) оперативное наблюдение; 15) оперативный эксперимент; 16) оперативная установка; 17) применение технических средств для получения сведений, не затрагивающих охраняемые

законом неприкосновенность частной жизни, жилища, личной и семейной тайны, а также тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; 18) поиск технических средств незаконного снятия информации; 19) оперативный поиск в сетях и на каналах связи; 20) негласное прослушивание и запись разговоров (с использованием видео-, аудиотехники и (или) специальных технических средств); 21) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами [2].

Также хотелось отметить, что обсуждается о принятии нового оперативно-розыскного закона Кыргызстана. Причиной является вступивший в 2019 году новый уголовно-процессуальный кодекс, в котором закреплены специальные (негласные) следственные действия.

Анализируя перечень оперативно-розыскных мероприятий стран – участниц ЕАЭС, мы видим, во-первых, разницу в количестве оперативно-розыскных мероприятий, во-вторых, несходство названий, в-третьих, в некоторых законах имеются действия, которые неизвестны другому закону страны. Проблему о несоответствия оперативно-розыскных законов стран – участниц ЕАЭС друг к другу привлекают многих ученых [7, с. 64-67; 10, с. 53-84]. Имеется и реализованное диссертационное исследование, в котором более подробно изучены многие проблемы по унификации оперативно-розыскных законодательств стран – участниц ЕАЭС [8].

Резюмируя данную статью, считаем, что необходимо странам – участницам ЕАЭС по мере возможности унифицировать как оперативно-розыскные мероприятия, так и сам закон. Хотя можно было бы сказать, что имеется предусмотренный Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», принятый 16 ноября 2006 года на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, который решит все вопросы и проблемы, однако он несет рекомендательный характер и может быть разным по характеру восприятия адресатами [6, с. 200]. По нашему мнению, сближение оперативно-розыскных законов придаст возможность снизить организованную, транснациональную и другие виды преступности.

Список литературы:

1. Вагин, О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: Учебно-практическое пособие / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, Г.Х. Шабанов. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – 119 с.

2. Закон Кыргызской Республики от 16 октября 1998 года № 131 «Об оперативно-розыскной деятельности» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/138 (дата обращения: 14.10.2019).

3. Закон Республики Армения от 19 ноября 2007 года № ЗР-223 «Об оперативно-розыскной деятельности» // Законодательство стран СНГ. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52390 (дата обращения: 14.10.2019).

4. Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» // Законодательство стран СНГ. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=77612 (дата обращения: 14.10.2019).

5. Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-XIII «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.12.2018 г.) // online.zakon.kz. – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1003158. (дата обращения: 14.10.2019).

6. Карл, А.М. Сущность осуществления оперативно-розыскных мероприятий по модельному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» и оперативно-розыскных законодательств государств-участников СНГ: сравнительно-правовой анализ / А.М. Карл // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2019. – № 1 (41). – С. 198-206.

7. Маматов, В.Г. Правовые и организационные проблемы взаимодействия в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел стран ЕАЭС / В.Г. Маматов // Оперативник (сыщик). 2016. – № 2 (47). – С. 64-67.

8. Парманасов, А.Д. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в странах-участниках Евразийского экономического союза (по материалам органов внутренних дел): дис. … канд. юрид. наук / А.Д. Парманасов. – Санкт-Петербург, 2017. – 263 с.

9. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 14.10.2019).

10. Шахматов А.В. К вопросу соотношения оперативно-розыскных мероприятий стран СНГ и Модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 частях. 04-05 апреля 2019 г. Отв. редактор Н.Н. Цуканов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2019. – С. 83-84.

КЛАЧКОВА Екатерина Дмитриевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; ek.dmitrievna96@mail.ru

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Статья посвящена вопросам назначения наказания в виде исправительных работ.

Ключевые слова: *исправительные работы, осужденный, уголовное наказание, нормативно-правовой акт.*

Наказание в правовой практике Российской Федерации применяется с целью восстановить социальную справедливость, а также для того, чтобы виновный исправился и больше подобных преступлений не совершал. В уголовном кодексе нашей страны выделяют 13 видов наказания. Их делят на две группы: основные и дополнительные.

К основным видам наказания относятся обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, смертная казнь [1].

Дополнительные виды наказания применяются только вместе с основными. К ним относятся лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; штраф, лишение права занимать определенные должности и ограничение свободы может быть как основным видом наказания, так и дополнительным [1].

Правовое регулирование наказания в виде исправительных работ постоянно подвергается изменениям, создаются новые предписания. Поэтому рассмотрение данной темы чрезвычайно актуально.

Исполняет наказание в виде исправительных работ уголовно-исполнительная инспекция. Нормативно-правовой базой для работы данного органа является Положение об уголовно-исполнительных инспекциях (Постановление Правительства РФ от 16.06.1997 № 729) и Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовного характера без изоляции от общества (Приказ Минюста РФ от 20.05.2009 № 142).

После того, как инспекция получает распоряжение суда и копию приговора, начинается исполнение наказания. На осужденного заводится личное дело. Это необходимо для эффективного контроля за ходом исполнения наказания с целью своевременного снятия с учёта по законным основаниям, конечно.

Одной из функций уголовно-исполнительной инспекции является направление на работу осужденного и контроль за его работой. Инспекция сообщает администрации по месту работы о порядке и условиях отбывания наказания, о размере удержания заработной платы, перечислению этих сумм, применении каких-либо других право-

мерных ограничений. Администрация обязана проводить с осужденным воспитательные работы, сообщать в инспекцию о взысканиях, наложенных на осужденного, об увольнении на законных основаниях.

Если обратиться к истории нашей страны, то можно узнать, что принуждение осужденных к труду было распространено в Российской Империи. Применялся каторжный труд в отношении осужденных к ссылке без изоляции от общества.

В большинстве уголовных актов советского государства регулировалось проведение принудительных работ.

Впервые данный вид уголовного наказания закреплен Инструкцией НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке проведения его заседаний» [2, с. 181-183].

Законодательное регулирование исправительных работ в действующем УК РФ подвергалось постоянным изменениям. Они касались перечня осужденных, в отношении которых применялось данное наказание, места его отбытия. Первоначальная редакция статьи гласила о том, что исправительные виды работ применяются только к гражданам, имеющим основное место работы. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ эту редакцию ст. 50 УК РФ изменил. Теперь исправительные работы назначаются людям, не имеющим основного места работы [3, с. 23].

Достаточно спорной является ситуация с применением данного вида наказания в системе уголовных наказаний. Одним из преимуществ можно отметить, что при осуществлении исправительных работ, осужденного не нужно изолировать от общества. Общество может положительно повлиять на эффективность наказания, благодаря трудовой дисциплине [4, с. 321]. Ведь известно, что пребывание осужденных в местах лишения свободы очень часто приводило к изменениям личности человека не в лучшую сторону, могло способствовать совершению новых преступлений. В этом, конечно, заключается неоспоримое преимущество исправительных работ перед лишением свободы. Но такая мера будет воздействовать на людей, совершивших преступление случайно, по неосторожности, обладающих высоким уровнем интеллекта и социальной адаптированности. В случае с социально декретированными группами населения лишение свободы будет более эффективно, чем исправительные работы и удержание с заработной платы.

Некоторые правоведы, которые рассматривают необходимость применения исправительных работ к осужденным, указывают на скрытый характер данного вида наказания. В сущности, при таких обстоятельствах исправительные работы сходны с рассрочкой суммы, назначаемой в виде штрафа [5, с. 57]. То есть не так уж могут повлиять на исправление человека, его раскаяние. Такое мнение подтверждает осуществление удержаний из дохода осужденного, которые имеют характер денежного взыскания. А вот если исправительные работы применяются к безработным, то тут денежные взыскания бу-

дут иметь гораздо большую эффективность [6, с. 204-205]. Следует так же отметить ещё один существенный недостаток денежных взысканий с осужденных. Невозможно проследить все доходы современных бизнесменов и предпринимателей. А ведь нелегальные доходы могу исчисляться миллионами, соответственно, должного эффекта взыскания не окажут.

Так же необходимо учитывать то, что уголовно-исполнительная инспекция имеет высокую степень загруженности и не может обеспечить каждому осужденному индивидуальный подход.

После детального анализа практики назначения исправительных работ следует вывод о том, что применение данного вида уголовного наказания остается достаточно спорным. Причин тому было немало. Суды при назначении данного наказания обращали внимание на наличие у подсудимых места работы, положительной характеристики по месту работы. В расчёт принималось воздействие данной меры взысканий на материальное состояние семьи осужденного. А ведь большинство подсудимых являются гражданами социально не адаптированными, не получают заработной платы и на работе отзываются о них не очень хорошо, и применение исправительных работ в качестве наказания является неэффективным. Инспекция же, контролирующая исполнение наказаний, зачастую не может устроить подсудимого на работу, так как у них банально может не быть документов из перечня Трудового Кодекса РФ [7].

Для увеличения заинтересованности предприятий в устройстве на работу осужденных можно внести корректировки в налоговое законодательство РФ, в частности в ст. 284 НК РФ, чтобы снизить налоговую нагрузку на предприятия, которые принимают на работу осужденных [8]. В формулировку данной статьи следует включить указание на предприятия, квотирующие рабочие места для осужденных, которые состоят на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях.

В результате преобразований в российской системе уголовных наказаний в разные годы произошло увеличение числа мер уголовного наказания, эффективность которых на практике не доказана. Этот факт оценивается по-разному.

С.И. Курганов считает, что в российском уголовном законодательстве перечень наказаний весьма обширен, что помогает суду персонализировать наказание [9, с. 16].

По мнению Л.В. Головко, система исполнения наказаний в нашей стране чересчур устарела и не позволяет стать наказанию мерой социального воздействия на виновных в совершении преступлений [10, с. 32].

Исправительные работы как мера наказания в настоящее время являются мерой с недоказанной эффективностью. Не каждый человек, совершив преступление и выполнив данный тип работ, осознает тяжесть и общественный вред своего преступления. Российская система уголовных наказаний нуждается в детальной доработке законо-

дательной базы. Необходимо пересмотреть процесс организации исполнительных работ, вопросы трудоустройства осужденных, поощрение предприятий, принимающих их на работу. Тогда может быть создана эффективная система уголовных наказаний в виде исправительных работ и, возможно, снизится количество совершаемых преступлений. А это – большой шаг на пути к статусу страны с низким уровнем преступности.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. (в ред. от 02.08.2019).
2. Инструкция № 170 Революционному Трибуналу «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. – М., 1942. – С. 181-183.
3. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848. Тонков, В.Е. Некоторые вопросы назначения и отбывания наказания в виде исправительных работ / В.Е. Тонков // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 6.
4. Степашин, В.М. Специальные правила назначения наказания и мер уголовно-правового характера: монография / В.М. Степашин. – М., 2012. – С. 321.
5. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 2. Общая часть. Учение о наказании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2017.
6. Уголовное право России. Практический курс: учеб.-практ. пособие / под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. – М.: Волтерс Клувер, 2015. – С. 204-205.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. от 23 июля 2013 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
9. Курганов, С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты / С.И. Курганов. – М., 2016.
10. Головко, Л.В. Альтернатива лишению свободы – очередная химера? / Л.В. Головко // ЭЖ-Юрист. – 2018. – № 3.

КОЖАКОВ Андрей Анатольевич,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Пятигорск, Ставропольский край), магистрант;
akordzakova@mail.ru

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПУБЛИЧНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается саморегулирование предпринимательской деятельности как публично-правовое средство регулирования и как средство обеспечения эффективности реального сектора экономики.

Ключевые слова: *саморегулирование, юридическое равенство, гражданско-правовой метод, регулирование, правонаделение, правовая диспозитивность.*

Саморегулирование признается системой регулирования рыночных отношений и присуще рыночной экономике. По своей логике саморегулирование должно заменять собой индивидуальные административные акты правоприменения, плановые задания и команды, присущие плановой экономике. Наличие саморегулирования в правовой системе является одним из признаков правового государства [1, с. 206]. Саморегулирование лучшим образом сочетается с нормативным регулированием. Специфика саморегулирования заключается в том, что его нормы, выработанные высшим органом управления саморегулируемой организации, направлены на установление ограничений собственной экономической деятельности СРО [2, с. 108].

В нашей правовой системе осуществляется поэтапный переход к саморегулированию. На смену планового административно-индивидуального регулирования пришло лицензирование. В настоящее время система лицензирования существует наряду с саморегулированием. Обе системы регулирования экономики не показали своей эффективности и часто вызывают критику.

Саморегулирование как форма регулирования рынка пока не получила высокой оценки в связи с неготовностью общества к саморегулированию в целом [3, с. 78]. В то же время саморегулирование следует рассмотреть именно в качестве публично-правового средства обеспечения эффективности регулирования реального сектора экономики по причине своей близости к лицензированию и по причине единого объекта, подлежащего контролю, – определенного вида предпринимательской деятельности. При этом, как справедливо отмечает О.А. Герасимов, главным критерием включения того или иного вида предпринимательской деятельности в разряд обязательного саморегулирования является необходимость защиты контрагентов

при возникновении охранительных обязательств со стороны членов саморегулируемой организации [4, с. 23].

Все же новые исследования по саморегулированию подчеркивают, что оно является частноправовым средством регулирования предпринимательской деятельности. Ю.Г. Лескова указывает, что это выражение метода гражданско-правового регулирования [5, с. 48]. Свои доказательства Ю.Г. Лескова строит на анализе работ о методе гражданско-правового регулирования. В частности, В.Ф. Яковлев выделил такие особенности гражданско-правового метода регулирования, как правонаделение, правовая диспозитивность, инициатива субъектов, их юридическое равенство [6, с. 99]. Ю.Г. Лескова приходит к выводу, что данные особенности проявляются в саморегулировании.

Такой взгляд представляется обоснованным, за исключением некоторых существенных изъятий, которые позволяют относить саморегулирование к публично-правовым средствам. Такие изъятия касаются существа саморегулирования. Определение саморегулирования, содержащееся в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [7] (далее – Закон о СРО), раскрывает саморегулирование как самостоятельную и инициативную деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил. Из этого определения становится ясным, что саморегулирование представляет собой и контрольную деятельность. В государстве на федеральном уровне обычно контрольные функции и функции по нормативно-правовому обеспечению разделяются по федеральным службам и федеральным министерствам, то есть наблюдается определенное сходство с деятельностью органов государственной власти, осуществляемое на более низком уровне.

Часть 2 ст. 2 Закона о СРО указывает, что саморегулирование осуществляется на основе объединения субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности. В таком объединении наблюдается ключевое сходство с административно-властными средствами. Объединение неизбежным образом приводит к возникновению корпоративных правоотношений, которые так же, как и административные правоотношения, являются субординационными правоотношениями. Отличием является лишь то, что в административных правоотношениях обязательно присутствие наделенного властными полномочиями государственного субъекта. В случае с корпоративными правоотношениями властным субъектом является саморегулируемая организация. Таким образом, властный государственный субъект как бы подменяется властным субъектом частного права.

Однако сущности саморегулирования как правового средства такая подмена субъектов не меняет. Поэтому саморегулирование по

праву может относиться к публично-правовым средствам обеспечения эффективности правового регулирования.

В пользу признания саморегулирования гражданско-правовым институтом выдвигают позицию о том, что корпоративные правоотношения можно прекратить в любое время, совершив выход из соответствующей саморегулируемой организации. В этом, по мнению В.С. Кононова, состоит отличие корпоративных правоотношений от административных [8, с. 101]. Но в то же время следует отметить, что административные правоотношения можно прекратить также путем, к примеру, прекращения вида деятельности, подлежащего лицензированию.

Разница между саморегулированием и лицензированием – скорее правовая и психологическая; с точки зрения экономического существа, такой разницы может и не прослеживаться. О том, является ли саморегулирование эффективным средством правового регулирования, говорить весьма сложно, потому что саморегулирование также навязано извне и сверху, а не родилось в глубинах общественных отношений. Такое централизованное введение не может стать эффективным средством регулирования хотя бы потому, что оно непривычно и непонятно.

В обществе этот институт воспринимается как нечто новое, направленное снова на экономическую невыгоду для субъектов предпринимательской деятельности. Пока не пройдет достаточно времени и не выработается практика применения положений законодательства о саморегулировании, а также пока само законодательство не впитает в себя положительные моменты из практики, институт саморегулирования будет восприниматься в обществе лишь как часть общей административной разрешительной системы.

Список литературы:

1. Яковлев, В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования / В.Ф. Яковлев. – М.: Статут, 2012. – 426 с.

2. Егорова, М.А. Концепция совершенствования механизмов саморегулирования: pro et contra: монография / М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2017. – 526 с.

3. Субанова, Н.В. Саморегулирование как альтернатива лицензированию предпринимательской деятельности / Н.В. Субанова // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 8. – С. 76-81.

4. Герасимов, О.А. Лицензирование и саморегулирование предпринимательской деятельности как средство обеспечения эффективности правового регулирования реального сектора экономики / О.А. Герасимов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2019. – № 2. – С. 22-25.

5. Лескова, Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений / Ю.Г Лескова. – М.: Статут, 2013. – 297 с.

6. Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. – М.: Статут, 2006. – 489 с.
7. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 2007. – № 49. – Ст. 6076.
8. Кононов, В.С. Корпоративные правоотношения: понятие, признаки, сущность / В.С. Кононов // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Под ред. О.Ю. Шилохвоста. – М., 2005. – Вып. 9. – С. 79-127.

КОЖАКОВ Андрей Анатольевич,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, магистрант;
akordzakova@mail.ru

ПОПОВ Алексей Павлович,
доктор юридических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, профессор кафедры предпринимательского и таможенного права;
appopov@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ ПУБЛИЧНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассмотрены публично-правовые нормы, относящиеся к предпринимательскому праву, в аспекте исследования вопросов об эффективности законодательства, регулирующего реальный сектор экономики.

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, юридические лица, государственная регистрация предпринимателей, предпринимательская деятельность, порядок государственной регистрации, способы регистрации, юридические лица.*

Попытка сгруппировать средства публично-правового регулирования экономических отношений ранее в науке уже была. Такие средства отнесены к средствам воздействия на экономику, представляющие собой средства обеспечения эффективности правового регулирования. Они выделяются из числа иных норм права и призваны сделать регулирование экономики всей системой права эффективным.

Е.П. Губин разделяет средства на прямые и косвенные. К прямым относятся, например, государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности, лицензирование отдельных видов деятельности, к косвенным – методы денежно-кредитной полити-

ки, бюджетной политики, регулирование ценообразования [1, с. 407]. Деление производится по такому критерию, как степень участия государства (степень его вмешательства) в рыночные процессы экономики.

В.С. Белых подобным образом признает деление средств регулирования рыночной экономики на прямые и косвенные. Между тем к прямым относятся определение стратегических целей развития экономики, государственные заказы и контракты, нормативные требования к качеству и сертификации, правовые ограничения и запреты по выпуску определенных товаров, к косвенным - налогообложение, платежи за ресурсы, ставки за кредит [2, с. 322]. Таким образом, критерием деления выступает связанность средства с деньгами.

На наш взгляд, публично-правовые средства должны опираться на действующие нормы права и прежде всего на существующие частноправовые средства. Первым таким средством можно признать институт государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности. Государственная регистрация субъектов – формальный критерий осуществления предпринимательской деятельности, что следует из легального определения предпринимательской деятельности, предусмотренного в ст. 2 ГК РФ. Итак, в ряде случаев производственная деятельность может осуществляться лицами, которые не являются зарегистрированными субъектами предпринимательства.

Однако случаи, когда производственная деятельность не является предпринимательской, крайне редки и в количественном выражении в социально-экономическом аспекте нивелируются сегодня производственной деятельностью, осуществляемой в рамках предпринимательской. Поэтому рассмотрение формального критерия предпринимательской деятельности будет иметь прямое отношение к производственной.

Согласно ст. 1 Федерального закона 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [3] (далее – Закон о госрегистрации), государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – акты уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемые посредством внесения в государственные реестры сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц, приобретении физическими лицами статуса индивидуального предпринимателя, прекращении физическими лицами деятельности в качестве индивидуальных предпринимателей, иных сведений о юридических лицах и об индивидуальных предпринимателях.

Данное определение характеризует деятельность как объект правового регулирования административного права. Это административно-правовой акт внесения сведений в государственный реестр. Определение представляет собой предписание, раскрывающее вид деятельности и отношений, которые складываются между регистрирующим органом и субъектом предпринимательской деятельности [4,

с. 26]. Из определения также следует, что вносимые сведения касаются правового статуса субъектов, то есть акт государственной регистрации имеет отношение не столько к самой деятельности, сколько к субъектам.

В диссертациях по административному праву отмечается, что государственная регистрация носит государственно-управленческие функции контроля и учета. Признаками контроля является властный, превентивный и правовой характер, а признаками учета - обязательность и всеобщность [5, с. 7]. Все эти признаки выступают ограничением гражданско-правовой свободы. Превенция – запрет на осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации. Властность обозначает наделение статусом субъекта предпринимательства административно-правовым властным актом. Соответственно, признаки учета означают в то же время и упрощение контрольных признаков. Лиц, внесенных в публичные реестры, легче контролировать, и их деятельность становится более прозрачной. Некоторые исследователи пишут о том, что ограничение свободы предпринимательской деятельности происходит за счет предусмотренной административно-правовой процедуры регистрации предпринимательской деятельности [6, с. 8].

Такие выводы прямо подтверждают, что регистрация – это ограничение гражданско-правовой свободы и свободы экономической деятельности. По замыслу Конституции РФ, ограничение в этом случае не должно носить чрезмерный характер. Именно поэтому законодатель установил заявительно-уведомительный порядок регистрации субъектов предпринимательской деятельности [7, с. 10], который предполагает отсутствие необходимости волеизъявления регистрирующего органа, направленного на возникновение правовых последствий в виде внесения в соответствующий государственный реестр сведений о юридическом лице или индивидуальном предпринимателе.

Воля властного субъекта направлена на то, чтобы позволить зарегистрировать или не позволить, но разрешение как таковое или отказ в его выдаче представляет собой властное полномочие разрешительного органа, которое сообразно с субъективным правом, поскольку органу предоставлена возможность разрешить или не разрешить то, о чем просит заявитель. Заявительно-уведомительный порядок схож лишь в том, что такие же административные правоотношения возникают по инициативе невластного субъекта. Властный субъект не имеет никаких полномочий, обладающих признаками субъективного права. Напротив, у властного субъекта существует обязанность зарегистрировать заявителя или предоставить возможность делать то, о чем уведомляет заявитель.

Это существенное отличие должно всегда учитываться при определении вопросов эффективности правового регулирования реального сектора экономики. Разрешительная система не может быть эффективной, и ее сфера действия должна сокращаться. В условиях

стагнации реального сектора экономики разрешительная система должна быть полностью вытеснена заявительно-уведомительным порядком регистрации. Действующий Закон о государственной регистрации обеспечивает заявительный порядок регистрации за счет установления исчерпывающего перечня оснований для отказа в государственной регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя. Данные основания являются формальными причинами отказа, но не имеют ничего общего с разрешением регистрирующего органа.

Следует отметить, что перечень оснований, изначально установленных в ст. 23 Законе о госрегистрации, растет, однако, что очень важно, продолжает оставаться исчерпывающим. Решение об отказе должно содержать обязательное указание на его причину. Кроме этого, никакое из оснований, предусмотренных Законом о регистрации, не имеет ничего общего с волеизъявлением регистрирующего органа, в чем состоит отличительная особенность заявительно-уведомительного порядка регистрации. В разрешительном порядке были бы установлены основания для государственной регистрации, а не основания для отказа в государственной регистрации.

Именно таким образом должна выстраиваться система регистрации субъектов предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики. Чем сложнее процедура, даже заявительно-уведомительный порядок регистрации, тем больше, по нашему мнению, возможностей для злоупотреблений со стороны регистрирующего субъекта. В этих условиях эффективность правового регулирования будет снижаться.

Список литературы:

1. Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. – М.: Юристъ, 2005. – 615 с.

2. Предпринимательское право России: Учебник / В.С. Белых, Г.Э. Берсункаев, С.И. Виниченко [и др.]; отв. ред. В.С. Белых. – М.: Проспект, 2008. – 656 с.

3. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3431.

4. Борисов, А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (постатейный) / А.Н. Борисов. – М.: Юстицинформ, 2014. – 286 с.

5. Шмалий, О.В. Регистрация как форма государственного управления: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О.В. Шмалий. – Ростов н/Д, 2004. – 28 с.

6. Чуряев, А.В. Административно-правовое регулирование государственной регистрации субъектов предпринимательской деятель-

ности: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.В. Чуряев. – Орел, 2009. – 25 с.

7. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. Т. 3 / А.В. Габов, К.Д. Гасников, В.П. Емельянцев и др.; отв. ред. А.В. Габов. – М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2015. – 280 с.

КОЖЕВНИКОВА Татьяна Джорджовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; uza.tatyana@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ КРЕДИТНОГО МОШЕННИЧЕСТВА, КАК ОДНОГО ИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

В статье представлена уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ), которая включена в раздел УК РФ «Преступления в сфере экономики».

Ключевые слова: *преступление, мошенничество, банковский кредит, коммерческий кредит, денежные средства.*

Преступность в сфере экономики сегодня привлекает к себе большое внимание, в особенности в связи с тем, что преступления в данной сфере постоянно трансформируются, приобретая зачастую новые характерные признаки, сложные для выявления и квалификации.

Наибольшая опасность состоит в том, что организованная преступность в различных ее формах внедряется в деятельность кредитно-финансовых организаций, имеет направленность в сторону обеспечения контроля над денежными потоками, в том числе и над ценными бумагами, которые появились на основании действующих информационных технологий. Совершенно очевидна угроза нормальному функционированию кредитно-банковской системы. Большая часть коммерческих банков в той или иной мере попадает под влияние преступных мафиозных структур [1, с. 27].

Согласно Федеральному закону от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в целях учета особенностей экономических отношений, обеспечения на должном уровне защиты интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий, осуществлена «дифференциация различных видов мошенничества» – в 21 главу «Преступления против собственности» УК РФ включена ст. 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования», которая является специальной нормой по отношению к общей норме о мошенничестве, закрепленной в ст. 159 УК РФ, и тра-

диционно для всех форм хищения посягает на отношения собственности. Учитывая, что такое преступление совершается «в сфере кредитования», обязательным дополнительным объектом состава преступления являются финансово-кредитные отношения [7, с. 20].

Предметом преступления выступают денежные средства, полученные в процессе кредитования, т.е. в результате предоставления или получения кредита (наличные денежные средства, денежные средства на банковских счетах).

Обязательным признаком предмета рассматриваемого преступления, необходимого в ходе доказывания преступных действий, является получение указанных денежных средств именно в процессе кредитования, т.е. в результате предоставления или получения кредита.

Мы согласны с высказанной точкой зрения, что Гражданский кодекс РФ предусматривает три вида кредита: «банковский» (ст. 819-821), товарный (ст. 822), коммерческий (ст. 823). Но, учитывая, что предметом данного состава преступления могут быть исключительно денежные средства, следует сделать вывод о том, что уголовная ответственность предусмотрена лишь за хищение, совершенное в процессе предоставления или получения банковского или коммерческого кредита, так как предметом товарного кредита могут являться лишь вещи, предоставляемые на возвратной возмездной основе [2, с. 50].

Банковский кредит заключается в обязательстве, согласно которому по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуется предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик – возвратить полученную денежную сумму и уплатить начисленные на нее проценты.

Денежные средства могут быть предоставлены заемщикам следующими способами:

1) открытием кредитной линии, т.е. заключением соглашения (договора), на основании которого заемщик приобретает право на получение и использование в течение обусловленного срока денежных средств;

2) кредитованием банком банковского счета заемщика (при недостаточности или отсутствии на нем денежных средств – «овердрафт») и оплаты расчетных документов с банковского счета заемщика, если условиями договора банковского счета предусмотрено проведение указанной операции;

3) участием банка в предоставлении (размещении) денежных средств клиенту банка на синдицированной (консорциальной) основе и др. [6, с. 15].

Как мошенничество в сфере кредитования следует квалифицировать и хищение денежных средств в процессе получения образовательного или потребительского кредитов. Образовательный кредит, согласно ст. 104 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», является особой разновидностью банковского кредита, который предоставляется банками и

иными кредитными организациями гражданам, поступившим в организации, осуществляющие образовательную деятельность, и является целевым (т.е. может быть направлен на оплату обучения или на оплату проживания, питания, приобретения учебной и научной литературы и других бытовых нужд в период обучения). Потребительский кредит, т.е. кредит, предоставляемый банком физическим лицам на приобретение товаров (работ, услуг) для личных, семейных, бытовых и иных непроизводственных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, также следует отнести к банковскому кредиту.

Объективная сторона мошенничества в сфере кредитования выражена в форме хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, то есть совершенного с корыстной целью противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения денежных средств в пользу виновного или других лиц, причинивших ущерб собственнику или иному их владельцу.

Наибольшие сложности, с которыми сталкивается судебная практика, связаны с необходимостью определения вида соучастия и квалификации действий всех соучастников преступления, в том числе не обладающих признаками специального субъекта. Отдельные авторы полагают, что дефиниция слова «заемщик» в гражданском и уголовно-правовом значении не совпадают. Диспозиция части 2 статьи 159.1 УК РФ, предусматривающая совершение преступления специальным субъектом (заемщиком) в составе группы лиц по предварительному сговору, выходит за рамки общего понимания учения о соучастии. Между тем практика применения ст. 159.1 УК РФ допускает квалификацию действий соучастников преступления, в том числе специального субъекта (заемщика), как совершенных группой лиц по предварительному сговору.

Способ совершения – обман, заключающийся в предоставлении банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, то есть не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах. При этом возможно и злоупотребление доверием в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения денежных средств [5, с. 32].

По одному из уголовных дел свидетель, работающая персональным менеджером банка и занимающаяся оформлением потребительских кредитов, показала, что когда к ней обращается клиент, то в ходе беседы она выявляет его потребность, выяснят цель получения денежных средств и для каких нужд. Затем визуально проверяет документы, предоставленные ей клиентом. При оформлении заявки на получение кредита клиент должен предоставить все необходимые документы: справку о доходе формы 2-НДФЛ, копию трудовой книжки, паспорт гражданина РФ. Если с документами все в порядке, то начинается заполнение анкеты в электронном виде со слов клиента

(приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 05 ноября 2015 года по уголовному делу № 1-564/2015).

По результатам обобщения судебной практики, проведенного Верховным судом Республики Башкортостан в 2014 [9], способами совершения мошенничества в сфере кредитования являлись предоставление кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений в анкете заемщика – 86,5% случаев; предоставление заведомо ложных и (или) недостоверных сведений в анкете заемщика и подложных документов, подтверждающие данные о личности, работе и имущественном положении лица – 13,5% случаев. Н.В. Карепанов и Г.Н. Карепанов по результатам изучения уголовных дел отметили основные способы мошеннических действий: представление работникам банка фиктивных документов, характеризующих заемщиков (71%) и фальсификацию документов, служащих обеспечением возврата полученных кредитов (29%) [4, с. 25].

Разъяснения по поводу квалификации таких видов мошенничества, которые были даны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [8], хоть и казалось, что сняли наиболее сложные вопросы применения ст. 159 УК РФ, этой цели не достигли.

Статья 159.1 УК РФ часто подвергается критике. В частности, на наш взгляд (и это подтверждает председатель Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству), необходимо, чтобы банк ориентировался на использование услуг квалифицированных юристов для проверки клиентов. Однако добросовестные сотрудники банка могут не замечать признаки мошенничества в сфере кредитования, потому что в настоящее время банки ориентированы на сокращение срока проверки документов заемщика в целях не потерять клиента.

Мошенничество в сфере кредитования признается оконченным с момента, когда указанные денежные средства поступили в незаконное владение виновного или других лиц, и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться ими по своему усмотрению. Если же лицо предоставило банку или иному кредитору недостоверные сведения, но при этом не получило желаемых денежных средств, данное деяние может быть квалифицировано как покушение на мошенничество в сфере кредитования.

Обязательным признаком состава является и ущерб, причиненный в результате совершения преступления. Его размер складывается непосредственно из размера полученных кредитных средств и начисленных процентов. Потерпевшими могут быть банки и иные кредитные организации, а также лица, выдавшие коммерческий кредит.

Определение субъекта преступления не вызывает особых проблем в связи с четкой законодательной формулировкой. Он определен в диспозиции как «заемщик», то есть физическое лицо, индивидуальный предприниматель либо лицо, выполняющее управленческие

функции (должностные обязанности) в организации, получающие кредит. Вместе с тем им является физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, дееспособное, вменяемое.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла и наличием корыстной цели. В случаях, когда лицо получает чужое имущество, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества, возник у лица до получения чужого имущества. О наличии умысла могут свидетельствовать заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство или необходимой лицензии на осуществление деятельности, направленной на исполнение его обязательств по договору, использование фиктивных уставных документов или фальшивых гарантийных писем, сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества и др. [3. с. 25].

Таким образом, проведенный анализ может позволить решить отдельные вопросы, возникающие в правоприменительной практике в связи с квалификацией мошенничества в сфере кредитования.

Список литературы:

1. Назаров, С.В. Организованная и профессиональная преступность: учебное пособие / С.В. Назаров. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2018. – 156 с.

2. Богданова А.В. Государственный кредит: публично-правовые отношения, оформленные гражданско-правовым договором / А.В. Богданова. – М.: Наука, 2014.

3. Ермаков С.Л. Правовое регулирование банковского кредита / С.Л. Ермаков // Государство и право. – 2016. – № 15.

4. Карепанов Н.В., Карепанов Г.Н. Типичные следы мошенничества в сфере кредитования / Н.В. Карепанов, Г.Н. Карепанов // Бизнес в законе. – 2014. – № 5.

5. Костюк, М.Ф. Вопросы квалификации мошенничества в сфере банковского кредитования / М.Ф. Костюк, П.Л. Сердюк // Инфра-М-Контакт. – 2016. – № 3.

6. Соломин С.К. Банковский кредит: проблемы теории и практики / С.К. Соломин. – М.: Юстицинформ, 2012.

7. Филаненко, А.Ю. Хищение чужого имущества: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дис. д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.Ю. Филаненко. – М.: РПА Минюста России, 2011.

8. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 г. №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 10.10.2019).

9. Обобщение практики рассмотрения судами Республики Башкортостан уголовных дел о преступлениях, предусмотренными ст.

159.1 – 159.6 УК РФ. Утверждено Президиумом Верховного Суда Республики Башкортостан 12 февраля 2014 г. // URL: http://vs.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 10.10.2019).

КОМАРНИЦКАЯ Ирина Владимировна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; irina.komarnickaya@mail.ru

ЛИЦА, ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

В статье рассматриваются особенности привлечения к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, малолетние, имущественная ответственность, законные представители, надзор за несовершеннолетними, органы опеки и попечительства.*

Традиционно в гражданском законодательстве устанавливаются ограничения в дееспособности в зависимости от возраста физического лица. Так, во всех правопорядках выделяют группы по состоянию дееспособности [1, с. 38-41], в которых особо оговаривается право детей на самостоятельные действия и возложение юридической ответственности за последствия осуществления таких действий, либо на них самих, либо на иных лиц, в первую очередь, родителей.

В соответствии с российским гражданским законодательством в зависимости от объема дееспособности несовершеннолетних можно разделить на следующие группы:

1) несовершеннолетние в возрасте до 14 лет (малолетние);
2) несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18;
3) эмансипированные несовершеннолетние.

При определении лиц, ответственных за причинение вреда несовершеннолетним, необходимо выяснить возраст несовершеннолетнего. Малолетние, т.е. лица, не достигшие 14 лет, признаются неделиктоспособными, и, следовательно, не могут быть субъектами ответственности [2, с. 41]. Ответственность за вред, причиненный малолетними, возлагается целиком на родителей или лиц их заменяющих, в установленном законом порядке. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет несут самостоятельную имущественную ответственность. Родители таких несовершеннолетних, причинивших вред, могут привлекаться к ответственности в субсидиарном порядке, в случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Кроме того, к

субсидиарной ответственности могут привлекаться, помимо родителей, лица, под надзором которых находился несовершеннолетний [3, с. 36].

Эмансипированные граждане обладают в полном объеме гражданскими правами и несут обязанности, в том числе самостоятельно отвечают по обязательствам, возникшим вследствие причинения вреда, за исключением тех прав и обязанностей, для приобретения которых федеральным законом установлен возрастной ценз (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4]). Следовательно, при возмещении вреда такими гражданами в субсидиарном порядке родители и усыновители не привлекаются. Кроме того, не привлекаются в этом случае к ответственности организации и учреждения, в которых они могут находиться.

Таким образом, когда вред причиняется противоправным поведением несовершеннолетнего лица, законодатель устанавливает специальные правила, которые заключаются в том, что имущественная ответственность может быть возложена на лиц, не являющихся непосредственными причинителями вреда [5, с. 30], т.е. используется конструкция ответственности за чужие действия.

Ответственными за вред, причиненный малолетними (до 14 лет) за вред считаются: а) законные представители – родители (усыновители) или опекуны (граждане или воспитательные, лечебные учреждения, учреждения социальной защиты и другие аналогичные учреждения, являющиеся в силу ст. 35 ГК РФ опекунами); б) образовательные, воспитательные, лечебные и иные учреждения, под надзором которых малолетние находились в момент причинения вреда, а также лица, осуществляющие надзор за ними на основании договора.

Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Ответственность возлагается на обоих родителей, в том числе и на родителя, проживающего отдельно от ребенка, поскольку они в силу ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [6] (далее – СК РФ) имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей. Вместе с тем отдельно проживающий родитель может быть освобожден от ответственности, если по вине другого родителя он был лишен возможности принимать участие в воспитании ребенка. Это обстоятельство должно быть доказано любыми относимыми и допустимыми доказательствами в судебном порядке.

Некоторые авторы считают, что освобождение от ответственности родителя, который был лишен возможности участвовать в воспитании своего ребенка, недопустимо, а возможно говорить об уменьшении размера его ответственности [7, с. 29]. Обосновывается данная позиция тем, что меры, освобождающие от ответственности, не должны поощрять пассивное поведение родителей в вопросах воспитания детей. Однако не считаем возможным согласиться с этим мнением, поскольку оно противоречит отраслевому принципу справедли-

вости. Родитель, отстраненный от воспитания ребенка, не имеет объективной возможности прямо влиять на формирование его характера, поведение в обществе. Однако следует признать, что для правильной оценки обстоятельств, которые могут быть основанием освобождения от ответственности проживающего отдельно родителя следует обратить внимание, на какой стадии процесса воспитания другой родитель был отстранен от участия в воспитании, в чем конкретно выразилось отстранение, принимал ли отдельно проживающий родитель меры по устранению препятствий в воспитании ребенка. Если выяснится, что проживающий отдельно родитель поощрял в свое время противоправное поведение, последствием которого могло стать причинение вреда, не предпринимал попыток правомерными способами (обращался в органы опеки, в суд) добиться устранения препятствий для участия в воспитании, нет оснований его освобождения от ответственности, поскольку от допустил ситуацию безнадзорности за поведением своего отпрыска. Представляется, что разъяснения Верховного Суда по применению дел о возмещении вреда способствовали бы единообразному подходу судей при вынесении соответствующих решений.

ГК РФ закрепляет ответственность родителей, лишенных родительских прав за вред, причиненный несовершеннолетним. Такая ответственность может быть возложена на родителей, лишенных родительских прав, в течение трех лет с момента лишения родительских прав, если поведение ребенка, повлекшее причинение вреда, явилось следствием ненадлежащего осуществления родительских обязанностей (ст. 1075 ГК РФ).

Так, А.А. Ларионов, считает, что следует исключить из ст. 1075 ГК РФ указание на срок, поскольку необоснованно освобождать от ответственности родителя, оказавшего неблагоприятное воздействие на своего ребенка, следствием чего и явилось причинение вреда. Представляется, однако, что такое изменение не будет охватывать случаи, когда, например, время лишения родительских прав трудно будет связать со временем, когда ребенком воспринимается поведение его родителей, и именно это предопределяет его негативные поступки. Несомненно, вредоносное поведение родителей, оказывает влияние на поведение ребенка, однако не считаем целесообразным, таким образом, по сути, ужесточать ответственность родителей.

К числу лиц, на которых может быть возложена ответственность за причиненный малолетним вред, относятся также усыновители. Усыновители, как и родители, должны заботиться о надлежащем воспитании детей и осуществлять за ними должный надзор (ст. 61-65, 137 ГК РФ). В отношении усыновителей не предусмотрена возможность лишения родительских прав, возможна отмена усыновления по основаниям, предусмотренным в законе [8, с. 199]. В ст. 1075 ГК РФ говориться о привлечении к ответственности родителей, лишенных родительских прав, но не об усыновителях, в отношении которых усыновление отменено. Поскольку при усыновлении ребенка права

усыновителей приравниваются к правам родителя, устанавливается их обязанность надлежащего воспитания и надзора за усыновляемыми, считаем возможным применение аналогии закона в вопросе привлечения к ответственности за вред, причиненный усыновленным, усыновителей в течение трех лет с момента принятия решения об отмене усыновления, в случаях, когда отмена усыновления была вызвана уклонением усыновителя от выполнения возложенных обязанностей родителей, злоупотребления этими правами, если усыновители являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией.

Кроме родителей и усыновителей, к числу лиц, ответственных за вред, причиненный малолетними, относятся опекуны. Правами опекуна могут быть наделены юридические лица: образовательные, лечебные учреждения, учреждения социальной защиты населения и другие аналогичные учреждения, а также органы опеки и попечительства (ст. 35 ГК РФ, ст. 123 СК РФ). На указанные учреждения, за исключением органов опеки и попечительства, может быть возложена ответственность за действия малолетнего лица независимо от степени участия в осуществлении прав и исполнения обязанностей по воспитанию, образованию и надзору. Учреждение несет ответственность не только в том случае, когда оно в силу закона является опекуном, но и когда временно, в период пребывания в нем ребенка, осуществляет надзор за ним. Опекуном ребенка учреждение признается тогда, когда ребенок находится в нем на полном государственном попечении (ст. 147 СК РФ). Обязанности опекуна выполняет администрация учреждения.

На органы опеки и попечительства имущественная ответственность может быть возложена в том случае, если действия, повлекшие причинение вреда, совершены им в тот период, когда органы опеки и попечительства до устройства его на воспитание выполняли обязанности опекуна [9, с. 15].

К имущественной ответственности за действия малолетнего лица могут быть привлечены и граждане, осуществляющие права и обязанности по воспитанию, образованию детей и надзор за ними на основании договора. К таким лицам следует отнести приемных родителей. В отличие от детей и родителей, права и обязанности которых основываются на происхождении, права и обязанности приемных родителей и детей, принятых в семью на воспитание, основываются на договоре о передаче детей на воспитание в семью. Договор заключается между органами опеки и попечительства и приемными родителями. Причем приемными родителями могут быть как супруги, так и отдельные граждане, желающие взять ребенка на воспитание в семью. В силу ст. 153 СК РФ приемные родители обладают правами опекуна по отношению к принятому на воспитание малолетнему ребенку. Приемные родители должны заботиться о его здоровье, физическом, духовном, психическом и нравственном развитии. Разрешая вопрос об имущественной ответственности приемных родителей, суд должен исследовать содержание договора о передаче ребенка на вос-

питание в семью. Установление в договоре обязанностей по воспитанию ребенка, представляется, будет основанием привлечения приемных родителей к ответственности именно за упущения в воспитании, а не надзоре.

Осуществлять надзор за детьми могут также родственники, соседи, друзья родителей и другие. Как отмечается в литературе, в вопросах ответственности этих лиц за вред, причиненный несовершеннолетними, разногласий в практике не существовало. Родственники и знакомые отвечали за вред, причиненный деликтоспособными детьми только тогда, когда они являлись их попечителями. Иначе дело обстояло с ответственностью родственников и знакомых за вред, причиненный малолетними детьми. Высказывалось мнение о целесообразности ответственности данных лиц, что это отвечает задачам улучшения воспитания детей. Однако в решении этого вопроса были приняты во внимание другие аргументы.

Воспитание, общий присмотр и контроль за детьми обязаны осуществлять родители, а лица, временно присматривающие за детьми, обязанности надзора выполняют лишь частично и, осуществляя воспитание, полностью подконтрольны родителям, не говоря о том, что сам выбор этих лиц целиком зависит от родителей. Признать лиц, временно присматривающих за детьми, ответственными означало бы неоправданно расширить круг субъектов обязанных к воспитанию детей, что привело бы к утрате чувства ответственности за воспитание и заботу о детях у основных воспитателей – их родителей. Такой подход был закреплен еще в ст. 450 ГК РСФСР 1964 г., где в перечне лиц, обязанных нести ответственность за вред, причиненный малолетними, не указывались ни родственники, ни посторонние [10, с. 79].

Содержание ст. 1073 ГК РФ называет ответственными лицами за действия малолетних только родителей, усыновителей, опекунов, а также учреждения и лиц, на основании договора осуществляющих надзор за малолетними. Родственники ребенка любой степени родства с ним, не управомоченные в установленном порядке на его воспитание, ответственности за причиненный вред не несут. То же самое можно сказать о фактических воспитателях несовершеннолетнего, которые не наделены правами и обязанностями по его воспитанию [11, с. 112].

Обязанность родителей (опекунов) или соответствующих организаций по возмещению вреда не снимается и в случае последующего признания гражданина дееспособным. Опекун или организация, осуществлявшая надзор, не имеют права регресса к причинителю вреда.

Таким образом, в настоящем российском законодательстве утвердилось правило, что ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, несут лица, осуществляющие воспитание и надзор за ними. Деликтоспособные несовершеннолетние несут ответственность за свои действия, причинившие вред, самостоятельно. Законодатель допускает, что развитие граждан, достигших возраста 14 лет, позволяет им осознавать противоправность своего поведения, и,

следовательно, они способны нести ответственность за свои действия. Однако в тех случаях, когда можно выявить упущения в воспитании несовершеннолетнего, допущенные их законными представителями следствием которых явилось причинение вреда (их вину), они могут быть дополнительно привлечены к имущественной ответственности, при этом должно учитываться отсутствие имущественных возможностей несовершеннолетнего возместить причиненный вред [12, с. 12].

Список литературы:

1. Зенин, И.А. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учебное пособие / И.А. Зенин. – М.: Высшее образование, 2008. – 523 с.
2. Торокина, Т.Н. Проблемы реализации норм, регулирующих совершение сделок с жилыми помещениями, принадлежащими малолетним детям / Т.Н. Торокина // Семейное и жилищное право. – 2015. – № 5. – С. 40-43.
3. Афанасьева, И.В. Ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних / И.В. Афанасьева // Вопросы ювенальной юстиции. – 2008. – № 1. – С. 34-38.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 25.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 9.
5. Беспалов, Ю. Причинитель вреда несовершеннолетний / Ю. Беспалов // Российская юстиция. – 1996. – № 10. – С. 29-32.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
7. Ларионов, А.А. Субъектный состав обязательств вследствие причинения вреда ребенком / А.А. Ларионов // Семейное и жилищное право. – 2006. – № 1. – С. 28-31.
8. Рузакова, О.А. Семейное право / О.А. Рузакова. – М.: Право и закон, 2003. – 361 с.
9. Рузанова, Е.В. Обязательства вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Е.В. Рузанова. – Саратов, 2013. – 25 с.
10. Кузнецова, Л.Г. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних / Л.Г. Кузнецова, Я.Н. Шевченко. – М.: Юридическая литература, 1968. – 291 с.
11. Рузанова, Е.В. Вопросы совершенствования законодательства в сфере обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан: вопросы теории и практики / Е.В. Рузанова // Власть Закона. – 2015. – № 4. – С. 110-120.
12. Корнев, И.В. Возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними, в зарубежном и российском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / И.В. Корнев. – М., 2006. – 24 с.

КОНОНОВ Александр Владимирович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; saskonon@yandex.ru

ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ ТОРГОВ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ, ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье автор рассматривает основания и последствия признания торгов недействительными, анализируя теорию, действующее законодательство и судебную практику.

Ключевые слова: *торги, недействительность торгов, общие положения о договоре.*

Действующее российское законодательство предусматривает ситуации, когда реализация имущества осуществляется посредством торгов. Согласно ст. 447 Гражданского Кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), существуют две основные формы торгов: аукцион и конкурс. Выигравшим торги на аукционе признается лицо, предложившее наиболее высокую цену, а по конкурсу – лицо, которое по заключению конкурсной комиссии, заранее назначенной организатором торгов, предложило лучшие условия. Ст. 448 ГК РФ устанавливает порядок проведения торгов, при нарушении которого, согласно ст. 449 ГК РФ, они могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица в течение одного года со дня их проведения.

Также ст. 449 ГК РФ устанавливает следующие основания признания торгов недействительными:

1) кто-либо необоснованно был отстранен от участия в торгах;

2) на торгах неосновательно была не принята высшая предложенная цена;

3) продажа была произведена ранее указанного в извещении срока;

4) были допущены иные существенные нарушения порядка проведения торгов, повлекшие неправильное определение цены продажи;

5) были допущены иные нарушения правил, установленных законом.

ГК РФ рассматривает торги как механизм для заключения договоров, поэтому законодатель в п. 2 ст. 449 ГК РФ указывает, что признание судом торгов недействительными влечет недействительность договора, заключенного с лицом, выигравшим торги, а также применение последствий общих положений о недействительности сделок, предусмотренных ст. 167 ГК РФ. Также об этом говорит п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [2] и

закрепляет право заинтересованного лица оспорить сделку, заключенную на торгах, которая, по его мнению, является недействительной.

Как уже было отмечено, п. 1 ст. 449 ГК РФ основанием для признания торгов недействительными называет нарушение правил проведения торгов. По мнению О.А. Беляевой, правила проведения торгов – это процедурные требования, соблюдение которых позволяет всем заинтересованным лицам представить свои заявки на участие в торгах, а организатору торгов – надлежащим образом провести данные торги и правильно определить их победителя [3]. На наш взгляд, это определение наиболее точно отражает цели установления правил проведения торгов, преследуемые законодателем. Не достижение этих целей, как мы увидим далее, является основным критерием для признания судом торгов недействительными по вышеназванному основанию. Исходя из этого, можно сказать, что нарушения, не помешавшие достижению целей установления правил проведения торгов, являющиеся несущественными, не могут являться основанием для признания торгов недействительными.

Таким образом, нарушения должны быть существенными, то есть способными повлиять на исход торгов. В п. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 101 «Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с признанием недействительными публичных торгов, проводимых в рамках исполнительного производства» [4] рассмотрен случай, где организация обратилась в арбитражный суд с иском о признании недействительными публичных торгов по продаже арестованного в ходе исполнительного производства имущества должника. Истец посчитал, что допуск одного из участников, не внесшего задаток, нарушает требования п. 4 ст. 448 ГК РФ. При этом ни истец, ни указанный им участник победителями не стали. К участию в торгах были допущены еще пять лиц. Нарушений при внесении ими задатка не выявлено. Публичные торги в форме аукциона прошли в установленном порядке, договор купли-продажи заключен с лицом, предложившим в ходе торгов наивысшую цену. Исходя из того, что допущенное нарушение являлось незначительным и не оказало влияния на результат торгов, суд пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения требований истца, ссылавшегося только на формальные нарушения.

Важно отметить, что нарушения порядка проведения торгов не могут являться основанием для признания торгов недействительными по иску лица, чьи имущественные права и интересы данными торгами не затрагиваются и не могут быть восстановлены при применении последствий недействительности заключенной на торгах сделки. Об этом говорится в п. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 101. В рассматриваемом случае акционерное общество обратилось в арбитражный суд с иском к организатору публичных торгов и покупателю недвижимого имущества о признании торгов недействительными и применении последствий недействительно-

сти договора купли-продажи, заключенного с лицом, выигравшим торги. Заявитель считал, что публичные торги по реализации недвижимого имущества на основании судебного решения подлежат отмене, поскольку организатором было опубликовано извещение о торгах за 28 дней до их проведения, что нарушает требования п. 2 ст. 448 ГК РФ. Также акционерное общество ссылалось на п. 6 ст. 448 ГК РФ, утверждая, что протокол о результатах торгов был подписан через два дня после того как они состоялись. При этом само акционерное общество победителем не стало. Суд разъяснил, что лицо, обращающееся с требованием о признании торгов недействительными, должно доказать наличие защищаемого права или интереса с использованием мер, предусмотренных гражданским законодательством. Разумеется, в удовлетворении исковых требований было отказано.

Как мы видим, сам по себе факт нарушения правил проведения торгов ещё не является основанием для признания их недействительными и применения последствий их недействительности. Важно наличие у надлежащего субъекта защищаемого права или охраняемого законом интереса. Суды небезосновательно именно так трактуют закон. Таким образом, со стороны государства не оказывается лишнее давление на добросовестных организаторов. Стоит отметить, что правоприменительная практика в этом аспекте сложилась в пользу последних, поскольку основное бремя ответственности лежит, несомненно, на организаторах, а п. 3 ст. 449 ГК РФ возлагает расходы, связанные с применением последствий недействительности торгов и необходимостью проведения повторных торгов, на лиц, допустивших нарушения. Признание торгов недействительными – это в любом случае удар по их организатору. Помимо наложения отпечатка на репутацию лица в коммерческих кругах и затраты дополнительного времени, возможно также возложение расходов на повторное проведение торгов, к чему не все могут оказаться готовы. Таким образом, подобный алгоритм принятия решения судами выглядит оправданным в отношении несущественных нарушений, поскольку учитывает негативные материальные последствия для ключевого субъекта рассматриваемых правоотношений.

Анализ судебной практики показывает, что достаточно часто происходят случаи, когда существенные нарушения порядка проведения торгов происходят ещё на стадии подготовки к ним в виде несоблюдения законодательных требований к извещению лиц о проведении торгов. В п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 101, к примеру, организация-взыскатель обратилась в арбитражный суд с иском к покупателю и специализированной организации – продавцу имущества о признании недействительными публичных торгов по продаже объекта недвижимости. Суд требование удовлетворил, поскольку содержание опубликованного извещения не соответствовало требованиям п. 2 статьи 448 ГК РФ, т.к. не содержало сведений о форме проведения торгов и о порядке оформления участия в них. Нарушение указанных требований к процедуре торгов

является обстоятельством, достаточным для признания торгов недействительными по иску взыскателя, заинтересованного в надлежащем проведении публичных торгов.

Помимо п. 2 ст. 448 ГК РФ есть ещё некоторые требования к извещению заинтересованных лиц о проведении торгов. Об этом, в частности, говорит п. 72 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», который устанавливает обязательное соблюдение требований ч. 3 ст. 90 Закона об исполнительном производстве [5] и п. 4 ст. 449.1 ГК РФ, а в отношении заложенного недвижимого имущества – дополнительно и требований ч. 3 ст. 57 Закона об ипотеке[6]. Общим у этих норм является то, что они предполагают размещение извещения о проведении торгов в сети «Интернет» на официальных государственных ресурсах, что на сегодняшний момент является, пожалуй, самым современным и доступным способом доведения информации. Выделяется ч. 3 ст. 57 Закона об ипотеке, предполагающая также публикацию в периодическом издании органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Для исполнительного производства достаточно двух публикаций в сети «Интернет»: на сайте Российской Федерации [7] и на сайте Федеральной службы судебных приставов [8].

Пункт 4 ст. 449.1 ГК РФ подразумевает лишь одну публикацию в сети «Интернет» – на сайте того органа, который занимается проведением торгов. Учитывая требования этих норм, целесообразным видится указание общей надлежащей формы извещения о проведении торгов в ГК РФ, которое обобщит тенденции современного российского законодательства в этой области.

Интересный случай рассмотрен в п. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 101, где акционерное общество обратилось в арбитражный суд с иском к организатору торгов и организации – победителю торгов о признании недействительными публичных торгов по продаже недвижимого имущества истца. Извещение о проведении торгов организатором было сделано по радио. Однако суд пояснил, что вся необходимая информация – значительная по объему, сложная для восприятия на слух – требовала другого способа донесения до потенциальных участников торгов, а именно посредством опубликования ее в печати. В рассматриваемом случае сведения о намеченных торгах оказались фактически недоступными для заинтересованных лиц, что подтолкнуло суд удовлетворить требования истца, ссылаясь на несоблюдение требований ст. 448 ГК РФ.

Заметим, что на практике суды, разрешая спорные вопросы, связанные с извещением о проведении торгов, отдают предпочтение такому способу, как публикация в печати, указывая на это организаторам в своих разъяснениях и обзорах судебной практики. Однако законодательно это не закреплено, что провоцирует возникновение существенного количества спорных случаев и спорных дел, где закон

может трактоваться по-разному, поэтому в целях формирования единообразной правоприменительной практики следует установить надлежащую форму доведения информации до заинтересованных лиц в виде публикаций в печати (в местных периодических или специальных информационных изданиях) или, учитывая тенденции Российского законодательства, размещения извещения на официальном сайте Российской Федерации в сети «Интернет».

Последний рассмотренный случай судебной практики явно указывает на несовершенство действующего законодательства. Интерпретируя п. 2 ст. 448 ГК РФ по-своему, организатор считает, что действует добросовестно, ведь указанная норма не запрещает разнообразные формы извещения неопределенного круга лиц, доступные в наше время. Тем не менее, на практике мы видим, что суд руководствуется простой идеей, согласно которой извещение о проведении торгов должно быть направлено на привлечение наибольшего количества заинтересованных лиц с целью выявления наилучшего предложения об условиях продажи. Те виды извещений, которые отклоняются от этой идеи, признаются судом ненадлежащими способами доведения информации, что усматривается в обзоре судебной практики (п. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 101). В итоге из-за неточности данной нормы страдают организаторы, испытывающие последствия признания торгов недействительными, заинтересованные лица, гадающие, где ожидать извещения, суды, разрешающие подобные спорные случаи. На наш взгляд, необходимо дополнить п. 2 ст. 448 ГК РФ указанием надлежащей формы доведения информации о торгах до неопределенного круга лиц, а именно – публикации в печати или размещения извещения на официальном сайте Российской Федерации в сети «Интернет». Подобное дополнение к указанной норме обобщит действующее законодательство, оставит в прошлом практику, освещённую в п. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 101, спасёт добросовестных организаторов торгов от непредвиденных издержек, поскольку п. 3 ст. 449 ГК РФ, как мы уже выяснили, возлагает расходы организатора торгов, связанные с применением последствий недействительности торгов и необходимостью проведения повторных торгов, между лицами, допустившими нарушения, повлекшие признание торгов недействительными, а ответственность за нарушения, связанные с извещением лиц о проведении торгов, разумеется, лежат на их организаторе. К тому же более детальная проработка положений о торгах будет способствовать формированию единообразной правоприменительной практики, что снизит нагрузку на суды.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (ред. от 23.06.2015) // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 6.

3. Беляева, О.А. Аукционы и конкурсы: комментарий судебно-арбитражной практики / О.А. Беляева. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 200 с.

4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 101 «Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с признанием недействительными публичных торгов, проводимых в рамках исполнительного производства» // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 4.

5. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 06.03. 2019) // СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

6. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (ред. от 02.08. 2019) // СЗ РФ. – 1998. – № 29. – Ст. 2400.

7. Постановление Правительства РФ от 10.09.2012 № 909 «Об определении официального сайта Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о проведении торгов и внесении изменений в некоторые акты правительства Российской Федерации» (ред. от 21.12.2018) // СЗ РФ. – 2012. – № 38. – Ст. 5121.

8. Приказ ФССП России от 14.11.2017 № 541 «Об официальном интернет-сайте Федеральной службы судебных приставов» (ред. от 03.08.2019) // СПС «Консультант плюс».

КОРЕНЕВ Павел Владимирович,
Адвокатская палата г. Санкт-Петербурга, адвокат; korenev.p@list.ru

РЕМЧУК Дмитрий Олегович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; dremchuk@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК В РАМКАХ ДЕЛ О БАНКРОТСТВЕ

В статье рассматриваются отдельные особенности оспаривания сделок в рамках дел о банкротстве, проводится анализ оспаривания сделок арбитражным управляющим на стадии конкурсного производства.

Ключевые слова: *несостоятельный должник, имущество должника, арбитражный управляющий, конкурсное производство, недействительные сделки, оспаривание сделок.*

Лицо, признанное в установленном порядке несостоятельным должником, лишается права распоряжения своим имуществом. Любые действия, совершенные в нарушение этого правила, включая произведенные платежи, признаются недействительными, если только они совершены не с одобрения суда. Лицо, получившее от должника, признанного несостоятельным, денежную сумму в качестве платежа, обязано сохранять ее в качестве части имущества должника.

Под имуществом должника понимается имущество, принадлежащее должнику на момент открытия конкурса, а также имущество, которое включается в конкурсную массу в соответствии с положениями Закона о банкротстве. В это имущество не включаются инструменты, книги, механизмы и другое оборудование, используемое должником лично для работы или отдыха, а также одежда, мебель и другие предметы домашнего обихода, используемые в повседневной жизни должником и членами его семьи.

Должник не вправе распоряжаться собственностью, даже если она не входит в его имущество; это положение, однако, не распространяется на случай, когда должник владеет имуществом другого лица на началах доверительной собственности.

В течение срока рассмотрения судом заявления о признании должника несостоятельным или после вынесения судом решения о несостоятельности суд вправе приостановить любое исковое или исполнительное производство, а также иные правовые действия, направленные против должника или его имущества. После признания должника несостоятельным его кредиторы не вправе осуществлять принадлежащее им право требования в обычном порядке до окончания конкурсного производства иначе как с разрешения суда и на предписываемых им условиях. Вместо права требования возврата долга кредитор приобретает право пропорционального участия в распределении имущества должника, осуществляемом управляющим конкурсной массой, к которому переходит все имущество должника. Данное положение не затрагивает, однако, прав кредиторов, имеющих обеспеченные требования, на предъявление принадлежащих им требований.

Если имущество несостоятельного должника удерживается каким-либо лицом в качестве залога, заклада и тому подобного средства обеспечения, то управляющий может направить ему извещение о своем намерении обследовать это имущество. В этом случае лицо не вправе реализовать указанное имущество без разрешения суда, если только оно не предоставило управляющему возможности обследовать это имущество и осуществить в отношении него принадлежащее должнику право выкупа.

Если с лицом, объявленным впоследствии несостоятельным, был заключен договор, то другая сторона вправе обратиться в суд за постановлением, регламентирующим исполнение вытекающих из договора обязательств на таких условиях, как возмещение заявителем или должником убытков за неисполнение договора, или на иных условиях, которые суд сочтет справедливыми. Убытки, которые должен оплатить должник на основании такого постановления, включаются в пассив его имущества. Если лицо, признанное впоследствии несостоятельным, ранее заключило договор совместно с кем-либо, то его партнер вправе выступать в качестве истца или ответчика в отношении этого договора самостоятельно [1, с. 112].

Английское право предусматривает также возможность издания судом приказа об аресте несостоятельного должника, а также об изъятии книг, документов, касающихся его имущества, денежных сумм или товаров лица, находящегося под арестом. Такие меры могут быть применены к должнику, если суд установит, что имеются достаточные основания полагать, что должник пытается скрыться или спрятать, уничтожить и т.д. товары или отчетность.

Лица, признанные однажды несостоятельными должниками, не вправе заседать и голосовать в палате лордов, быть избранными, заседать и голосовать в палате общин, избираться в органы местного самоуправления, назначаться мировыми судьями, быть членами местных налоговых, землеустроительных служб, регистрировать акты гражданского состояния, занимать должность солиситора и т.д. [2, с. 56-58].

Должник признается несостоятельным с момента вынесения судом решения о несостоятельности. Окончанием конкурсного производства считается вынесение судом приказа об освобождении от долгов (в случае повторной несостоятельности или когда в отношении несостоятельного должника вынесен приказ о злостной несостоятельности, которая регулируется уголовным правом) или истечение определенного срока (по общему правилу три года) с момента объявления несостоятельности. Освобождение должника от всех долгов никак не влияет на осуществление управляющим своих функций по распоряжению имуществом должника, а также на право кредиторов на подтверждение и истребование причитающихся им долгов.

Поскольку одной из основных целей признания должником банкротом является максимальная защита имущественных интересов кредиторов такого должника, особое значение приобретает вопрос о формировании конкурсной массы, за счет которой и будут удовлетворяться требования кредиторов. В связи с этим актуальность приобретают вопросы о формировании конкурсной массы, в том числе возвращение имущества должника в конкурсную массу. Собственно именно эту задачу и выполняет институт признания недействительными сделок лица, объявленного банкротом.

Основным способом возвращения имущества должника в конкурсную массу является оспаривание сделок должника, совершенных

в период до трех лет до даты принятия заявления о банкротстве. Законодательно урегулированы 2 способа оспаривания сделок: так называемые «общегражданские основания» (ст.10 и ст.168 ГК РФ) и «банкротные» (ст. 61.2 и ст. 61.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3]; далее – Закона о банкротстве), однако на практике заявления подаются и по общегражданским основаниям, и по банкнотным.

В практической деятельности проблему оспаривания сделок составляет тот факт, что законодательно арбитражный управляющий (конкурсный управляющий) может оспаривать сделки исключительно на этапе конкурсного производства. В соответствии с законодательством о банкротстве этот этап процедуры банкротства наступает исключительно после прохождения этапа наблюдения, который длится не менее 6 месяцев и может быть продлен по решению арбитражного суда.

Наиболее простым и эффективным в доказывании являются основания, предусмотренные ст. 61.2 Закона о банкротстве, в соответствии с этой статьей заявитель – конкурсный кредитор (лицо требования которого включены в реестр требования кредиторов), или конкурсный управляющий доказывает лишь неравноценность встречного требования, т.е. по сути достаточно доказать не соответствие условий сделки рыночным условиям. В практической деятельности происходит отчуждение имущества (как правило, недвижимого), что приводит к невозможности удовлетворения требований кредиторов. Для большинства хозяйственных обществ такой актив как недвижимость является крупной сделкой, и сделка, направленная на его отчуждение, в большинстве случаев является крупной [4, с. 30]. Отчуждение активов, как правило, происходит на аффилированные лица т.е., по сути, актив перепродается несколько раз на условиях, не соответствующих рыночным. Полагаем, что при оспаривании таких сделок целесообразно увеличить срок до общегражданского периода – 3 года, а также ввести субсидиарную ответственность для лиц, являющихся руководителем должника. Также в случае выявления общего «экономического интереса» между приобретателем имущества и должником полагаем целесообразным привлечение приобретателя к субсидиарной ответственности; такая мера позволит существенно снизить риски отчуждения крупных активов должника в период до 3-х лет, что приведет к увеличению удовлетворения имущественных прав кредиторов.

Еще одно основание, которое предусмотрено ст. 61.3 Закона о банкротстве, – предпочтительное удовлетворение требований одного из кредиторов. Полагаем, что данная норма закона подлежит исключению, поскольку является актуальной проблемой для правоприменителя. Согласно этой норме, при удовлетворении требований одного из кредиторов и при нарушении прав других сделка является оспоримой, а возникшие в связи с этим права кредиторов подлежат удовлетворению после удовлетворения прав кредиторов третей очереди, так

называемые «зареестровые» требования, что фактически приводит к тому, что требования удовлетворены не будут. Согласно статистике, из общей массы требований кредиторов удовлетворяется только 1,5% от всех требований, включенных в реестр [5].

Возникает ситуация, при которой органы управления должника в период, предшествующий банкротству организации, совершают сделку, направленную на удовлетворения требований кредитора, при этом совершая сделку, которая попадает под критерии крупной, органы управления должника достоверно знают о финансовом состоянии должника, однако законодатель, несмотря на этот факт, презюмирует ответственность лица, получившего имущества, а не органов управления, что, на наш взгляд, является несправедливым, поскольку лицо, получившее какое-либо имущество должника, не всегда может знать о реальном финансовом состоянии той организации, у которой имущество приобретается, кроме того, возникает скрытая ответственность лица, действующего добросовестно и получившего имущество по этой сделке. Полагаем, что ст. 61.3 Закона о банкротстве подлежит исключению в той редакции, в которой существует в настоящее время и вместо ответственности лица, получившего имущество должника, целесообразнее привлекать к ответственности контролирующие органы должника, которые одобрили совершение такой сделки.

Список литературы:

1. Шишмарева, Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. – М.: Статут, 2018. – 239 с.

2. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; научн. ред. Н.Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013. – 969 с.

3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 03.07.2019) // СЗ РФ. – 2002. – № 3. – Ст. 4190.

4. Веденин, А.А. Защита имущественных прав кредиторов предприятия при совершении крупных сделок / А.А. Веденин // Юрист. – 2014. – № 19. – С. 28-32.

5. В каких случаях и как можно признать недействительными сделки при банкротстве // СПС «КонсультантПлюс».

КОРОЛЬЧУК Роман Сергеевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; mr.romankorolchuk@mail.ru

АВТОРСКОЕ ПРАВО КАК ИНСТИТУТ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается один из аспектов авторского права в системе интеллектуального права на произведения науки, литературы и искусства.

Ключевые слова: *гражданские правоотношения, интеллектуальная собственность, авторское право, интеллектуальное право, автор произведения, объекты авторского права, знак авторского права.*

Под гражданскими правоотношениями в сфере интеллектуальной собственности понимаются общественные отношения, регулируемые нормами права интеллектуальной собственности, основанные на юридическом равенстве, свободном волеизъявлении, имущественной самостоятельности их участников.

По структуре правоотношения интеллектуальной собственности как и гражданско-правовые отношения в целом состоят из трех основных элементов: субъектов, объектов и содержания.

Субъектами гражданско-правовых отношений могут быть физические и юридические лица, а также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования и иные субъекты, предусмотренные ГК РФ.

К объектам интеллектуальной собственности относятся результаты интеллектуальной деятельности, которым может быть предоставлена правовая охрана в соответствии с ГК РФ, часть 4 «Интеллектуальные права и средства индивидуализации».

Авторское право – это совокупность норм гражданского права, регулирующих отношения по признанию авторства и охране произведений науки, литературы и искусства, установлению режима их использования, предоставлению их авторам неимущественных и имущественных прав, защите прав авторов и иных правообладателей.

ГК РФ регулирует институт авторского права, смежных прав, коллективного управления авторскими и смежными правами, патентными правами, образцами, другими видами прав интеллектуальной собственности и устанавливает охрану прав.

Авторское право является интеллектуальными правами на произведения науки, литературы и искусства. Согласно ст. 1257 ГК РФ, автором произведения науки, литературы или искусства является гражданин, творческим трудом которого оно создано.

Наряду с дееспособными гражданами авторами произведений могут быть недееспособные граждане, в том числе несовершеннолетние, даже лица, не достигшие шестилетнего возраста.

Право на обладание правами автора произведений науки, литературы и искусства как неотъемлемая часть правоспособности гражданина закреплено в ст. 18 ГК РФ. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно осуществляют права автора произведения науки, литературы или искусства (ст. 26 ГК РФ) [7, с. 63].

Закон предусматривает два случая, когда автором произведения может считаться не гражданин, чьим творческим трудом создано произведение, а другое лицо:

1) при предоставлении охраны на территории Российской Федерации произведению, созданному за рубежом (п. 3 ст. 1256 ГК РФ);

2) в отношении некоторых категорий произведений, созданных до 3 августа 1993 года, что закреплено в части 2 ст. 6 Федерального закона от 18 декабря 2006 года № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [1].

Ст. 1257 ГК РФ указывает на то, что, если на оригинале или экземпляре произведения в качестве автора указано какое-либо лицо, именно это лицо считается автором произведения, если не доказано иное. Эта презумпция должна применяться не только в том случае, когда содержится прямое указание на автора, но и в том случае, если в начале или в конце произведения просто будет стоять его имя. Это должно трактоваться как указание на то, кто является автором данного произведения [4, с. 32].

Граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом, признаются соавторами. Соавторам произведения принадлежат следующие права:

1) исключительное право на произведение;

2) право авторства;

3) право автора на имя;

4) право на неприкосновенность произведения;

5) право на обнародование произведения.

Объектами авторского права являются произведения науки, литературы и искусства, например: литературные произведения, аудиовизуальные произведения; произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна; произведения архитектуры; фотографические произведения; компьютерные программы, охраняемые как литературные произведения и др.

Создание, осуществление и защита авторских прав не требует регистрации произведения или соблюдения каких-либо других формальностей.

Также к объектам авторских прав относятся производные произведения, представляющие собой переработку другого произведения (переводы, обработки, экранизации, аранжировки, инсценировки и др.); составные произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда (энциклопедии, сборники, базы данных).

Не допускается без согласия автора вносить изменения, сокращать и дополнять его произведение, снабжать произведение иллю-

страциями, предисловием, послесловием, комментариями или какими-либо пояснениями, что предполагает право на неприкосновенность произведения [5, с. 30].

Автор произведения или иной правообладатель имеет исключительное право использовать произведение в любой форме и любым способом, не противоречащим закону.

Использование работы предполагает следующие действия:

1) воспроизведение произведения;

2) распространение произведения путем продажи или иного отчуждения его оригинала или экземпляров;

3) публичный показ произведения;

4) импорт оригинала или экземпляров произведения в целях распространения;

5) прокат оригинала или экземпляра произведения;

6) публичное исполнение произведения;

7) сообщение в эфир, то есть сообщение произведения для всеобщего сведения (включая показ или исполнение) по радио или телевидению;

8) перевод или другая переработка произведения;

9) практическая реализация архитектурного, дизайнерского, градостроительного или садово-паркового проекта;

10) доведение произведения до всеобщего сведения.

Приказом Государственного комитета Российской Федерации по печати РФ 7 апреля 1997 года № 37 был принят стандарт отрасли «Издания, термины и определения», согласно которому знаком охраны авторских прав является знак, указывающий на то, что произведение и (или) иные части издания защищены авторским правом, и обозначается латинской буквой «С», заключенной в кружок, фамилией правообладателя и годом выхода первого номера.

В соответствии с системой стандартов в области информации, библиотечного дела и издательского дела знак авторского права размещается во всех изданиях в соответствии с международным законодательством об охране интеллектуальной собственности. Знак авторского права размещается в правом нижнем углу титульного листа или в правой нижней части поля комбинированного титульного листа. В сборниках произведений разных авторов знак авторского права каждого отдельного произведения помещается внизу начальной или окончательной текстовой полосы произведения. При публикации статей и материалов разных авторов знак авторского права каждой отдельной публикации размещается внизу начальной или конечной страницы публикации.

Статья III Всемирной конвенции об авторском праве предусматривает, что все произведения, охраняемые на территории нашего государства, должны быть помечены знаком охраны авторских прав. Наличие знака охраны авторского права означает, что авторское право на произведение защищено. Этот знак определяет, кому принадлежит авторское право на произведение.

Знак охраны авторских прав относится к изданию, содержащему охраняемые авторским правом произведения науки, литературы и искусства:

1) все виды книжных и журнальных изданий, а также брошюры, буклеты, листовки, плакаты, каталоги, календари и т.д.;

2) все виды изданий изобразительного искусства (эстампы, репродукции, альбомы, плакаты, открытки, художественно оформленные конверты для граммофонных пластинок и т.д.);

3) все виды нотных изданий;

4) картографические издания (карты, карты - схемы, атласы и т.д.).

Публикации, содержащие официальные документы государственных органов, органов местного самоуправления и международных организаций (конвенции, законы, иные нормативные акты, судебные решения и др.), издания народного творчества, издания, содержащие сообщения о событиях и фактах информационного характера, а также иные произведения, не охраняемые авторским правом, оформляются знаком охраны авторских прав только при наличии авторских комментариев, примечаний, вступительных статей и др. [3, с. 98].

Знак охраны авторских прав применяется к составному произведению, если это собрание материалов, не относящихся к объектам авторского права, только при наличии оригинального составного произведения. Если же, наоборот, коллекция состоит из произведений, охраняемых законом об авторском праве, то символы авторского права для каждого произведения, помещенного в коллекцию, должны быть проставлены таким образом и в таком месте, которое бы четко указывало на авторскую защиту произведения.

Если произведение является результатом коллективной творческой деятельности нескольких авторов (соавторов), то в знаке охраны авторских прав имена авторов указываются в принятой ими последовательности. В этом случае к публикации могут быть приложены несколько знаков охраны авторских прав с указанием имен создателей произведений и характера выполненной ими работы (автор-составитель, художник-оформитель, автор иллюстраций или фотографии, автор текста и др.) [4, с. 28].

Порядок указания имени автора и места расположения знака авторского права устанавливается сторонами в договоре.

Использование знака охраны авторских прав, размещенного на каждом экземпляре произведения, не означает подтвержденного факта владения исключительными правами в отношении данного произведения указанному на нем правообладателю. Трехэлементный символ авторского права используется владельцем исключительного авторского права только для уведомления о своих правах. Указанный знак не имеет юридического значения. Он просто позволяет правообладателю информировать все третьи стороны о своих правах.

Знак авторского права и, в частности, такой его элемент, как символ «С», первоначально появились в странах англосаксонской

правовой семьи. В то же время ему придавалось гораздо большее юридическое значение, чем в настоящее время. Например, в США автор мог лишиться своих исключительных прав на опубликованное произведение, если на экземплярах последнего не было отметки «уведомление об авторских правах».

В связи с принятием в 1952 году Всемирной конвенции об авторском праве, гарантировавшей некий минимум международной правовой охраны произведений авторов – граждан государств, подписавших Всемирную конвенцию, возникла возможность совместного участия в обеспечении такой охраны стран англо-саксонской правовой семьи и стран с континентальной системой права. Однако авторы-граждане большинства европейских государств, желающие получить охрану в странах прецедентного права, обязаны были для этого выполнять предписанные формальности, в том числе и оповещать о принадлежащих им исключительных правах путем проставления знака охраны [2, с. 65].

Такое положение изменилось с момента присоединения США в 1989 году к Бернской конвенции. После вступления США в Бернский союз в их законодательство были внесены изменения, касающиеся признания за знаком охраны авторских прав необязательного характера.

Сейчас российское законодательство не содержит положений об исключении из охраны авторских прав легально опубликованных произведений. Поэтому знак авторского права, размещенный на экземпляре произведения, не несет никакой юридической нагрузки. Он служит лишь своеобразным сигналом, предупреждающим всех третьих лиц о том, что распространяемое произведение имеет законного правообладателя, права которого нарушать нельзя. Отсутствие такого знака никоим образом не умаляет авторские права правообладателя [6, с. 52].

Незаконным использованием экземпляров произведений в целях получения дохода являются случаи, когда копии произведений являются контрафактными в соответствии с ч. 4 ГК РФ, либо на экземплярах произведений представлены недостоверные сведения об их изготовителях, местах изготовления и правообладателях. Штраф подлежит взысканию с виновного лица, если на экземпляре произведения неверно указано имя или наименование правообладателя, являющееся неотъемлемой частью знака авторского права.

Таким образом, правообладатель вправе использовать знак авторского права, который размещен на каждом экземпляре произведения, для уведомления об исключительном праве на принадлежащее ему произведение.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2006. – № 52. (Часть I). – Ст. 5497.

2. Вольфсон, В.Л. Моральные (личные неимущественные) права авторов в странах общего права и странах континентальной системы: дис. … канд. юрид. наук / В.Л. Вольфсон. – СПб., 2007. – 268 с.

3. Гаврилов, Э.П. Комментарий к главам 69, 70, 71, 76 части четвертой Гражданского кодекса РФ / Э.П. Гаврилов. – М.: Экзамен, 2008. – 481 с

4. Джавадов, С.В. Некоторые вопросы защиты авторских и смежных прав / С.В. Джавадов // Актуальные проблемы развития процессуального права в России: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 21 мая 2004 г. – СПб., 2004. – С. 34-37.

5. Епифанов, В.П. Правонарушения в сфере осуществления авторских и смежных прав / В.П. Епифанов // Выявление, раскрытие и расследование преступлений в сфере экономики: Материалы регионального семинара. Санкт-Петербург, 27 мая 2005 г. – СПб., 2005. – С. 36-38.

6. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). Научно-практический / под редакцией Ю.А. Дмитриева, д.ю.н., проф., чл.-корр. РАО, А.А. Молчанова, д.ю.н., проф. – М.: Деловой двор, 2008. – 825 с..

7. Попова, В.А. Комментарии к монографии Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности. Авторское право / В.А. Попова. – СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2004. – 347 с.

КОРОТКИХ Алексей Владимирович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; astarspb@gmail.com

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются криминологические особенности профессиональной и организованной преступности, их общие черты и различия, а также проблематика их предупреждения.

Ключевые слова: *криминальный профессионализм, профессиональная преступность, организованная преступность, предупреждение преступности.*

Исследование сущности и проблематики профессиональной и организованной преступности на сегодняшний день, несмотря на непрекращающуюся реформацию и развитие отечественной уголовной политики, остается актуальным для ученых-правоведов и практикующих в правоохранительной сфере юристов [1, с. 10]. Профессио-

нальная и организованная преступность представляет собой серьезный вызов общественной безопасности, так как является одним из наиболее агрессивных подвидов преступности в целом и базируется на основании рецидивной преступности.

По определенному набору характеристик профессиональная и организованная преступность (к примеру, основной мотив совершения преступления – корыстный умысел) имеет тесную связь с таким подвидом преступности, как рецидивная, что подтверждают следующие общие особенности: многократность, устойчивый вид преступного посягательства, однородность и тождественность преступных деяний. Совершение рассматриваемых действий требует от преступника владения определенными умениями, знаниями и навыками, что и позволяет говорить о профессиональном характере такой преступности.

С.Н. Артемьев и А.А. Забелич формулируют понятие «криминальный профессионализм». По их мнению, под криминальной профессией следует понимать «осуществление на постоянной основе противоправной деятельности субъекта, поддерживающего связь с криминальной средой, являющейся источником получения любых материальных благ, требующей необходимых знаний, умений, навыков для совершения однородных и тождественных преступлений» [2, с. 33].

На основании предложенного определения представляется возможным выделить следующие признаки, присущие криминальному профессионализму:

- наличие устоявшейся специализации;
- наличие у преступника необходимой и достаточной квалификации;
- представление преступления как источника финансовой выгоды;
- взаимодействие с преступной средой;
- отношение к криминальной системе ценностей (субкультуре).

Отличительной чертой преступников-профессионалов выступает материальная заинтересованность и корыстно-насильственная направленность противоправных деяний. Именно применение не предусмотренных законом методик позволяет им обеспечить собственные устремления и желания. А.И. Гуров обращает внимание на то, что, деятельность таких преступников не направлена на получение незаконной прибыли сразу в большом размере, «их цель – совершить преступление, сделать реальную предпосылку к доходу и жить, как правило, нелегально или конспиративно, на полученный преступный доход» [3, с. 40].

Особенности профессиональной преступности:

1. Субъективная сторона преступления – умышленная форма вины.

2. Наличие определенной специфической специализации, в рамках которой преступник предпочитает вести свою деятельность.

Н.П. Барабанов в своих исследованиях по настоящей тематике выделяет специализации преступников-профессионалов: воры-карманники, квартирные воры (домушники), воры транспортных средств, воры предметов, представляющих собой культурную, духовную и историческую ценность, мошенники, грабители, шантажисты/вымогатели, ростовщики/наводчики/скупщики краденного, универсалы, воры, использующие служебное/должностное положение, преступные «авторитеты» [4, с. 199, 261].

3. Негативное и неадекватное влияние, оказываемое на социально неокрепшие умы (к примеру, малолетние/несовершеннолетние лица), на лиц, с несформированной правовой культурой.

4. Рецидивный характер, который профессиональная преступность приобретает в связи с отрицательным опытом, полученным преступником, совершившим первичное преступление, в учреждения пенитенциарной системы, под влиянием криминальной субкультуры.

Профессиональная преступность может носить как одиночную, так и групповую или организованную форму, выражать свои противоправные действия по отношению к государству и общественной безопасности как прямо, так и косвенно.

М.М. Биркин, формулируя определение организованной преступности, пишет, что «это относительно массовая группа устойчивых и управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как промыслом и создающих систему защиты от социального контроля с использованием таких противозаконных средств, как насилие, запугивание, коррупция и крупномасштабное хищение» [5, с. 8].

Организованная преступность представляет собой неоднозначный сложный криминальный феномен, что обуславливает множественность трактовок ее сущности и разные представления об образующих ее структурных элементах. В настоящей статье представляется целесообразным обратиться к положениям статьи 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой резолюцией 55/25 от 15.11.2000, которая отражает следующие структурные составляющие организованной преступности:

- состав не менее 3 участников, имеющих опыт совместной «работы» и преследующих общую цель в виде получения материальных благ;

- высокая общественная опасность совершаемого противоправного деяния;

- мера наказания за планируемое преступление должна составлять не менее четырех лет;

- имеет хорошо проработанную структуру, в состав которой входят члены на постоянной основе;

- имеет собственные финансовые и нефинансовые активы.

Организованная преступность и сформированные в ее рамках различные преступные образования можно классифицировать по различным основаниям:

1) по степени распространения своего влияния:

- в пределах одного города;
- в пределах одного государства;
- за пределами одного государства (транснациональные);

2) по национальному признаку, к примеру, итальянская (сицилийская) Cosa Nostra, Триады Китая, наркокартели Южной Америки, якудза Японии и пр.;

3) по профессиональному признаку (хакеры, угонщики транспортных средств и пр.).

Представляется, что хоть организованной преступности и присуще наличие определенной доли профессионализма, однако отождествлять ее с профессиональной преступностью в том значении, которое придается ей на современном историческом этапе, не следует, т.к. это будет выступать своеобразным упрощением ее неоднозначной и сложносоставной структуры.

Если обратиться к вопросу предупреждения профессиональной и организованной преступности, сразу становится очевидна его проблематика, происходящая из вышерассмотренных особенностей данных преступных направлений. Как было отмечено, профессиональной и организованной преступности свойственна значительная интегрированность с рецидивистской преступностью, в связи с чем особый интерес представляет собой исследование этой характерной черты с точки зрения криминологии с целью разработки эффективных мер ее предупреждения и профилактики.

Учреждения пенитенциарной системы играют значительную роль при формировании криминального профессионализма осужденных лиц. Как замечал еще четыре десятилетия назад А.И. Мокрецов, уголовная среда, сложившаяся среди лиц, приговоренных к лишению свободы, «всегда играла решающую роль в воспроизводстве преступного мира» [6, с. 4]. Специфическая субкультура, свойственная таким учреждениям, выражает свое влияние путем формирования в мировоззрении преступника устойчивой направленности против закона, превращения преступных наклонностей в криминальную профессию, и, что имеет более негативные последствия для общества в целом, – распространения криминальной системы ценностей и уклада жизни за пределы исправительного учреждения.

Формальные (регулируются внутренними нормативно-правовыми актами мест лишения свободы) и неформальные отношения (механизм взаимоотношений между осужденными, сложившийся на основании их личностных качеств и занимаемого места в «иерархии»), складывающиеся среди профессиональных преступников, приговоренных к нахождению в уголовно-исправительных учреждениях строго и особого режимов, во многом оказывают влияние на соблюдение порядка на их территории и степень разрастания устоев криминальных понятий.

Современный исторический период выделяет то, что наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы отбывает следующие два класса рецидивистов-профессионалов:

- профессиональные преступники старого воровского понятийного уклада, сформированного в советский временной период и начало 90-х годов XX в.;

- профессиональные преступники, неоднократно осужденные и начавшие свою «карьеру» в конце XX в. и начале XXI в., которым присущи укоренившиеся антиобщественные настроения. Представителей этого класса преступников со временем становится все больше.

Предложением по разрешению проблематики культивирования криминальной субкультуры выступает расширение и применение мер специального предупреждения, коими наделены учреждения пенитенциарной системы. Интересны предложения, представленные в своем исследовании Назаровым С.В. по нейтрализации влияния преступных «авторитетов» позволяющие выделить основные элементы тактики борьбы с этими явлениям в местах лишения свободы [7, с. 94]. Также большая роль возлагается на управленческие и воспитательные меры по нивелированию и профилактике криминальных ценностей и традиций. Ю.А. Воронин отмечает, что уголовная политика, проводимая с целью предупреждения профессиональной и организованной преступности, осуществляемая не только в местах лишения свободы, но и в отношении всего общества, должна включать в себя «оздоровление экономики, укрепление доверия к власти, формирование цельной политической идеологии» [8, с. 16] и иные социально-правовые меры, наделенные антикриминогенным смыслом.

Таким образом, предложим включить следующие специальные меры, направленные на предупреждение профессиональной и организованной преступности:

1. Осуществление мониторинга и полноценного статистического учета по состоянию, структуре и динамике развития профессиональной и организованной преступности, который будет осуществляться путем ведения единой общегосударственной базы таких преступников, что будет способствовать своевременному получению информации правоохранительными органами и обмену ею.

2. Проведение комплекса мер, направленных на совершенствование деятельности правоохранительных органов в борьбе с профессиональной и организованной преступностью.

3. Усиление и совершенствование взаимодействия всех (отечественных, зарубежных, международных) правоохранительных органов по борьбе с профессиональной и организованной преступностью, так как только объединенные усилия, наличие должного уровня обмена информацией и опытом, может способствовать противодействию преступности такого типа.

4. Осуществление правоохранительным органами деятельности с учетом отечественных и зарубежных научных разработок и опыта,

имеющегося в сфере предупреждения профессиональной и организованной преступности.

Актуальность разрешения обозначенной проблематики предупреждения профессиональной и организованной преступности обусловлена тем фактом, что рассматриваемый вид преступной деятельности непосредственно провоцирует воспроизводство преступности среди лиц, совершивших подобные противоправные деяния впервые, что приводит к обострению криминогенной обстановки в стране.

Список литературы:

1. Назаров, С.В. Организованная и профессиональная преступность: учебное пособие / С.В. Назаров. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2018. – 156 с.

2. Артемьев, Н.С. Характеристика профессиональной преступности и личности профессионального преступника / Н.С. Артемьев, А.А. Забелич // АВБсП. – 2017. – № 1. – С. 32-37.

3. Гуров, А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А.И. Гуров. – М.: Юрид. лит., 1990. – 304 с.

4. Барабанов, Н.П. Криминологическая и социально-психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных: субкультурная идеология, нравственность, образ жизни, коммуникации, профилактическая деятельность персонала / Н.П. Барабанов. – Рязань, 2013. – 399 с.

5. Биркин, М.М. Организованная и профессиональная преступность в России / М.М. Биркин // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2013. – № 1 (22). – С. 7-15.

6. Мокрецов, А.И. Микросреда осужденных в ИТУ / А.И. Мокрецов, И.В. Шмаров. – М., Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1979. – 80 с.

7. Назаров, С.В. Оперативно-розыскные и уголовно-исполнительные аспекты борьбы с деятельностью криминальных «авторитетов» в местах лишения свободы / С.В. Назаров // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2018. – № 3 (40). – С. 87-95.

8. Воронин, Ю.А. Криминальный профессионализм: современные тенденции / Ю.А. Воронин // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2018. – № 1. – С. 13-17.

КОСТИН Кирилл Викторович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; kostinsupreme@mail.ru

К ВОПРОСУ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ

Статья посвящена рассмотрению нормативного правового регулирования вопросов становления и развития института исправительных колоний.

Ключевые слова: *исправительные колонии, колонии-поселения, пенитенциарная система, уголовно-исполнительное законодательство.*

Пенитенциарная система – важнейшая часть государственного аппарата, без которого невозможна нормальная деятельность ни одного государства, так как она включает в себя государственное принуждение к исполнению законов, кару за их нарушение и ставит цели исполнения наказания, перевоспитания лиц, совершивших преступления. В период создания и становления советской республики, в условиях политической борьбы, которая сопровождалась массовыми репрессиями, пенитенциарная система приобретает особую роль. Именно эта ситуация стала характерной для послереволюционного периода в истории России.

После революции 1917 года все пенитенциарные учреждения и их деятельность были дестабилизированы, тем самым нанесен огромный ущерб всей исправительной системе. Советская власть, предприняв популистские шаги, в том числе из-за многочисленных амнистий после февральской революции, искусственно увеличила рост преступности. Обнищание населения и другие негативные социальные причины увеличили рост «тюремного населения». Перед пенитенциарной системой были поставлены новые задачи: перевоспитывать преступника путем вовлечения их в трудовую деятельность. В государстве массово создаются и начинают функционировать исправительно-трудовые колонии.

С введением в действие в 1924 году Исправительно-трудового кодекса РСФСР места заключения преобразовывались в исправительно-трудовые учреждения и подразделялись на три группы: «учреждения для применения мер социальной защиты исправительного характера (дома заключения, исправительно-трудовые дома, трудовые колонии – сельскохозяйственные, ремесленные и фабричные, изоляторы специального назначения, переходные исправительно-трудовые дома); учреждения для применения мер социальной защиты медико-педагогического характера – трудовые дома для несовершеннолетних и трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодёжи; учреждения для применения мер социальной защиты медицинского характера – колонии для психически неуравновешенных,

туберкулёзных и других больных заключённых, институты психиатрической экспертизы, больницы и т.п.» [4, с. 11].

Постепенно осознав последствия быстрого разрушения привычного хода жизни, правящие силы и конкретные органы власти обратили внимание на высокую социальную цену реформ. Необходимость реформирования уголовно-исполнительной системы диктовалась не только нацеленностью переходного общества на перемены в укладе и образе жизни людей, но и очевидной угрозой самому существованию общества из-за нарастающих темпов социальной дезорганизации.

По словам А.С. Михлина о введении в действие ИТК РСФСР, данный законодательный акт создает различные виды учреждений «с менее углубленной пенитенциарной системой» [7, с. 154], так как относит к ним трудовые колонии и переходные исправительно-трудовые дома.

В 20-е – 40-е годы уголовный мир, сохранив криминальную основу дореволюционной России, изощренно осваивал новые виды преступлений, криминальная субкультура поразила значительную часть населения, что стало одной из причин возникновения в государстве новых видов исправительных учреждений [9, с. 6]. В 1933 году новым ИТК РСФСР вводятся изоляторы для подследственных, исправительно-трудовые колонии, пересыльные пункты, учреждения для несовершеннолетних, лишенных свободы и учреждения для применения к лицам лишенным свободы мер медицинского характера.

Усиление борьбы с особо опасными видами преступлений, в том числе и пенитенциарным рецидивом, вынудило руководство страны принятие на законодательном уровне и структуре пенитенциарных учреждений решения о создание в колониях особых структур. В декабре 1948 г. принимается решение об организации специальных лагерных подразделений строгого режима в ИТЛ, предназначенных для содержания наиболее опасных категорий лиц, отбывающих наказание за бандитизм, вооруженный грабеж, осужденных в период отбывания наказания в местах лишения свободы за бандитизм, умышленное убийство, разбой, побеги [8, с. 84].

В советское время система лишения мест свободы была более развита, и состояла из общих мест заключения (тюрем), воспитательно-карательных реформаториев и земледельческих колоний (в основном для молодёжи), испытательных заведений для лиц, в отношении которых имеются основания для послабления режима или досрочного освобождения, карательно-лечебных заведений и тюремных больниц. Реформирование пенитенциарной системы продолжается с целью перевоспитания осужденных посредством трудовой деятельности. Эта цель прослеживается в нормативно-правовых актах в период 1954-1958 гг. В них указывается, что основной вид исправительных учреждений – колония. В колониях устанавливалось «три вида режима: общий, облегченный и строгий» [4, с. 13].

Одним из основных нормативных правовых актов, повлиявших на дальнейшее развитие системы исправительных колоний, стал Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1963 г. «Об организации исправительно-трудовых колоний-поселений и порядке перевода в них осужденных к лишению свободы, твердо ставших на путь исправления». В соответствии с ним в 1963 году создается новый вид исправительного учреждения – колонии-поселения, которые характеризуются более свободными условиями содержания. Колонии-поселения должны были стать стимулом для осужденных отбывающих наказание в колониях закрытого типа. Однако существовали противоречащие нормы права. Так, в соответствии со ст. 53 ИТК РСФСР «осужденные в колониях-поселениях могли быть в качестве взыскания лишены свидания» [5, с. 31].

Таким образом, на начало 1960 года с принятием УК РСФСР исправительно-трудовые колонии подразделялись на общего, усиленного, строгого и особого режима (ст. 24). В 1963 году к ним добавились ИТК-поселения, которые были основным видом ИТУ для содержания совершеннолетних.

Дальнейшие действия, в том числе по проведению эксперимента, осуществленного в 1971-1974 годах, привели к созданию колоний-поселений для лиц, совершивших преступления по неосторожности, что и было закреплено Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 февраля 1977 года. Очередным нормативным правовым документом, развивающим данный вид исправительных учреждений, является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 апреля 1985 г. «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик», в соответствии с которым, лица, совершившие умышленные преступления, впервые также стали направляться в колонии-поселения.

С введением в 1977 г. института условного осуждения и условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду данное наказание осужденные отбывают в спецкомендатуре. Условия отбывания в спецкомендатуре схожи с условиями отбывания в колонии-поселении. Впоследствии, в 1993 году, его исключили из уголовного законодательства, так как Россия в этот период активно искала пути вхождения в Европейское сообщество.

В России на сегодняшний день в соответствии с УИК РФ исправительными учреждениями являются воспитательные колонии, исправительные колонии, тюрьмы и лечебные исправительные учреждения. Существуют следственные изоляторы, которые также выполняют функции исправительных учреждений [6, с. 15].

Таким образом, с начала XX и до начала XXI века становление пенитенциарной системы определялось ее взаимосвязью с историческими событиями в России, а также обусловлено экономическими и политическими процессами, происходящими в государстве в это вре-

мя. Данный этап формирования пенитенциарной системы есть закономерный процесс развития, появилась возможность поставить в центр внимания государственно-силовых институтов заботу о личной и государственной безопасности граждан, о наведении правопорядка на основе изменения характера отношений между обществом и властью. За анализируемое столетие прослеживается совершенствование правового регулирования и разнообразия самих пенитенциарных учреждений. Происходит постепенная гуманизация института исправительных учреждений, в частности колонисткой системы. Отметим, что с принятием в 1924 году первого Исправительно-трудового кодекса РСФСР была создана система пенитенциарных учреждений, которая частично присутствует в уголовной политике современного общества и в пенитенциарной системе XXI века в России.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 30.12.2008) // Российская газета. – 2009. – 21 января.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 28.11.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) / СПС «Консультант Плюс».

3. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (ред. от 05.04.2013) // Ведомости СНД и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.

4. Лачина, В.О. Развитие пенитенциарной системы России во второй половине XIX века / В.О. Лачина // История государства и права. – 2007. – № 22. – С. 11-15.

5. Рыбников, В.В. История создания и развития пенитенциарной системы в России / В.В. Рыбников, А.П. Некрасов // Юридическая психология. – 2008. – № 1. – С. 31-38.

6. Стеничкин, Г.А. Современные виды исправительных учреждений и их задачи / Г.А. Стеничкин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 3. – С. 15-19.

7. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.С. Михлин. – М., 2016. – 233 с.

8. Назаров, С.В. Актуальные вопросы уголовной политики в сфере борьбы с дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества / С.В. Назаров // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2018. – № 2 (39). – С. 81-88.

9. Назаров, С.В. Организованная и профессиональная преступность. Учебное пособие / С.В. Назаров. – Санкт-Петербург, 2018. – 156 с.

КУЗНЕЦОВА Лилия Ивановна,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Пятигорск, Ставропольский край), магистрант; likuzn@mail.ru

СТАТУС РЕЗИДЕНТА – ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА В ВАЛЮТНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу проблемы двойственности понятия «резидент» применительно к физическим лицам в российском финансово-правовом регулировании.

Ключевые слова: *резидент, физическое лицо, валютное регулирование, валютные ограничения.*

Согласно статье 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [1] (далее – Закон о валютном регулировании), физические лица признаются резидентами, если они являются гражданами Российской Федерации или постоянно проживают в Российской Федерации на основании вида на жительство. Из этого следует, что, несмотря на аналогичную терминологию, юридическая конструкция резидента для целей валютного регулирования, основой которой является наличие гражданства или вида на жительство, существенно отличается от одноименной конструкции в налоговом законодательстве, где единственным юридически значимым фактом является период пребывания на территории страны.

Для резидентов адресованные им нормы валютного регулирования сохраняют силу всегда, где бы они ни находились и где бы они ни совершали валютные операции. Поэтому резиденты, в отличие от нерезидентов, обязаны соблюдать валютные ограничения в отношении владения, пользования и распоряжения валютными ценностями за пределами территории Российской Федерации, включая требования к порядку открытия счетов в зарубежных банках и проведения по ним валютных операций, а также запрет на осуществление валютных операций с другими резидентами.

Необходимо отметить, что понятие «резидент для целей валютного регулирования» в российском законодательстве недавно претерпело изменения. В соответствии с ранее действовавшей Закона о валютном регулировании резидентами Российской Федерации для целей валютного регулирования признавались граждане Российской Федерации, за исключением граждан, постоянно проживающих в иностранном государстве не менее одного года, в том числе имеющих выданный уполномоченным государственным органом соответствующего иностранного государства вид на жительство, либо временно пребывающих в иностранном государстве не менее одного года на основании рабочей визы или учебной визы со сроком действия не

менее одного года или на основании совокупности таких виз с общим сроком действия не менее одного года.

Данное определение вызывало единогласное неодобрение как ученых, так и практикующих юристов, поскольку позволяло органам валютного контроля неоднозначно трактовать кратковременные поездки в Россию, совершаемые гражданами, постоянно проживающими за рубежом. Весьма точно данную проблему сформулировал И.В. Хаменушко: «Вводя с 5 июня 2012 г. новую редакцию п. 6 ч. 1 ст. 1 Закона о валютном регулировании, связывающую утрату резидентства гражданина с конкретным периодом времени – годом, законодатель не очень точно указал на порядок определения этого периода. Не ясно, идет ли в счет года только время фактического пребывания за рубежом, или учитывается весь период начиная со дня, с которого у гражданина возникло право долговременного пребывания за рубежом, даже если он в пределах этого периода въезжал в Российскую Федерацию и выезжал обратно» [2, с. 60].

Любой въезд на территорию страны в течение года мог рассматриваться как соответствие критериям валютного резидентства с наделением гражданина соответствующими обязанностями. Подобная трактовка не соответствовала «духу» закона и длительное время нарушала права обладателей российского гражданства, проживающих в других странах. После присоединения Российской Федерации к многостороннему соглашению компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией [3] разрешению вышеуказанной проблемы было посвящено множество дискуссий. Итогом стало принятие Федерального закона от 28 декабря 2017 г. № 427-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О валютном регулировании и валютном контроле”» [4] (далее – Закон № 427-ФЗ), вступившего в силу 1 января 2018 г. Он устранил неопределенность в вопросе применения правового статуса резидента для целей валютного регулирования, но не привел данное понятие в соответствие с одноименным в российском налоговом законодательстве.

Если сравнить действующую редакцию п. 6 ч. 1 ст. 1 Закона о валютном регулировании с предшествующей, можно сделать вывод, что круг лиц, признаваемых резидентами для целей валютного регулирования, был расширен. Несмотря на это, целью внесения поправок было некоторое смягчение регулирования в данной сфере, которого удалось достичь путем создания льготных условий для части резидентов. Ряд требований, установленных валютным законодательством, не применяется к резидентам, срок пребывания которых за пределами России в течение календарного года в совокупности составил более 183 дней: это требования к порядку открытия счетов в банках за пределами территории Российской Федерации, проведения по указанным счетам валютных операций, а также представления отчетов о движении средств по ним. Фактически резиденты для целей применения валютно-правовых норм стали подразделяться на две группы в зависимости от периода пребывания на территории России.

Некоторые авторы отмечают сближение понятия «резидент для целей валютного регулирования» с понятием «налоговый резидент», но подчеркивают, что уравнивания понятий не произошло [5, с. 85]. Необходимо признать, что указанная мера не привела к полному устранению неоднозначности в вопросе наделения субъектов соответствующими правами и обязанностями. Возникли проблемы, связанные с отнесением резидентов к той или иной группе, поскольку срок пребывания за пределами России определяется по итогам календарного года. Это означает, что необходимость соблюдения гражданином валютных ограничений определяется не в момент совершения валютной операции, а по состоянию на 31 декабря года, когда она была совершена. В таком случае не обеспечивается прогностическая функция юридических фактов, выделенная наукой финансового права [6, с. 15]. Это приводит к нарушению прав граждан, которые совершают большое количество деловых и личных поездок за границу и не могут заранее спрогнозировать, какое количество дней в течение календарного года они проведут за пределами страны, что не позволяет установить совокупность их прав и обязанностей на момент совершения валютной операции.

Кроме того, расширение в 2018 г. круга лиц, признаваемых резидентами Российской Федерации для целей применения норм валютного права, привело к возникновению избыточного регулирования. Российские граждане, постоянно проживающие за рубежом, были необоснованно ограничены в осуществлении некоторых валютных операций. Если до 31 декабря 2017 г. указанные лица, не въезжавшие на территорию России в течение года, признавались нерезидентами, то в настоящее время они наделены всеми обязанностями резидентов, за исключением установленных ст. 12 Закона о валютном регулировании. В частности, они обязаны соблюдать требования ст. 9 указанного нормативного акта, налагающей запрет на валютные операции между резидентами. Исключение составляют случаи, когда оба резидента провели в России менее 183 дней в течение календарного года, но если этому условию соответствует только один, операции между ними попали в категорию запрещенных, и к ответственности за их совершение могут быть привлечены оба резидента [7, с. 31].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что Закон № 427-ФЗ не полностью разрешил существующие проблемы применения валютного законодательства в отношении физических лиц.

Эксперты сходятся во мнении, что статус резидента в соответствии с валютным законодательством необходимо уравнять со статусом налогового резидента [8]. По мнению автора, правовая конструкция налогового резидента является более точной и сбалансированной, а также надлежащим образом обеспечивающей прогностическую функцию юридических фактов в целях соблюдения прав граждан.

Подводя итог, можно сделать вывод, что особенностью российского финансово-правового регулирования является двойственность понятия «резидент» в валютном законодательстве. В то же время ис-

пользование двух различных подходов к понятию резидентства не только не целесообразно и избыточно усложняет правовые нормы, но и создает проблемы правоприменения. Попытка законодательно сблизить эти подходы, предпринятая в конце 2017 г., с одной стороны, устранила неопределенность в определении статуса резидента в валютном законодательстве, но, с другой – одновременно привела к невозможности в ряде случаев определить совокупность прав и обязанностей субъекта на дату совершения валютной операции, а также к возникновению избыточного регулирования.

Таким образом, по мнению автора, понятие «физическое лицо – резидент» для целей валютного регулирования нуждается в приведении в соответствие с одноименным понятием, закрепленным в законодательстве о налогах и сборах Российской Федерации. Использование единой юридической конструкции резидента позволит не только устранить неопределенность ряда действующих норм, но и обеспечить единообразие в понятийном аппарате российского финансового права.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

2. Хаменушко, И.В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность / И.В. Хаменушко. – М.: Норма, 2013. – 352 с.

3. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2016 № 834-р «О подписании многостороннего Соглашения компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией от 29 октября 2014 г.» // СЗ РФ. – 2016. – № 19. – Ст. 2762.

4. Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 427-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. – 2018. – № 1 (Часть I). – Ст. 11.

5. Хаменушко, И.В. Либерализация валютного законодательства для физических лиц, проживающих за рубежом / И.В. Хаменушко, Л.В. Ромащенко // Налоговед. – 2018. – № 3. – С. 81-89.

6. Карасева, М.В. Финансовое правоотношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М.В. Карасева. – Воронеж, 1998. – 56 с.

7. Цепова, Е.А. Физическое лицо - резидент в налоговом и валютном законодательстве Российской Федерации / Е.А. Цепова // Налоги. – 2019. – № 2. – С. 29-33.

8. Коваль, А.А. Реформа валютного регулирования и валютного контроля в России / А.А. Коваль, А.Д. Левашенко, С.Г. Синельников-Мурылев, П.В. Трунин. – Москва: Центр стратегических разработок, 2018 // URL: https://www.csr.ru/issledovaniya/valyutnyj-uchet-no-nekontrol/ (дата обращения: 12.10.2019).

КУЗНЕЦОВА Лилия Ивановна,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, магистрант; likuzn@mail.ru

ПОПОВ Алексей Павлович,
доктор юридических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, профессор кафедры предпринимательского и таможенного права; appopov@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВАЛЮТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

В статье анализируются отдельные аспекты финансово-правового регулирования валютных операций.

Ключевые слова: *иностранная валюта, валютные ценности, валютные операции, резидент, нерезидент, внешние ценные бумаги.*

Необходимо различать национальную (российскую) валюту, с одной стороны, и иностранную валюту (иностранные деньги), с другой. На иностранные деньги как объекты гражданских прав в полной мере распространяется правовой режим российских денег, с той только разницей, что эффект принудительного курса, поддерживаемого иностранным государством, за границами последнего значительно слабее. Тем не менее иностранная валюта ряда государств (в основном с богатым населением и сильной экономикой) может благодаря этим (уже неюридическим) качествам весьма широко циркулировать за их пределами, тем самым еще сильнее увеличивая их и без того значительную экономическую мощь и одновременно замедляя темпы роста экономик стран, этой валютой пользующихся. Широкое использование иностранной по отношению к территории обращения валюты способно даже подорвать экономическую безопасность государства, допускающего такое использование. Не всегда желательным является и неограниченное использование национальной валюты иностранцами [1, с. 4]. По названным причинам оба этих процесса подвергаются различным законодательным ограничениям. Главным нормативным актом, регламентирующим вопросы того и другого свойства в России, основой ее современного валютного законодательства является Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»[2] (далее – Закон).

Иностранная валюта представляет собой частный случай более общего (родового) понятия – понятия валютных ценностей (ст. 141 ГК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 1 Закона), к числу которых, наряду с самой иностранной валютой, относятся также и так называемые внешние ценные бумаг. Законом РФ от 09.10.1992 № 3615-1 «О валютном регулировании и валютном контроле» [3] к разряду валютных ценностей относились также драгоценные (благородные) металлы (золото, се-

ребро, платина, палладий, иридий, родий, рутений и осмий) в любом виде и состоянии и природные драгоценные камни (алмазы, рубины, изумруды, сапфиры и александриты в сыром и обработанном виде, а также жемчуг); исключение составляли ювелирные и другие бытовые изделия из перечисленных металлов и камней, а также лом этих изделий. Имея в виду, что даже золото (не говоря уже обо всех других перечисленных здесь металлах, а также камнях) не выполняет денежных функций вот уже более 70 лет, данную норму Закона следовало бы назвать не просто устаревшей, но архаичной.

Закон определяет внешние ценные бумаги как такие ценные бумаги, которые не являются внутренними, т.е. через отрицание. Отталкиваясь от определения понятия внутренних бумаг, следует определить внешние ценные бумаги как те, что номинированы в иностранной валюте и удостоверяют право на ее получение, причем, безотносительно к тому, выпущены ли они в Российской Федерации, или за ее пределами.

Частные лица – субъекты валютного права – подразделяются на: резидентов и нерезидентов (п. 6 и 7 ч. 1 ст. 1 Закона). К разряду резидентов относятся физические лица, постоянно проживающие в Российской Федерации, юридические лица по российскому законодательству, включая их обособленные подразделения, находящиеся за пределами России, а также публично-правовые (государственные и муниципальные) образования, способные к участию в гражданских правоотношениях, причем, опять же вместе со своими обособленными подразделениями (дипломатическими, консульскими и иными официальными представительствами) за рубежом. К числу нерезидентов относятся все остальные лица. Обращаем внимание на то, что критерием резиденции для физических лиц является вовсе не их гражданство (как нередко полагают), но место их постоянного проживания (так называемый домициль): если оно находится в России, то физическое лицо является резидентом РФ даже в том случае, если оно – иностранный гражданин или лицо без гражданства. Верно и обратное: гражданин России, постоянно проживающий за границей является нерезидентом РФ (резидентом того государства, в котором он имеет домициль).

Сфера применения Закона определяется сочетанием, с одной стороны, объектного, с другой – субъектного критериев; сочетаются они по-разному, в зависимости от того, идет ли речь об отношениях, складывающихся внутри России или за границей. Таким образом, предметом внимания валютного законодательства становятся следующие три группы общественных отношений: 1) отношения, складывающиеся на территории РФ и имеющие своим объектом валютные ценности (иностранную валюту и внешние ценные бумага), независимо от того, кто именно (резиденты или нерезиденты) является участником таких отношений; 2) отношения, также складывающиеся в России, но уже с участием ее нерезидентов и по поводу российской национальной валюты либо внутренних российских ценных бумаг; 3)

отношения, которые складываются за пределами территории РФ, при условии, что их объектом являются валютные ценности и в них участвуют резиденты РФ (т.е. Закон имеет экстерриториальное действие в отношении российских резидентов). Действия, из которых возникают общественные отношения, регулируемые валютным законодательством, называются валютными операциями [4, с. 325].

Особое место среди юридических лиц – субъектов валютного права занимают уполномоченные банки – кредитные организации – резиденты РФ, а также действующие на российской территории филиалы кредитных организаций-нерезидентов, имеющие право осуществлять банковские операции со средствами в иностранной валюте (подп. 8 п. 1 ст. 1 Закона). Наличие и содержание права осуществлять банковские операции со средствами в иностранной валюте на территории РФ определяется не столько самим Законом, сколько разрешением (лицензией), выдаваемым ЦБ РФ.

Пунктом 5 ст. 5 Закона предусмотрено, что сам ЦБ РФ, а также органы, определенные Правительством РФ, осуществляют все виды валютных операций без ограничений. В настоящее время такими органами являются СВР России, Минобороны России, МИД России, Казначейство России и ФСБ России.

Валютные ценности, включая иностранную валюту, относятся к разряду вещей, которые следует предполагать ограниченными в обороте. Сегодня существует три основных направления, по которым валютное законодательство выставляет условия и выдвигает ограничения, суть следующие: 1) открытие и ведение банковских счетов резидентами РФ в иностранной валюте за границей и в валюте РФ ее нерезидентами в российских уполномоченных банках; 2) ввоз, вывоз, перевод и пересылка иностранной валюты из-за границы в Российскую Федерацию и обратно, в том числе в ходе репатриации валютной выручки; 3) осуществление иных операций резидентами – с иностранной валютой и внешними ценными бумагами, а нерезидентами – напротив, с российской валютой и внутренними ценными бумагами. В самом общем виде действующие в этих трех направлениях правила могут быть описаны следующим образом.

1. С целью приобретения валютных ценностей за границей российские резиденты могут открывать и иметь счета в иностранных банках за пределами Российской Федерации, расположенных на территориях государств – членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) или Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) (ст. 12 Закона). При этом должны соблюдаться действующие в России административные требования к открытию любых счетов, в частности о том, чтобы об открытии любого банковского счета был уведомлен соответствующий (действующий в месте нахождения резидента) налоговый орган.

2. Валютные ценности могут быть ввезены, переведены или пересланы в Российскую Федерацию во всякой сумме как самим ввозящим (переводящим или пересылающим) лицом для себя, так и треть-

им лицом для другого лица. Ввоз валютных ценностей и национальной российской валюты на общую сумму свыше 10 тыс. долларов США подлежит таможенному оформлению (декларированию).

Наличная иностранная валюта и внешние ценные бумаги могут быть также вывезены за границу единовременно в сумме, не превышающей 10 тыс. долларов США (за исключениями, установленными законом), а если таковые ранее были ввезены, пересланы или переведены в Россию, то в пределах ввезенной (пересланной, переведенной) суммы (ст. 15 Закона). При этом валютные ценности в сумме, не превышающей 3 тыс. долларов США, перевозятся через границу свободно; свыше этой суммы – при условии их таможенного декларирования [5, с. 26]. Валютная выручка, полученная резидентами РФ от внешнеторговой деятельности на счета за границей, а также валютные средства, переведенные ими из России на свои счета в иностранных банках, но не использованные для расчетов с иностранными контрагентами, подлежат, по общему правилу, репатриации, т.е. возвращению в Россию посредством ее перевода на счета, открытые в уполномоченных банках (ст. 19 Закона).

Валютные ценности свободны в обороте при их использовании в операциях между резидентами и нерезидентами (ст. 6), уполномоченных банков между собой (ч. 2 ст. 9), между резидентами и уполномоченными банками по операциям, отнесенным законодательством к категории банковских (ч. 3 ст. 9) и, наконец, между нерезидентами (ч. 1 ст. 10). Валютные операции данного субъектного состава осуществляются без ограничений. Однако валютные ценности должны рассматриваться как изъятые из оборота при операциях между резидентами РФ (ч. 1 ст. 9), исключая операции, перечисленные в данном пункте. То есть, исключая расчеты в магазинах беспошлинной торговли, комиссионные, экспедиционные и иные посреднические операции, приобретение и продажу внешних ценных бумаг через российских организаторов торгов, налоговые и бюджетные выплаты, выплаты по внешним ценным бумагам, оплату командировочных и разъездных расходов, частные переводы из России на сумму свыше 5 тыс. долларов США в течение одного операционного дня и т.д.

Все валютные операции (независимо от субъектного состава) осуществляются через банковские счета, открываемые в уполномоченных банках (ч. 2 ст. 10, ч. 2 ст. 14 Закона).

Список литературы:

1. Белых, В.С. К вопросу о понятии иностранной валюты как объекта гражданских прав / В.С. Белых, А.В. Степанченко // Гражданское право. – 2017. – № 5. – С. 3-6.

2. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859,

3. Закон РФ от 09.10.1992 № 3615-1 «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. от 05.07.1999) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 45. – Ст. 2542.

4. Белов, В.А. Гражданское право. Т. IY. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Белов. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 1093 с.

5. Степанченко, А.В. Роль уполномоченных банков в обороте иностранной валюты на территории Российской Федерации / А.В. Степанченко // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2012. – № 2. – С. 25-29.

КУЛЕШОВ Михаил Юрьевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; mkuleshov@mail.ru

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРОВ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье проведена характеристика обеспечительных мер защиты прав кредиторов в договорных отношениях.

Ключевые слова: *договорные обязательства, денежные обязательства, кредитор, способы обеспечения, исполнение обязательств, компенсационный характер, санкционный характер, обеспечительный платёж, независимая гарантия.*

Весьма эффективными мерами гражданско-правовой защиты кредиторов в договорных обязательствах являются меры обеспечительные, поскольку уже на этапе заключения договора субъекты, как правило, сами договариваются о том, какие санкционные меры могут быть применены к должнику, если он не исполнит договорное обязательство либо исполнит его ненадлежащим образом (исключение составляют случаи, когда обеспечительные меры в императивном порядке устанавливаются законом, и в этом случае субъекты договора не вправе своим соглашением изменить законодательное предписание). Б.М. Гонгало определяет следующим образом функциональную направленность способов обеспечения обязательства: «создать такие условия, при которых обязательства исполнялись бы надлежащим образом и (или) гарантировался бы имущественный интерес кредитора» [1, с. 35].

Ряд обеспечительных мер носит компенсационный характер. Действующим гражданским законодательством Российской Федерации предусмотрены следующие способы защиты прав кредиторов в договорных отношениях, имеющие компенсационную направленность: самостоятельная продажа предмета залога, продажа удержива-

емой вещи, присвоение задатка, взыскание законных процентов. Данные меры защиты кредиторов достаточно активно используются субъектами договорных отношений, исполнение обязательств вытекающих из которых соответствующим образом (залогом, удержанием, задатком) обеспечено в силу закона или соглашения сторон.

Для обеспечения исполнения денежных обязательств могут быть применены все известные ГК РФ (гл. 23) и практике способы обеспечения. Более того, такой способ обеспечения, как задаток, может быть применен для обеспечения исполнения только денежных и никаких иных обязательств (§ 7 гл. 23 ГК РФ), нормы же о залоге (ст. 337 ГК РФ), удержании (ст. 359 ГК РФ) и поручительстве (п. 2 ст. 363 ГК РФ) сформулированы так, словно они рассчитаны на обеспечение исполнения прежде всего денежных (а затем уже и иных) обязательств. Больше того, руководствуясь, в частности, нормами п. 1 ст. 102 ГК РФ, предметом обеспечения является обязательство уплаты по облигационному займу акционерного общества. Вопрос о юридической природе такого обеспечения до настоящего времени не изучен. По сути, перед нами нечто среднее между залогом имущества третьего лица и поручительством, что не может быть признано ни тем, ни другим: залогом – потому, что имущество передается третьими лицами эмитенту (должнику), а не кредиторам, и еще потому, что особых прав кредиторов на имущество, составляющее предмет обеспечения прав, похожих на залоговые, законодательство не предусматривает; поручительством же данное обеспечение нельзя признать потому, что при поручительстве не происходит обособления имущества, которым отвечает поручителей [2, с. 11]) , п. 1 ст. 359, п. 5 ст. ст. 488, ст. 587, 712, п. 4 ст. 790, ст. 840, п. 3 ст. 972, п. 2 ст. 996 ГК РФ, устанавливающими специальные стимулы обеспечения исполнения ряда денежных обязательств, а также тем, что на практике обязательства по возврату займа и кредита, как правило (ст.ст. 807,813, 819 ГК РФ), или даже всегда (п. 1 ст. 358 ГК РФ) носят обеспеченный характер, можно утверждать, что отличительной чертой подавляющего большинства денежных обязательств является обязательное обеспечение их исполнения. Исключения из этого правила противны природе денежного обязательства и объясняются исключительно особыми условиями возникновения и существования отдельных денежных обязательств.

Денежное обязательство по своему содержанию таково, что, как правило, не создает для его должника особой заинтересованности в его добросовестном исполнении. Если обязательство, скажем, поставки продукции должник заинтересован выполнить хотя бы для того, чтобы не загромождать собственные цеха и, не переполняв склады, не нести расходы и риски, связанные с содержанием и хранением этой продукции, получить деньги, необходимые для оплаты процессов ее производства, то в исполнении денежного обязательства подобной заинтересованности (ее можно было бы назвать естественной) нет и не может быть, ибо банковский счет никогда не переполнится, расходы и риски, несение которых связано с обладанием деньгами (осо-

бенно в виде записей на счете), минимальны, а сами деньги носят универсальный характер и могут быть использованы для прекращения абсолютно любого обязательства. Наконец, именно деньги значительно выгоднее и проще укрывать от внимания налоговых органов и взыскания кредиторов, чем какое-либо иное имущество. Действие этого фактора, как само собой понятно, не просто «расхолаживает» должника по денежному обязательству, но рождает непосредственный и чрезвычайно сильный соблазн как раз не исполнять своего обязательства. Противовесом такому соблазну служат способы обеспечения исполнения обязательств [3, с. 4].

Согласно недавним изменениям ГК РФ, общие положения об обеспечении исполнения обязательств претерпели некоторые изменения. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть и дать оценку этим изменениям.

Существенной новеллой законодательства является то, что в случае недействительности основного договора обеспечение не становится автоматически недействительным. Вместо обеспечения обязательств по основному (недействительному) договору обеспечение будет срабатывать в отношении возврата имущества, полученного по недействительному договору. Также благодаря изменениям в ГК РФ с 1 июня 2015 года в ГК РФ прямо закреплено общее правило, согласно которому прекращение основного обязательства влечет и прекращение обеспечивающего. Это общая норма, и к ней есть исключения, например, ликвидация должника (по ст. 419 ГК РФ это одно из оснований прекращения обязательства) не влечет прекращения поручительства.

Перечень поименованных в законе способов обеспечения исполнения обязательств несколько изменился. Он дополнился таким способом, как обеспечительный платеж. Данный способ сложился на практике. Он нередко использовался, в частности, в договорах аренды, и являлся не предусмотренным законом способом обеспечения исполнения обязательств, что соответствует ст. 329 ГК РФ. В частности, в сфере найма квартир он существует в виде внесения определенной суммы денежного залога на депозит наймодателя в обеспечение исполнения обязательств, которые могут возникнуть в будущем при определенных обстоятельствах (например, порча имущества наймодателя). Закон позволяет вносить обеспечительный платеж денежными средствами, ценными бумагами, а также вещами, определенными родовыми признаками (ст. 381.2 ГК РФ).

Согласно ст. 381.1 ГК РФ, денежное обязательство, в том числе обязанность возместить убытки или уплатить неустойку в случае нарушения договора, и обязательство, возникшее из игр и пари, по соглашению сторон могут быть обеспечены внесением одной из сторон в пользу другой стороны определенной денежной суммы (обеспечительный платеж). Проценты на обеспечительный платеж в период нахождения денег у кредитора не начисляются. В качестве обеспечительного платежа могут быть внесены не только деньги, но и иные

вещи, определенные родовыми признаками, например, акции, облигации, иные ценные бумаги.

При наступлении обстоятельств, предусмотренных договором, сумма обеспечительного платежа засчитывается в счет исполнения соответствующего обязательства, а в случае их ненаступления в предусмотренный договором срок или прекращения обеспеченного обязательства обеспечительный платеж подлежит возврату, если иное не предусмотрено соглашением сторон [4, с. 49].

Обеспечительным платежом может быть обеспечено обязательство, которое возникнет в будущем.

Ранее известная ГК РФ банковская гарантия преобразовалась в новой редакции в независимую гарантию.

Независимые гарантии могут выдаваться теперь не только банками или иными кредитными организациями (банковские гарантии), но также и другими коммерческими организациями. В связи с этим банковская гарантия становится разновидностью независимой гарантии. Таким образом, теперь любое юридическое лицо в качестве обеспечения обязательств третьих лиц сможет выдавать независимые гарантии [6, с. 10-11].

В независимой гарантии может содержаться условие об уменьшении или увеличении суммы гарантии при наступлении определенного срока или определенного события.

Гаранту предоставлено право приостановить платеж по независимой гарантии на срок до семи дней, если он имеет разумные основания полагать следующее:

- что какой-либо из представленных ему документов является недостоверным;
- обстоятельство, на случай возникновения которого независимая гарантия обеспечивала интересы бенефициара, не возникло;
- основное обязательство принципала, обеспеченное независимой гарантией, недействительно;
- исполнение по основному обязательству принципала принято бенефициаром без каких-либо возражений [5, с. 22].

Гарант несет ответственность перед бенефициаром и принципалом за необоснованное приостановление платежа. По истечении семидневного срока и при отсутствии оснований для отказа в удовлетворении требования бенефициара гарант обязан произвести платеж по гарантии.

Принципал обязан возместить гаранту выплаченные в соответствии с условиями независимой гарантии денежные суммы, если соглашением о выдаче гарантии не предусмотрено иное.

Также введено требование к обязательной письменной форме гарантии в соответствии с общими положениями о письменной форме договора (п. 2 ст. 434 ГК РФ). Данное изменение необходимо для того, чтобы можно было достоверно определить условия гарантии, а также удостовериться в подлинности ее выдачи.

Впервые установлена ответственность бенефициара в том случае, когда им представлены недостоверные документы либо предъявлено необоснованное требование (ст. 375.1 ГК РФ).

Другие способы обеспечения исполнения обязательств подверглись менее значительным изменениям.

В целом следует признать позитивными изменения гражданско-правовых норм, регулирующих обеспечение исполнения гражданско-правовых обязательств. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения и проработки.

Список литературы:

1. Гонгало, Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики / Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2004. – 222 с.

2. Новиков, К.А. Понятие способа обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / К.А. Новиков. – М., 2012. – 24 с.

3. Тирская, Е.В. Категория денежного долга в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Тирская. – М., 2004. – 25 с.

4. Гасников, К.Д. Применение обеспечительных платежей в рамках отдельных гражданско-правовых обязательств: теоретические и практические аспекты / К.Д. Гасников // Журнал российского права. – 2016. – № 10. – С. 46-55.

5. Замотаева, Т.Б. Проблемы правового регулирования независимой гарантии / Т.Б. Замотаева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 1. – С. 21-25.

6. Зыбина, О.С. Финансовое право: учебное пособие / О.С. Зыбина, И.В. Бородушко, Е.К. Симакова. – СПб.: НОУ СЮА, 2013. – 124 с.

КУРС Иван Александрович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; ivan_kurs@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ДАВНОСТНОГО ВЛАДЕНИЯ И ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ

В статье рассматриваются особенности правовой природы давностного владения и приобретательной давности.

Ключевые слова: *давностное владение, приобретательная давность, давностный владелец, добросовестное, открытое, непрерывное владение, двустороннее правособственническое действие.*

Институт давностного владения в нашем действующем законодательстве именуется приобретательной давностью (ст. 234 ГК РФ).

Это наименование зиждется на представлении о том, будто время, его отрезки (сроки) и их течение являются юридическими фактами; сообразно с этим мнением одним из оснований приобретения права собственности считается истечение 5 либо 15-летнего срока приобретательной давности. В действительности юридическими фактами являются действия или события, имевшие (или, наоборот, не имевшие) места в продолжение известного срока; в нашем случае таковым фактом является действие – добросовестное, открытое и непрерывное владение гражданина или юридического лица чужим имуществом как своим собственным, продолжавшееся в течении не менее 5 или 15 лет (в зависимости от вида имущества – движимого или недвижимого соответственно). Именно владение чужой вещью, продолжавшееся в течение установленного законом срока (приобретательной давности), а вовсе не сам этот срок, и приводят к приобретению права собственности на вещь, являющуюся предметом такого (давностного) владения. При таком подходе период времени, называемый приобретательной давностью или давностью владения, окажется вовсе не юридическим фактом, необходимым для приобретения в собственность имущества, но лишь характеристикой продолжительности совершения действия, приводящего к такому приобретению, т.е. добросовестного, открытого и непрерывного владения чужим имуществом как своим собственным. Владение, соответствующее всем перечисленным характеристикам и уже длящееся в течение приобретательной давности, называется давностным владением, само же добросовестное, открытое и непрерывное владение чужим существом как собственным безотносительно к своей продолжительности – владением, годным для давности.

Начиная едва ли не с самых первых комментариев к ГК РФ, в литературе разгорелись споры по вопросу о том, как следует понимать нормативно установленные характеристики давностного владения. В то время как открытость и непрерывность особой сложности не представляли, вопрос о соотношении таких характеристик владения, как его добросовестность, с одной стороны, и владение имуществом как своим собственным – с другой, стал настоящим камнем преткновения для ученых [1, с. 40]. Лишь недавно – при непосредственном участии и ко всеобщему удовольствию не только практикующей, но и ученой юридической общественности – вопрос этот получил положительное разрешение в постановлении Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [2] (далее – Постановление № 10/22), согласно п. 15 которого характеристика владения имуществом как:

а) добросовестного – означает, что «лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности» [3, с. 314] (иными словами, речь в

статье ГК РФ идет не столько о добросовестном, сколько о добросовестно приобретенном владении);

б) открытого – означает, что владелец «не скрывает факта нахождения имущества в его владении»; при этом «принятие обычных мер по обеспечению сохранности имущества не свидетельствует о сокрытии этого имущества» [4, с. 30];

в) непрерывного – означает, что «оно не прекращалось в течение всего срока приобретательной давности»; при этом владение не прерывают (1) ни временная утрата владения, нейтрализованная виндикационным иском; (2) ни передача вещи давностным владельцем во временное владение другого лица; (3) ни прекращение предыдущего владельца, по отношению к которому новый владелец является правопреемником [5, с. 74];

г) своим собственным – «означает владение не по договору. По этой причине ст. 234 ГК РФ не подлежит применению в случаях, когда владение имуществом осуществляется на основании договорных обязательств (аренды, хранения, безвозмездного пользования и т.п.)» [6, с. 167].

Из предложенных разъяснений вопрос вызывает, пожалуй, только один – последний – и пункт в той части, где говорится о «владении не по договору». В такой общей формулировке это разъяснение исключает п. «а», поскольку наиболее распространенный случай добросовестного приобретения владения связан именно с получением вещи во исполнение какого-нибудь договора, например, купли-продажи или мены. Очевидно, что п. «г» должен толковаться ограничительно, а именно в том смысле, что им имеется в виду владение не по договору, предусматривающему сохранение права собственности на вещь за другим контрагентом. Так, «не годится» для давностного владения арендатора по договору аренды, перевозчика по договору перевоза, хранителя по договору хранения, комиссионера по договору комиссии, агента по агентскому договору, управляющего по договору доверительного управления и т.д., сколько бы времени такие лица ее владели, они никогда не смогут стать собственниками, ибо существо договора, доставившего им возможность владения таково, что очевидно не предполагает владения вещью как своей. Если речь идет о владении animus domini (владении для себя), то ничего «криминального» в том, что такое владение приобретено по договору, конечно же, нет.

Субъектом давностного владения может быть либо гражданин, либо юридическое лицо, но не публично-правовое образование. Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования приобретать имущество в собственность по давности владения не способны.

Право собственности на движимые вещи возникает по давности владения ими в силу самого факта давностного владения. Какого-либо специального установления этого факта, публичного заявления давностного владельца (о том, что вот, он, дескать, провладел имуще-

ством установленный срок и тем самым стал собственником этого имущества) или соблюдения какой-либо иной подобной процедуры не нужно. Больше того, давностное владение производит свое действие юридически независимо от осознания этого обстоятельства самим давностным владельцем и даже независимо от его знания или незнания об этом. Конечно, лицо, которое «не в курсе» относительно существования института приобретательной давности, никогда не станет ссылаться на нормы ГК РФ, узаконивающие этот институт, но это не отменяет того обстоятельства, что у него будет наличествовать право сослаться на таковые, равно как и право собственности, объективно (независим, от их воли) доставленное им самим фактом давностного владения. Лицо, в отношении которого выполняются все признаки состоявшегося давностного владения, становится собственником его предмета автоматически, без особого акта констатации и даже осознания им сами этого обстоятельства, на него падают риски случайной гибели вещи, бремя ее содержания и ответственности за вред, ею причиненный, а также все прочие «прелести» бремени собственности [7, с. 29].

Для возникновения права собственности по давности владение на недвижимую вещь необходимо установление факта давностного владения судом. На основании судебного решения об установлении факта 15-летнего добросовестного, открытого и непрерывного владения чужой недвижимостью как своей государственный орган должен осуществить регистрацию возникновения права собственности на недвижимость по давности владения.

Момент, с которого начинается течение приобретательной давности, различен для разных категорий добросовестных приобретателей. Как известно, норма ст. 302 ГК РФ в некоторых случаях не позволяет собственнику истребовать свое имущество от добросовестного приобретателя, т.е. (как было доказано выше) направлена на защиту фактического владения этого последнего как владения нового собственника перед бывшим собственником. В этом случае – коль скоро добросовестный приобретатель становится собственником вещи уже в момент ее добросовестного приобретения – приобретательная давность вовсе не применяется [8, с. 17]. Если же вещью владеет лицо, у которого она может быть истребована по нормам ст. 301, 302, 305 ГК РФ, т.е. добросовестный приобретатель, не имеющий возможности ссылаться на ограничения виндикации, то течение приобретательной давности начнется не ранее истечения исковой давности по соответствующим требованиям (п. 4 ст. 234 ГК РФ), т.е. приобретательная давность присоединяется к исковой.

Следует отметить, что достаточно сложный юридический и фактический состав лежит в основе приобретения права собственности по давности владения. Определенный интерес представляет собой юридическая конструкция приобретательной давности и с точки зрения социально-экономических условий введения этого института в российское гражданское право, и с точки зрения необходимости его

совершенствования (изменения), приведения в соответствие с иными отношениями общества, тесно связанными с этим институтом.

В любом случае приобретение права собственности в силу приобретательной давности – юридический факт, негодность которого приводит к дефектности механизма гражданско-правового регулирования вещных отношений. Полагаем, что изучение названного вопроса с позиции концепции дефектности механизма гражданско-правового регулирования актуально и важно, так как способно показать, при каких обстоятельствах нарушаются условия приобретения права собственности по правилам ст. 234 ГК РФ.

Закон связывает приобретательную давность сразу с несколькими обстоятельствами. Одним из них является владение вещью в течение установленного законом срока (приобретательная давность). То есть владение и срок владения – два неразрывных юридических факта, лежащих в основе приобретения права собственности по давности владения.

В силу ст. 234 действующей редакции ГК РФ лицо – гражданин или юридическое лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность). То есть к условиям, которым должно отвечать владение, относятся добросовестность, открытость и непрерывность владения. Нарушение хотя бы одного из этих условий делает владение дефектным юридическим фактом, не влекущим признания права собственности за таким владельцем.

Владение, которое лежит в основании института приобретательной давности, само по себе не порождает права. Право собственности возникает на основе юридического состава, который включает в себя факт открытого и непрерывного незаконного владения и истечение срока такого владения, установленного законом. Этому фактическому составу законодатель придает значение юридического факта, определяемого в праве как институт приобретательной давности. Такой юридический состав включает в себя владение имуществом в течение определенного срока, его непрерывность, добросовестность, открытость. Отсутствие любого из указанных оснований ведет к дефектности юридического состава.

Законодательство не уделяет внимания тому очевидному обстоятельству, что давностное владение имеет двустороннее правособственническое действие. Оно влечет не только возникновение права собственности на вещь у давностного владельца (имеет позитивное действие), но и прекращение права собственности собственника, не владевшего вещью в течение приобретательной давности (оказывает негативное действие). В этом (последнем) контексте давность приобретательная с не меньшим успехом и смыслом может быть названа также давностью отчуждательной или погасительной.

Список литературы:

1. Ландаков, В.Н. О некоторых проблемах давностного владения / В.Н. Ландаков // Цивилист. – 2011. – № 3. – С. 39-45.
2. Постановление Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (ред. от 23.06.2015) // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 6.
3. Рудоквас, А.Д. Добросовестность владения и приобретательная давность: mala fides superveniens non impedit usucapionem / А.Д. Рудоквас // Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. тр. в честь проф. Б.Л. Хаскельберга. Под ред. Д.О. Тузова. – М.: Статут, 2008. – С. 311-317.
4. Хомуленко, М.С. Проблемы применения приобретательной давности как основания признания права собственности на жилище, оставленное собственником / М.С. Хомуленко // Нотариус. – 2011. – № 3. – С. 29-31.
5. Ландаков, В.Н. О непрерывности давностного владения в российском гражданском праве / В.Н. Ландаков // Современное право. – 2011. – № 7. – С. 72-77.
6. Маньковский, И.А. Приобретательная давность в системе оснований приобретения права собственности / И.А. Маньковский // Российский юридический журнал. - 2011. – № 4. – С. 162-172.
7. Уруков, В.Н. О приобретательной давности / В.Н. Уруков // Право и экономика. – 2009. – № 7. – С. 27-31.
8. Чернышов, Д.В. Приобретательная давность как основание признания права собственности на недвижимое имущество / Д.В. Чернышов, К.А. Логинов // Закон. – 2007. – № 8. – С. 16-19.

КУФТЫРЕВА Ксения Алексеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; schmen.k@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ДОГОВОРА РЕНТЫ

В статье анализируется понятие договора ренты, а также юридические признаки рентных договоров, правовая конструкция рентных договоров.

Ключевые слова: обязательства, передача имущества в собственность, договор ренты, рента, пожизненное содержание, иждивение, пожизненная рента, постоянная рента, получатель ренты.

В науке гражданского права отмечено большое число дискуссий, посвященных отнесению рентных договоров к той или иной

группе договоров и обязательств. Бесспорным является утверждение о том, что договор ренты во всех своих разновидностях может порождать два рода обязательств по передачи вещей: под выплату ренты и в качестве рентных платежей. К первому роду обязательств применяются нормы о договоре и обязательстве купли-продажи. Вопрос о регулировании содержания, исполнения и последствий нарушения обязательств по передаче вещей в качестве рентных платежей оставлен законодателем всецело на усмотрение договаривающихся сторон. К таким обязательствам применимы общие правила об обязательствах по передачи вещи.

Правовая конструкция рентных договоров порождает множество различных толкований и цивилистических споров, что, по всей видимости, обуславливается недолгим законодательным закреплением рентного договора как самостоятельного правового института.

ГК РФ впервые включил в себя главу «Рента и пожизненное содержание с иждивением». Само наименование главы позволяет сделать вывод о законодательном закреплении договора ренты и договора пожизненного содержания с иждивением. Договор ренты классифицируется на постоянную ренту и пожизненную. Из этих договорных конструкций строится система рентных договоров, закрепленная в современном российском законодательстве. На уже само название главы содержит дискуссионный вопрос о правовой природе договора пожизненного содержания с иждивением: является ли он самостоятельным договором или разновидностью договора ренты.

В современном языке понятие «рента» имеет два значения. Во-первых, рента – это установленный доход с имущества или земельного участка, не требующий предпринимательской деятельности для своих получателей. Второе значение понятия ренты подразумевает определенную ежегодную сумму, уплачиваемую страховым обществом застраховавшемуся [1, с. 29]. Из анализа законодательства Российской Федерации можно выделить следующие значения понятия «рента»:

а) гражданско-правовая категория, под которой понимается регулярное получение установленных суммы или материальных средств, выполняемых работ или оказываемых услуг, которые равнозначны по стоимости установленной денежной сумме, в обмен на переданное в собственность имущество;

б) вид договора, осуществляющий передачу в собственность имущества с условием систематического получения в обмен на него денежных сумм, материальных средств, выполняемых работ в целях, не связанных с предпринимательской деятельностью;

в) обязательство, которое обременяет правом залога недвижимость, которая передается под регулярную выплату обусловленных денежных сумм или иных материальных средств, выполненных работ в целях, не связанных с предпринимательской деятельностью [2, с. 22].

Необходимо определить, является ли договор ренты односторонним или двусторонним, возмездным или безвозмездным, реальным или консенсуальным. В науке гражданского права нет единого мнения относительно реальности или консенсуальности данного договора, но то, что он является возмездным, признается большинством ученых. Возмездность договора проявляется в том, что плательщик ренты обязан выплачивать получателю ренты за отчужденное ему имущество установленную денежную сумму или иное встречное удовлетворение.

Рассмотрим проблему реального и консенсуального характера договора ренты. Одни авторы полагали, что договор ренты имел консенсуальный характер, потому что именно государственная регистрация, которая действовала до марта 2013 года, являлась моментом заключения договора ренты, а не реальная передача имущества [3, с. 13-14]. Данную позицию разделяет К.Г. Токарева [4, с. 58], и она не отвечает требованиям конструкции реального договора, так как момент государственной регистрации означал переход права собственности. Несмотря на то, что реальной передачи дома могло и не быть, приобретатель уже признавался собственником имущества по договору.

Другие ученые относят договор ренты к реальному договору [5, с. 44]. Так, например, О.В. Ефимова пишет: «Рента, как и заем, – это реальный договор. Этот договор начинает действовать с момента, когда получатель ренты передает плательщику ренты в собственность соответствующее имущество. Само соглашение о ренте до передачи имущества никаких правовых последствий не влечет» [6, с. 4].

В пользу реального характера договора ренты говорит и тот факт, что в ГК РСФСР 1964 г. наблюдался тип реального договора купли-продажи с условием пожизненного содержания. И за время существования договора купли-продажи с условием пожизненного содержания необходимости в конструкции консенсуального договора не было. Можно заметить, что реальный характер свойственен для фидуциарных, длящихся договоров, к которым и относится договор ренты.

Имеется и иная точка зрения. Отчуждение имущества при условии получения ренты может быть осуществлено как за определенную плату (по аналогии с договором купли-продажи), так и бесплатно (по аналогии с договором дарения), поэтому некоторые авторы полагают, что договор ренты можно относить как к реальным, так и к консенсуальным сделкам. Реальным договор ренты будет в случае безвозмездной передачи имущества в собственность плательщика ренты при условии выплаты ренты, поскольку к указанным отношениям будут применяться нормы о дарении (гл. 32 ГК РФ). А если передача имущества в собственность плательщика ренты осуществляется за определенную плату, то к договору будут применяться уже другие нормы, а именно о купле-продаже гл. 30 ГК РФ, и такая сделка будет уже консенсуальной.

По данному вопросу достойна вниманию позиция А. Мамаева. В своем исследовании он отмечает, что законодатель сформулировал договор ренты как реальный, но отсылка к правилам купли-продажи и дарения при передаче имущества делает его консенсуальным [7, с. 17]. Чтобы обойти данное противоречие, автор предложил внести изменения в ГК РФ. К примеру, по отдельности предусмотреть последствия отказа от передачи имущества плательщику ренты либо изменить структуру договора ренты так, чтобы он считался консенсуальным и взаимным: «По договору ренты получатель ренты обязуется передать плательщику ренты в собственность имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определенной денежной суммы либо предоставления средств на его содержание в иной форме». В данной ситуации отсылки к договорам купли-продажи и дарения будут правомерными и не противоречащими юридической природе договора ренты.

В легальном определении договора ренты отчетливо выражена модель реального договора. Данный вывод подтверждается применением в определении конструкции «передает другой стороне имущество», что доказывает реальный характер договора. Следовательно, можно сказать, что ГК РФ закрепляет реальный характер договора ренты и пожизненного содержания с иждивением.

Реальные договоры ренты, которые исполняются по типу договора дарения, являются односторонними, а консенсуальные договоры ренты, по которым передача движимого имущества осуществляется по модели договора купли-продажи, признаются двусторонними.

Также в научной литературе договор ренты причисляется к алеаторным сделкам. Алеаторные договоры – это возмездные договоры, которые строятся так, что объем взаимного удовлетворения остается неизвестным до тех пор, пока не наступит обстоятельство, которое призвано его окончательно определить [8, с. 85]. При заключении данного договора абсолютно неизвестно, какая сторона в конечном результате приобретет выгоду. В договоре ренты присутствует элемент риска, ведь плательщик ренты заранее не знает, какой период времени ему доведется нести имущественные расходы, то есть платить ренту. Таким образом, риск, который принимает на себя по договору каждая сторона, состоит в наличии вероятности, что какая-то одна из сторон получит удовлетворение меньшего объема, чем им представленное.

Рассмотрим отличие договора ренты от других видов договоров. К договору ренты применяются нормы, которые регламентируют договор купли-продажи и дарения, содержащиеся в гл. 30, 32 ГК РФ.

Договор ренты отличается от договора купли-продажи или мены характером встречного удовлетворения. Объем рентных платежей, которые причитаются их получателю, не определён, потому что обязательство по выплате ренты действует бессрочно либо на срок жизни получателя. А также договор купли-продажи либо мены опосредуют

акты равноценного товарообмена, а договор ренты связан с риском того, что размер рентных платежей окажется больше или меньше стоимости отчужденного имущества.

Дозволяется включать в договор ренты правило о том, что за получателем ренты сохраняется право собственности на отчуждаемое имущество до его оплаты плательщиком ренты. Считается, что данное заимствование правил о купле-продаже не будет противоречить существу ренты, если только понятием «оплата» не будут охватываться и рентные платежи.

Существенным отличием договора дарения от договора ренты признается безвозмездность. По договору дарения даритель безвозмездно передает или обязуется передать одаряемому вещь в собственность либо имущественное право к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом.

Так как специальными нормами о ренте определено, что для заключения договора ренты необходима передача имущества, то договор ренты, который не связан с передачей недвижимости, считается заключенным с момента его нотариального удостоверения. До 2013 года договор, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты, подлежал также государственной регистрации.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что договору ренты присущи характерные признаки, свидетельствующие о его самостоятельности в ряду других гражданско-правовых договоров, которые направлены на отчуждение имущества. Договор ренты устанавливает между сторонами особые правовые отношения, не свойственные другим договорным обязательствам. Их суть состоит в обязанности одного лица предоставлять пожизненное или постоянное содержание другому лицу, которое для последнего нередко является единственным источником получения средств на существование. Отношения, которые возникают из договора ренты, носят стабильный и длительный характер, а при пожизненном содержании с иждивением и доверительный характер. Механизм правового регулирования рентных отношений построен с таким расчетом, чтобы поддерживать эти их качества.

Список литературы:

1. Березин, Д.А. Цена и стоимость ренты / Д.А. Березин // Нотариус. – 2018. – № 7. – С. 27-31.

2. Белов, В. Договор ренты и перспективы совершенствования законодательства / В. Белов // Жилищное право. – 2016. – № 6. – С. 19-24.

3. Дерюга, Н.Н. Договор ренты: некоторые проблемы правопонимания / Н.Н. Дерюга // Российский следователь. – 2011. – № 15. – С. 13-14.

4. Токарева, К.Г. Институт ренты: история и развитие законодательства / К.Г. Токарева // История государства и права. – 2007. – № 21. – С. 56-60.

5. Хаскельберг, Б.Л. Консенсуальные и реальные договоры в гражданском праве / Б.Л. Хаскельберг, В.В. Ровный. – Томск, 2003. – 212 с.

6. Ефимова, О.В. Рента и пожизненное содержание с иждивением / О.В. Ефимова // Бюллетень нотариальной практики. – 2010. – № 6. – С. 2-8.

7. Мамаев, А. Противоречивость конструкции договора ренты / А. Мамаев // Российская юстиция. – 1999. – № 9. – С. 16-19.

8. Кузнецова, П. Неопределенность в вопросе рентных платежей / П. Кузнецова // Жилищное право. – 2012. – № 2. – С. 83-91.

ЛЕБЕДЕВА Анна Александровна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; anua-dimok@yandex.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассмотрено возникновение представительства, прекращение представительства.

Ключевые слова: *возникновение представительства, прекращение представительства, юридический факт.*

Как и любое другое правоотношение судебное представительство образуется при определенных правовых основаниях.

Роль норм права при возникновении представительства не одинакова. Они выступают непосредственными регуляторами содержания прав и обязанностей лиц, участвующих в отношениях представительства (законное), в добровольном представительстве эта роль отведена юридическим фактам. Поэтому принято говорить о том, что у первых основанием представительства является закон (отсюда название «законное представительство», т.е. представительство по закону), у вторых – юридический факт. Данное уяснение оснований представительства неточно, упрощенно, поскольку одна норма права без юридического факта не порождает представительства.

Когда содержание представительства определяется юридическими фактами, создается ошибочное впечатление, будто представительство возникает в результате правомерных действий без участия нормы права. В гражданском праве роль закона в данном случае незначительна: нормы права выступают общей предпосылкой возникновения представительства.

Что же касается процессуального права, то оно и при добровольном представительстве во многом определяет содержание последнего. Согласно ст. 54 ГПК РФ, «полномочие на ведение дела в суде дает представителю право на совершение от имени представляемого всех процессуальных действий, за исключением тех, представление которых зависит от волеизъявления представляемого».

Таким образом, при определении оснований представительства допускаются две противоположные ошибки. В одном варианте (при законном представительстве) из оснований представительства исключаются юридические факты, а в другом (при добровольном представительстве) – нормы права.

Касаемо нормативной основы правоотношения между представителем и судом, то на сегодняшний день она является весьма актуальным, если брать во внимание то, что сами нормы прав создают базу юридическую для правого регулирований, а отсюда – и для правоотношений. На базе каких же норм имеют место эти процессуальные правоотношения. На наш взгляд, как было замечено В.М. Шерстюком, – на основе процессуальных норм [1, с. 59].

Я.А. Розенберг к нормативной основе судебного представительства относит только те правовые нормы, в которых содержится что-либо о представительстве [2].

Нормы, регулирующие деятельность суда (судьи) при рассмотрении и разрешении гражданского дела, являются нормами соответствующих специальных институтов гражданского процессуального права.

Из этого вытекает, что нормативная основа процессуальных отношений, в которых одним из субъектов является судебный представитель, состоит как бы из двух частей.

Первая часть – нормы, содержащиеся в общих институтах (о составе суда, субъектах судебного представительства). Эта часть правовых норм постоянна, они «присутствуют» в любом правоотношении, возникшем между судом и судебным представителем при рассмотрении дела.

Вторая часть – это нормы специальных институтов. Они постоянно меняются, отражая динамику процесса [3, с. 30].

Например, в зависимости от видов гражданского судопроизводства или стадий гражданского процесса можно проследить процесс возникновения и развития процессуальных правоотношений между судом и судебным представителем.

Изложенное позволяет сделать вывод, что сочетание норм первой части с различными нормами второй обеспечивает развитие нормативной основы правоотношений, каждая из указанных частей нормативной основы играет свою важную роль в возникновении правоотношений представительства.

К правовым основаниям возникновения процессуального представительства как правоотношения общепринято относить юридический факт и фактический состав.

В научной литературе указаны виды фактического основания правового последствия: юридический факт и фактический состав, которые принято отличать друг от друга. Юридический факт – это определенные обстоятельства (условия, ситуации), которые влияют на возникновение, изменение или прекращение правоотношений в нормах права.

В отличие от факта, состав – сложная и много комплексная предпосылка. Фактический состав в юридической науке определяется как система самих юридических фактов, которые предусмотрены нормой права, а для наступления данных правовых последствий (возникновение, изменение, прекращение правоотношения) [4, с. 311].

Выступая как фактические предпосылки, возникновение, изменение, прекращение правоотношения, юридические факты и фактические составы реализовывают свои главные функции. Каждый юридический факт и состав либо образует, либо изменят, либо прекращать правоотношение.

Можно выделить некоторые признаки фактического состава: во-первых, фактическому составу присуща расчлененность на части, во-вторых, для него характерно особый способ связи между этими частями, в-третьих, фактический состав очерчивается как определенная часть наиболее обширной структуры юридических фактов (институт, отрасль и все право в целом).

Возникновение процессуального представительства является процессом юридических фактов, последовательным и «накопительным», только вся совокупность этих фактов его порождает. Однако не исключается, что один из фактов сможет служить какой-либо совершенно другой группы фактов либо подтвердить всех предшествующих.

Так, например, в семейных правоотношениях отношения между родителями и детьми, входящие в основание представительства в гражданском процессе, складываются из определенной «цепи» фактов, последний в звене которых служит доказательством всего фактического состава. Названное правоотношение начинается с события – рождения ребенка от данных родителей.

В ряде случаев это событие бесспорно, а иногда подлежит доказыванию (в случае непризнания отцовства). Для возникновения между родителями и их детьми правоотношения еще не достаточно факта происхождения и связанных с ним действий. Происхождение детей от данных родителей как основание возникновения взаимных прав и обязанностей имеет юридическое значение лишь при договоренности, что этот факт удостоверен в установленном законом порядке, т.е. произведена регистрация лиц в качестве родителей ребенка. В этой цепочке фактов последний факт служит доказательством предыдущих, являясь подтверждением всего состава фактов. Поэтому представление суду документа, удостоверяющего факт регистрации в качестве родителя ребенка, может считаться достаточным основанием для осуществления представительства в суде от имени ребенка.

Фактический состав – наиболее распространенное основание возникновения процессуальных правоотношений между судом и судебным представителем.

Так, в договорных отношениях, если в качестве представителей выступает адвокат, в определенных случаях одного факта совершения договора поручения между адвокатским образованием и доверителем для возникновения представительства еще недостаточно, необходимо, чтобы адвокатское образование выдало соответствующее поручение адвокату на ведение конкретного гражданского дела (ч. 2 ст. 6 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатуре» [5]).

Таким образом, возникновение представительства влечет не один самостоятельный юридический факт, а их совокупность.

Рассматривая юридические факты (в основном материально-правового характера), которые в совокупности являются основанием для возникновения судебного представительства, необходимо упомянуть и о юридических фактах процессуального характера (процессуальные факты).

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что представительство в процессе возникает на основании конкретного нормативно-фактического состава. Однако норм права и фактического состава маловато для того, чтобы возникло представительство. Необходима дееспособность представителя.

Моментом, свидетельствующим о завершенности того или иного правообразующего состава, является возникновение у представителя субъективного права на участие в гражданском процессе. Правообразующий состав для возникновения судебного представительства завершается допуском представителя к участию в деле.

Можно сказать, что основания возникновения данного института в гражданском процессе составляют нормы процессуального права, правоспособность представителя, а также фактический (юридический) состав.

С момента возникновение правоотношения не прекращается развитие его фактической основы. Наоборот, по мнению В.Б. Исакова, «оно вступает на новейшую, особо активную ступень»[6, с. 71].

На данном этапе к фактической основе прикрепляются факты исполнения прав и обязанностей, односторонняя сделка, разного рода правоизменяющие и правопрекращающие факты.

Таким образом, правообразующий состав переходит в право изменяющий, а тот – в правопрекращающий.

Полномочия, на котором представительство основывается, заканчивается по следующим основаниям:

1) по исполнению тех действий, на которые были выданы полномочия;

2) истек определенный срок, если были ограничены им;

3) смертью представляемого лица;

4) лишением право- или дееспособности лица (хотя одного);

5) взаимное соглашение;

6) по одностороннему отказу одного из данных лиц.

Только в прямо предусмотренном законе или договоре допустимо прекращение или изменение правоотношений.

Использование данного способа защиты в большинстве случаев обеспечивает фактическую возможность осуществления субъективного права лица, которое заинтересовано в преобразование данного правоотношения.

Основание или изменение правоотношений это определение юридического(их) факта(ов), которые свидетельствуют о том, что правоотношения изменились или прекратились.

Правоизменяющий (правопрекращающий) состав может появляться в результате наслоения друг на друга дополнительных(ого) факта(ов) на правообразующий состав, а именно на его фактическую основу, например, право судебного представителя в конкретных обстоятельствах передоверить совершение действий, которые предусмотрены доверенностью, другому представителю.

Однако правоизменяющий (правопрекращающий) состав может появиться и по-другому – при отслоении фактов от фактической основы данного состава.

1. Расторжение договора по инициативе любого из них, между представляемым и представителем.

2. При ненадлежащем исполнении представителем своих процессуальных обязанностей.

3. При постановке вопроса о замене представителя или о прекращении его правового статуса (в том случае, если его действия направлены не на защиту прав и охраняемых интересов представляемого, а это основание для прекращения судебного представительства).

4. При лишении родительских прав, согласно статье 69 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [7] (далее – СК РФ).

5. Признания усыновление (удочерение) недействительным и отмена усыновления (удочерения) (ст. 140 СК РФ).

6. Освобождение опекунов и попечителей от выполнения своих обязанностей (ст. 150 СК РФ).

7. Прекращения опеки и попечительства и т.п.

Прекращение правоотношений происходит как по волеизъявлению сторон (одной хотя бы или обеими), как пример, при истечение определенного срока, которое было заключено в соглашении, либо наступает событие, с которым они связывали прекращение его, также, либо соглашение между ними либо заявления одной из стороны, так и без волеизъявления сторон, а именно смерть, душевная болезнь, банкротство представляемого либо представителя, а также в случае, когда договор невозможно исполнить, то есть его тщетность.

Очень важным является вопрос определения момента, с которого правоотношения с представительства считаются с прекращенными.

В случае смерти либо душевной болезни какой-либо из сторон, оно, по правилам, заканчивается автоматически.

Статьей 188 ГК РФ устанавливаются обстоятельства, которые прекращают доверенность:

- истек срок доверенности;
- разовая доверенность заканчивается, когда представителем совершается действия, на которые он уполномочен;
- истек срок доверенности либо при ее отмене;
- отмена доверенности представляемым отказ от нее представителя;
- с прекращением существования одного из участников, то есть при признании недееспособности гражданина, который выдал доверенность или признание его безвестно отсутствующим;
- прекращение юридического лица, ограничение дееспособности представляемого или представителя, если нет согласия попечителя на сохранения таких отношений.

Рассмотрев основания возникновения и прекращения представительства, можно сделать следующий вывод. Данный институт в гражданском процессе возможен как по волеизъявлению заинтересованного лица, так и без такового.

По признаку наличия или отсутствия воли представляемых в назначение представителей оно может быть подразделено на разные виды.

Основаниями возникновения и изменения и прекращение правоотношения представительства, как и любого другого правоотношения, являются юридические факты, то есть факты реальной действительности, при наличии или отсутствии которых нормы права связывают юридические последствия, а так же норма права определяет содержание прав и обязанностей участников представительства.

Основания возникновения данного института в гражданском процессе составляют, во-первых, нормы процессуального права; во-вторых, правоспособность представителя; в-третьих, фактический (юридический) состав. Прекращение правоотношений осуществляется как по волеизъявлению сторон, так и без таковой, а также если невозможно исполнить договор, заключенный между ними.

Список литературы:

1. Шерстюк, В.М. Новые вопросы теории судебного представительства. Судебное представительство по гражданским делам / В.М. Шерстюк. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 479 с.

2. Розенберг, Я.А. Представительство в советском гражданском процессе. Учебное пособие / Я.А. Розенберг. – Рига: Изд-во Латв. ун-та, 1974 // Юридическая научная библиотека. – URL: http://lawlibrary.ru/article1016791.html (дата обращения: 15.09.2019).

3. Зайков, Д.Е. Институт законного представительства в гражданском и арбитражном процессах: особенности правового регулиро-

вания и проблемы судебной практики / Д.Е. Зайков // Российская юстиция. – 2018. – № 7. – С. 29-32.

4. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. – М.: Статут, 2014. – 724 с.

5. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

6. Исаков, В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В.Б. Исаков; под редакцией С. С. Алексеева. – М.: Норма; Инфра-М, 2017. – 592 с.

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

ЛЕКАН Дарья Юрьевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; daria.lekan@mail.ru

ИСПОЛНЕНИЕ И ОТБЫВАНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается исполнение и отбывание уголовного наказания в виде ограничения свободы, обязанности уголовно-исполнительной инспекции при исполнении наказания в виде ограничения свободы, надзор за отбыванием осужденными наказания.

Ключевые слова: *исполнение уголовного наказания, отбывание уголовного наказания, ограничение свободы, надзор.*

Активное применение наказания для осуждённых, не связанного с изоляцией от общества, в большинстве развитых стран мира в уголовной политике является одной из современных тенденций. В России проблема сужения применения лишения свободы является актуальной в практике борьбы с преступностью [7, с. 292].

Наказание в виде ограничения свободы введено в действие Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ [3].

Отличительной особенностью ограничения свободы является то, что осужденному устанавливаются ограничения:

- находиться по месту жительства в определенное время суток;
- не находится в определенных местах на территории какого-либо муниципального образования;
- не покидать пределы муниципального образования, где проживает осужденный;
- не посещать культурные и массовые мероприятия;
- не менять место жительства или пребывания, а так же место работы (учебы) без согласия уголовно-исполнительной инспекции.

Кроме того, на осужденного возлагается судом обязанность являться на регистрацию в уголовную инспекцию от 1 до 4 раз в месяц [1, ст. 53].

Установление обязательных ограничений и обязанность явки на регистрацию необходимо при этом виде наказания, иначе отсутствие этих ограничений создаст серьезные препятствия для исполнения наказания, надзор над осужденными со стороны инспекции будет невозможен или затруднителен.

Наказание в виде ограничения свободы имеет отличительную особенность. Она заключается в том, что местом исполнения данного вида наказания является место жительства осужденного [2, ч. 1 ст. 50].

Предупреждение совершения иными лицами новых преступлений является целью наказания.

При назначении наказаний, являющихся альтернативными лишению свободы [7, с. 11], решаются следующие задачи:

1) уменьшение роста криминализации общества;

2) в исправительных учреждениях снижается численность осужденных, вследствие этого улучшаются условия содержания;

3) исправление лица без изоляции от общества.

Назначая уголовное наказание, суд выбирает из них то, которое будет соответствовать более всего личности виновного, а так же характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. Ограничение свободы, как и другие виды уголовных наказаний, должно дифференцировать ответственность осужденных за преступления, которые они совершили, а так же обеспечить достижение целей наказания.

Ограничение свободы можно применять к лицам, которые совершили преступления, не представляющие большой общественной опасности. Исправление этих лиц возможно без отрыва от социальной среды и без нарушения в первую очередь отношений с семьей [6, с. 11].

Порядок исполнения и отбывания наказания в виде ограничения свободы подробно регламентирован уголовно-исполнительным законом [2].

Уголовно-исполнительная инспекция является специализированным государственным органом, осуществляющим надзор за отбыванием наказания осужденными к ограничению свободы [2, ст. 51].

Не позднее 15 суток со дня получения копии приговора (постановления или определения) инспекция по месту жительства осужденного к наказанию в виде ограничения свободы вручает ему официальное уведомление о необходимости явки для постановки на учет в уголовную инспекцию.

В течение 3 суток после получения официального уведомления осужденный обязан явиться в инспекцию по месту жительства для постановки на учет. Уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства осужденного к наказанию в виде ограничения свободы

ставит его на персональный учет. Во время постановки на учет инспекция разъясняет осужденному условия и порядок отбывания наказания, его права и обязанности, ответственность за нарушение условий и порядка отбывания наказания. В этот день осужденный подлежит дактилоскопической регистрации и фотографированию. С подучетным лицом проводится воспитательная беседа. Срок ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, исчисляется со дня постановки осужденного на учет уголовно-исполнительной инспекцией.

В течение 3 суток после постановки на учет осужденного к ограничению свободы инспекция извещает об этом органы внутренних дел по месту жительства осужденного.

Время содержания осужденного под стражей в качестве меры пресечения засчитывается в срок ограничения свободы из расчета 2 дня ограничения свободы за 1 день пребывания под стражей. Если ограничение свободы заменено на неотбытую часть наказания в виде лишения свободы, либо назначено в качестве дополнительного вида наказания, то срок исчисляется со дня освобождения из исправительного учреждения. Время следования осужденного из исправительного учреждения к выбранному месту жительства или пребывания засчитывается в срок отбывания наказания из расчета 1 день за 1 день.

Если осужденному не установлена приговором суда обязанность не менять место работы и (или) учебы, осужденный обязан не позднее 7 дней до дня изменения уведомить об этом орган, исполняющий наказание [2, ст. 50].

Обязанностью осужденного к ограничению свободы является соблюдение ограничений, которые установил для него суд, а также являться по вызову инспектора для дачи устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием им наказания.

Уголовно-исполнительная инспекция может внести в суд представление о замене неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы на лишение свободы в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы [1, ст. 80].

Злостным уклонением от отбывания наказания в виде ограничения свободы признаются следующие случаи:

1) если осужденный допустил нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений;

2) если осужденный отказался от использования в отношении его технических средств надзора и контроля;

3) если осужденный скрылся с места жительства, место нахождения которого не установлено в течение более 30 дней;

4) если осужденный не прибыл в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства в соответствии с установленным предписанием [2, ч. 4 ст. 58].

Функции уголовной инспекции для предупреждения совершения новых преступлений для обеспечения надзора и для получения информации о поведении осужденных:

- вызывает осужденного на беседы в инспекцию не реже одного раза в месяц в целях получения от него устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием наказания;

- не реже одного раза в месяц проводит проверки по месту жительства, работы, учебы осужденного; посещает в любое время суток (за исключением ночного времени) жилище осужденного;

- наводит справки по месту жительства осужденного, по месту работы и (или) учебы осужденного о его поведении;

- в отношении осужденных, имеющих ограничения на посещение ими определенных общественных мест, не реже одного раза в месяц проводит проверки в соответствующих местах;

- своевременно применяет к осужденному установленные законом меры воздействия;

- принимает решение об использовании в отношении подучетных лиц аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля.

В месячную ведомость надзора вносятся результаты осуществления надзора за осужденным. Регистрация подучетного лица производиться в соответствии с периодичностью, установленной приговором суда, о чем делается запись в регистрационном листе, подшитом к личному делу осужденного. При вызове осужденного в инспекцию с ним проводится беседа по вопросам, связанным с отбыванием наказания. Результаты беседы отражаются в справке о проведении беседы и заверяются подписью осужденного [4, с. 117].

Кроме ежемесячной проверки по месту жительства, работы и (или) учебы проводиться дополнительная проверка посредством телефонной связи, не менее 2 раз в месяц. В случае отсутствия нарушений со стороны осужденного рапорт не составляется, в ведомости надзора делается соответствующая запись.

На основании сведений, характеризующих личность осужденного, в соответствии с ограничениями, возложенными судом, исходя из технической возможности установки соответствующего оборудования, начальник инспекции может принять решение о применении к подучетному лицу технических средств надзора и контроля как при постановке на учет, так и в дальнейшем при исполнении наказания.

В форме постановления оформляется решение начальника инспекции о применении к осужденному технических средств надзора и контроля, оно объявляется осужденному и лицам, проживающим совместно с ним под роспись, при этом разъясняется ответственность осужденного за порчу оборудования. В течение 3 рабочих дней с момента вынесения постановления сотрудник инспекции, который является ответственным за использование средств надзора и контроля, устанавливает необходимое оборудование, разъясняет осужденному

особенности эксплуатации технических средств надзора и контроля, вручает ему памятку по их эксплуатации под роспись [5, с. 98].

Непосредственно на осужденного надевается электронный браслет либо персональный трекер, которые используются совместно с мобильным контрольным устройством, а по месту его жительства или пребывания устанавливается стационарное контрольное устройство, позволяющее осуществлять надзора за соблюдением ограничений, возложенных судом.

Таким образом, можно отметить, что Россия действительно встала на путь гуманизации и либерализации уголовного законодательства. Создание единой мировой правовой системы, регулирующей исполнение наказания, явилось своеобразным плацдармом для создания единого правового пространства в области пенитенциарного права [8, с. 20].

Ограничение свободы является действенной мерой и может активно применяться в отношении отдельных категорий лиц, например обвиняемых в совершении экономических преступлений и несовершеннолетних. Очевидно, что первая категория лиц не представляет физической опасности для окружающих, в то время как вторая (несовершеннолетние) требует более квалифицированного правосудия, с тем, чтобы избежать полной криминализации личности.

Применение наказания в виде ограничения свободы позволяет разгрузить тюрьмы и следственные изоляторы, а так же вносит существенный вклад в декриминализацию общества.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» от 27.12.2009 № 377-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Козаченко, И.Я. Уголовное право. Общая часть / И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. – М., Высшая школа, 2010. – 247 с.

5. Конгер, П.Е. Уголовно-исполнительное право России / П.Е. Конгер, М.С. Рыбак. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2010. – 229 с.

6. Мусаелян, М.Ф. Развитие альтернативных лишению свободы наказаний - важнейшее направление гуманизации уголовно-исполнительной политики / М.Ф. Мусаелян // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 1.

7. Ходжалиев, С.А. Теория и практика исполнение наказания в виде ограничения свободы / С.А. Ходжалиев // Молодой ученый. – 2015. – № 20. – С. 394.

8. Назаров, С.В. Международные стандарты и российское законодательство о правовом положении осужденных: учебное пособие / С.В. Назаров. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 172 с.

ЛЕУШИНА Анастасия Владимировна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; aleushina@mail.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ ПО ЗАВЕЩАНИЮ

В статье рассматривается порядок наследования авторских прав по завещанию, анализируются особенности охраны и защиты авторских прав после смерти наследодателя.

Ключевые слова: *авторские права, наследование, завещание, защита авторских прав, наследники.*

Наследование авторских прав возможно наряду с наследованием иных объектов гражданских прав, однако порядок наследования прав автора обладает определенными особенностями, которые необходимо учитывать при их наследовании. Сферу наследования прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации регулируют нормы раздела VII ГК РФ. Согласно ст. 1241 ГК РФ, переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации возможен в порядке наследования. При этом наследование возможно как по закону, так и по завещанию.

Авторское право, закрепленное в гл. 70 ГК РФ, определяет правовой режим произведений науки, литературы и искусства. Согласно ст. 1267 гражданского законодательства, «авторство, имя автора и неприкосновенность произведения охраняются бессрочно». Также данная норма предусматривает возможность для автора в порядке, предусмотренном для назначения исполнителя завещания, указать лицо, на которое возлагалось бы охрана авторства, а также имени автора и неприкосновенности произведения после своей смерти. Это может быть прямо указано в завещании, а лицо, на которое было бы возложено исполнение таких обязательств, осуществляет свои полномочия пожизненно.

Р.А. Барков пишет: «Предоставление такого права автору потребовало внесения изменений в п. 1 ст. 1119 ГК РФ («Свобода завещания»), который предусматривал возможность включения в завещание только распоряжений, предусмотренных правилами ГК РФ о

наследовании, т.е. в иные разделы ГК РФ (кроме раздела V «Наследственное право») законодатель не мог включать подобные случаи» [1, с. 43].

Что касается охраны и защиты авторских прав после смерти наследодателя, то необходимо отметить, что наследники, обладающие исключительным правом на произведение, которое принадлежало автору при жизни, имеют право разрешить внести изменения в произведение, сократить его или дополнить, но при условии, что этим не искажается замысел автора и не нарушается целостность восприятия произведения и это не противоречит воле автора, определенно выраженной им в завещании, письмах, дневниках или иной письменной форме. Данное положение раскрывается в нормах ст. 1266 ГК РФ, где отмечено, что воля автора касательно внесения каких-либо изменений в произведение после его смерти, может быть выражена не только в завещании, но также и в иных письменных источниках - таких, как письма, дневники и т.д. При этом анализ судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что завещание представляет собой наиболее достоверный документ по отношению к письмам, дневникам, запискам и т.д. [2, с. 41].

Это обусловлено тем, что завещание, подлежащее нотариальному удостоверению, в обязательном порядке проверяется нотариусом на предмет статуса сторон, волеизъявления лица, подлинности документов, необходимых для совершения данного нотариального действия и т.д., что позволяет судам ссылаться на преюдициальное значение данного завещания, в то время как письма, записи и дневники могут быть подставлены под сомнение в отношении их подлинности.

Также необходимо отметить, что защита чести и достоинства автора после его смерти осуществляется по требованию, заявленному заинтересованными лицами, наследниками, их правопреемниками, а также тем лицом, которое было прямо указано в завещании.

Что касается вопроса о наследовании права обнародования произведения, то данный вопрос не находит непосредственного закрепления в нормах ГК РФ. Как известно, автору принадлежит такое право, как обнародование произведения путем его опубликования, публичного показа, публичного исполнения и иными способами, тем самым, автором совершаются действия, которые впервые делают произведение доступным для всеобщего сведения. Но возникает вопрос, может ли лицо, прямо указанное в завещании наследодателем, и получившее авторские права в порядке наследования, опубликовать то или иное произведение, если оно не стало доступным для всеобщего сведения при жизни автора, если это не противоречит воле самого наследодателя. В данной ситуации необходимо руководствоваться ст. 1268 ГК РФ, п. 3, в котором указывается: «Произведение, не обнародованное при жизни автора, может быть обнародовано после его смерти лицом, обладающим исключительным правом на произведение, если обнародование не противоречит воле автора произведения,

определенно выраженной им в письменной форме (в завещании, письмах, дневниках и тому подобном)».

Раскрывая содержание данной нормы, Е.Ю. Осокина отмечает: «Из этого следует, что право обнародования противопоставляется исключительному праву, которое прямо названо имущественным (ст. 1226 ГК РФ), следовательно, является либо личным неимущественным, либо "иным" (в контексте ГК РФ) правом, но уже в любом случае не переходит по наследству, а следует судьбе исключительного права» [3, с. 36]. Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что право на обнародование произведения может быть осуществлено и после смерти автора, если это не будет противоречить воле наследодателя.

При отсутствии завещания или наследников по закону, а также в случаях, предусмотренных ст. 1117, 1158 ГК РФ, имущество умершего признается выморочным на основании п. 1 ст. 1151 ГК РФ, а исключительные права на произведение прекращаются и переходят в общественное достояние, что позволяет иным лицам использовать данное произведение в свободном доступе, без получения чьего-либо согласия, а также без выплаты авторского вознаграждения. Однако не стоит забывать о том, что авторство, имя автора и неприкосновенность произведения продолжают охраняться государством или специально уполномоченным на это органом, и при нарушении данных прав возможны определенные правовые последствия [4, с. 24].

Для полного определения содержания понятия исключительного права, считается необходимым указать на сроки действия данного исключительного права. В соответствии с нормами гражданского законодательства, исключительное право наследника на произведение действует в течение семидесяти лет, при этом начало отсчета срока следует считать с 1 января года, следующего за годом смерти автора. Что касается произведений, созданных в соавторстве, то исключительные права на произведение действуют в течение всей жизни автора, который пережил других авторов, а также в течение семидесяти лет, то течение сроков начинается с 1 января года, следующего за годом смерти автора. Что касается произведений, созданных анонимно или под псевдонимом, то срок действия исключительного права истекает через семьдесят лет, считая с 1 января года, следующего за годом его правомерного обнародования. Что касается иных сроков действия исключительных прав на произведение и начала их отсчета, то необходимо также говорить о начале действий исключительных прав при посмертной реабилитации репрессированного автора произведения, о действии сроков исключительных прав, если автор работал в период Великой Отечественной войны или же участвовал в ней, что регламентируется нормами ст. 1281 ГК РФ.

Как уже говорилось выше, наследование авторских прав возможно как по закону, так и по завещанию. При этом в завещании наследодатель может указать конкретное лицо или нескольких лиц, которые бы осуществляли право автора, а также исключительные

права на произведения, которые являются настолько обширными, что порядок их наследования в дальнейшем будет рассмотрен более подробно. Отметим, что завещатель вправе указать лицо, на которое бы возлагалась обязанность по защите и охране произведений после смерти автора, а также по защите его чести и достоинства. Говоря о нотариальном порядке удостоверения данного завещания, то одним из основных действий, которое выполняет нотариус, является удостоверение завещания на авторские права или на объекты творческой деятельности, в зависимости от того, что именно наследодатель хочет завещать своим наследникам, ведь каждый из этих объектов наследования будет оформляться по разным правилам оформления. Также следует упомянуть о том, что наследование авторских прав возможно не только по завещанию, но и по закону.

Список литературы:

1. Барков, Р.А. Эволюция основных положений о завещании: общие тенденции и перспективы их унификации на постсоветском пространстве / Р.А. Барков, О.Е. Блинков // Наследственное право. – 2013. – № 4. – С. 41-47.

2. Горохова, О. Особенности наследования исключительного авторского права / О. Горохова // ИС. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 12. – С. 39-44.

3. Осокина, Е.Ю. О некоторых проблемах наследования авторских прав / Е.Ю. Осокина // Нотариус. – 2016. – № 6. – С. 34-38.

4. Бурдаева, Т.А. Охрана авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после смерти автора по российскому гражданскому законодательству / Т.А. Бурдаева // Наследственное право. – 2016. – № 4. – С. 23-25.

МАЛЫШЕВА Екатерина Сергеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; Malysheva_e@mail.ru

ИВАНОВ Константин Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, заместитель декана факультета юриспруденции (бакалавриат), начальник отделения очно-заочной и заочной формы обучения; ikd54@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Статья посвящена анализу зарубежного опыта регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка.

Ключевые *слова: убийство, новорожденный, несовершеннолетний, убийство новорожденного, привилегированное убийство.*

Убийство матерью новорожденного ребенка в отечественном уголовном праве традиционно относится к числу привилегированных составов убийства. В целях совершенствования российского регулирования уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка представляется целесообразным изучить зарубежный опыт регламентации ответственности за совершение указанного преступления.

Как правило, существенное влияние на уголовное законодательство того или иного государство оказывает его принадлежность к какой-либо правовой семье. Именно поэтому рассмотрение регулирования ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в зарубежных государствах следует проводить с учётом специфики правовых семей.

Необходимо отметить, что исследование уголовно-правовой ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в зарубежных государствах проводили разные ученые, ограничивая предмет исследования географической территорией или отдельной группой государств.

Для получения объективных результатов исследования представляется целесообразным изучить зарубежный опыт регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка на примере стран романо-германской правовой семьи, англосаксонской правовой семьи и государств религиозный правовой семьи.

Изучение доктринальной базы свидетельствует о том, что ранее проводимые исследования строились на основании анализа норм уго-

ловного законодательства таких государств, как скандинавские страны, Южная Корея, Австрия, Польша, ФРГ, Испания, Япония (страны романо-германской правовой семьи), Великобритания, США, за исключением штата Луизианы (страны англосаксонской правовой семьи), Израиль (смешанная правовая семья), Турция (религиозная правовая семья). Представляется, что расширение предмета исследования объективно будет способствовать упорядочению и систематизации научных знаний и доктринальных подходов в системе науки уголовного права и может быть использовано при дальнейшем рассмотрении вопросов привлечения к уголовной ответственности матери за убийство новорожденного ребенка и совершенствовании действующего отечественного уголовного законодательства в соответствующей части.

В соответствии с немецким уголовным правом, убийство матерью новорожденного ребенка не выделяется в отдельный состав преступного посягательства и представляет собой, в зависимости от специфики субъективной стороны либо оставление в опасности (ч. 3 § 221 УК ФРГ[11]), влекущее лишение свободы на срок не менее трех лет либо простое или квалифицированное убийство (§ 212 УК ФРГ), наказание за которое составляет от пяти лет лишения свободы до пожизненного лишения свободы. При этом, применительно к оставлению в опасности, повлекшему смерть потерпевшего, существенное значение имеют особенности объекта и субъекта преступления. В качестве субъекта может выступать любое лицо либо лицо, являющееся родителем, опекуном или воспитателем ребенка либо лица, доверенного для воспитания или попечения (квалифицирующий признак), следовательно в качестве потерпевшего может выступать ребенок (без применения критерия новорожденного), или лицо, доверенное для воспитания либо попечения.

Согласно нормам австрийского уголовного права, убийство матерью новорожденного ребенка относится к числу привилегированных убийств, наказание за которое предусмотрено § 79 УК Австрии [5]. В соответствии с указанной нормой, уголовной ответственности по § 79 подлежит мать, убившая ребенка в процессе родов либо в течение периода, когда она находится под воздействием родов. Ответственность за преступное посягательство составляет лишение свободы на срок от одного до пяти лет. Особый интерес исследователей вызывает используемая законодателем для определения периода, в течение которого совершается посягательство, оценочная категория – «в течение периода, когда мать находится под воздействием родов».

Во Франции убийство матерью новорожденного ребенка также не выделяется в отдельный состав и квалифицируется по п. 3 или п. 1 ст. 221-4 УК Франции [12], что влечет наказание в виде пожизненного уголовного заключения.

В Бельгии уголовная ответственность за детоубийство регламентирована ст. 396 УК Бельгии [7]. Квалификация преступного деяния по указанной норме возможна при совершении убийства ребенка

во время родов или сразу после родов, причем субъект совершения преступления не ограничен родителями ребенка или иными признаками специального субъекта. Детоубийство расценивается как убийство или предумышленное убийство, т.е. в зависимости от субъективных признаков может относиться как к числу простых убийств, так и к числу квалифицированных.

В отличие от уголовного законодательства ФРГ, Франции и Бельгии, в УК Румынии [9] ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка регламентирована положениями отдельной статьи – 180. Субъект преступления – специальный, период совершения преступления – немедленно после родов, субъективная сторона – состояние «беспорядка», спровоцированное родами, санкция – строгое заключение на срок от двух до семи лет.

В УК Азербайджана [6] также имеется специальная норма, закрепляющая уголовную ответственность за умышленное убийство матерью собственного новорожденного ребенка во время либо сразу после родов в виде лишения свободы сроком до трех лет.

В странах англосаксонской правовой семьи убийства матерью новорожденного ребенка, как правило, не являются привилегированными убийствами. А.Г. Бабичев обращает внимание на принадлежность детоубийства к категории «простых умышленных убийств» в Великобритании [1, с. 55-56] ввиду наличия смягчающего обстоятельства – нарушения душевного равновесия в результате родов или грудного вскармливания младенца. Однако специфика англосаксонской правовой семьи, подразумевающей широкое применение прецедентного права, опосредует возможность отнесения убийства матерью новорожденного как к категории простых умышленных убийств, так и к категории тяжкого убийства.

Положения п. 20 ст. 125 УК Нью-Йорка относят умышленное убийство матерью новорожденного ребенка к простому убийству I степени, а УК Калифорнии включает детоубийство в число тяжких убийств, наказание за которое составляет от трех до одиннадцати лет тюремного заключения [4, с. 110-111]. Следует отметить, что нормами УК штата Нью-Йорк закреплена ответственность за сокрытие рождения ребенка [2, с. 64-70].

Уголовное право в странах религиозной правовой семьи, безусловно, обладает спецификой.

Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран [3, с. 128] не содержит специальной нормы, устанавливающей ответственность за убийство матерью новорожденного, однако предусматривает уголовное наказание за убийство несовершеннолетнего, совершенное лицом, достигшим совершеннолетия, приравниваемое к простому убийству (ст. 223 Закона об исламский уголовных наказаниях Исламской Республики Иран).

В УК Турецкой Республики убийство матерью новорожденного ребенка относится к числу привилегированных убийств исключительно в том случае, когда преступное деяние совершается с целью

спасения чести роженицы, что отражает специфику религиозной правовой семьи. Ответственность за рассматриваемое преступление регламентирована ст. 453 УК Турции и представляет собой тюремное заключение сроком от четырех до восьми лет [10, с. 352].

УК Египта [8] не предусматривает такой состав преступления как убийство матерью новорожденного ребенка. В ст. 283 УК Египта регламентируется ответственность за похищение, сокрытие или подмену новорожденного ребенка (причем наказание существенно дифференцируется в зависимости от того жив ли был младенец на момент совершения посягательства). В соответствии с положениями ст. 286 УК Египта оставление в опасности ребенка, не достигшего возраста семи лет, повлекшее его смерть, приравнивается к умышленному убийству. Согласно положениям ст. 230 УК Египта, умышленное убийство наказывается смертной казнью. Возраст потерпевшего при квалификации умышленного убийства роли не играет. Следовательно, убийство новорожденного является простым убийством.

В некоторых государствах романо-германской правовой семьи рассматриваемый состав преступления обособлен и считается привилегированным (Румыния, Австрия, Азербайджанская Республика), в других – относится к простому убийству (ФРГ, Франция), а в отдельных странах при наличии квалифицирующих обстоятельств может относится квалифицированному убийству (Бельгия).

В странах англосаксонской правовой семьи убийство матерью новорожденного ребенка, как правило, квалифицируется как простое убийство.

В странах религиозной правовой семьи выделение убийства матерью новорожденного ребенка опосредовано субъективными признаками состава преступления, не свойственными иным правовым семьям – спасение чести роженицы (Турция).

Итак, проведенное исследование позволяет заключить, что ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка включена в качестве обособленной нормы далеко не во все кодифицированные уголовно-правовые акты либо некодифицированные законы (применительно к странам англосаксонской правовой семьи). В результате исследования можно сформулировать вывод о том, что принадлежность к одной правовой семье не обуславливает единый подход законодателей разных государств к криминализации и квалификации рассматриваемого преступного деяния.

Список литературы:

1. Бабичев, А.Г. Привилегированные убийства в странах дальнего зарубежья / А.Г. Бабичев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 20 (349). – Вып. 40. – С. 54-61.

2. Бабичев, А.Г. Убийство при смягчающих обстоятельствах в странах с ангосаксонской правовой системой / А.Г. Бабичев // Вопросы современной юриспруденции: сборник статей по материалам XLII

международной научно-практической конференции. – № 10 (41). – Новосибирск: СибАК, 2014. – С. 64-70.

3. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / научное редактирование А.И. Ахани; предисловие заместителя Председателя Государственной думы РФ Ю.Н. Волкова; превод с персидского М.С. Пелевина. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 343 с.

4. Семенюк, И. Ответственность за умышленное убийство матерью новорожденного ребенка по уголовному законодательству Англии и США / И. Семенюк // Legea єі Viaюa. – 2015. – № 11. – С. 108-111

5. Уголовный кодекс Австрии. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 352 с.

6. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2013. – 325 с.

7. Уголовный кодекс Бельгии // Уголовные кодексы мира. – http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-belgii/ (дата обращения: 15.07.2019)

8. Уголовный кодекс Египта // Персональная библиотека. – http://hrlibrary.umn.edu/research/Egypt/criminal-code.pdf (дата обращения: 16.07.2019).

9. Уголовный кодекс Румынии // Уголовные кодексы мира. – http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-rumynii/ (дата обращения: 16.07.2019).

10. Уголовный кодекс Турции: Принят Великим Нац. Собранием Турции 1 марта 1926 г.: С изм. и доп на 3 авг. 2002 г. / Науч. ред. и предисл. Н. Сафарова и Х. Аджара; Пер. с тур. Н. Сафарова, Х. Бабаева. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003 (Акад. тип. Наука РАН). – 374 с.

11. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия в редакции от 19 февраля 2018 года // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. – https://constitutions.ru/?p=5854 (дата обращения: 13.07.2019).

12. Уголовный кодекс Франции // Сайт Юрист онлайн. – https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

МАЛЫШЕВА Екатерина Сергеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; Malysheva_e@mail.ru

ИВАНОВ Константин Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, заместитель декана факультета юриспруденции (бакалавриат), начальник отделения очно-заочной и заочной формы обучения; ikd54@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Убийство матерью новорожденного ребенка традиционно относится к привилегированным убийствам. На основе анализа доктринальной и нормативно-правовой базы в статье рассмотрены проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка.

Ключевые слова: *убийство, новорожденный, мать новорожденного, квалификация, привилегированное убийство.*

Сложности в квалификации уголовно наказуемых деяний, как правило, обусловлены несколькими факторами.

Во-первых, исследователи связывают проблемы квалификации преступление с разграничением квалифицируемого состава со смежными составами преступных посягательств.

Во-вторых, в периодической научной литературе неоднократно отмечалось, что верная квалификация осложняется наличием в составе преступного посягательства оценочных признаков.

Несмотря на наличие специального субъекта и объекта (а наличие специальных субъекта и объекта преступления, безусловно, снижает возможность ошибок в квалификации) в таком преступном посягательстве, как убийство матерью новорожденного ребенка (ответственность за которое регламентирована положениями ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], далее – УК РФ), детальное исследование позволяет выявить проблемы, с которыми неизбежно сталкивается правоприменитель в процессе квалификации рассматриваемого деяния.

К.В. Дядюн, на протяжении многих лет исследующий особенности и сложности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, выделяет основные проблемы следующим образом:

- отсутствие законодательного определения критерия новорожденности в целях верной квалификации убийства матерью новорожденного ребенка;

- поспешная неверная квалификация любого умерщвления младенца по ст. 106 УК РФ [4, с. 39-48].

Опуская глубокий анализ доктринальной базы, с такими выводами следует согласиться.

В отечественном уголовном праве не определен «период новорожденности». Причем не определен ни момент начала уголовно-правовой охраны жизни человека, ни момент окончания «новорожденности».

По общепринятому в педиатрии мнению, границы периода новорожденности определяются, с одной стороны, моментом перерезания пуповины, с другой – сроком в четыре недели (28 календарных дней) с момента перерезания пуповины. На протяжении последних пятнадцати лет в научной литературе формулируются предложения об уменьшении периода новорожденности до 24 календарных дней с учетом прогрессирующих акселерационных процессов [7, с. 4].

В акушерстве периодом новорожденности считается первая неделя жизни ребенка [2].

В судебной медицине период новорожденности считается оконченным по истечению первых суток после рождения ребенка [9, с. 6].

Юридическая научная литература предлагает множество подходов к определению длительности периода новорожденности ребенка, однако единого общепринятого подхода к решению данного вопроса на настоящий момент не выработано, что существенно осложняет правильную квалификацию убийства матерью новорожденного ребенка.

Отдельные авторы ставят длительность периода новорожденности в зависимости от признаков объективных признаков состава преступного посягательства, предлагая считать по общему правилу неонатальным периодом сутки, а в случае наличия психотравмирующей ситуации для субъекта преступления продлевать этот период до четырех календарных недель [6, с. 135]. Такой подход представляется недопустимым, поскольку период новорожденности (неонатальный период) не может зависеть от признаков объективной стороны преступления и определяется исключительно объективными факторами – медицинскими критериями и принципом гуманизма, обусловившим выделение рассматриваемого привилегированного состава преступления на законодательном уровне.

Отсутствие границ периода новорожденности, установленных на законодательном уровне, влечет и сложности в разграничении убийства матерью новорожденного со смежными составами преступления, равно как необоснованное возбуждение уголовного дела по ст. 106 УК РФ и необоснованное прекращение уголовных дел за отсутствием состава преступления.

Так, например, согласно сообщению СМИ, 14 июля 2019 года в лесополосе на территории деревни Мотяково городского округа Люберцы был найден скелет младенца, в связи с чем следствие

возбудило уголовное дело по статье 106 УК РФ. Тело пролежало в лесном массиве около года, а приблизительный возраст ребенка составляет 6-7 месяцев [8]. Как говорится в релизе пресс-службы Главного следственного управления СК РФ по Московской области, на теле ребенка был обнаружен медицинский зажим. В данный момент по этому уголовному делу ведутся необходимые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление личности и местонахождения матери младенца. С целью установления давности и причины смерти ребенка назначена судебно-медицинская экспертиза [3]. Однако вызывает недоумение возбуждение уголовного дела именно по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, поскольку по предварительной информации возраст ребенка составил «6-7 месяцев», что явно не соответствует периоду новорожденности, даже с учетом отсутствия границ такого периода, закрепленных на законодательном уровне.

Таким образом, первая проблема квалификации убийства матерью новорожденного тесно взаимосвязана со второй – разграничением со смежными составами преступления. Как было указано выше, вторая проблема дифференцируется в зависимости от последствий неправильной квалификации и влечет такие последствия как неправильную квалификацию деяния, необоснованное возбуждение уголовного дела по ст. 106 УК РФ и необоснованное прекращение уголовного дела в связи с неправильной квалификацией [10, с. 72-75].

Примеры таких последствий приводит К.В. Дядюн. Он отмечает, что на практике абсолютно идентичные действия женщин, направленные на умерщвление новорожденного ребенка, квалифицируются и по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и по ст. 106 УК РФ. Кроме того, отсутствие состава преступления, предусмотренного нормами ст. 106 УК РФ, влечет прекращение уголовного дела по ст. 106 УК РФ (и в случае, когда изначальная квалификация была неверной, такое прекращение является необоснованным) [4, с. 39-48]. Кроме того, в правоприменительной деятельности вне зависимости от признаков объективной стороны как убийство матерью новорожденного ребенка изначально квалифицируется любое умышленное умерщвление новорожденного матерью. Более того, нахождение тела новорожденного ребенка также влечет возбуждение уголовного дела по рассматриваемой статье, что подтверждается вышеприведенным примером возбуждения уголовного дела по ст. 106 УК РФ.

Проведенное исследование позволяет сгруппировать проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка:

- отсутствие законодательного определения критерия новорожденности в целях верной квалификации убийства матерью новорожденного ребенка;
- наличие оценочного критерия «в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического

расстройства, не исключающего вменяемости» в диспозиции ст. 106 УК РФ;

- поспешная неверная квалификация любого умерщвления младенца по ст. 106 УК РФ.

Безусловно, устранение проблем квалификации посредством выработки и претворения в жизнь предложений по совершенствованию законодательного регулирования уголовно-правовой ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка (в частности, диспозиции ст. 106 УК РФ), представляет собой одно из самых востребованных направлений актуализации отечественного уголовного законодательства.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Айламазян, Э.К. Акушерство. Национальное руководство / Э.К. Айламазян, В.Н. Серов, Г.М. Савельева. – М.: ГОЭТАР-Медиа, 2019. – 608 с.

3. В Люберецком городском округе возбуждено уголовное дело по факту обнаружения тела новорожденного ребенка // Главное Следственное Управление Следственного комитета Российской Федерации по Московской области. – URL: https://mosobl.sledcom.ru/news/item/1373332/ (дата обращения: 18.07.2019).

4. Дядюн, К.В. Проблемные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка / К.В. Дядюн // Адвокат. – 2016. – № 5. – С. 39-48.

5. Кабанова, И.В. Детоубийство: криминологический анализ / И.В. Кабанова // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сборник материалов международной научно-практической конференции, 17-18 мая 2007 г. – Хабаровск: Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД РФ, 2007. – С. 133-135.

6. Красиков, А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России / А.Н. Красиков. – Саратов: Полиграфист, 1996. – 211 с.

7. Сергеева, К.М. Физиология и патология периода новорожденности. Пособие для студентов старших курсов и врачей общей практики / К.М. Сергеева, Н.Н. Смирнова, А.П. Суровцева. – СПб.: Издательство СПбГМУ, 2008/ – 22 с.

8. Скелет новорожденного ребенка нашли в лесополосе Люберец. 16.07.2019 // РИАМО. – URL: https://lubertsyriamo.ru/article/295861/skelet-novorozhdennogo-rebenka-nashli-v-lesopolose-lyuberets.xl (дата обращения: 17.07.2019).

9. Шопен, И.В. Судебно-медицинская экспертиза плодов и новорожденных. Учебно-методические рекомендации для студентов педиатрического факультета, врачей-интернов, врачей ординаторов / И.В. Шопен, А.В. Безбородов. – Ставрополь: Издательство СтГМА. – 44 с.

10. Суслин, Э.В. Философские основы причинной связи в уголовном праве / Э.В. Суслин, В.Б. Малинин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2013. – № 4. – С. 72-75.

МАРКУШЕВА Алёна Алексеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студентка; markusheva97@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ И ИНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

В статье рассматривается проблема контрабанды как угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: *контрабанда, государственная граница, угроза безопасности, таможенные органы, таможня, незаконное перемещение.*

Наряду с экономическими трудностями, отсутствием необходимого опыта в развитии рыночных отношений одним из условий распространения этих тенденций послужила правовая неразвитость вопросов контрабанды в законодательстве, регулирующем внешнеэкономические отношения. Эти обстоятельства обращают внимание юристов правоохранительных органов, направляя их деятельность как на усиление борьбы с различного рода посягательствами на нормальную внешнеэкономическую деятельность (контрабанда, таможенные преступления, административные таможенные правонарушения), так и на совершенствование законодательства в этой сфере.

Анализ современной практики борьбы с контрабандой свидетельствует о том, что сотрудники органов дознания и предварительного следствия, в компетенцию которых входит осуществление этой деятельности, испытывают трудности при квалификации указанных выше правонарушений. Основные причины этого: неуверенное владение нормами уголовного, уголовно-процессуального, административного и таможенного права, ведомственными нормативными актами, регламентирующими порядок, правила и условия осуществления внешнеэкономической деятельности; невнимание руководителей органов дознания и предварительного следствия к восполнению опыта использования этих и иных знаний для рассмотрения оперативных и следственных ситуаций. Одно из направлений успешного решения этой проблемы – дальнейшая разработка научно обоснованной квалификации контрабанды и таможенных правонарушений, четкое определение способов выявления и раскрытия таких правонарушений. Важнейшие по своей содержательной глубине и перспективному значению разработки в области исследования контрабанды разраба-

тывались известными учеными. Следует отметить работы А.З. Игнатюк, Ю.И. Сучкова, Г.П. Качкиной, И.Ф. Герасимов, О.В. Танкевича и многих других.

Понятие «контрабанда» произошло от итальянского contra – против, bando – правительственный указ [10, с. 84]. В настоящее время общественная опасность рассматриваемого преступного посягательства особенно возрастает. Это связано с тем, что контрабанда стратегического сырья, наркотиков, оружия, культурных ценностей, валюты представляет угрозу не только экономической, но и общественной безопасности России. Именно с целью контрабанды совершаются многие крупные хищения и должностные преступления. Выявленные факты контрабанды ядерных, радиоактивных и других веществ и материалов в условиях, когда террористические и экстремистские проявления достигли своего предела, свидетельствуют об угрозе общественной безопасности не только для отдельных государств, но и всему мировому сообществу. Именно поэтому борьба с контрабандой наряду с происходящими процессами интеграции должна стать приоритетным направлением в совместной деятельности правоохранительных органов всех цивилизованных государств [11, с. 114].

Общественная опасность преступлений, связанных с контрабандой, заключается в нанесении вреда экономическому суверенитету и экономической безопасности государству.

Непосредственным объектом контрабанды являются общественные отношения, обеспечивающие интересы хозяйства в сфере финансов в части формирования бюджета от сбора таможенных платежей [3].

Основным признаком преступления как уголовно наказуемого деяния является незаконное перемещение через таможенную границу РФ.

В соответствии со статьей 2 Таможенного кодекса РФ [1] территория Российской Федерации составляет единую таможенную территорию Российской Федерации. Таможенная территория Российской Федерации также включает в себя находящиеся в исключительной экономической зоне Российской Федерации и на континентальном шельфе Российской Федерации искусственные острова, установки и сооружения, над которыми Российская Федерация осуществляет юрисдикцию в соответствии с законодательством Российской Федерации.

На сегодняшний день законодательство РФ о контрабанде состоит из следующих нормативно-правовых актов: Таможенный кодекс РФ от 25.05.2003 № 61-ФЗ, Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Исходя из объективной стороны преступления и предмета контрабанды, можно сформулировать следующее понятие. Контрабанда – перемещение в крупном размере (свыше 250 тыс. руб.) через таможенную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядови-

тых, отравляющих, радиоактивных, взрывчатых веществ; вооружения, взрывных устройств, огнестрельного оружия; боеприпасов ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового поражения; материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки; иного вооружения, иной военной техники, стратегически важные сырьевые товары и культурные ценности, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием [11, с. 49].

Состав контрабанды характеризуется крупным размером – свыше 250 тыс. рублей, предметными и субъектными признаками данного преступления.

Предметом неквалифицированного вида контрабанды (ч. 1 ст. 188 УК РФ) являются товары и иные предметы [12, с. 508].

Некоторые предметы, не являющиеся товарами и поэтому не имеющие цены, могут признаваться предметом данного преступления, если их денежная оценка (стоимость) может быть установлена с помощью соответствующей экспертизы, например антикварные вещи, не относящиеся к категории культурных ценностей. Такой вывод следует из п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 г. № 2 «О судебной практике по делам о контрабанде» [7]. Исходя из этого, нельзя признать правомерным утверждение некоторых авторов о том, что к иным предметам относятся, например, документы, не являющиеся имуществом.

Предметом контрабанды не является печатная, фото-, кинопродукция антигосударственного содержания, то есть содержащая призывы к насильственному изменению конституционного строя, также направленная на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Однако если незаконное перемещение через таможенную границу произведений соответствующего содержания производится в коммерческих целях, содеянное образует состав контрабанды.

Не может выступать предметом контрабанды информация (научно-технического, военного, иного характера), если она зафиксирована на тех или иных материальных носителях – письменных документах, чертежах, фотографиях, аудио-, видеокассетах, дискетах, в том числе такая, которая может служить для создания оружия массового поражения, вооружения и военной техники, при отсутствии признаков преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 275, 276 УК РФ) образует состав преступления ст. 189 УК РФ [10, с. 49].

На сегодняшний день основным законодательным актом, регулирующим ответственность и наказание за совершение контрабанды, является Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

Анализируя ст. 188 УК РФ, Таможенный кодекс РФ и другие нормативно-правовые акты, раскрывающие отдельные положения

данной статьи, можно сделать вывод, что в качестве непосредственного объекта контрабанды следует рассматривать установленный порядок перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу Российской Федерации, а точнее – охраняемые уголовным законом общественные отношения в сфере таможенного дела, обеспечивающие установленный порядок товарооборота через таможенную границу России.

Статья 188 Уголовного кодекса РФ устанавливает в качестве обязательного признака контрабанды следующие способы совершения данного преступления:

1. совершение перевоза товара помимо таможенного контроля;
2. сокрытие от таможенного контроля;
3. обманное использование документов;
4. обманное использование средств таможенной идентификации;
5. недекларирование;
6. недостоверное декларирование.

Пример надлежащего декларирования можно проследить на образце договора таможенного брокера. Только соблюдение всех подпунктов договора может демонстрировать надлежащее исполнение всех своих обязанностей брокером.

К уголовной ответственности за совершение контрабанды как преступления может быть признано физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, вне зависимости от его гражданства, то есть и граждане Российской Федерации, и иностранные граждане, и апатриды, и бипатриды.

Также уголовный закон предусматривает в качестве отягчающих обстоятельств совершение контрабанды должностным лицом с использованием своего служебного положения; с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль.

Не привлекаются к уголовной ответственности за контрабанду по УК РФ дипломатические представители и члены их семей, если они проживают вместе с указанными представителями и не являются российскими гражданами, а также иные граждане, которые, согласно действующим законам и международным договорам, неподсудны по уголовным делам судам Российской Федерации. Вопросы уголовной ответственности этих лиц за контрабанду решаются дипломатическим путем. При совершении контрабанды, предусмотренной ч. 1 ст. 188 УК РФ, лицо подлежит уголовной ответственности, если стоимость перемещенных товаров превышает 2500 минимальных размеров оплаты труда.

Для привлечения к ответственности необходимо, чтобы контрабанда была совершена (ч. 3 ст.188 УК РФ) должностным лицом с использованием своего служебного положения; с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль.

По общим правилам определения стадии окончания преступления [9, с. 73] при ввозе предметов контрабанды через границу следует

признавать состоявшимся лишь после фактического ее пересечения, а установить такой факт можно лишь тогда, когда преступник пересек пространство таможенного контроля и оказался за его пределами либо даже на территории другого государства [10, с. 49].

Данную точку зрения поддерживают многие таможенники и отдельные ученые, которые, строго следуя формулировке уголовного закона, квалифицируют контрабанду как оконченное преступление только при фактическом пересечении таможенной границы. Если лицо, подавшее декларацию, будет при таможенном досмотре изобличено в попытке вывезти товары незаконным способом, то его действия должны рассматриваться как покушение на контрабанду. Сторонники данной позиции исходят также из того, что, согласно разъяснению в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 03.02.78 № 2 «О судебной практике по делам о контрабанде», это преступление следует считать оконченным с момента фактического незаконного перемещения товаров через таможенную границу [7].

Однако, согласно Таможенному кодексу РФ, перемещением через таможенную границу товаров или иных предметов при их вывозе из Российской Федерации признается подача таможенной декларации или иное действие, непосредственно направленное на реализацию намерения вывезти товары или иные предметы.

Поскольку признак контрабанды «перемещение через таможенную границу» носит бланкетный характер, необходимо обратиться к Таможенному кодексу РФ, в котором применительно к вывозу с территории России товаров или иных предметов дана не буквальная, а ограничительная интерпретация. В данном случае дополнение законодательства стало бы еще одним «шагом» на пути к реализации эффективной борьбы с контрабандой.

Таким образом, при вывозе предметов контрабанды с таможенной территории Российской Федерации момент окончания преступления переносится на более раннюю стадию развития умышленного преступного деяния, а действия лица, направленные на реализацию намерения незаконно вывезти товары после подачи им таможенной декларации, следует рассматривать как оконченное преступление. Такой точки зрения на определение понятия «перемещение через таможенную границу» применительно к уголовно-правовым отношениям придерживаются многие правоведы, исследовавшие эту проблему [12, с. 349]. Этот вывод не противоречит положениям Таможенного кодекса РФ и в тех случаях, когда контрабанда осуществляется любым способом при вывозе товаров на территории свободных таможенных зон и на свободные склады, а также и при ввозе с этих зон и складов на остальную часть таможенной территории Российской Федерации.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что ответственность за контрабанду по уголовному законодательству РФ характеризуется важным признаком субъективной стороны преступления – виной в форме прямого умысла. Таким образом, если вина в

форме прямого умысла не доказана, лицо не может быть привлечено к ответственности.

Статьей 188 Уголовного кодекса РФ предусмотрено наказание за совершение контрабанды, то есть за перемещение в крупном размере через таможенную границу Российской Федерации товаров или иных предметов, за исключением указанных в части второй настоящей статьи, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием. Данное наказание провозглашается ст. 188 УК РФ в качестве штрафа в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или штрафа в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишения свободы на срок до пяти лет.

Что касается субъективной стороны контрабанды, то она характеризуется наличием вины только в форме прямого умысла по отношению к перемещению товаров через таможенную границу Российской Федерации. Мотивы и цели у виновного при этом могут быть любые.

В заключение рассматриваемого вопроса можно отметить, что в современных условиях назрела необходимость привлечения более пристального внимания мирового сообщества к проблеме понимания юридической сущности контрабанды и объединения усилий в разработке эффективных мер борьбы с правонарушениями, связанными с контрабандой. Государствам необходимо разработать единый унифицированный договор, в котором давалось бы общее определение контрабанды, классифицируемой как международное правонарушение. Помимо этого должны быть разработаны общие подходы государств по борьбе с данным преступлением в сфере таможенного оборота.

Список литературы:

1. Таможенный кодекс Российской Федерации от 25.05.2003 № 61-ФЗ (с изменениями на 10 июля 2007).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изменениями на 21 июля 2005).

3. ФЗ РФ № 183 от 18.07.1999 «Об экспортном контроле» (с изменениями от 18.07.2005 № 90-ФЗ).

4. ФЗ РФ № 4804-1 от 15.04.1993 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (с изменениями от 02.11.2004 № 127-ФЗ).

5. Постановление правительства от 30.06.1998 № 681 (в ред. от 17.11.2004).

6. Постановление правительства РФ от 11.10.1997 г. № 1298 «Об утверждении правил организации системы государственного учета и контроля радиоактивных веществ и радиоактивных отходов».

7. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 г. № 2 «О судебной практике по делам о контрабанде» (с из-

менениями от 5 сентября 1978 г., 6 декабря 1979 г.) // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1986. – М., 2000.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.02 № 5 «О судебной практике по делам о хищении и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 5. – 2002.

9. Назаров, С.В. К вопросу о предварительном расследовании дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества / Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2018. – № 4 (41). – С. 71-79.

10. Вакуленко, А.В. «О понятии «Контрабанда» в законодательстве РФ и международном праве / А.В. Вакуленко // Закон и право. – 2006. – № 9. – С. 48-51.

11. Потяева, А.М. Контрабанда и борьба с ней / А.М. Потяева. – М., 2000. – 145 с.

12. Рарог, А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.И. Рарог. – М., 2019. – 1376 с.

МАРТЫНОВ Роман Александрович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент; rommartyn@yandex.ru

БРЯНСКАЯ Елена Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики; veret.1976@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ – РЕАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье обосновывается вопрос о том, что в период развития технических возможностей все большую актуальность приобретают цифровые технологии. Разумеется, больший спрос на электронные средства возникает в сфере процессуальной деятельности. Благодаря электронным ресурсам, оптимизируются уголовно-процессуальные связи.

Ключевые слова: *цифровая политика, цифровизация, электронное уголовное дело, информация, оптимизация процессуальной деятельности.*

Информация как источник процессуальных коммуникаций выступает предпосылкой публичных правоотношений. Конечно, цифровые технологии позволяют развивать и оптимизируют предварительь-

ное расследование, судопроизводство, но не все электронные ресурсы качественно защищены и порою цифровые источники информации становятся предметом преступных посягательств.

Особенно интересно то, что в последние годы повышается правовой регламентации процессуальных отношений. Можно рассуждать о том, что цифровые технологии направлены на оптимизацию и гарантирование соблюдения процессуальных сроков уголовного процесса. Современные способы расследования уголовного дела и рассмотрения в суде требуют внедрять в процесс цифровые инновации.

Мы можем уверенно утверждать то, что данное время характеризуется модернизированными средствами и событиями, имеющими место в Российской Федерации, которые непосредственно зависят от цифровых средств. В этой связи мы можем полагать, что имеет место и трансформация всей правовой совокупности государства. В настоящее время имеют место изменения в социальной политике и в сфере уголовного судопроизводства. К примеру, ученые поддерживают концепцию электронного уголовного дела.

В научной литературе пишут о том, что процессуальные отношения находятся на такой стадии формирования, что можно говорить об электронной революции. Данную стадию развития однозначно можно именовать периодом цифровизации, что оказывает серьезное влияние и проникает во все отрасли права.

Потребность в оптимизации судопроизводства стала предпосылкой развития технологичных реальностей. В связи с этим становление инновационных явлений и социальных институтов, и имеющаяся модернизация базирующихся на инновационном техническом прогрессе явлений однозначно и безусловно оказывают влияние на имеющие место сферы, которые так же должны изменяться под их влиянием.

Переход человечества к этапу цифровой революции побуждает государство реализовывать новую политику, которая имеет целью трансформацию многих общественных институтов и процессов [1, с. 28]. Правительством РФ утверждена Программа по развитию цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах государственной деятельности, что повышает рейтинг российского государства, уровень стабильности, способствует независимости государства [2; 3; 4].

Целью реализации цифровизации является преобразование России в высокоуровневого субъекта всемирного информационного агента, поскольку современная социально-экономическая реформа и внесенные ею продвинутые технологические средства формируют как для государства, так и общества в целом, потребность реализации модифицирования всей социально-экономической совокупности.

Как известно, развитие цифровых возможностей – реальность настоящего времени и фактор, который целесообразно учитывать при правоприменении и в законотворческом процессе. На данный момент

обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере является одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. (п. 1 Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года») [5].

Причем влияние современных технологичных факторов осуществляется на общественную систему не только отдельного государства, но и на всемирную систему отношений с конкретными судами и правоохранительными органами зарубежными государствами.

Интерес представляет повсеместно упоминаемый феномен новых технологических продуктов – технология блокчейн. Данная технология представляет собой распределительный реестр, состоящий из взаимосвязанных блоков транзакции. Блоки транзакции называются узлами реестра или нодами (nodes), которые в целом представляют собой децентрализованную базу данных, предназначенную для хранения и подтверждения достоверности информации [6, с. 24-25; 7, с. 34; 8, с. 76]. Имеющиеся исследования, которые касаются использования современных технологий, в частности технологии в сфере судопроизводства, условно обозначаемые «цифровыми технологиями», отмечают отсутствие легального определения такого термина, но и отсутствие в национальных юрисдикциях четко выработанных концепций правового регулирования данной сферы [9].

Российская Федерация находится только в начале пути выработки национальной правовой политики регулирования сферы технологий. Интерес для развития правового регулирования цифровых технологий имеют исследования развития в правовой системе государства сетевого права [10].

Реальность такова, что в настоящий период мировое сообщество переживает беспрецедентный феномен информационной революции. В Окинавской Хартии глобального информационного общества, принятой на саммите в июне 2000 года лидерами «восьмерки», было отмечено, что информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века.

Появление цифровых технологий предложило человечеству принципиально новые возможности: накопление в электронных базах неизмеримых объемов правовой информации; доступ к электронным базам информации для неограниченного количества людей; практически мгновенная передача любых объемов информации на любые расстояния без границ; возможность оперировать накопленной информацией, проводя ее поиск, анализ, систематизацию, классификацию по заданным параметрам, наконец, возможность иметь разнообразные документальные формы и образцы для их использования при производстве по конкретному делу, существенно облегчающие и ускоряющие оформительскую процессуальную деятельность. Электронные ресурсы помогают свободно знакомиться и изучать уголов-

ные дела на сайтах судов и на специализированных порталах, например, в «Судакте».

Результатом повсеместного внедрения цифровых технологий становится постепенная оптимизация процессуальных полномочий участников уголовного судопроизводства, в определенной степени функционирующими посредством электронных систем.

Однако не все проблемы достаточным образом законодательно регламентированы. В этой связи стоит поднять вопрос правовой регламентации применения цифровых технологий в следственной деятельности.

Видится необходимым законодательно закрепить современную терминологию и механизм реализации новых цифровых объектов. Проблема состоит в том, что законодательно не регламентированы термины цифровых терминологий, особенности их применения. Пробельность действующего законодательства приводит к тому, что в судебной практике имеются разнопонимания, нет единства правоприменительной практики.

В уголовно-процессуальном законодательстве целесообразно закрепить возможность реализации и требования по визуализации электронных подписей. В частности, на основании Приказа Роспатента от 13.04.2016 № 57 (ред. от 28.07.2016) «Об утверждении Правил и Формы визуального отображения отметки об электронной подписи на документах в электронном виде» [11] место размещения отметки об электронной подписи должно соответствовать месту размещения собственноручной подписи в аналогичном документе на бумажном носителе; элементы отметки об электронной подписи должны быть видимыми и читаемыми при отображении документа в натуральном размере; элементы отметки об электронной подписи не должны перекрываться или накладываться друг на друга; элементы отметки об электронной подписи не должны перекрывать элементы текста документа и другие отметки об электронной подписи (при наличии).

Кроме того, при целесообразности введения в уголовном судопроизводстве электронного дела, необходимо предусмотреть цифровые средства безопасности от утечки данных, информации из материалов уголовного дела.

Список литературы:

1. Кучина, Я.О. Правовое регулирование облачных технологий (вычислений): Монография / Я.О. Кучина. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 166 с.

2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

3. О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с Правилами разработки, мониторинга и контроля выполнения планов мероприятий по реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации»):

Постановление Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1030 // СЗ РФ. – 2017. – № 36. – Ст. 5450.

4. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // СЗ РФ. – 2017. – № 32. – Ст. 5138.

5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // СЗ РФ. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

6. Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности / А.Ю. Иванов (рук. авт. колл.), М.Л. Башкатов, Е.В. Галкова и др. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 237 с.

7. Генкин, А. Блокчейн: как это работает и что ждет нас завтра / А. Генкин, А. Михеев. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 592 с.

8. Винья, П. Эпоха криптовалют: как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок / П. Винья, М. Кейси; пер. с англ. Э. Кондуковой; науч. ред. А. Форк. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 152 с.

9. Внедрение и практическое применение современных финансовых технологий: законодательное регулирование: монография / Г.Ф. Ручкина, М.Ю. Березин, М.В. Демченко [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 161 с.

10. Голоскоков, Л.В. Теория сетевого права / Л.В. Голоскоков. – М.: МПСУ; Воронеж: МОД-ЭК. 2012. – 216 с.

11. Об утверждении Правил и Формы визуального отображения отметки об электронной подписи на документах в электронном виде: Приказ Роспатента от 13.04.2016 № 57 (ред. от 28.07.2016) // URL: https://rulaws.ru/ (дата обращения: 15.10.2019).

МУРАШКИНА Ирина Вячеславовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; irina.murashkina.96@mail.ru

К ВОПРОСУ О НОВЕЛЛЕ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ: СОВМЕСТНОМ ЗАВЕЩАНИИ СУПРУГОВ

В статье с позиций системного и сравнительно-правового метода рассматриваются специфические (отличительные) черты нового вида завещания для Российской Федерации, а именно совместного завещания супругов.

Ключевые слова: *наследование, основания наследования, наследование по завещанию, завещание, совместное завещание супругов.*

Невозможно обойти вниманием последние изменения в гражданском праве относительно совершения завещания в Российской Федерации. Законодателем закреплены новые нормы права в Граж-

данском Кодексе, касающиеся введения дополнительных видов завещания, а также такой правовой категории как наследственный договор. Закрепление последнего как отдельного основания наследования вызывает бурные споры между цивилистами.

До 1 июня 2019 года Гражданским кодексом Российской Федерации специально подчеркивалось, что распорядиться имуществом на случай смерти можно только одним способом – посредством совершения завещания. Но Федеральным Законом от 19.07.2018 № 217-ФЗ были внесены изменения в регулирование наследственных отношений, в частности были дополнены нормы о наследственном договоре как еще одном способе распоряжения имуществом с 1 июня 2019 года.

Также указанным выше федеральным законом было закреплено введение совместного завещания супругов как нового вида завещания в Российской Федерации. Стоит отметить, что институт данного вида завещания характерен для многих государств (Англия, США, Украина) [1, с. 34].

Именно это нововведение и будет рассматриваться в данной статье. О необходимости введения такой дефиниции давно шла речь между учеными. Вопрос о совместном завещании как едином документе вызывает дискуссии. За составление совместного завещания в форме единого документа говорит правоприменительная практика, а также большинство специалистов в данной области.

В п. 4 ст. 1118 ГК говорится, что завещание может быть совершено одним гражданином, а также гражданами, состоящими между собой в момент его совершения в браке (совместное завещание супругов). К супругам, совершившим совместное завещание, применяются правила Гражданского Кодекса о завещателе. В этом же пункте указывается, что супруги вправе по обоюдному усмотрению определить следующие последствия смерти каждого из них, в том числе наступившей одновременно:

— завещать общее имущество супругов, а равно имущество каждого из них любым лицам;

— любым образом определить доли наследников в соответствующей наследственной массе;

— определить имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если определение имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов, не нарушает прав третьих лиц;

— лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения;

— включить в совместное завещание супругов иные завещательные распоряжения.

Условия совместного завещания супругов действуют в части, не противоречащей правилам гражданского законодательства об обяза-

тельной доле в наследстве (ст. 1149 ГК), а также о запрете наследования недостойными наследниками (ст. 1117 ГК).

Супруг, участвующий в совершении совместного завещания супругов, супруг, присутствующий при удостоверении завещания другого супруга, не вправе до открытия наследства разглашать сведения, касающиеся содержания завещания или наследственного договора, их совершения, заключения, изменения или отмены (ст. 1123 ГК). Данная норма гражданского законодательства охраняет тайну осуществления наследодателем своей последней воли, выраженной в его завещании [2, с. 325].

В случае нарушения тайны завещания завещатель вправе потребовать компенсацию морального вреда, а также воспользоваться другими способами защиты гражданских прав. Однако после смерти одного из супругов, составивших совместное завещание, исполнитель завещания и нотариус вправе разглашать в связи с исполнением ими своих обязанностей только сведения, относящиеся к последствиям смерти этого супруга [3, с. 118].

Совместное завещание супругов должно быть передано нотариусу обоими супругами или записано с их слов нотариусом в присутствии обоих супругов (п. 1 ст. 1125 ГК). Завещание каждого из супругов нотариус вправе удостоверить в присутствии обоих супругов. Данное завещание, написанное одним из супругов, до его подписания должно быть полностью прочитано другим супругом в присутствии нотариуса.

В соответствии с п 5.1. ст. 1125 ГК, если супруги не заявляют возражений против видеофиксации самой процедуры совершения совместного завещания, то нотариус обязан ее осуществлять.

Совместные завещания супругов должны быть совершены только в нотариально удостоверенной форме [4, с. 5]. Они не могут быть закрытыми (п. 5 ст. 1126 ГК), удостоверенными в порядке приравниваемых к нотариально удостоверенным завещаниям (п. 5 ст. 1127 ГК), составленными в чрезвычайных обстоятельствах (п. 4 ст. 1129 ГК). Несоблюдение этих требований влечет ничтожность указанного завещания.

Совместное завещание супругов может быть оспорено по иску любого из супругов при их жизни [5, с. 27]. После смерти одного из супругов, а также после смерти пережившего супруга совместное завещание супругов может быть оспорено по иску лица, права или законные интересы которого нарушены этим завещанием.

При наличии совместного завещания наследникам не нужно ничего делить, так как документ представляет общую волю супругов. Преимуществом такого завещания является то, что оно позволяет решить судьбу общего совместного имущества супружеской пары, а также дает возможность больше защитить интересы детей от других браков. Так, к примеру, супруги могут указать в совместном завещании, что после смерти одного из них все их имущество переходит к оставшемуся в живых, а после смерти того – к детям каждого супруга

в равных долях [6, с. 10]. Если завещать имущество другому супругу в обычном завещании, то дальнейшее наследование останется на его усмотрение, то есть гарантировать то, что он в своем завещании распределит имущество детям, невозможно.

Кроме этого в совместном завещании муж и жена могут оговорить, как распределяется наследство в случае смерти каждого из них по отдельности или в случае одновременной смерти супругов, например, во время автокатастрофы.

Совместное завещание утрачивает силу, если брак был расторгнут или признан судом недействительным как до, так и после смерти одного из супругов. Совместное завещание не дает особых преимуществ и каких-то дополнительных гарантий, поскольку в случае смерти одного из супругов второй может в любое время отменить это завещание [7, с. 101].

Идея была такая, чтобы от совместного завещания нельзя было так просто отказаться, в частности, нельзя было бы отменить его после смерти одного из супругов. Но, согласно окончательной редакции, оставшийся в живых супруг может даже после смерти второго супруга, даже унаследовав по этому совместному завещанию, пойти и составить новое, которое отменит старое. Поэтому на самом деле такой вид завещания – это всего лишь возможность вдвоем сразу выразить свою волю, не более. Никаких дополнительных гарантий такое завещание не предоставляет. Такой же позиции придерживается и М.Ю. Барщевский в своих трудах [8, с. 57].

Если нотариус удостоверяет последующее завещание одного из супругов, принимает закрытое последующее завещание одного из супругов или удостоверяет распоряжение одного из супругов об отмене совместного завещания супругов при жизни обоих супругов, он обязан направить другому супругу в порядке, предусмотренном законодательством о нотариате и нотариальной деятельности, уведомление о факте совершения таких последующих завещаний или об отмене совместного завещания супругов.

В случае признания волеизъявления одного из супругов при совершении ими совместного завещания не соответствующим требованиям закона в порядке, предусмотренном абзацем третьим п. 2 ст. 1131 ГК, к такому завещанию подлежат применению нормы ГК об оспоримых или ничтожных сделках в зависимости от оснований недействительности волеизъявления одного из супругов [9, с. 289].

Большое распространение совместное завещание имеет в Германии. Оно может быть написано там как собственноручно, от руки, так и в форме публичного завещания, т.е. нотариально удостоверенного. Совместное завещание может быть написано только одним из супругов с указанием даты и места составления, но в любом случае должно быть подписано каждым из них лично. Такое завещание можно хранить дома либо отдать его на хранение в суд. Отзыв завещания, отданного на хранение в суд, возможен только обоими супругами. Плата за хранение завещания вычисляется исходя из стоимости обще-

го наследства и равняется четверти от полного налога на завещанное имущество. Вышеперечисленное характерно именно для немецкого законодательства [10, с. 425].

Таким образом, совместное завещание супругов является новой правовой категорией для российского законодательства. Гражданским кодексом довольно четко регламентированы форма и порядок совершения для данного вида завещания, определены права и обязанности супругов, действия нотариуса при удостоверении данного документа, основания признания его недействительным.

Список литературы:

1. Сывороткина, И.Ю. Современное российское и зарубежное наследственное право и законодательство / И.Ю. Сывороткина //Юрист. – 2007. – № 1. – С. 34-37.

2. Дударев, А.В. Институт наследования: российское и зарубежное законодательство / А.В. Дударев, А.А. Хамидуллина // Гражданин и право. – 2008. – № 12. – С. 2529-2533.

3. Сывороткина, И.Ю. Конструкция завещания в законодательной практике России и зарубежных стран / И.Ю. Сывороткина // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 3. – С. 118-121.

4. Малая, Т.Н. Некоторые вопросы наследования по завещанию в международном частном праве / Т.Н. Малая // Журнал международного частного права. – 2004. – № 2. – С. 4-7.

5. Козлова, М.Ю. Соблюдение формы завещания: некоторые проблемы / М.Ю. Козлова, С.В. Буркин // Нотариус. – 2010. – № 4. – С. 27-35.

6. Абраменков, М.С. Свобода завещания в российском наследственном праве / М.С. Абраменков, П.В. Чугунов // Наследственное право. – 2010. – № 2. – С. 10-26.

7. Серебровский, В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В.И. Серебровский. – М.: Статут, 2009. – 728 с.

8. Барщевский, М.Ю. Наследственное право / М.Ю. Барщевский. – М.: Омега, 2012. – 473 с.

9. Черепахин, Б.Б. Труды по гражданскому праву / Б.Б. Черепахин. – М.: Статут, 2001. – 692 с.

10. Комментарий к ГК РФ. Часть третья (постатейный) / отв. ред. Л.П. Ануфриева. – М.: Волтерс Клувер, 2019. – 836 с.

НАЗАРЕНКО Павел Анатольевич,
кандидат философских наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин;
pavel_naza@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОПУЩЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА ПРИ ПОДАЧЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются проблемы восстановления пропущенного процессуального срока при подаче апелляционной жалобы в гражданском процессе.

Ключевые слова: *пропущенный процессуальный срок, восстановление, подача апелляционной жалобы, гражданский процесс.*

Как известно, для эффективной реализации защиты прав и законных интересов участвующих в деле лиц последние должны действовать в рамках установленных законом или судом определенных процессуальных сроков.

Совершение участниками гражданского процесса определенных процессуальных действий за пределами этого срока влечет за собой неблагоприятные для него последствия. В ч. 2 ст. 109 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) указано, что поданные по истечению сроков жалобы и документы, если не заявлено ходатайство о восстановлении пропущенных процессуальных сроков, не рассматриваются судом и возвращаются лицу, которым они были поданы.

Таким образом, все действия сторон, осуществленные за пределами установленных процессуальных сроков, могут иметь значение для суда только при условии наличия уважительности причин их пропуска (ст. 112 ГПК РФ), о чем судом выносится определение суда, которое может быть обжаловано (п. 5 ст. 112 ГПК РФ).

Процессуальные сроки восстанавливаются в строго определенных случаях при соблюдении порядка, установленного вышеуказанной статьей:

1. Лицам, пропустившим установленный федеральным законом процессуальный срок по причинам, признанным судом уважительными, пропущенный срок может быть восстановлен.

2. Заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока подается в суд, в котором надлежало совершить процессуальное действие, и рассматривается в судебном заседании. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания, однако их неявка не является препятствием к разрешению поставленного перед судом вопроса.

3. Одновременно с подачей заявления о восстановлении пропущенного процессуального срока должно быть совершено необходи-

мое процессуальное действие (подана жалоба, представлены документы), в отношении которого пропущен срок.

4. Заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока, установленного частью второй статьи 376, частью второй статьи 391.2 и частью второй статьи 391.11 настоящего Кодекса, рассматривается соответствующими судами кассационной и надзорной инстанции. Указанный срок может быть восстановлен только в исключительных случаях, когда суд признает уважительными причины его пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи кассационной или надзорной жалобы в установленный срок (тяжелая болезнь лица, подающего жалобу, его беспомощное состояние и другое), и эти обстоятельства имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу.

При этом уважительность причин определяется усмотрением рассматривающего дела судьи, поскольку перечисление всех случаев уважительности пропуска процессуальных сроков попросту невозможно (за исключением восстановления сроков для подачи соответствующих кассационных и надзорных жалоб, в которых указывается дополнительное требование к «исключительности» случаев уважительности причин). В отдельных случаев высшими судебными органами указывается, в каких случаях и при каких условиях следует считать или не считать причины пропуска процессуального срока уважительными. В частности, такие разъяснения даны в п. 38 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утвержденным Президиумом Верховного Суда РФ от 16.02.2017 (заявителю не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока для подачи жалобы, если он пропущен из-за нарушений процессуальных сроков судом), п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.12.2012 № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства», регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (выделение обстоятельств, имеющих значение для принятия положительного решения о восстановлении срока и случаев, когда указанный срок не может быть восстановлен). Уважительность или неуважительность причин пропуска процессуальных сроков с обоснованием таких выводов содержится и в судебных актах таких судов, принятых по конкретным делам (Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.07.2017 года № 50 КГ17-9) и некоторых других.

Действительно, на первый взгляд, правовая проблема, связанная с восстановлением пропущенных гражданских процессуальных сроков, разрешена законодателем. Предусмотрен порядок восстановления сроков для совершения определенных действий в ходе судебного разбирательства и подачи апелляционных жалоб на судебные акты, возможность его восстановления связана с наличием уважительности

причин, сформулированы более жесткие требования для условий восстановления процессуальных сроков при подаче кассационных и надзорных жалоб и введены предельные ограничения временного периода их подачи.

Однако указанный правовой механизм действует, когда все заинтересованные лица знали или должны были знать о рассматриваемом гражданском деле, о времени и дате процесса, а также о содержании принятого решения. В отношении правовой защиты (в том числе пропущенного процессуального срока) лиц, не привлеченных к участию в деле, по-прежнему существует юридическая неопределенность.

В частности, материальные и процессуальные гражданские права супруга, состоящего в браке, могут быть нарушены при вынесении гражданским судом решения о взыскании денежных средств с другого супруга, обязывании выполнить работы, оказать услуги, исполнить деликтные обязательства и т.д., о содержании которого он может узнать по истечении продолжительного периода времени, в том числе при проживании за границей (например, прохождении экзекватуры принудительного исполнения судебного решения российского суда на территории Французской Республики). Тогда закономерно возникают вопросы: 1) какой продолжительности срок может пройти со времени вынесения решения, когда супруг как третье лицо узнал о его содержании, для восстановления срока для подачи соответствующей апелляционной жалобы, и 2) в какой форме должно быть совершено соответствующее извещение.

К сожалению, действующее российское законодательство не дает ответов на поставленные вопросы, предельные сроки подачи жалоб установлены для кассационных и надзорных жалоб. По существу, эта проблема оставлена на судебное усмотрение. А судьи по-разному решают данную проблему, что не может не создавать разнообразность подходов к возможности обжалования судебного решения и восстановления процессуальных сроков

Даже судебная практика по этим проблемам не урегулирована в каком-либо обобщенном виде постановлением Пленума Верховного Суда, а только абстрактным образом допускает такую возможность (см., в частности Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»), а также ряд обзоров судебной практики за 2015-2017 года.

Между тем количество россиян, постоянно живущих за границей, увеличивается. Тем самым возрастает и число лиц, которые могут столкнуться с проблемой принудительного выдела доли из сов-

местно нажитого имущества и привлечения к гражданско-правовой ответственности по обязательствам бывшего супруга в силу указаний ст. 39 Семейного Кодекса Российской Федерации, несмотря на то, что в случае их привлечения к участию в деле размер таких обязательств мог бы быть уменьшен.

Сходные проблемы появляются и в других случаях, когда судебный акт затрагивает права и законные интересы третьих лиц, которые могут длительное время не знать об этих обстоятельствах.

Поэтому, на взгляд автора, с одной стороны, данная проблема могла бы быть урегулирована хотя бы тем, что в случае подачи иска к лицу, состоящему в браке, было бы обязательно привлечения в качестве третьего лица его супруга. Подобная практика уменьшила бы возможности для вынесения несправедливых и необоснованных судебных решений. Кроме того, каждое лицо, состоящее в браке, владело бы официальной информацией о выдвинутых судебных требованиях к другому супругу, что позволило бы каждому владеть достоверной информацией о состоянии совместно нажитого имущества. А судам следует активно привлекать в качестве третьих лиц к участию в гражданском процессе лиц, чьи права могут быть затронуты принятым по делу судебным актом. Данный подход будет отвечать основным целям и задачам гражданского права, которые закреплены в главе 1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

С другой стороны, представляется целесообразным введение и предельных сроков для подачи апелляционных жалоб на принятые по делу судебные акты по аналогии с соответствующими статьями ГПК РФ, устанавливающих такие ограничения для подачи кассационных и надзорных жалоб. Такое ограничение процессуального срока будет соответствовать требованиям правовой определенности принятых по делу судебных актов.

Список литературы:

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 16.02.2017.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.12.2012 № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства».

3. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.07.2017 года № 50 КГ17-9.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами нории гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».

НЕДЯЛКОВА Екатерина Вячеславовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; enedaylkova@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗЫСКАНИЯ НЕУСТОЙКИ ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПО ОПЛАТЕ ТОВАРА В ОТНОШЕНИЯХ ПОСТАВКИ ТОВАРА

В статье анализируются особенности взыскания неустойки за неоплату (неполную, несвоевременную оплату) поставленного товара: основание и порядок расчета, а также рассматриваются основания взыскания неустойки и порядок ее расчета.

Ключевые слова: *договор поставки, поставщик-продавец, покупатель, неустойка, штраф, пени, основания взыскания, законная неустойка, договорная неустойка, ключевая ставка.*

В соответствии с договором поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки товар покупателю (ст. 506 ГК РФ), а покупатель – произвести оплату поставляемого товара (п. 1 ст. 516 ГК РФ). Если покупатель неосновательно отказался от оплаты либо не оплатил частично или полностью товары в установленный договором срок, то поставщик вправе потребовать от покупателя произвести оплату (п. 2 ст. 516 ГК РФ).

Одним из способов обеспечения исполнения обязательств и мер имущественной ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение, предусмотренных законодательством, является неустойка [1].

Неустойка (штраф, пени) – это определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения (ст. 330 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойка может быть договорной, и в этом случае соглашение о неустойке должно быть совершено в письменной форме, иначе это влечет его недействительность (ст. 331 ГК РФ); законной, то есть определенной законом, независимо от того, предусмотрена ли обязанность ее уплаты соглашением сторон (ст. 332 ГК РФ). В качестве примера законной неустойки покупателя можно привести п. 7 ст. 8 Федерального закона от 02.12.1994 № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» [2].

Основанием для взыскания неустойки в связи с неоплатой или частичной оплатой покупателем поставленного товара в нарушение условий договора являются либо согласованные сторонами условия заключенного договора поставки, либо положения закона.

То есть взыскание неустойки возможно только в предусмотренных законом или договором случаях, а не во всех случаях нарушения обязательств.

Размер неустойки может быть установлен в твердой сумме (штраф) или в виде периодически начисляемого платежа (пени).

В соответствии с п. 65 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» [3] (далее – Постановление Пленума № 7) истец вправе требовать присуждения неустойки по день фактического исполнения обязательства. Присуждая неустойку, суд по требованию истца в резолютивной части решения указывает сумму неустойки, исчисленную на дату вынесения решения и подлежащую взысканию, а также то, что такое взыскание производится до момента фактического исполнения обязательства.

Также при проведении расчета неустойки необходимо учитывать положения ст. 394 ГК РФ. По общему правилу, если иное не предусмотрено договором или законом, убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой (зачетная неустойка).

Но стороны при заключении договора могут предусмотреть, что будет взыскана только неустойка, но не убытки (исключительная неустойка), или убытки будут взысканы в полной сумме сверх неустойки (штрафная неустойка), или по выбору кредитора будут взыскиваться либо неустойка, либо убытки (альтернативная неустойка) (п. 60 Постановления Пленума № 7).

Если сторонами при заключении договора не было согласовано условие о неустойке, а также если взыскание неустойки не предусмотрено законом, продавец по договору поставки вправе обратиться за взысканием процентов на основании ст. 395 ГК РФ в случаях неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате продавцом.

В соответствии с п. 4 ст. 395 ГК РФ в случае, когда соглашением сторон предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства, предусмотренные указанной статьей проценты не подлежат взысканию, если иное не предусмотрено законом или договором.

Рассмотрим несколько вариантов условий договора, так как в зависимости от этого расчет может быть различным:

1. Если договором поставки предусмотрено взыскание неустойки в виде пени за нарушение сроков оплаты поставленного, но не оплаченного товара. Размер процента также оговорен в договоре. Момент ее начисления – следующий день после дня, когда должна была быть произведена оплата товара в полном объеме либо в оговоренной в договоре части.

В этом случае формула расчета будет следующей: стоимость неоплаченного товара, срок оплаты которого уже наступил, необходимо умножить на процентную ставку, оговоренную в договоре, за день и умножить на количество дней просрочки.

2. Если необходимо рассчитать неустойку в виде штрафа, то штраф рассчитывается в твердой сумме, но определяется в виде процента от неоплаченной суммы.

Тогда применима такая формула: стоимость неоплаченного товара, срок оплаты которого уже наступил, необходимо умножить на указанный процент.

3. Для расчета процентов за пользование чужими денежными средствами, кроме сведений, перечисленных ранее, необходимо также определиться с размером ключевой ставки Банка России за конкретный период времени.

Тогда для начисления процентов необходимо сделать следующее: ключевую ставку Банка России в каждый соответствующий период времени разделить на 360 дней, полученный результат умножить на период просрочки и на стоимость неоплаченного товара, срок оплаты которого уже наступил [4, с. 57].

Взыскание неустойки поставщиком в случае нарушения покупателем обязательств по оплате полученного товара возможно при наличии соответствующего условия в заключенном договоре поставки или основания, указанного в законе. Поэтому при согласовании условий договора поставки еще на этапе его заключения сторонам желательно определить размер неустойки, а также иные условия ее начисления для защиты прав и законных интересов каждой из сторон.

Список литературы:

1. Афонина, А.В. Взыскание неустойки за неоплату (неполную, несвоевременную оплату) поставленного товара: основание и порядок расчета / А.В. Афонина // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 02.12.1994 № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» (ред. от 19.07.2011) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3303.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» (ред. от 07.02.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 5.

4. Головизнин, А.В. Неустойка как мера гражданско-правовой ответственности в контрактных отношениях поставок товаров (выполнения работ, оказания услуг) для государственных или муниципальных нужд: анализ правоприменения / А.В. Головизнин // Право и экономика. – 2019. – № 3. – С. 55-60.

ОЛЕЙНИК Кирилл Андреевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; olejnikkirill@gmail.com

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

В статье рассмотрена система преступлений террористической направленности, проблемы их конструирования и систематизирования, определен круг таких преступлений.

Ключевые слова: *преступления террористического характера, система, Уголовный кодекс, законодательство, международно-правовые акты.*

Преступления террористической направленности продолжают быть дестабилизатором социально-политической ситуации в России и представляют собой серьезную угрозу конституционной безопасности и территориальному единству страны. Проблема борьбы с террористической деятельностью является одной из важнейших задач общества и государства.

В настоящее время угроза терроризма не только снижется, но и, наоборот, только растет. Терроризм с каждым годом становиться всё изощреннее. Данный факт «заставляет государства заниматься поиском оптимальных моделей борьбы с ним» [7, с. 5]. Современный терроризм – явление разностороннее, что, несомненно, существенно затрудняет законодателю формировать правовую базу противодействия ему и определять критерии отнесения того или иного противоправного деяния к террористическому. Быстрое развитие общественных институтов, научные открытия и исследования приводят к появлению новых видов террористической деятельности (к примеру, так называемый кибертерроризм), что также затрудняет работу законодателя и правоприменителя.

Террористическая деятельность очень разнообразна, т.к. включает большое количество различного рода деяний. Безусловно, каждое деяние должно найти своё отражение и в уголовном законодательстве России. Установление уголовной ответственности за соответствующие деяния являются одним из основных и важных элементов борьбы и противодействия терроризму, являются воплощением такого принципа, как неотвратимость наказания за совершения преступлений террористической направленности. Правильная систематизация таких преступлений, безусловно, способствуют реализации мер по борьбе с терроризмом.

Однако определить круг преступлений террористической направленности довольно непросто. Связано это в первую очередь с тем, что в законе система преступлений террористической направ-

ленности конкретно не определена. Более того, в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) не содержится даже отсылки на данное понятие.

Также исследование показало, что научное сообщество глубоко не рассматривало вопрос систематизации преступлений террористической направленности. Возможно, это связано с тем, что именно за последние годы круг таких преступлений значительно расширился.

Анализ положений УК РФ, иных нормативных правовых актов и судебной практики (в первую очередь постановления Пленума Верховного суда) дают основания говорить о том, что к преступлениям террористической направленности относятся деяния, предусмотренные следующими статьями УК РФ: 205 (Террористический акт), 205.1 (Содействие террористической деятельности), 205.2 (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание или пропаганда терроризма), 205.3 (Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности), 205.4 (Организация террористического сообщества и участие в нем), 205.5 (Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации), 206 (Захват заложника), 208 (Организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем), 211 (Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава), 220 (Незаконное обращение с ядерными материалами и радиоактивными веществами), 221 (Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ), 277 (Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), 278 (Насильственный захват власти или насильственное удержание власти), 279 (Вооруженный мятеж), 360 (Нападение на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой) и 361 (Акт международного терроризма).

Данные выводы можно сделать исходя из положений статьи 205.6 УК РФ, а также постановления Пленума Верховного суда от 09.02.2012 № 1 [10, абз. 5]. Но образуют ли они систему, согласованы ли они между собой?

Как было сказано ранее, законодательство не содержит понятия «преступления террористического характера». В различных актах используются следующие конструкции: «террористические преступления», «преступления террористического характера», «преступления террористической направленности» и т.д. [6, с. 214]. Закон также четко не определяет перечень преступлений, относящихся к таковым. К примеру, помимо перечня, приведенного ранее, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» относит к преступлениям террористического характера такие статьи УК РФ, как 282.1-282.3. [5, ст. 24]. Однако данные составы устанавливают ответственность за преступления, связанные не с террористической, а с экстремистской деятельностью. Отнесение данных составов к преступлениям, связанным с террористической деятельностью, некорректно и неправильно.

Именно эта рассогласованность положений различных актов усложняет понимание целостности преступлений террористической направленности, усложняет понимание того, какое преступление является террористическим, а какое – нет. Отсутствие четкого списка таких деяний, согласованного во всех законодательных и подзаконных актах, является большой проблемой, в первую очередь практической, и должна быть урегулирована на законодательном уровне.

Другой вопрос, касающийся системности всех этих преступлений, относится и к тому, а на каком основании данные преступления были собраны в единую систему? Почему именно данные преступления выделены законодателем и высшей судебной инстанцией как преступления террористической направленности?

Вышеназванные преступления находятся в разных главах и разделах УК РФ, следовательно, имеют и разные объекты преступного посягательства.

Большинство преступлений террористической направленности содержится в главе 24 УК РФ. Объектом преступлений, предусмотренных главой 24 УК РФ, является общественная безопасность в узком смысле слова, т.е. совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасное условие жизни каждого члена общества, общественный порядок, безопасность личных, общественных и государственных интересов при производстве специальных работ и в процессе обращения с общеопасными предметами [9, с. 233].

Но при этом преступления террористической направленности расположены и в главе 29 – преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (объект – общественные отношения, обеспечивающие стабильность и нормальное функционирование государственной власти в целом, а также её отдельных институтов и органов [8, с. 353]), и в главе 34 – преступления против мира и безопасности человечества (объект – общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества).

Несмотря на различные объекты посягательства, данные преступления всё-таки составляют единое целое – систему преступлений террористической направленности.

Для уяснения, почему те или иные преступления отнесены к террористическим, следует обратиться к Конституции РФ, в которой закреплено положение, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы [1, ч. 4 ст. 15]. Обсуждения вопросов места международного законодательства в отечественной правовой системе выходит за рамки нашего исследования. Стоит лишь сказать, что Конституция напрямую указывает, что они являются частью правовой системы России, следовательно, имеют обязательный характер.

Россия состоит в различных международных организациях, подписала, ратифицировала и обязана исполнять большое количество международных конвенций, договоров и соглашений. Выполняя свои

международные обязательства, государство криминализирует различные деяния и относит их к разряду террористических.

Число международных актов, относящихся к борьбе с терроризмом, в которых участвует Российская Федерация, довольно велико. К таковым, к примеру, относятся следующие:

• Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.).

• Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Нью-Йорк, 14 сентября 2005 г.).

• Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.).

• Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (Минск, 4 июня 1999 г.).

• Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.).

• Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (Рим, 10 марта 1988 г.).

• Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.).

• Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27 января 1977 г.) ETS № 090.

Помимо вышеперечисленных актов Российская Федерация участвует ещё в ряде конвенций и соглашений, принятых в рамках Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых Государств, Организации Объединенных Наций, Совета Европы.

Данные международно-правовые акты, положения которых наше государство обязано исполнять в силу их подписания и ратификации, устанавливают круг деяний, относящихся к преступлениям, относят их к преступлениям террористической направленности, устанавливают вопросы взаимодействия по предотвращению, раскрытию и привлечению к ответственности лиц, совершивших данные преступления.

К примеру, международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма относит к числу преступных, если лицо незаконно и умышленно требует радиоактивный материал, устройство или ядерный объект, прибегая при этом к угрозе при обстоятельствах, указывающих на реальность этой угрозы, либо к применению силы [2, ч. 2 ст. 2]. Данное положение отражено в ст. 221 УК РФ.

Другой пример. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства говорит о том, что преступлением следует считать захват судна или осуществление контроля над ним силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания [3, п. «а» ч. 1 ст. 3]. Данное положение отражено в ст. 211 УК РФ.

Данные акты в своей совокупности образуют международно-правовую систему борьбы с терроризмом, что отраженно и в отечественном, в первую очередь уголовном, законодательстве.

В заключение необходимо сказать, что перечисленные в начале данной работы преступления, безусловно, образуют систему преступлений террористической направленности, основаны решении одного вопроса – борьбы с терроризмом. Это вытекает как из положений отечественного, так и международного законодательства. Однако их разобщенность, неопределенность в их перечне несет большие трудности и проблемы для правоприменителя. На наш взгляд, необходимым было бы во всех законодательных актах, регулирующих вопросы противодействия и борьбы с терроризмом, четко определить круг террористических преступлений. Также логичным представляется объединить и систематизировать все преступления, связанные с террористической деятельностью, в одной главе Уголовного кодекса. Данная работа не потребует координального перекроения УК РФ, не потребует издания нового уголовного закона. Данная работа сугубо техническая, и главным ее результатом станет упорядочение системы преступлений террористической направленности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Заключена в г. Нью-Йорке 13.04.2005) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (SUA) (Заключена в г. Риме 10.03.1988) (с изм. от 14.10.2005) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «КонсультанПлюс».

5. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 18.04.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Маршакова, Н.Н. Преступления террористической направленности: проблемы юридико-технического конструирования / Н.Н. Маршакова // Вестник Нижегороской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 213-216.

7. Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия: монография. – Москва: Проспект, 2019. – 176 с.

8. Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Том 2. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности

человечества: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. О.С. Капинус; под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 639 с.

9. Уголовное право. В 2 т. Том 2. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. / А.В. Наумов [и др.]; отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 499 с.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

ПАРОВАРДЬЯ Мария Павловна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; mparovardiay@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Статья посвящена современному состоянию и перспективам развития российского законодательства, направленного на защиту прав потребителей.

Ключевые слова: *потребитель, защита прав потребителей, неустойка, снижение размера неустойки, кредитование потребителей.*

Переход страны в 1990-е гг. к рыночной экономике ознаменовал новое время в товарно-денежных отношениях, ориентированных на потребителя и потребовал создания полноценной законодательной базы для защиты его прав как заведомо более слабой стороны указанных отношений. Потребитель зачастую не способен компетентно оценить достоверность информации о безопасности, подлинности, надежности и иных потребительских свойствах товаров и услуг и не обладает ресурсом времени, сил, средств и правовой квалификации, необходимых для того, чтобы восстановить свои нарушенные права.

Первым отечественным законодательным актом в этой сфере стал Закон СССР от 22.05.1991 № 2184-1 «О защите прав потребителей» [1], в котором впервые было дано легальное понятие «потребитель». Последующий Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2] воспринял основную концепцию Закона СССР 1991 г. (далее – Закон).

В настоящее время российское законодательство о защите прав потребителей, помимо Закона, направленного на охрану безопасности различных объектов – самого потребителя (его жизни, здоровья), имущества потребителя, окружающей среды – включает целый блок

норм федеральных законов, в числе которых положения ГК РФ, Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» [3], Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» [4] и др., а также подзаконных актов.

Естественно, что за почти четверть века применения Закон перенес ряд преобразований. Так, были изменены само понятие «потребитель», понятие «существенный недостаток» товара, порядок возврата технически сложных товаров, определены границы содержания генно-модифицированных организмов. Еще одним существенным изменением стали требования к оформлению кредитных договоров. Устранены противоречия с положениями ГК РФ в части определения цены товара при расчетах с потребителем в случае приобретения им товара ненадлежащего качества. Законом стала обеспечиваться возможность оплаты товаров (работ, услуг) путем использования национальных платежных инструментов, в том числе и банковскими картами, а на продавца была возложена обязанность указывать цены на товары (работы, услуги) только в рублях. Не останавливаясь на всех этих изменениях, считаем необходимым дать определение «потребитель» в соответствии с действующей сегодня нормой. «Потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

Дела о защите прав потребителей составляют в настоящее время значительный сегмент судебной практики. Ежегодно проводимые Союзом потребителей РФ опросы показали, что примерно 80% потребителей в среднем свыше трех раз в год приобретают некачественные, а порой и опасные товары и услуги. Согласно статистике Роспотребнадзора в 2018 г. по искам о защите прав потребителей суды взыскали почти 266 млн. руб., в том числе свыше 14,4 млн. руб. за моральный вред (5,4%). При этом средняя величина компенсации морального вреда составила 1,7 тыс. руб., что свидетельствует о большом количестве обращений граждан в суд [5, с. 88].

При применении судами законодательства о защите прав потребителя было выявлено множество проблем. На первоначальном этапе часть спорных вопросов была разъяснена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.1994 № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» [6]. В настоящее время суды руководствуются Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [7] (далее – Постановление), в связи с принятием которого предшествующий акт утратил силу.

Пожалуй, одним из ключевых положений Постановления является уточнение вопроса о взыскании неустойки по делам о защите прав потребителей. Возможность применения нормы ст. 333 ГК РФ,

обращается внимание в Постановлении, предусмотрена только в исключительных случаях и по заявлению ответчика с обязательным указанием мотивов, по которым суд полагает, что уменьшение размера неустойки является допустимым. Это дает потребителю возможность более эффективно использовать данный способ защиты своих прав.

И все же, как показывает изучение судебной практики, назвать ситуацию однозначной нельзя. Несмотря на рекомендации Пленума Верховного Суда РФ применять положения ст. 333 ГК РФ в отношении нарушения прав потребителя лишь в исключительных обстоятельствах, а также на отсутствие в Законе нормы о праве суда уменьшить сумму взыскиваемой неустойки, в судебной практике по-прежнему наблюдается противоположная тенденция. Суды нередко признают размер определенной истцом неустойки несоразмерным последствиям нарушения обязательства и встают на сторону предпринимателя, удовлетворяя ходатайство об уменьшении суммы. Так что нельзя сказать, что практика снижения судами размера неустойки за нарушение прав потребителя стала исключительным явлением [8, с. 21].

Отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются специальными законами, и к таким отношениям Закон применятся только в части, не урегулированной этими законами.

Это касается, в частности, договора страхования. Несмотря на то, что страхование, как личное, так и имущественное, причисляется к договорам с участием потребителя, Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [9] (далее – Закон о страховании) определяет особые правила взыскания неустойки. При несоблюдении срока осуществления страховой выплаты или возмещения причиненного вреда он ограничивает размер неустойки до 1% от определенного законом размера страховой выплаты каждому потерпевшему за каждый день просрочки, а также предусматривает неустойку (пеню) в размере 1% от страховой премии по договору обязательного страхования за каждый день просрочки, но не более размера страховой премии по такому договору при несоблюдении срока возврата страховой премии. Пункт 7 ст. 16.1 Закона о страховании также закрепляет, что «со страховщика не могут быть взысканы не предусмотренные настоящим Федеральным законом и связанные с заключением, изменением, исполнением и (или) прекращением договоров обязательного страхования неустойка (пеня), сумма финансовой санкции, штраф». Данное положение дополнительно воспроизводится в п. 59 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [10].

Как следует из п. 46 Постановления, при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установлен-

ных Законом, которые не были удовлетворены в добровольном порядке продавцом (исполнителем, изготовителем, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф, независимо от того, заявлялось ли такое требование истцом.

Еще одной актуальной проблемой представляется рассмотрение споров, связанных с кредитованием потребителя, получивших в последнее время широкое распространение.

В случае расторжения договора купли-продажи товара, например, в связи с выявлением в товаре недостатков, потребитель должен обладать правом отказаться от кредита, за счет которого производилась оплата товара, т.е. правом расторгнуть кредитный договор. И покупателю такое право предоставлено [11].

Между тем потребитель имеет право на возврат уплаченной за товар денежной суммы в размере погашенного кредита и платы за предоставление кредита (процентов) только при условии приобретения товара в кредит. В том случае если потребитель предварительно взял кредит на покупку в банке, требования о расторжении кредитного договора будет оставлено судом без удовлетворения со ссылкой на самостоятельный (независимый) характер обязательств заемщика по кредитному договору. Этот вопрос особенно актуален, когда речь идет о дорогой покупке, например, приобретении автомобиля. Необходимо заметить, что в случае покупки автомобиля в кредит покупатель вынужден также приобрести полис КАСКО, в связи с чем возникает вопрос о возврате ему суммы уплаченной страховой премии.

Следует отметить, что, несмотря на постоянное совершенствование, Закон не свободен и от внутренних противоречий. К примеру, гл. 2, 3 Закона устанавливают разный объем ответственности за нарушение прав потребителей по договорам о продаже товаров и выполнении работ (оказании услуг). В частности, за нарушение срока удовлетворения требований потребителя (об устранении недостатков, возврате уплаченной цены и пр.) взыскивается неустойка в размере 1% от цены товара – при нарушении договора купли-продажи (п. 1 ст. 23 Закона), и в размере 3% от цены работы или услуги – при нарушении договора о выполнении работ, оказании услуг (п. 5 ст. 28 Закона). Какие-либо логические или экономические причины подобной дифференциации режима ответственности предпринимателя отсутствуют.

Меньший размер неустойки, установленной гл. 2 Закона, стимулирует предпринимателей к тому, чтобы оформлять договорами купли-продажи даже те отношения, которые фактически опосредуют выполнение работ (например, по установке оконных и балконных стеклопакетов, изготовлению мебели по индивидуальным заказам).

Необходимо также отметить, что по смыслу действующего законодательства изменение или прекращение правоотношений как способ защиты прав должны реализовываться в досудебном порядке, Закон прямо это не предусматривает. Обязательность досудебного рассмотрения установлена только в отношении требования об уплате

неустойки. В случае вынесения решения в пользу потребителя суд может взыскивать с ответчика штраф за неудовлетворение требования в добровольном порядке. Можно полагать, что в некоторых случаях вопрос, например, о возмещении убытков, должен рассматриваться только в суде. Однако представляется, что, если Закон будет содержать прямое указание на обязательный досудебный порядок рассмотрения споров, это не только позволит потребителю более четко определить свои требования и предупредить продавца о возможных негативных для него имущественных последствиях, но и облегчит работу судов (разгрузит суды) [12, с. 63].

В литературе неоднократно высказывались предложения о необходимости кардинального изменения действующего законодательства о защите прав потребителей, вплоть до принятия самостоятельного Потребительского кодекса РФ [13, с. 8]. За кодификацию законодательства о защите прав потребителей выступает Союз потребителей России, который в 2011 г. в Декларации СПРФ к выборам в Государственную Думу настаивал, что «следует кодифицировать потребительское законодательство, разработав Потребительский кодекс Российской Федерации, общая часть которого будет основана на Законе «О защите прав потребителей», а специальная часть включит существенные условия типовых публичных договоров на оказание массовых услуг потребителям. После принятия Потребительского кодекса в соответствие ему должно быть приведено отраслевое законодательство, регулирующее оказание массовых услуг потребителям» [14].

Эта позиция разделяется рядом авторов [15, 16], однако представляется весьма спорной. Объединение норм о защите прав потребителей в различных сферах (потребителей финансовых, транспортных, туристических, страховых и прочих услуг) в одном законодательном акте не только не решит, но и усложнит правоприменение. В настоящее время Закон включает нормы общего характера, а специфика отношений с участием потребителя в разных отраслях отражена в специальных законодательных актах. Их нормы соотносятся как общие и специальные. Создание кодекса не исключит применение специальных законодательных актов, в контекст которых сейчас вписаны нормы о защите прав потребителей, следовательно, он не повысит уровень защиты прав потребителей и лишь усложнит законодательное регулирование.

Список литературы:

1. Закон СССР от 22.05.1991 № 2184-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1991. – № 24. – Ст. 689 (утратил силу).

2. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 18.07.2019) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

3. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. – 2002. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5140.

4. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 01.05.2019) // СЗ РФ. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.

5. Иванов, А.А. Как перестроить защиту прав потребителей / А.А. Иванов // Закон. – 2019. – № 1. – С. 87-94.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.1994 № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» (ред. от 29.06.2010) // Российская газета. – 1994. – № 230 (утратил силу).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 9.

8. Кратенко, М.В. К вопросу о реформе законодательства о защите прав потребителей / М.В. Кратенко // Судья. – 2014. – № 1. – С. 18-23.

9. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ред. от 01.05.2019) // СЗ РФ. – 2002. – № 18. – Ст. 1720.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 4.

11. Директива от 23.04.2008 № 2008/48/ЕС «О договорах потребительского кредитования и отмене Директивы Совета ЕС № 87/102/ЕЭС» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Маркова, О.А. Особенности применения института медиации в сфере защиты прав потребителей в России и Китае / О.А. Маркова, М.С. Кошелев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 11. – С. 62-64.

13. Гафарова, Г.Р. Защита прав потребителей: учебное пособие / под ред. З.М. Фаткудинова / Г.Р. Гафарова. – М.: Юстицинформ, 2018. – 438 с.

14. Декларация СПРФ к выборам в Государственную Думу // Союз потребителей Российской Федерации. – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie12053.html (дата обращения: 15.09.2019).

15. Челышев, М.Ю. О совершенствовании судебного и внесудебного порядков защиты прав потребителей / М.Ю.Челышев, Д.Х. Валеев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 5. – С. 16-20.

16. Зыбина, О.С. Правоотношения с участием потребителей и меры по защите их прав: дис. … канд. юрид. наук / О.С. Зыбина. – СПб.: СПбУ МВД РФ, 2001. – 189 с.

ПАРОВАРДЬЯ Мария Павловна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; mparovardiay@mail.ru

ТОЛСТОВА Анна Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры гражданского права; 19690401@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Статья посвящена современному состоянию и перспективам развития российского законодательства, регулирующего гражданско-правовую ответственность субъектов потребительских отношений.

Ключевые слова: *гражданско-правовая ответственность, возмещение ущерба, неустойка, функции неустойки, потребитель, контрагент потребителя, защита прав потребителей.*

Гражданско-правовая ответственность субъектов частных правоотношений на сегодняшний день является актуальной научной проблемой. До сих пор в терминологии науки о гражданском праве не существует общепризнанного определения гражданско-правовой ответственности.

Определение гражданско-правовой ответственности, которые дают некоторые современные ученые, подразумевает наложение имущественной санкции за правонарушение, совершенное субъектом, которая вызывает негативные последствия для субъекта, совершившего правонарушение. Негативные последствия могут проявляться как в виде частичного или полного лишения субъекта его гражданских прав, так и в виде наложения на субъекта дополнительных гражданско-правовых обязанностей [1, с. 62].

Другие ученые определяют гражданско-правовую ответственность за нарушение договоренностей как гарантированное государственное принуждение в виде наложения законодательно предустановленных взысканий на лицо, которое не исполнило обязательство или исполнило его несоответствующим образом [2, с. 27].

Еще ранее под гражданско-правовой ответственностью понималось такое «урегулированное нормами права (в том числе из договора) особое правовое состояние, которое возникает в результате нарушения прав участников гражданских правоотношений и характеризуется юридической возможностью обеспечить восстановление этих прав с помощью специальных санкций - мер ответственности» [3, с. 5].

Гражданско-правовая ответственность может выражаться в возмещении ущерба или вреда соответственно роду обязательств: при

нарушении договорных обязательств, как правило, говорят о возмещении убытков, а при нарушении деликатных обязательств подразумевают возмещение вреда. Особой формой гражданско-правовой ответственности является и неустойка. При этом выделяют различные виды неустойки: в виде пени, альтернативная неустойка, исключительная неустойка. Полная классификация неустоек приведена в ст. 394 ГК РФ, в основании этой классификации лежит соотношение убытков и неустойки.

Неустойка является наиболее часто применяемой в практике мерой имущественной ответственности. Неустойка является одним из самых важных видов ответственности субъектов договорных отношений, и как следствие, должна выполнять определенные функции:

- существование неустойки как явления в системе договорных отношений некоторым образом вынуждает ответственное лицо исполнить свои обязательства в необходимом объеме (таким образом осуществляется обеспечительная функция неустойки путем попытки предотвращения правонарушения в будущем);

- компенсационная функция неустойки осуществляется фактом взыскания неустойки кредитором для защиты своих нарушенных прав, поскольку получая неустойку от должника, он восстанавливает в том или ином объеме свое имущественное положение;

- штрафная или карательная функция неустойки осуществляется путем наказания должника за неисполненные или ненадлежащим образом исполненные договорные обязательства [4, с. 55].

Перечисленные функции неустойки также можно определять как важнейшие пути осуществления целей правовых взаимоотношений. Отдельно можно подчеркнуть цель стимулирующую, т.е. заставляющую обязанную сторону надлежащим образом исполнить договорные обязательства. Кроме того, можно выделить компенсационную цель неустойки, которая в том или ином объеме способствует восстановлению нарушенных прав кредитора как субъекта договора. Необходимость обособленного выделения штрафной цели неустойки, по мнению многих авторов, является нецелесообразным, поскольку взыскание неустойки в пользу одной стороны с целью восстановления нарушенного субъективного права является для другой стороны договорных отношений своего рода санкцией или имущественным наказанием. Другими словами, компенсационная и штрафная цели неустойки по сути, две стороны одного и того же действия – гражданско-правовой ответственности субъектов друг перед другом.

Вследствие двойственной сущности неустойки как явления в системе российского гражданского права неустойка может иметь вид как возможности обеспечения должного исполнения обязательств, так и являться одним из способов гражданско-правовой ответственности. Таким образом, можно говорить об одном и том же явлении, реализация которого возможна на разных этапах гражданско-правовых взаимоотношений. При этом двойственность неустойки определяет и Конституционный Суд Российской Федерации: «Гражданское зако-

нодательство предусматривает неустойку как возможность обеспечения исполнения обязательств и способа имущественной ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение» [5].

Гражданско-правовую ответственность в структуре теории гражданско-правовых средств, несомненно, можно отнести к разновидности гражданско-правовых средств. Среди социально-экономических эффектов воплощения гражданско-правовой ответственности можно выделить воссоздание имущественного статуса кредитора. С позиции теории гражданско-правовых средств было бы неправильным отнести возмещение убытков и взыскание неустойки исключительно к гражданско-правовым средствам. Данная невозможность не в последнюю очередь определяется наличием существования отношений по возмещению убытков и неустойки в виде различных правовых форм. Если убытки или неустойка выплачиваются добровольно, можно отметить применение гражданско-правовых средств. К тому же в данном случае иметь решающее значение будет только частное правовое взаимоотношение двух субъектов договора, которое регулируется нормами частного права. К примеру, если речь идет о получении одним контрагентом претензии с требованием возмещения убытков от другого с последующим удовлетворением первым данной претензии, то в таком случае имеет место реализация одного из способов гражданско-правовой ответственности в частных правовых отношениях. Таким образом, можно говорить о реализованной гражданско-правовой ответственности в виде гражданско-правового средства.

В том случае, если имеет место быть принудительное взыскание убытков или неустойки, невозможно говорить только о частноправовых взаимоотношениях, так как кроме собственно частноправовых форм отношений между субъектами, так же наличествуют как процессуальные отношения, так и отношения в сфере исполнительного производства. Взыскание тех же самых убытков в принудительном порядке кредитором уже относится к сфере процессуальных отношений – гражданских процессуальных или арбитражных процессуальных отношений (в зависимости от конкретной ситуации). При этом взыскание убытков в принудительном порядке происходит соответственно нормам рассмотрения и разрешения гражданских дел. Кроме этого учитываются взаимоотношения в области исполнительного производства при необходимости воздействия на должника мер принудительного исполнения с целью восстановления имущественного статуса кредитора. При этом следует отметить возможность существования независимых частных правоотношений, смыслом которых является гражданско-правовая ответственность одного субъекта договорных отношений перед другим. Кроме того, данный нюанс является актуальным и при реализации гражданско-правовой ответственности сторон в случае гражданско-правового потребительского отношения.

Если имеет место взаиморасчет с помощью предоплаты, то при нарушении обговоренных в договоре купли-продажи сроков передачи заранее оплаченного товара потребителю продавец обязан выплатить покупателю неустойку (пени) в размере половины процента суммы предварительной оплаты товара за каждый день просрочки. Неустойка (пени) может взыскиваться с того дня, в который, согласно договору купли-продажи, должна была быть осуществлена передача товара потребителю, до дня передачи товара потребителю или до дня удовлетворения требования потребителя о возврате ему предоплаты.

Кроме этого, если говорить о потребительских договорных отношениях при выполнении работ или оказанию услуг, то в этом случае возможно определение неустойки в размере 3% от общей стоимости выполненных работ или оказанных услуг. Если же стоимость выполненных работ или оказанных услуг не определяется в договоре о выполнении работ или оказании услуг, то неустойка рассчитывается исходя из общей стоимости заказа. Однако сумма взысканной потребителем неустойки (пени) не может быть больше цены отдельного вида выполненных работ или оказанных услуг. Так же она не может превышать общую цену заказа, если цена выполнения отдельного вида работы (оказания услуги) не определяется договором о выполнении работы (оказании услуги), что отличает ее от договора розничной купли-продажи [6, с. 3].

Неустойка, размер которой установлен законодательно, например, в законных актах о защите прав потребителей, благодаря однозначному определению в ч. 3 ст. 13 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [7] (далее – Закон), выполняет штрафную и карательную функцию, поскольку не покрывает убытков, а так же не включается в их сумму, так как гражданское законодательство устанавливает общее правило, согласно которому, убытки могут взыскиваться из части, не покрываемой неустойкой (ч. 1 ст. 394 ГК РФ).

Помимо неустойки в ч. 6 ст. 13 Закона предусмотрена еще одна мера ответственности должника, такая, как штраф в размере половины от суммы, которая присуждена потребителю. Однако считается, что такой штраф нельзя определять, как один из способов гражданско-правовой ответственности, поскольку при рассмотрении такого способа ответственности в концепции теории правовых средств можно прийти к выводу, что реализация данного способа ответственности возможна исключительно в гражданском процессуальном отношении, то есть имеет практическое применение только в сфере исполнительного производства. Таким образом, получается, что взыскать такой штраф, не выходя за рамки законодательства, не представляется возможным.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что штраф в размере половины размера суммы, которая присуждается потребителю, идущий в счет взыскания штрафа с потребителя за неисполнение

или ненадлежащее исполнение обязанностей, не относится к какому-либо виду гражданско-правовой ответственности.

При сравнительном анализе гражданско-правовой ответственности контрагента потребителей выявляются значительные отличия от ответственности гражданско-правовой, которая реализуется в виде типовых гражданско-правовых отношений. На первый план при проведении подобного анализа выступает карательный характер подобной ответственности, что исключает возможность представления компенсаторной функции ответственности в случае нарушения субъективного права, что является важной составляющей традиционных гражданско-правовых отношений, исключением из данного правила является только штрафная неустойка [8, с. 14].

Еще одно важное отличие гражданско-правовой ответственности контрагентов потребителя, обращающее на себя внимание, – это расширение структуры общественного взаимоотношения лиц за счет включения в данный круг лиц, которые не являются сторонами правоотношения. Но нельзя не отметить, что данное замечание применимо только к системе розничной купли-продажи. К примеру, согласно ст. 18 Закона, потребитель имеет право предъявить претензию, связанную с продажей товара ненадлежащего качества, не только продавцу, продавшему товар, но и к субъектам, формально не являющимся сторонами договора розничной купли-продажи, например, изготовителю, уполномоченной изготовителем организации, индивидуальному предпринимателю, импортеру.

С точки зрения экономики, подобная ситуация достаточно закономерна, так как включает все основные аспекты экономических взаимоотношений субъектов:

- производство;
- распределение;
- перераспределение;
- потребление материальных благ.

Однако, с точки зрения гражданского права, между импортером и потребителем отсутствуют какие-либо гражданско-правовые взаимоотношения. Если рассматривать ситуацию с уполномоченной изготовителем организацией (или индивидуальным предпринимателем), то можно обнаружить, что при составлении договора между изготовителем уполномоченной организацией учитываются интересы третьего лица, которым в данном случае является потребитель. В подобной ситуации потребитель имеет право предъявить установленные законом требования помимо продавца еще и к уполномоченной организации.

Стоит отметить, что сфера применения гражданско-правовой ответственности контрагентов потребителя является гораздо более досконально продуманной в сравнении с традиционными гражданско-правовыми отношениями, к примеру, неустойка как один из видов гражданско-правовой ответственности может быть применима так же при нарушении сроков рассмотрения жалобы потребителя. В

классических же гражданско-правовых отношениях редко наблюдается привлечение к гражданско-правовой ответственности по нарушению срока рассмотрения жалобы, как минимум, такая ситуация является достаточно нетривиальной. Другими словами, гражданско-правовая ответственность как одно из гражданско-правовых средств контроля взаимоотношений потребителей может служить более эффективным средством социально-экономического развития, чем традиционные гражданско-правовые отношения [9, с. 75].

Что же касается гражданско-правовой ответственности потребителя, в законодательных актах о защите прав потребителей она детально не регламентируется. Вполне ясно, что, если по вопросам гражданско-правовой ответственности потребителя и существует регламент, то исключительно в общих положениях гражданского кодекса о гражданско-правовой ответственности. Данный факт создает определенные сложности в контроле за гражданско-правовой ответственностью потребителя и сложность в реализации гражданско-правовой ответственности как законодательно обеспеченного способа восстановить или компенсировать нарушенные права контрагента потребителя [10, с. 71].

Таким образом, становится ясно, что потребитель является экономически гораздо менее защищенной стороной договора. Однако часто многие потребители являются недобросовестными участниками гражданских правоотношений, что необходимо учитывать при разработке документации, регламентирующей вопросы гражданско-правовой ответственности потребителя в сфере нормативно-правового регулирования отношений потребителей. Несомненно, законодатель рассчитывает на добросовестность участников гражданских взаимоотношений, однако этот факт не исключает разработку законодателем схемы привлечения к гражданско-правовой ответственности участников гражданских правоотношений. В данный момент только начинают осуществляться отдельные попытки в сфере потребительской ответственности разработать систему привлечения потребителя к гражданско-правовой ответственности путем определения неустойки за нарушение обязательств, о чем мы говорили ранее. Данные попытки получили поддержку арбитражной юрисдикции, но этого, на наш взгляд, слишком мало. Требуется разработать схему привлечения потребителя к гражданско-правовой ответственности, соответствующую регламенту нормативно-правового регулирования потребительских отношений.

Список литературы:

1. Пискунова, Н.И. Общие положения о гражданско-правовой ответственности / Н.И. Пискунова, И.Ю. Целовальникова // Современный юрист. – 2018. – № 3. – С. 60-65.

2. Богданова, Е.Е. Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы / Е.Е. Богданова // Lex russica. – 2017. – № 5. – С. 24-37.

3. Хохлов, В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Хохлов. – Самара, 1998. – 58 с.

4. Агапова, Н.Н. Неустойка как мера гражданско-правовой ответственности / Н.Н. Агапова // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. – 2008. – № 1. – С. 54-56.

5. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бочаровой Н.В. на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 333 ГК РФ» от 22.01.2004 № 13-О // СПС «Консультант Плюс».

6. Шашкова, Л.А. Права потребителей и их защита в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Л.А. Шашкова. – Ульяновск, 2004. – 27 с.

7. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 18.07.2019) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

8. Хуснутдинов, Ф.Г. Гражданско-правовая ответственность за нарушение сроков в потребительских правоотношениях / Ф.Г. Хуснутдинов // Право и экономика. – 2017. – № 1. – С. 13-16.

9. Минасян, О.К. Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности за нарушение прав потребителей / О.К. Минасян // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 6. – С. 73-80.

10. Зыбина, О.С. Правоотношения с участием потребителей и меры по защите их прав: дис. … канд. юрид. наук / О.С. Зыбина. – СПб.: СПбУ МВД РФ, 2001. – 189 с.

ПЕТРОВ Иван Юрьевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; iupetrov@mail.ru

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА КАК ОБЪЕКТЫ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

В статье анализируются понятие и правовая природа нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав. Автором рассматривается подход современного отечественного гражданского правоведения к пониманию нематериальных благ.

Ключевые слова: *нематериальные блага, личное неимущественное право, объекты гражданских прав, материальные блага.*

Под нематериальным благом традиционно понимаются «не имеющие экономического содержания и неотделимые от личности их носителя блага и свободы, признанные действующим законодательством.... Они (нематериальные блага) 1) не имеют материального

(имущественного) содержания; 2) неотделимы от личности их носителя; 3) обладают свойством индивидуализации самой личности обладателя этих прав» [1, с. 7]. Точно такая же характеристика нематериальных благ дается во всех без исключения публикациях как сугубо научного, так и чисто учебного, а также комментаторского назначения. Нет никаких сомнений в том, что основой для такого определения сегодня является содержание п. 1 ст. 150 ГК РФ, обозначающее такие неимущественные блага, как «жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона...», словосочетанием «нематериальные блага». Не может быть сомнений и в том, что в основу п. 1 ст. 150 ГК РФ легло воззрение, согласно которому нематериальные блага характеризуются такими двумя свойствами как неимущественный и строго личный характер; будучи сложенными вместе, они исключают возможность придания нематериальным благам свойств товара.

Думается, что подход современного отечественного гражданского правоведения к пониманию нематериальных благ стал следствием сперва невольной, а затем (со времени введения в действие части первой ГК РФ) и целенаправленной вульгаризации научных достижений российской цивилистики. Обращение к специальным работам советских авторов (а именно ими и начала разрабатываться интересующая нас здесь проблематика) позволяет установить, что тема, сегодня известная под именем проблемы нематериальных благ, вошла в науку под совершенно другим наименованием – сперва личных, а впоследствии личных неимущественных прав. Их объектами признавались нематериальные блага, не являющиеся имуществом и строго связанные с личностью своего обладателя. «Личное неимущественное право – это субъективное право, возникающее по поводу благ, лишенных экономического содержания, тесно связанное с личностью управомоченного и индивидуализирующее его, имеющее специфические основания возникновения и прекращения», – пишет М.Н. Малеина [2, с. 44]. Не согласиться с этим мнением невозможно. Но в таком случае нельзя не обратить внимания на то, что круг нематериальных благ не исчерпывается благами – объектами одних только личных неимущественных прав.

Таким образом, нематериальные блага-объекты личных неимущественных прав – это еще отнюдь не все вообще нематериальные блага. Соображение это (само по себе если и не очевидное, то чрезвычайно простое) почему-то осталось за пределами внимания составителей ГК РФ; вслед за ними его упорно предпочитают не замечать и представители современной позитивистской цивилистической доктрины. Исключение составляют взгляды ученых, отмечающих, что «к

нематериальным благам относятся результаты творческой деятельности ..., которые обычно становятся объектами исключительных прав, а также личные неимущественные блага, являющиеся объектами гражданско-правовой защиты» [3, с. 48]. «Результаты интеллектуальной деятельности, в отличие от объектов вещных прав, имеют идеальную природу» [4, с. 89]. В одном из диссертационных исследований указывается, что результаты интеллектуальной деятельности являются нематериальными объектами товарного характера, а личные неимущественные блага – нетоварного [5, с. 7]. Не подлежит никаким сомнениям, что понятие нематериальных благ объединяет собой как минимум два их различных вида: 1) результаты интеллектуальной (творческой) деятельности; 2) объекты отношений, традиционно называемых личными неимущественными.

Нематериальным благом (или, точнее, идеальным объектом) называется результат отражения предметов и фактов реальной действительности, существующий исключительно в одном только сознании, но не в реальном мире, и данный человеку в понятиях и представлениях, но не в ощущениях. Только в таком своем – чисто физическом – виде понимание нематериальных благ и может принести пользу социальным наукам, властности, гражданскому правоведению.

С любой точки зрения, понятие идеального или нематериального – это понятие о специфической форме бытия предметов и явлений, точнее – о бытие предметов и явлений в специфической (в первую очередь социальной) сфере. Такое бытие нельзя назвать реальным в том смысле, в котором мы говорим о реальном мире. Вместе с тем, поскольку нематериальное (идеальное), точно так же как и реальное, подчинено определенным закономерностям (в первую очередь законам развития и функционирования человеческого мышления), оно имеет ничуть не менее объективный характер, чем реальное и, следовательно, вполне может быть как предметом человеческих интересов, так и объектом межчеловеческих (фактических) отношений, в том числе и тех отношений, что подвергаются правовой оценке (правовому регулированию) [6, с. 356].

Понятия «неимущественный» и «нематериальный» – это различные характеристики как самих жизненных интересов и складывающихся в связи с ними фактических и юридических отношений, так и их объектов. Говоря о том, что какое-то отношение имеет неимущественный характер (такой-то интерес или объект имеют неимущественную природу), мы подразумеваем невозможность денежного восстановления (возмещения) этого отношения, интереса или объекта в случае его нарушения; советские ученые в основном раскрывали характеристику «неимущественный» через понятие «личный». Стало быть, измерение «имущественный – неимущественный» представляет собой экономико-юридический (социальный) параметр, «измеряющий» (характеризующий) социальные субстанции (общественные и юридические отношения), по существу своему весьма близкий (если не сливающийся) с параметром «товарный – нетоварный». Ось же

«материальный – нематериальный» характеризует не сами отношения, а их объекты, и отвечает на вопрос о том, принадлежат ли они к разряду материальных (данных человеку в ощущениях), или же идеальных (данных человеку в понятиях и мышлении) субстанций, т.е. дает нам чисто физическую характеристику объекта социальных отношений. Объект всякого неимущественного интереса и отношения непременно представляет собой нематериальную (умозрительную, мыслимую) субстанцию (нематериальное благо); это отнюдь не означает, однако, что нематериальные блага не могут быть объектами имущественных интересов и отношений (не могут представлять собой имущества) [7, с. 368].

Логическая природа нематериальных благ предопределяет особую (логическую) природу их взаимосвязей и взаимодействия, напоминающую причинно-следственную связь между физическими субстанциями, но все-таки с ней не совпадающую и к одному этому типу связи не сводящуюся. Взаимосвязи и взаимодействия таких логических субстанций, как понятия, называются логическими операциями и внешне выражаются в суждениях (утверждении, конъюнкции, дизъюнкции, импликации или отрицании); взаимосвязи и взаимодействия между суждениями выражаются в их отношениях друг с другом, которые могут быть отношениями логической совместимости и несовместимости (противоположности или противоречия).

Будучи продуктами человеческого мышления (представления), но не ощущений, нематериальные объекты не могут (не способны) быть объектами фактического владения. Монопольный контроль доступа к подобным объектам, в известной мере напоминающий владение, в принципе возможен, но лишь тогда, когда существо (содержание) объектов сохраняется в тайне. Такой контроль не может быть облечен в форму абсолютного субъективного гражданского права, поскольку его природа (требующая индивидуальной определенности объекта) несовместима с сохранением существа такового в состоянии неизвестности другим лицам. Для того чтобы сделать нематериальные объекты объектами не только фактических, но и юридических отношений, абсолютно необходимо обеспечить возможность всеобщего доступа к их содержанию [8, с. 37]. Как только такая возможность обеспечена, можно говорить о перспективе гражданско-правовой охраны данных объектов; вместе с тем их нематериальная природа позволяет фактически использовать таковые всем тем, кто на законном основании получил доступ к их содержанию. Получается строгая дизъюнкция: или лицо фактически сохраняет существо идеального объекта в тайне (но тогда оно не может располагать никаким субъективным правом на этот объект), или же оно предпочитает приобрести субъективное право на идеальный объект (но для этого оно должно сделать существо данного объекта достоянием неопределенного круга лиц). Первая ситуация чревата тем, что не гарантирует лицу юридически исключительной возможности использования идеального объекта, т.к. всякое иное лицо, самостоятельно создавшее

такой же или иной подобный объект, либо иным законным образом получившее доступ к его содержанию, также может использовать его, не сообразуясь при этом с интересами себе подобных лиц. Вторая ситуация, хотя и доставляет заинтересованному лицу юридически исключительную возможность использования идеального объекта, чревата тем, что создает почву для его незаконного использования неограниченным кругом лиц.

Невозможность владения идеальным объектом не препятствует его одновременному использованию несколькими лицами. Это видно из следующего примера. Если два субъекта, каждый из которых располагает одной вещью, обменяются этими вещами, то во владении каждого из них по-прежнему будет находиться только по одной вещи. Но если два субъекта, каждый из которых располагает одной идеей, «обменяются» ими, то у каждого будет уже по две идеи. Обнародование литературного произведения позволяет другим лицам осуществлять его копирование и, следовательно, использовать данное произведение, а также предоставлять возможность такого использования, минуя автора этого произведения. Размещение произведения в сети Интернет делает его потенциально доступным для одновременного использования всеми вообще лицами, находящимися как на планете Земля, так и за ее пределами (в космосе, на других небесных телах), – везде, где существуют средства телекоммуникационной связи, дающие доступ в Интернет [9, с. 62]. Доступ же к нематериальным благам, охраняемым правом непосредственно (в рамках правоспособности и охраняемых законом интересов), а также при помощи личных неимущественных прав, вообще не может быть ограничен, так, например, негативное влияние на условия надлежащей индивидуализации личности и формирования представлений о ней может быть оказано кем угодно и когда угодно; то же можно сказать и о возможности воспользоваться ассоциациями, связанными с чужим именем, наименованием или товарным знаком и т.д.

Сказанное вполне позволяет понять, что условия признания субъективных прав на идеальные (нематериальные) блага, равно как и сами эти субъективные права, а также основания их возникновения, изменения и прекращения должны будут весьма существенным образом отличаться от субъективных прав, а также соответствующих условий и оснований для материальных объектов.

Список литературы:

1. Арзуманян, А.Б. Нематериальные блага как объекты гражданских прав: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А.Б. Арзуманян. – Ростов-на-Дону, 2008. – 26 с.

2. Малеина, М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав / М.Н. Малеина // Государство и право. – 2014. – № 7. – С. 42-49.

3. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / В.О. Калятин, Д.В. Мурзин,

Л.А. Новоселова и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – М.: Норма, 2014. – 720 с.

4. Нохрина, М.Л. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными / М.Л. Нохрина. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 294 с.

5. Дюбко, Е.Г. Нематериальные блага и личные неимущественные права граждан и юридических лиц: теоретические и практические проблемы их защиты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Е.Г. Дюбко. – М., 2015. – 25 с.

6. Пржиленский, В.И. Юриспруденция, философия и поиски объективной истины: проблемы институционализации одного философского понятия / В.И. Пржиленский // Lex russica. – 2013. – № 4. – С. 353-360.

7. Белов, В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты / В.А. Белов. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 1100 с.

8. Толстой, В.С. Личные неимущественные правоотношения / В.С. Толстой. – М.: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – 219 с.

9. Дмитрик, Н.А. Осуществление субъективных гражданских прав с использованием сети Интернет / Н.А. Дмитрик. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 200 с.

ПЕТРОВ Анатолий Петрович,
кандидат юридических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса; app@inbox.ru

ПЕТРОВ Владимир Анатольевич,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса; kupiup@vsu.by

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА, ЕГО ПРИЗНАКИ И ПРИНЦИПЫ

В статье рассматриваются вопросы становления социального государства, его признаки и принципы. Авторы анализируют генезис дефиниции «социальное государство», принципы социального государства, а также модели социального государства.

Ключевые слова: *социальное государство, принципы социального государства, задачи социального государства, признаки социального государства.*

Принцип социального государства является в последние годы объектом пристального внимания как белорусских, так и зарубежных исследователей: юристов, социологов, политологов и экономистов. Его анализу посвящено немало публикаций, в которых рассматриваются проблемы сущих и целесообразных масштабов и форм социальной деятельности государства, ее исторической и современной динамики, правового оформления принципа социального государства и его соотношения с принципами правового и демократического государства.

В настоящее время принцип социального государства признан во многих странах как один из основополагающих принципов современного цивилизованного государства наряду с его правовым, демократическим и светским характером. Вместе с тем размах и способы осуществления социальной политики государств постоянно меняются, сталкиваясь с различными вызовами и рисками и заставляя науку и практику находиться в постоянном поиске их совершенствования и оптимизации.

Проблематика социального государства чрезвычайно актуальна для Беларуси. Действующая Конституция провозглашает нашу страну социальным государством [1, ст. 1]. Разработка теории социального государства чрезвычайно важна, поскольку реализация социальной функции государства в разумных масштабах способна принести и приносит обществу столь же огромную пользу, сколь разрушительными (и экономически, и психологически, и политически) могут быть как ее недооценка, так и необоснованное в конкретных исторических условиях гипертрофирование.

Концептуально-научные представления о социальном государстве сложились относительно недавно. Исследователи сходятся во мнении, что идея социальной государственности сформировалась в конце XIX – начале XX в. как результат социально-экономических процессов, происходящих в обществе. В середине XIX в. по территории многих стран прошла мощная волна революций и кризисов. Установки индивидуальной свободы и невмешательства государства в экономику перестали действовать, что грозило крахом существующим политическим режимам. В такой политической ситуации, когда налицо была опасность социального взрыва, правящей элите не оставалось другого выбора, как пойти на уступки и провозгласить новую миссию государства.

Целью любого государства является сохранение социально-политической стабильности. Ради этого оно идет на уступки обществу и, как результат, становится социальным.

Важнейшую роль в воплощении концепции в жизнь сыграло возникновение Советского государства, где была законодательно закреплена социальная направленность политики.

Когда доктрина социального государства приобрела концептуальное выражение (после Второй мировой войны), настал новый этап в ее развитии – конституционное закрепление. Этому типу государства присущи особые, специфические функции, которые заслуживают быть отображенными в тексте Конституции. Первой провозгласила себя социальным государством Федеративная Республика Германия, указав в ч.1 ст. 20 Основного Закона: «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством» [2, с. 56]. Данное положение законодательно отображено в Конституциях Португалии, Греции, Турции, Дании, Швеции, Нидерландов и других стран.

Понятие «социальное государство» столь многогранно, что специалистам так и не удалось прийти к единому мнению. Социальное государство можно определить как особый тип высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости и солидарности. Социальное государство – особый тип государства, возникший в результате широкого исторического компромисса разнонаправленных политических и социальных сил в интересах всех слоев общества, основанного на осознании зоны объективных общих интересов контрагентов социального противоборства и необходимости ее дальнейшего расширения с помощью активной, опирающейся на экономическую эффективность и политическую стабильность, социальной политики. Выделим признаки социального государства:

1) оно ответственно за существование общества;

2) в нем индивид несет обязанности перед иными лицами и обществом в целом;

3) это такое государство, которое помогает человеку, обеспечивает его достойное существование. Главная задача социального государства – достижение такого общественного развития, которое основывается на закрепленных правом принципах социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. Социальное государство призвано помогать слабым, влиять на распределение экономических благ исходя из принципа справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное существование.

Как видим, особенности социального государства в том, что оно, регулируя экономическую и другие сферы общественной жизни, акцент делает на проведении социальной политики.

Социальное государство реализует свои полномочия в форме правовой государственности, однако идет значительно дальше по пути гуманизации общественных отношений, стремится расширить пра-

ва личности за счет усиления их социально-экономического блока. Оно стремится наполнить правовые нормы более справедливым, социально ориентированным содержанием.

В основе модели социального государства лежат объективные основания и предпосылки. Экономической основой является многоукладная рыночная социально ориентированная экономика, в условиях которой свободное предпринимательство сочетается с определенным (на макроуровне) государственным регулированием хозяйственного развития по принципу «свобода – насколько возможно, планирование – насколько необходимо». Социальная основа – развитое гражданское общество, способное защитить человека от произвола властей; политическая основа – демократия, народный суверенитет, высокая политико-правовая культура граждан, развитое чувство ответственности, законопослушности, общественной солидарности; политический и идеологический плюрализм при относительном согласии основных политических сил о необходимом наборе социальных программ. Достижение консенсуса на политическом уровне позволяет сохранить преемственность социальной политики в случае прихода к власти других политических партий; нравственная основа – равенство всех перед законом, свобода личности, уважение чести и достоинства человека, гуманизм и социальная справедливость.

В отличие от советского патерналистского государства, которое стремилось в принудительном порядке установить минимальную планку благополучия всех с помощью покровительства, благотворительности, жесткого контроля и уравнительного распределения благ, социальное государство ориентируется на обеспечение каждому достойных условий жизни в результате повышения эффективности производства, развития личной инициативы, повышения ответственности каждого за свою судьбу.

Формирование правового социального государства – это длительный исторический процесс, который может успешно развиваться лишь при наличии соответствующих условий – высокого уровня экономики и культуры, соответствующего духовно-нравственного потенциала общества.

В наши дни ученые – государствоведы стремятся найти меру оптимального сочетания принципов правового и социального государства. При этом сторонники консервативно-либеральных моделей обычно больший акцент делают на правовом, а идеологи социал-демократии – на социальном принципе.

Эффективность социального государства находится в прямой зависимости от целого ряда факторов финансово-материального, интеллектуально-кадрового, нормативно-правового, информационного и духовно-нравственного характера. Среди них в первую очередь выделяют уровень экономического развития страны и темпы научно-технического и экономического роста; согласие основных политических сил относительно набора социальных программ, реализуемых государством; развитое чувство общественной солидарности, ответ-

ственности и законопослушности граждан, их правовая и нравственная культура.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что эффективная реализация государственной политики в социальной сфере основывается на определенных принципах, которые в конечном итоге являются неотъемлемыми ценностями для социального государства:

1. Принцип законности – режим соблюдения норм права всеми субъектами общественных отношений, метод перевода «писаного» права в реальное право, форма гарантии реализации прав, свобод и законных интересов человека и общества в целом.

2. Принцип свободы, под которой понимается право человека быть свободным в определении своей судьбы, свободным от политического, административного и экономического принуждения, а также гарантированность законом возможности развивать индивидуальные способности, активно участвовать в общественной и политической жизни. Свобода – это освобождение человека от страха унизительной зависимости от нищеты, бедности, унижений. Свобода – это умение соотносить свою волю и интересы с волей и интересами других.

3. Принцип солидарности как основное условие выживания человеческого общества. Согласие, сочувствие, взаимоуважение образуют основу солидарности. Только в солидарном обществе может быть воплощен принцип социальной справедливости и достигнуто равноправие людей. В солидарности, взаимодействии между гражданами и общественными группами – залог достижения всеобщего благосостояния и благосостояния каждого человека. Вот почему построить правовое социальное государство можно лишь на основе компромисса интересов различных социальных, национальных, политических, религиозных и иных социальных групп.

4. Принцип равенства – равенство субъектов правовых отношений перед законом. Каждый имеет право на достойные условия жизни независимо от происхождения, социальной, этнической, религиозной, партийной и половой принадлежности. Равенство – это равные возможности для проявления своей индивидуальности, равные юридические условия для самореализации.

5. Принцип приоритетности права, который трактуется не как воля какой-то партии или какого-то класса, возведенная в закон, а как выражение общественных интересов в законах, которые служат благосостоянию граждан и общества в целом.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что социальное государство – это государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Имеется в виду равномерное содействие благу всех граждан и максимально возможному равномерному распределению жизненных тягот. Задача социального государства – обеспечить своим гражданам следующие условия:

а) каждый гражданин должен иметь достойный человека прожиточный минимум;

б) каждый трудоспособный человек должен иметь возможность зарабатывать на себя и на содержание своей семьи;

в) нетрудоспособные или граждане, не имеющие по каким-либо причинам возможности трудиться (дети, больные, инвалиды, пенсионеры, безработные, беженцы и переселенцы), должны иметь возможность поддерживать обычный жизненный стандарт за счет перераспределения государством средств, накопленных субъектами, участвующими в экономической жизни страны.

Выполнение этих требований требует долгой и кропотливой работы всех граждан, проживающих в Беларуси. Перераспределять даже на основе принципа справедливости можно лишь то, что накоплено сверх необходимого. Не отнять, что имеется в наличии, и поделить поровну, а накопить и перераспределить часть созданного для тех, кто не может сам заработать, чтобы достойно жить.

Построение демократического социального правового государства является главной конституционной целью. Государственная власть обязана принимать все доступные ей меры для создания такого внутреннего и международного порядка, который необходим для полного осуществления конституционных прав и свобод граждан Республики Беларусь, формирования социально-ориентированной экономики как необходимого условия для свободного и достойного развития личности.

Список литературы:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. 2-е издание, стер. – Минск: Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь, 2013. – 64 с.

2. Конституция зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: учебное пособие. 5-е издание, перераб. и доп. / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков. – М.: Волтерс Крувер, 2007. – 608 с.

ПЕЧЕНИН Павел Леонидович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; a090674@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМНАТЫ В КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ КАК ОБЪЕКТА КУПЛИ-ПРОДАЖИ

В статье раскрываются характерные правовые особенности комнаты в коммунальной квартире как объекта гражданского оборота, приведено определение понятия коммунальной квартиры, а также комнаты в коммунальной квартире в целях более точного

определения предмета договора купли-продажи жилой недвижимости.

Ключевые слова: *купля-продажа, жилые помещения, комната, коммунальная квартира, доля в праве, общая собственность, последствия договора.*

В Гражданском Кодексе Российской Федерации (ГК РФ) не содержится четкого понятия жилого помещения (жилой недвижимости). В Жилищном Кодексе Российской Федерации (ЖК РФ) такие понятия содержатся, но их смысл раскрыт далеко не полно. В соответствии с ч. 1 ст. 16 Жилищного кодекса Российской Федерации «к жилым помещениям относятся: 1) жилой дом, часть жилого дома; 2) квартира, часть квартиры; 3) комната» [4]. И если понятия «жилой дом» и «квартира» в ЖК РФ определены достаточно емко, то понятие «комната» имеет весьма смазанное и недостаточно точное определение, в соответствии с которым комнатой признается какая-то неопределенная часть жилого дома или квартиры, предназначенная для использования в качестве места непосредственного проживания граждан (ч. 4 ст. 16 ЖК РФ), без указания на какую-либо обособленность комнаты в качестве жилого помещения от остальной части дома или квартиры.

Указанные правовые нормы не позволяют в достаточной мере определить правовую основу при заключении и исполнении договоров купли-продажи комнаты, должную быть призванной идентифицировать данный объект гражданского оборота, как жилое помещение. Ведь если квартира, согласно положениям Жилищного Кодекса Российской Федерации, является жилым помещением, то комната в квартире (следуя формальной логике) является всего лишь частью квартиры, но не самостоятельным жилым помещением. При этом продажа комнат допускается действующим законодательством, что явно определено нормой права, определенной в ч 6 ст. 42 Жилищного Кодекса Российский Федерации, указывающей на преимущественное право покупки комнаты в коммунальной квартире для остальных собственников комнат в данной квартире, но само понятие коммунальной квартиры в действующих федеральных законных актах РФ отсутствует, хоть сам термин упоминается неоднократно. Следовательно, при совершении договора купли-продажи комнаты в коммунальной квартире, можно только догадываться о том, что является фактическим предметом сделки, действовать только в соответствии со сложившимися традициями, без возможности идентифицировать объект сделки по характерным признакам, так как отсутствует правовая основа определения подобного вида жилой недвижимости, при этом «в договоре продажи недвижимости должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить недвижимое имущество, подлежащее передаче покупателю по договору»[3] (ст. 554 ГК РФ).

Условия о преимущественном праве покупки при продаже комнаты в коммунальной квартире, предусмотренные в ст. 42 ЖК РФ, являются практически идентичными тем условиям, которые регулируют отчуждение доли в праве общей собственности. Но данная схожесть правовых норм, касающихся преимущественного права покупки, относящихся и к продаже комнаты в коммунальной квартире, и к отчуждению доли в праве общей собственности на жилое помещение, не делают их идентичными сделками по правовому содержанию. Правовое положение комнат в коммунальных квартирах в отношении правопонимания в рамках данного вопроса, в том числе и судами общей юрисдикции, можно рассмотреть в рамках последствий совершения сделок по купле-продаже жилых помещений, представляющих собой комнаты в коммунальных квартирах, в сравнении с последствиями купли-продажи долей в праве на недвижимое имущество. Правовые последствия совершения договоров купли-продажи жилого помещения и отчуждения доли в праве общей долевой собственности различны, и касаются они прежде всего права пользования и распоряжения жилым помещением.

Неоднократно лица, являющиеся собственниками недвижимого имущества в квартире, наряду с собственником комнаты, имеющим намерение сдать жилье, являющееся частью такой квартиры, в наем, обращаются в суд с исками о запрете производства указанных действий. Например, истец обратилась с иском к ответчику, в котором просила запретить ответчику передавать в пользование иным лицам без ее письменного согласия общее имущество в коммунальной квартире, так как истица сама в сдаваемой комнате не проживает, но сдает свою комнату посторонним людям, которые без согласия истца пользуются местами общего пользования. Суд данное требование удовлетворил, апелляционная инстанция решение поддержала, мотивировав это тем, что в соответствии с п. 1 ст. 246 ГК РФ «распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников» [2] и, сославшись на ст. 247 ГК РФ, указал: «из содержания данных норм в их взаимосвязи следует, что правомочия владения и пользования общим имуществом в коммунальной квартире собственники комнат в коммунальной квартире должны осуществлять по соглашению» [9].

Напротив, на обращение в суд со сходными требованиями к ответчику, но касающиеся общего имущества в многоквартирном доме, вследствие сдачи в наем квартиры, истцу было отказано в удовлетворении требований. При этом суд мотивировал отказ тем, что «ответчик является собственником данных помещений, и согласие иных проживающих в доме лиц в силу ч. 1 ст. 247 ГК РФ не требуется» [12], а также сослался на определение Конституционного суда РФ 1525-О от 28.06.2018 г., где было указано, что собственник вправе сдавать свое имущество в наем, реализуя «право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности»

[1], закрепленное в ст. 34 Конституции РФ. Заключение же договора аренды (найма) осуществляется с учетом принципа свободы договора, согласно которому субъекты гражданского права свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и приобретают свои гражданские права своей волей и в своем интересе (пункты 1 и 2 статьи 1 ГК Российской Федерации) [11].

Такое двоякое толкование норм права в отношении пользования и распоряжения квартирами и отдельными комнатами в коммунальных квартирах нарушает единообразие в применении судами норм права, регулирующих отношения в рамках осуществления гражданами права собственности в целом и правами на жилые помещения в частности. Данные обстоятельства возникают вследствие отсутствия в действующих правовых актах объективного определения понятия и правового положения комнаты как части неделимой квартиры, а также отдельных обособленных комнат (комнат в коммунальной квартире) как объектов правоотношений. Комнаты, принадлежащие гражданам на праве собственности, хоть и являются частями квартир, и купля-продажа этих объектов осуществляется на основании гражданско-правовых договоров, но при этом квартиры, в составе которых находятся подобные комнаты, могут ничем не отличатся по планировке и техническим характеристикам от квартир, которые (при наличии нескольких собственников) принадлежат гражданам как доли в праве общей собственности, а комнаты в них невозможно выделить в отдельный объект купли-продажи.

Указанные обстоятельства, а также вольное толкование судами правовых норм, применяемых в судебном процессе к разрешению споров, касающихся пользования комнатами и общим имуществом в коммунальной квартире, порождают необъективное отношение к сущности комнат в коммунальных квартирах как объектов гражданского оборота. Данное отношение проявляется, в частности, в таких высказываниях, как «без согласия на пользование местами общего пользования одного из собственников, другие собственники комнат не имеют права сдавать третьим лицам в наем свои комнаты, так как могут нарушить право пользования общим имуществом» [6, с. 45] и «комнаты сдаются в аренду без разрешения других собственников комнат» [7, с. 284], что рождает ошибочное понимание правового определения комнаты в коммунальной квартире, отождествляя ее с долей в праве собственности на квартиру, представляющую собой единое обособленное жилое помещение.

В этой связи невозможно не согласится с научными исследованиями в данной области, утверждающими, в частности, что комнату «нужно рассматривать в двух смыслах: как объект гражданских прав, оборотоспособный по договору купли-продажи жилой недвижимости, и как обязательное конструктивное помещение квартиры, жилого дома, не являющуюся самостоятельным объектом гражданских прав» [8, с. 14-15]. Точное законодательное определение правового понятия комнаты в квартире позволит дать достаточно точное определение

объекта в договоре при совершении сделок купли-продажи жилой недвижимости, предметом которых является возмездное отчуждение комнаты, как самостоятельного жилого помещения, а не в качестве доли в праве на недвижимое имущество (квартиру), так как при отчуждении доли в праве у покупателя не возникает права собственности на жилую комнату, а существует лишь возможность совместного (с остальными участниками долевой собственности) пользования и распоряжения жилым помещением в виде квартиры с ограничениями, присущими правоотношениям в рамках правовых положений, касающихся общей долевой собственности.

Достаточное большое значение для правового определения комнаты в коммунальной квартире, сообразно достижения должного правопонимания сущности данного объекта недвижимости, имеют правовые положения, содержащиеся в ч. 4 ст. 8 закона «О государственной регистрации недвижимости», утверждающие, что в кадастр недвижимости вносятся следующие основные сведения об объекте недвижимости: вид объекта недвижимости; кадастровый номер объекта недвижимости и дата его присвоения; кадастровый номер квартиры, в которой расположена комната, если объектом недвижимости является комната [5]. Соответственно, комната в коммунальной квартире является самостоятельным объектом недвижимости. Принимая во внимание правовые нормы, содержащиеся в Жилищном Кодексе Российской Федерации, определяющие и квартиры, и комнаты, как жилые помещения, а также правовые положения, содержащиеся в законе «О государственной регистрации недвижимости», разумным будет законодательно закрепить в Жилищном Кодексе Российской Федерации определение комнаты в коммунальной квартире как самостоятельного и обособленного объекта недвижимости, по аналогии с понятием квартиры, являющейся структурно обособленным помещением (ч. 3 ст. 16 ЖК РФ).

В пользу данного утверждения выступает следующая правовая норма: жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (п. 2 ст. 15 ЖК РФ). В обзоре судебной практики, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 года, указано, что «комнаты в коммунальной квартире могут быть учтены как один объект кадастрового учета (жилое помещение), если они являются смежными и изолированы от других помещений», также, в данном документе указано, что рассматриваемые в деле комнаты «отграничены от иных помещений в квартире строительными конструкциями. В связи с этим суд указал, что указанные комнаты, как единый объект, отвечают признакам изолированности и обособленности» [10]. Следовательно, комнаты в коммунальной квартире являются изолированными и обособленными, если отделены стенами от других комнат в коммунальной квартире. И, соответственно, если две или более комнат в коммунальной квартире имеют общую дверь либо иной проход, позволяющий про-

ходить из одной комнаты в другую, минуя места общего пользования, но при этом отделены стенами от остальных комнат и мест общего пользования, то такие комнаты в совокупности должны представлять собой единый обособленный изолированный объект недвижимости.

Правовые нормы, указывающие на право преимущественной покупки комнаты в коммунальной квартире остальными собственниками, предусмотренные в ст. 42 ЖК РФ, как и сама указанная статья, находятся в главе 6 данного кодекса, которая определяет правоотношения, касающиеся общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, что свидетельствует о том, что законодатель отделил понятие комнаты в коммунальной квартире от доли в праве общей собственности. Определение названия самой главы, частью которой является указанная статья закона, прямо указывает на то, что эти правовые нормы касаются именно общего имущества собственников в многоквартирных домах. И, как следствие, общее имущество в коммунальной квартире имеет сходную правовую основу с общим имуществом в многоквартирном доме, что, в частности, подтверждает и схожесть норм права, указанных в статьях 36 и 41, а также 37 и 42 ЖК РФ.

Также, законодательно определена комната в коммунальной квартире как главная вещь, а общее имущество в коммунальной квартире (места общего пользования) – как принадлежность, так, как это определяется для общего имущества в многоквартирном доме по отношению к квартире, что указано в ч. 3 ст. 42 ЖК РФ, определяющей, что доля в праве общей собственности на общее имущество в коммунальной квартире собственника комнаты в данной квартире следует судьбе права собственности на указанную комнату. В связи с этим для обеспечения единообразия правоприменения в рамках осуществления сделок купли-продажи жилых помещений, объектом которых являются комнаты в коммунальных квартирах, а также разрешения иных споров, возникающих вследствие совершения таких сделок, необходимо определить, что правила пользования и распоряжения квартирами распространяются на комнаты в коммунальных квартирах с учетом правил, указанных в ч 6 ст. 42 Жилищного Кодекса Российский Федерации. Важным также является определение того, что комнаты, принадлежащие гражданам на праве собственности, как самостоятельные, обособленные, изолированные объекты недвижимости, не являются частью жилых помещений, и, следовательно, не все квартиры являются самостоятельными жилыми помещениями, а в случае если они имеют в своем составе отдельные жилые помещения в виде комнат, являются многокомнатными обособленными помещениями в многоквартирном доме, имеющие места общего пользования, по аналогии с общим имуществом в многоквартирном доме.

Таким образом, для однозначности правовых норм, имеющих отношение к идентификации объекта купли-продажи жилой недвижимости, целесообразно определить понятие коммунальной квартиры, как обособленную совокупность отдельных жилых помещений в

виде комнат (двух и более), имеющую в своем составе места общего пользования, не являющиеся частями комнат и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данной коммунальной квартире, в том числе кухни, ванные комнаты, коридоры, иные помещения в коммунальной квартире, не принадлежащие отдельным собственникам и предназначенные для удовлетворения социально-бытовых потребностей собственников помещений в коммунальной квартире. При этом определить правовое понятие комнаты в квартире, не являющейся коммунальной, как помещение жилого назначения в составе квартиры (индивидуального жилого дома), предназначенное для использования по своему назначению одним лицом, либо большим количеством лиц, с возможностью определения порядка пользования таким помещением, но без возможности выделения его из состава квартиры (индивидуального жилого дома) в качестве самостоятельного объекта недвижимости.

Точное определение понятия комнаты в коммунальной квартире позволит на основании законодательных положений определять предмет договоров купли-продажи комнат, как жилых помещений, являющихся отдельными жилыми помещениями, так как только отчуждение объекта жилой недвижимости целиком является куплей-продажей недвижимости, предусмотренной § 7 гл. 30 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 14.

5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. – 2015. – № 29 (ч. 1) . – Ст. 4344.

6. Кобзина, С.С. Правовое регулирование защиты права частной собственности на жилое помещение (на примере комнаты в коммунальной квартире) / С.С. Кобзина // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2016. – № 31. – С. 42-46.

7. Фарион, К.Ю. Некоторые аспекты жилого помещения как объекта права собственности / К.Ю. Фарион // Бюллетень науки и практики. – 2018. – № 8. – С. 279-285.

8. Шлотгауэр, М.А. Купля-продажа жилых помещений как объектов недвижимости в российской федерации: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. ю. н. / М.А. Шлотгауэр. – М., 2012. – 29 с.

9. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24.11.2016 № 33-23709/2016 по делу № 2-5700/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Обзор судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 7.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1525-О // СПС «КонсультантПлюс».

12. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 21.11.2018 № 33-24802/2018 по делу № 2-1415/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

ПОДОЛЯНСКАЯ Лариса Станиславовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; podolyanskaya@bk.ru

РОДСТВЕННАЯ СВЯЗЬ (РОДСТВЕННЫЙ СОЮЗ) КАК ОСНОВАНИЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНУ ЧЛЕНАМИ СЕМЬИ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ

В статье в исторической ретроспективе исследуется категория «родственный союз». Автор анализирует возможность наследования на основании так называемого «социального родства».

Ключевые слова: *родственный союз, кровное родство, социальное родство, наследование по закону, восходящие члены семьи, нисходящие члены семьи, боковые родственники.*

Наследование по закону основывается в первую очередь на родственной связи наследодателя и наследников, т.е. на их «родственном союзе». Следует отметить, что в современной и советской системе права не используется юридическое понятие «родственный союз», за исключением ныне утратившего юридическую силу Кодекса о браке и семье РСФСР 1968 г. [1] и Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [2] (далее – СК РФ), в котором, во-первых, закрепляется, что права и обязанности родителей и детей основываются на кровном происхождении детей, при этом учитывается как кровное происхождение, так и родство в силу усыновления; во-вторых, среди прочих обстоятельств, препятствующих заключению брака, названы родственные отношения между лицами (ст. 14 СК РФ). Вместе с тем состояние в родстве имеет юридическое значе-

ние не только в семейных, но и в наследственных, жилищных, трудовых отношениях [3, с. 171].

Для выделения самого понятия «родственный союз» обратимся к русскому законодательству XIX века – Своду гражданских законов, которому посвящена одна из глав кн. 1 т. X, которая закрепляет общие положения о степенях и линиях родства. Так, ст. 196 т. X закрепляет, что «род» есть связь всех членов семьи мужского и женского пола, от одного общего родоначальника происходящих, хотя бы не все из них носили его имя и прозвание. Принадлежность к роду определяется происхождением и не изменяется с вступлением в брак. Право наследования распространяется на всех членов рода, одно кровное родство составляющих до его прекращения не только в мужском, но и в женском поколении (ст. 111 Свода гражданских законов). Таким образом, после умершего лица к наследству призываются его родственники, члены его рода, с которыми наследодатель связан союзом законного родства. При этом родство по крови, как основание призвания к наследованию по закону, в некоторых случаях ограничивается в интересах близких лиц, не связанных кровным происхождением с наследодателем – переживших супругов, усыновленных [4, с. 558].

Следует отметить, что признание семейным правом социального родства расширяет круг лиц, которые включаются в круг наследников по закону. В настоящее время такими лицами могут быть не только усыновленные дети, но и дети, рожденные с помощью репродуктивных технологий, с использованием чужого генетического материала [5, с. 21].

Однако практически во всех правовых системах в регулировании наследования по закону проявляется индивидуальное начало, в соответствии с которым к числу наследников относятся в первую очередь наиболее близкие к наследодателю родственники и члены его семьи. При этом в основе определения состава таких лиц лежат господствующие в конкретном обществе представления о семейных отношениях, поэтому перечень лиц, которые призываются к наследованию по закону, в законодательствах различных государств не всегда одинаков [6, с. 39].

Наследники, наследующие в силу закона, как правило, распределяются по группам (очередям, ветвям, разрядам, парантеллам и пр.), строящихся по иерархическому принципу. Принадлежность наследника к той или иной группе определяет для него не только саму возможность быть призванным к наследованию, но и объем его прав на наследство. Кроме того, повсеместно установилось правило, согласно которому наследники одной группы (очереди, разряда, класса и пр.), могут призываться к наследованию лишь при условии полного отсутствия лиц, отнесенных законом к более высокой по иерархии ступени.

В современном мире закрепляются две основные системы определения кровного родства наследодателя и наследников, сло-

жившиеся исторически: римская и германская. Римская система, как явствует из ее названия, восходит к классическому римскому праву, она основана на числе рождений, которые отделяют наследодателя и наследника. Это число обычно именуется степенью родства. При этом следует учитывать, что рождение самого наследодателя в это число не входит. Последовательность степеней образует линию. Линии могут быть прямыми и боковыми. Прямые линии объединяют лиц, происходящих друг от друга (нисходящие – от наследодателя к его потомкам или восходящие – от наследодателя к его предкам). Боковые линии объединяют лиц, которые имеют общего предка. Эта система принята во многих странах (Россия, Франция и др.). Вторая система – германская, которая при установлении наследников по закону принимает во внимание близость колена в линии родственников, происходящих от общего родоначальника. В соответствии с германской системой наследования по закону, например, правнук будет считаться принадлежащим к собственному колену наследодателя, племянник – к отцовскому, дядя – к дедовскому. Данная система применяется в Германии и Швейцарии [7, с. 590].

В законодательстве разных стран неодинаков круг лиц, которые являются законными наследниками.

Действующее российское законодательство распределяет наследников умершего по очередям. Следует отметить, что с принятием части третьей ГК РФ число таких очередей значительно увеличилось. В настоящее время кровные родственники наследодателя призываются к наследованию в следующем порядке: в первую очередь – дети, супруг и родители наследодателя (внуки наследодателя и их потомки – по праву представления); во вторую очередь – полнородные и неполнородные братья и сестры наследодателя, его дедушка и бабушка как со стороны отца, так и со стороны матери (племянники и племянницы наследодателя – по праву представления); в третью очередь – полнородные и неполнородные братья и сестры родителей наследодателя – его дяди и тети (двоюродные братья и сестры наследодателя – по праву представления); в четвертую очередь – родственники третьей степени родства – прадедушки и прабабушки наследодателя; в пятую очередь – родственники четвертой степени родства – дети родных племянников и племянниц наследодателя (двоюродные внуки и внучки) и родные братья и сестры его дедушек и бабушек (двоюродные дедушки и бабушки); в шестую очередь – родственники пятой степени родства – дети двоюродных внуков и внучек наследодателя (двоюродные правнуки и правнучки), дети его двоюродных братьев и сестер (двоюродные племянники и племянницы) и дети его двоюродных дедушек и бабушек (двоюродные дяди и тети). В седьмую очередь законодатель включил лиц, связанных с наследодателем отношениями не родства, а свойства [8, с. 68]. В нее входят пасынки, падчерицы, отчим и мачеха наследодателя. Данные лица являются родственниками супруга наследодателя. Особую группу наследников составляют нетрудоспособные иждивенцы наследодателя (ст. 1143-

1145, 1148 ГК РФ), которые при наличии условий, предусмотренных законом, могут составлять, по сути, самостоятельную восьмую очередь наследования.

В связи с этим в юридической литературе справедливо указывается на то, что такое расширение круга наследников по закону может привести к переходу наследства к таким далеким наследодателю родственникам, с которыми он при жизни не мог только не поддержать никаких отношений, но и о существовании которых он, вполне вероятно, даже не знал (т.е. к так называемым «смеющимся», или «веселящимся наследникам»). В таком случае не очевидно, что воля наследодателя могла быть направлена на посмертное облагодетельствование таких «наследников» [9, с. 65-66].

Следует отметить, что расширение круга наследников, связанных с наследодателем «родственным союзом» действительно настолько широк, что фактически может охватывать лиц, о которых наследодатель не знал, либо не считал их своей семьей. Однако получатся, что общее происхождение изначально объединяет наследодателя и наследника в одну семью. И, несмотря на фактическое ослабление родственных уз, законодатель считает необходимым придавать юридическое значение «общей крови».

Вместе с тем наличие «кровной связи» наследодателя и наследника не во всякое время и не во всех правопорядках рассматривалось как безусловное основание наследования, а правовое регулирование наследования по закону ближайших «кровных родственников» претерпело определенную эволюцию.

Что касается права наследования нисходящими, то оно, действительно, практически никогда и никем не оспаривалось. Считалось очевидным, что лишение родителей права передавать по наследству своим детям имущество лишило бы их уверенности в том, что результаты их трудов будут переданы тем, интересы которых составляют главную заботу их жизни. Несомненно, что дети могут быть обеспечены завещанием, однако завещание не всегда может быть совершено. Кроме того, отказ от закрепления наследственных прав детей наследодателя в силу прямого указания об этом в законе привел бы к всеобщей обязательности завещания, а это стало бы излишним формальным обременением граждан.

Однако отстранение детей наследодателя от законного наследования привело бы к исключению возможности получения содержания. Представляется, что это не только породило бы социальную напряженность в обществе, но и привело бы к увеличению социальных обязательств самого государства. Следует сказать, что в свое время некоторыми деятелями периода французской буржуазной революции высказывались идеи, что наследование ставит в неравное положение граждан и является причиной социальных бед и социальных неравенств. Высказывалось мнение если не об отрицании, то о необходимости ограничения наследственных прав нисходящих имуществом, необходимым для вступления их в самостоятельную жизнь

[10, с. 4]. К счастью, такое предложение не нашло одобрения. Одним из аргументов против данной позиции было, в частности, указание на затруднения в практической реализации таких ограничений. Здесь следует признать, что подобное правило существенно запутало бы государство в решении вопроса об определении состава и размера имущества, необходимого для самостоятельной жизни, вызвало бы всеобщее раздражение и, как следствие, спровоцировало бы на поиск обходных путей.

Не так очевидны наследственные права восходящих членов семьи – родителей наследодателя. Несмотря на то, что обычно родители меньше зависят от детей, вопрос о наследовании родителей практически во всех правопорядках решается положительно. И это вполне обоснованно. Родители в свое время заботились о детях, обязаны были их содержать, в связи с этим они вправе требовать поддержки от своих детей. В настоящее время родители признаются безусловными родственниками и включаются в первую очередь наследников вне зависимости от своей трудоспособности.

Следует признать, что в настоящее время род, как особый союз, утратил некоторые обязанности по отношению к своим членам, уступив место государству. Безграничное право наследования боковыми родственниками, основанное только на общности крови, теряет какую бы то ни было принципиальную основу. Родственники более далеких степеней часто при жизни не состоят между собой ни в каких отношениях, а иногда даже не знают друг друга, вследствие чего получение наследства становится для них приятным сюрпризом. В литературе таких наследников еще называют «радостные наследники», «веселые наследники» [11, с. 20]. Однако как бы ни была дифференцирована в настоящее время семья, необходимо исходить хотя бы из предположения, что между ближайшими родственниками существует жизненная связь, и они являются поддержкой друг для друга. В частности, такой подход проявляется во включении родственников в круг обязательных наследников. Например, по российскому праву, обязательными наследниками считаются родственники наследодателя, находящиеся на его иждивении не менее одного года до его смерти. При этом родственная связь и состояние иждивения являются достаточными фактами, позволяющими определить таких лиц как близких к наследодателю, которым он оказывал поддержку, поскольку считал своей семьей. Представляется, что такой же подход применяется к детям и родителям наследодателя, которые считаются его семьей, несмотря на то, что могут фактически и не проживать с ним.

Список литературы:

1. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) // СПС «Консультант Плюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

3. Мельникова, М.П. К вопросу о значении и понятии «родственного союза» в наследственном праве / М.П. Мельникова // Ученые записки кафедры гражданского права и процесса СГУ. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – С. 169-174.

4. Синайский В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский. – М.: Статут, 2002. – 759 с.

5. Макаренко, Г.Н. Применение вспомогательных репродуктивных технологий: проблемы правового регулирования / Г.Н. Макаренко // Медицинское право. – 2007. – № 4. – С. 20-24.

6. Абраменков, М.С. Правовое регулирование наследования по закону в России и за рубежом: сравнительный анализ / М.С. Абраменков // Наследственное право. – 2008. – № 3. – С. 35-47.

7. Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник. В 2-х т. Т. II / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. – М.: Международные отношения, 2008. – 867 с.

8. Желонкин, С.С. Наследственное право: учебное пособие / С.С. Желонкин, Д.И. Ивашин. – М.: Юстицинформ, 2014. – 378 с.

9. Белов, В.А. Круг наследников по закону / В.А. Белов // Вестник МГУ. – Серия 11 Право. – 2002. – № 1. – С. 64-68.

10. Рыженков, А.Я. О теоретико-философских основаниях российского наследственного права / А.Я. Рыженков // Наследственное право. – 2019. – № 2. – С. 3-6.

11. Смышляева, О.В. Нравственно-правовые основы наследования в контексте брачно-семейных отношений в России: теория и практика применения / О.В. Смышляева // Наследственное право. – 2018. – № 4. – С. 18-23.

ПРОХОРОВА Марина Юрьевна,
кандидат юридических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры теории и истории государства и права; marina-aqva@mail.ru

ПОИСКИ ОПТИМАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ПРОЕКТЫ Я.А. КОМЕНСКОГО, В.Ф. МАЛИНОВСКОГО

В статье рассмотрены проекты оптимальных организационных форм или моделей международных организаций по установлению и поддержанию мира, разработанные Я.А. Коменским и В.Ф. Малиновским.

Ключевые слова: *проекты, международные организации, установление и поддержание мира, источники международного права.*

Общеизвестно, что множественность правовых культур в современном мире порождает и многообразие подходов к изучению понятийного аппарата юридической науки. Это заставляет исследователей постоянно находиться в творческом поиске, переосмыслять достижения и открытия правовой науки и правовой реальности [1, с. 4]. Однако это единственно возможный путь изучения исторического опыта «создания права в широком его социальном назначении и модификациях права… публичного и международного» [2, с. XIII].

Сфера научных интересов автора находится изучение проектов международных организаций по установлению и поддержанию мира. Данная тема находится на стыке нескольких юридических наук (теории и истории государства и права и международного права). Объектом изучения здесь является история идейно-теоретических конструкций – проектов (моделей) международных организаций сформулированных мыслителями в различные исторические эпохи.

Современный специалист по истории международного права О.В. Буткевич указывает на необходимость исследований по вопросам, связанным с историей возникновения оптимальных организационных форм международного сотрудничества. По нашему мнению, для решения данной проблемы необходимо всесторонне изучить причины, вызвавшие появление той или иной организационной формы международного сотрудничества. Для этого необходимо обратиться к научным взглядам выдающихся мыслителей прошлых лет на проблему возникновения конфликтов между государствами и на пути решения этих конфликтов [3, с. 113].

Как показывает анализ научной литературы, воззрения мыслителей на проблему «должного» мирного сосуществования длительное время именовались проекты к вечному миру [4]. По нашему мнению, данные произведения следует отнести к источникам права, прежде всего международного. Авторы проектов или моделей в первых разделах трактатов анализируют причины, обуславливающие возникновения правил «должного поведения» между государствами. Эти правила вытекали из природы человека, его стремления к самосохранению, не только отдельной человеческой жизни, но и социума в целом. На этих принципах строится «объективный порядок» межгосударственных отношений, при котором мир есть должное условие развития отношений между государствами. Конкретное содержание норм, которые должны регулировать отношения между государствами, во многом опережали господствующую на момент создания проекта идеологию. То есть индивидуальное правосознание существенно отличалось от общественного сознания. Например, проект короля Иржи из Подебрат «Договор об установлении мира в мире христианском» – это региональная модель международной организации по установлению и поддержанию мира. Данный документ был создан с позиций юридического мировоззрения, хотя на момент его создания господствующим было теологическое мировоззрение [4, с. 93-101].

Аналогичной позиции следует придерживаться и при рассмотрении проекта Яна Асмоса Коменского (1592-1670). Его трактат «Всеобщий совет об исправлении человеческих дел» является, в том числе, проектом юридического документа. Ведь к проблемам войны и мира чешский педагог обращается в различных в главах работы (5, 6, 8, 13, 17, 24) [1, с. 66-80]. По своей сути это философско-публицистическое произведение, сочетающее религиозное и юридическое мировоззрение. Основная идея произведения – исправление человеческой природы, а затем – и человеческого мира [4, с. 66].

Отношения как внутри государства, так и между государствами, по мнению Коменского, должны основываться на терпимости, так как «лучше действовать сообща, мирными средствами, не насильственно». Ибо, «кто принуждает, тот ожесточает, уязвляет и отталкивает от себя» [4, с. 70]. Далее мыслитель дает совет правителям перестать искать право на оружие, ибо им «не пристало иметь никакого оружия, кроме закона справедливости. Расходясь во взглядах можно обойтись без ненависти и …чувства вражды» [4, с. 71]. Все расхождения во взглядах поддаются устранению. Современные ему политики должны искать мира со всеми людьми, чтобы ни от кого не чинилось ущерба. Средство, способное решить эту задачу – система справедливых норм или правил, которые служат каждому человеку в отдельности и всем людям в целом [4, с. 72]. Иными словами, по Коменскому, принцип справедливости – важнейший элемент права. Данная концепция получила широкое распространение в современной теоретико-правовой науке.

Далее мыслитель формулирует задачи политики: «необходимо направить все усилия, чтобы удержать в согласии враждебное могущество людей, так чтобы их взаимные стремления и действия, не вступали в противоречия, и чтобы каждый покойно делал своё дело, тем самым внося свой вклад в умножение общего блага» [4, с. 73]. Иными словами, Коменский стоял у истоков концепции государства «Общего блага».

Основой политики должна стать веротерпимость, в современной интерпретации – толерантность. Только рука об руку философия и религия способны устранить все возможные недостатки в человеке и в окружающем его мире, а затем укрепить в сознании людей веру в неизбежность полного и подлинного мира. Поэтому следует устранить анархию, деспотизм, тиранию, то есть все то, что приводит к насилию, казням и войнам [4, с. 73]. В этом процессе участвуют все и каждый, так как все сказанное выше способствуют благу рода человеческого. Однако для поддержания общего блага необходимо создать определённую структуру или организацию. У чешского мыслителя это «Совет просвещенных мужей», члены которого посветят себя сохранению установившегося мира и всеобщего покоя во всех сферах жизни [4, с. 75].

Совет – это организация, которая не знает границ, не подчиняется какому-либо правительству. Совет – наднациональная и много-

конфессиональная структура. Его основная компетенция – поддержание мира и благоденствия на земле. Важнейшим условием существования нового мирового порядка является добровольное исполнение всеми членами сообщества своих обязанностей в части поддержания мира.

Для разрешения споров предлагается создать «Трехглавый третейский собор». Компетенция «Собора» – разбирательство всех споров, которые могут возникнуть между просветителями, священнослужителями, светскими владыками. Само существование такого «Собора» должно стать гарантией недопущения разлада и распрей между сторонами, участниками проекта. По нашему мнению, «Собор» задумывался автором как гарант мира и согласия. Однако мыслитель допускает и возможность различных вариантов названий указанной выше структуры. «Собор» делится на три части – трибуналы. Каждая часть рассматривает споры, исходя из компетенции или подсудности. Рассмотрение споров в сфере политики возлагается на «Трибунал политиков» или «Судебную палату».

Для Коменского – педагога образование, учеба, вера есть гарантия мира, а проповедь войны – преступление. Преступлением, по мнению мыслителя, являются и подготовка к войне, и даже факт наличия оружия [4, с. 76].

Членами международной организации по установлению и поддержанию мира Коменский видит лучших представителей всего мирового сообщества, так как и его модель международной организации открыта для всех государств и народов. Духовное единство и единение народов достигается посредствам обмена мнениями [4, с. 76].

Мир, по Коменскому, это когда все споры решаются только в суде. Мыслитель называет суд универсальной формой решения споров, способной беспристрастно, без гнева и без оружия решить любой вопрос. В этой части работы мыслитель стоит на позициях зарождающегося юридического мировоззрения.

По нашему мнению, предложенная Яном Асмусом Коменским модель мирового устройства может быть охарактеризована как международная организация, состоящая из представителей всех существовавших на момент создания документа государств. Ни форма правления, ни вероисповедание не являются основанием для отказа на вступление в эту структуру. Главное условие, которое выдвинул мыслитель – это стремление к миру и благоденствию для всех народов, уничтожение оружия и признание войны преступлением перед человечеством. Следуя традиции, заложенной авторами Делоссого союза, все участники «Всеобщего совета…» являются полноправными и равноправными членами данной организации.

Существенный вклад в разработку проблемы поиска мирного разрешения международных конфликтов, в изучения социологии войны и мира внес Василий Федорович Малиновский (1765-1814).

Идейно-теоретическими источниками тракта «Рассуждения о мире и войне» [6], по нашему мнению, являются «Записки Максими-

льена Бетюна, герцога де Сюлли, первого министра Генриха IV» [7], «Мир Европы не может иначе восстановиться, как по продолжительном перемирии или Проект всеобщего замирения сопряженного купно с отложением на двадцать лет между всеми политическими державами» А. Гудара [8].

В данной статье автор проанализирует идеи Малиновского, сформулированные в третьей части работы. Основные положения первой и второй части были рассмотрены автором [10].

Как и чешский мыслитель, Малиновский ставит во главу угла человека. Именно для него создается мир. Сумма индивидов есть народ, без которого не может быть гражданского общества. Как отдельный человек, так и народ в целом имеют определенные права. Эти права универсальны для всех без исключения народов [9, с. 101]. Такой поход питается идеями эпохи Реформации-Возрождения и характерен для мыслителей эпохи Просвещения. Каждый народ в отдельности устанавливает для себя правила поведения, следуя велениям природы.

Война есть нарушение эти правил [9, с. 102]. В ходе войн создаются «пространственные владения самовластия» [9, с. 102] или империи, которые ущемляют права завоеванных народов. Угнетение и беззаконие правит на этих землях [9, с. 102]. Войны, рассуждает далее Малиновский, приведут к гибели империй и к установлению в Европе республиканской формы правления [9, с. 102]. Эти слова мыслителя оказались пророческими.

Далее Василий Федорович обращает внимание, что ряд европейских народов не имеют своей государственности. Среди них болгары, сербы, венгры, чехи, греки, молдаване, итальянцы, поляки. Как известно, они потеряли свою государственность в ходе захватнических войн. Поэтому Малиновский предлагает правителям империй отказаться от «иноязычных подданных» и вернуть покоренным народам их национальную государственность. Войны и порабощение других народов закономерно приведет к потере собственной свободы [9, с. 104].

Строительство новой Европы, согласно воззрениям Малиновского, должно учитывать «особенные языки, составляющие ее жителей» [9, с. 104]. Иными словами, язык и народ – носитель языка, а не территория есть основа строительства государственности. В интерпретации Малиновского, государство – это общность народов, говорящих на одном языке. Ареол распространения языка есть основополагающий признак государственности. Следовательно, государственные границы следует проложить там, где заканчивается использование одного языка и начинается использование другого [9, с. 105].

Далее мыслитель критикует имперские амбиции ряда королевских династий – завоевание других народов нарушает права народов. Согласно его воззрениям, все народы равны и равновелики независимо от их численности. Каждый народ должен управляться своим национальным правительством, которое говорит на языке понятным

всем и каждому. Только тогда народ «будет сильным и хорошо управляемым» [9, с. 105]. Здесь в самом общем виде сформулирован принцип народного суверенитета. Например, именно народам предлагается выбирать для себя наилучшую форму правления. Общественная форма правления является предпочтительнее для мыслителя [9, с. 106]. Однако Василий Федорович не дает развернутого определения выбранной им модели правления. По нашему мнению, это может быть как республика, так и парламентская (конституционная) монархия. Лица, участвующие в управлении, рассуждает далее мыслитель, должны нести ответственность перед народом за свои действия и добросовестно выполнять возложенные на них обязанности [9, с. 106]. Таковы основные характеристики общественной формы правления.

Все сказанное мыслителем выше должно служить замыслам, направленным на установление общего мира. Мир – это не только отсутствие войны, мир – это «благоустройство областей, отдельных семей», всех и каждого. Мир это право на обучение, право на исповедование своей религии.

Однако, по мнению Малиновского, именно Христианская вера способна объединить народы Европы [9, с. 107]. В этой части проекта воззрения В.Ф. Малиновского во многом повторяют взгляды Я.А. Коменского.

Затем мыслитель говорит о необходимости создания общего для всех народов права, способного учитывать общие для всех ценности. Как нам представляется, здесь речь идет о международном праве. Принципам этого мыслитель предлагает следовать всем и каждому: не давать воли своим страстям, не строить свое благополучие на несчастье других, не убивать, не трогать чужого и т.д. Эти принципы должны распространяться и на международную жизнь [9, с. 108].

Народам, по мнению Малиновского, необходимо придерживаться четких правил или норм в отношениях. Например, границы устанавливаются на основании договоров между государствами, соблюдение общей пользы и общей безопасности – право и обязанность государств, как и оказание взаимопомощи в случае нарушения общих прав [9, с. 108].

В заключительной части трактата В.Ф. Малиновский предлагает создать международную организацию по установлению и поддержанию мира в Европе или учредить «общее собрание» [9, с. 109]. Данная структура не заменяет национальные правительства, не лишает государства их суверенитета. Ее основная задача – рассмотрение спорных вопросов, доведение до сведения всех государств о наличии конфликта между участниками организации, выработка совместными усилиями решений, способных предотвратить военный конфликт. В «Общем собрании» народы направляют свои представителей или доверенных лиц. «Собрание» не только совещательный, но и судебный орган, обязанный информировать народы о своих решениях [9, с. 109]. Однако главная его компетенция, по мнению Малиновского,

предотвращение войны – явления, по своей сути, противного природе человека. И в этой части проект В.Ф. Малиновского имеет сходство с проектом Я.А. Коменского.

В заключение работы хотелось бы обратить внимание на следующие особенности проектов Я.А. Коменского и В.Ф. Малиновского. Трактат Я.А. Коменского, несмотря на ряд утопических положений, представляет собой законченный вариант оптимальной организационной формы международного сотрудничества. Данный проект можно рассматривать как источник права в идеальном смысле. Структура организации, ее компетенция прописаны более четко, чем в труде В.Ф. Малиновского. Наш соотечественник уделил больше внимание вопросам социологии войны и мира.

Список литературы:

1. История и методология юридической науки. / под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Чеснова. – СПб.: СПб ИВЭСЭП, 2014. – 564 с.

2. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства / В.Г. Графский. – М.: Норма, 2008. – 752 с.

3. Буткевич, О.В. У истоков международного права / О.В. Буткевич. – СПб: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 879 с.

4. Трактаты о вечном мире. – М.:Соцэкгиз, 1963. – 279 с.

5. The Universal Peace Organisation of King George of Bohemia a XV century. Plan for World Peace 1462-1464.Prague: CSAN,1964.-120P (Договор об установлении мира в мире христианском / пер. Л.П. Можанской и Е.В. Тарабрина. – 124 с.

6. Малиновский, В.Ф. Избранные общественно-политические сочинения / В.Ф. Малиновский. – М.: АН СССР, 1958. – 170 с.

7. Сюлли, М. Записки Максимильена Бетюна, герцога де Сюлли, первого министра Генриха IV. В 10 томах. Т. 10 (1776) / М. Сюлли; пер. с фран. М.Веревкина. – М.: Типография Моск. Императорского Ун-та, 1770-1776. – 494 с.

8. Гудар, А. Мир Европы не может иначе восстановиться, как только по продолжительном перемирию, или Проект всеобщего замирения, сопряженного купно со отложением оружий на двадцать лет между всеми политическими державами. // А. Гудар; пер. с французского языка Р.М.Цебрикова. – СПб.: Печ. у Вильковскаго, 1789. – 185 с.

9. Малиновский, В.Ф. Трактат о мире и войне / В.Ф. Малиновский // Коммунист. – 1991. – № 3. – С.100-109.

10. Прохорова, М.Ю. Поиски оптимальных организационных форм международного сотрудничества. Проекты Василия Федоровича Малиновского и Анжи Гудара / М.Ю. Прохорова // Вестник СПб ГУ (Серия Право). – 2017. – № 2. – С.136-149.

РЕМЧУК Дмитрий Олегович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; dremchuk@mail.ru

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ДО ПРИЗНАНИЯ ДОЛЖНИКА БАНКРОТОМ

В статье исследуются особенности оспаривания сделок, заключенных до признания должника банкротом, анализируются отдельные особенности института оспаривания сделок, заключенных до признания банкротом в зарубежных странах.

Ключевые слова: *оспаривание сделок, признание банкротом, должник, кредитор, сомнительные сделки, подозрительные сделки.*

Возможность оспаривания сделок, совершенных должником или от его имени до признания его банкротом, – одна из важнейших и сложных проблем конкурсного производства, поскольку, во-первых, встает вопрос о признании недействительной сделки, совершенной вполне законно, во-вторых, нельзя не учитывать, что при этом затрагиваются интересы не только несостоятельного должника и его кредиторов, но и контрагентов должника [1, с. 17].

С одной стороны, требования кредиторов о признании недействительными всех сделок должника, совершенных им в период фактической несостоятельности, предшествующей формальному объявлению ее судом, обоснованы, так как исполнение этих сделок причиняют кредиторам реальный ущерб. С другой стороны, встает вопрос защиты интересов третьих лиц, которые, заключая сделки с несостоятельным должником, действовали правомерно, но по объективным причинам не знали и не могли знать финансового положения дел должника.

Требования контрагентов о сохранении в силе заключенных добросовестно сделок представляются обоснованными как с юридической, так и с экономической точки зрения, – считает М.В. Телюкина, – поскольку признание их недействительными противоречило бы сути гражданского права, подрывало бы устойчивость гражданского оборота, так как прямым последствием установления возможности признания недействительными всех сделок должника были бы вполне объяснимые опасения контрагентов при заключении сделок, влекущих за собой излишние и неэффективные затраты на проверку финансового положения потенциальных контрагентов [2, с. 22].

Именно поэтому развитая система опровержения действий должника дает возможность опровергать некоторые сделки, совершенные несостоятельным должником до открытия конкурсного процесса. Право опровержения предполагает, что конкурсные кредиторы не в состоянии получить полное удовлетворение из наличного имущества должника. Оно представляет собой требование, обращенное к третьему лицу, о возвращении в конкурсную массу имущества, кото-

рое это лицо получило от должника по сделке, совершенной перед объявлением несостоятельности.

Неоспоримым является тот факт, что законодательства различных правовых систем при решении вопроса о праве кредитора опровергать сделки должника решающее значение придавали и придают нескольким моментам, которые и служат основанием для оспаривания сделок должника – наличие умысла должника причинить вред кредиторам, причинение вреда кредитору, а также время совершения сделки.

Особо показательным является разрешение рассматриваемого вопроса Законом Швеции от 11 июля 1986 г. № 1987:672 «О конкурсном производстве» [3] (далее – Конкурсный закон). Законодатель признает ряд сделок несостоятельного должника опровержимыми со стороны конкурсного управления, потому что в громадном большинстве случаев они скрывали в себе злое намерение должника причинить ущерб кредиторам. К ним относятся безвозмездные отчуждения, каковыми являются досрочные платежи и некоторые другие акты, совершенные незадолго до несостоятельности. Когда имущество уже было расстроено, они ничего иного, кроме злонамеренности (злого умысла), и не могут доказывать. Законодатель подобные сделки уничтожает, не давая даже возможности опровергать злое намерение (умысел). Юридическим основанием опровержения таких сделок является воля законодателя.

В Конкурсном законе предусмотрены два исключения в отношении лишения должника прав управления и распоряжения имуществом:

1. Если кто-либо вступил с должником в правоотношения не позднее одного дня после опубликования решения суда в установленных законом газетах, это правоотношение будет считаться имеющим юридическую силу, если только не возникнут обстоятельства, свидетельствующие о том, что контрагент должника имел пороки воли относительно несостоятельности должника. Если же правоотношение касается передачи имущества или иного распоряжения, то управляющий конкурсной массой должен истребовать его обратно на том основании, чтобы не было неосновательно долгого перерыва после совершения сделки. Из конкурсной массы затем возмещаются управляющему средства, которые он затратил на возврат имущества.

2. Некоторые сделки, в которые должник вступил позднее одного дня после опубликования решения суда, также могут иметь юридическую силу. Это касается прежде всего случаев, когда кто-либо выкупил у должника обязательства, а последний ненадлежащим образом принял деньги, которые должны были войти в конкурсную массу. Тот, кто выкупил в обязательство, сохраняет права на него, если из обстоятельства не следует, что имели место пороки воли.

Важное место в шведском конкурсном праве занимают нормы, регулирующие опротестование сделок, совершенных должником незадолго до открытия конкурсного производства. Иск об опротестова-

нии и возвращении переданного по такой сделке имущества может предъявляться как конкурсным управляющим, так и одним из кредиторов. Обоснованием такого обжалования служит утверждение, что подобная сделка всегда совершается к невыгоде всех кредиторов или хотя бы одного из них.

Не случайно целая глава Конкурсного закона отведена правилам об опротестовании упомянутого рода сделок. По мнению шведского законодателя, эти сделки наиболее тесно связаны с уголовно наказуемыми «преступлениями против кредиторов», так как создают благоприятные предпосылки для их совершения.

Опротестование «подозрительных» сделок имеет двойную функцию. С одной стороны, оно призвано воспрепятствовать несостоятельному должнику распоряжаться своим имуществом во вред кредиторам, т.е. уменьшить их возможность использовать это имущество для удовлетворения своих требований. С другой стороны, эти нормы выполняют превентивную функцию, так как осознание того, что существуют широкие возможности для опротестования «подозрительных» сделок, удерживает несостоятельных должников от попыток недобросовестного или преступного пути освобождения от долгов [1, с. 261].

Эффективность института опротестования сомнительных сделок заключается, по мнению специалистов, именно в расширении круга сделок, к которым несостоятельный должник потенциально может прибегнуть для избежания негативных последствий несостоятельности. К числу опротестуемых сделок должника относятся следующие:

1. Сделки, посредством которых созданы более благоприятные условия для одного из кредиторов; имущество должника сокрыто от кредиторов; должник увеличил свои долги.

Однако чтобы такое юридически значимое действие могло быть опротестовано, необходим ряд субъективных предпосылок: сделка должна быть «ненадлежащая»; должник должен был стать неплатежеспособным или в результате махинации, или в связи с каким-либо иным обстоятельством; контрагент должен был знать о недобросовестности или неплатежеспособности должника.

Сложность данной нормы объясняется тем, что в случае опротестования такого рода сделок должник должен быть привлечен к уголовной ответственности.

2. Дарение или иная сделка, имеющая характер дарения, причем не обязательно, чтобы должник был или стал посредством дарения неплатежеспособным. Акт дарения должен быть совершен в течение шести месяцев до наступления срока исковой давности, который начинается с того дня, когда суд получил ходатайство об объявлении должника несостоятельным.

3. Отказ от своей доли в семейном имуществе в пользу супруга или в пользу имущества, оставшегося после смерти супруга. Опротестование возможно, если должник отказался от значительной части

своего имущества притом, что конкурсное требование пало на его долю в семейном имуществе. Опротестование такого отказа допускается в трехлетний срок до начала течения срока исковой давности.

4. Выплата заработной платы, вознаграждения или пенсии в объеме, значительно превышающем трудовой вклад. Срок исковой давности – шесть месяцев.

Закон предусматривает еще ряд действий должника, которые могут быть опротестованы. Особое внимание уделяется сделкам должника с родственниками или друзьями. Для сделок с ними установлены увеличенные сроки исковой давности. Кроме того, относительно таких лиц действует презумпция недобросовестности, т.е. считается, что при подобного рода «подозрительных» сделках они знали либо о неплатежеспособности должника, либо об обстоятельствах, которые делали сделку сомнительной.

Анализ положений шведского законодательства об опротестовании сделок, совершенных до признания должника банкротом, позволяет сделать вывод, что в отличие от российского законодательства институт признания недействительными сделок, совершенных до признания должника банкротом, проработан достаточно четко, что, безусловно, способствует соблюдению прав и законных интересов как контрагентов сделки, так и кредиторов должника, признанного несостоятельным. Особый интерес представляют проработка вопросов признания недействительными так называемых «подозрительных» сделок. Считаем, что некоторые законоположения Конкурсного закона Швеции могут быть восприняты российским законодателем, безусловно, с учетом особенностей отечественного правового пространства.

Список литературы:

1. Марков, П.А. Предъявление внешним управляющим требования о признании сделки недействительной / П.А. Марков // Предпринимательское право. – 2007. – № 3. – С. 15-19.

2. Телюкина, М.В. Система подозрительных сделок при банкротстве должника в России и Казахстане / М.В. Телюкина // Гражданское право. – 2014. – № 6. – С. 20-24.

3. Зарубежное законодательство на русском языке // URL: http://www.worldbiz.ru/base/22251.php (дата обращения: 09.10.2019).

4. Основные институты гражданского права зарубежных стран: Сравнительно-правовое исследование / рук. авт. колл. – д.ю.н. В.В. Залесский. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – 648 с.

САВИНА Виталина Валерьевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; savina.vitalina.1995@mail.ru

ВОЗМЕЩЕНИЕ ОТВЕТЧИКОВ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЕННЫХ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ИСКА

Статья посвящена проблеме применения ст. 146 ГПК РФ в свете возмещения ответчику убытков, причиненных обеспечением иска.

Ключевые слова: *обеспечение иска, защита прав ответчика, обеспечительные меры, убытки, возмещение, гражданское судопроизводство, доказательства, обжалование акта, обоснованность, принцип диспозитивности, эффективность судопроизводства.*

После возбуждения гражданского дела по заявлению истца или по своей инициативе суд может принять все предусмотренные законом меры, которые впоследствии позволили бы надлежащим образом исполнить решение. Защита права есть не что иное, как его реальное, в необходимых случаях принудительное осуществление; и именно применение со стороны суда мер по обеспечению иска служит тому гарантией.

Необходимость применения мер по обеспечению иска обосновывается возможным недобросовестным поведением должника, которое может выразиться в отчуждении им спорного имущества, обесценивании его в результате пользования или ненадлежащего обращения с вещью, ее сокрытии. Данный вопрос наиболее актуален в настоящее время, поскольку сложившиеся экономические отношения не содержат механизмов, позволяющих предотвратить совершение подобных действий.

Применение мер по обеспечению иска в любом случае влечет за собой последствия неблагоприятные для ответчика, которые выражаются в ограничении его прав по распоряжению имуществом, что нередко влечет за собой причинение значительного ущерба. При этом в условиях развития рыночной экономики, конкуренции право на обеспечения иска намеренно используется в целях причинения убытков ответчику.

Поэтому, защищая права и законные интересы истца, институт обеспечения иска в равной степени должен содержать гарантии, защищающие ответчика от неблагоприятных последствий применения мер по обеспечению иска, а также от возможного недобросовестного поведения истца при реализации предоставленных ему процессуальных прав.

Правовая природа обеспечения иска определяется правовой природой самого иска. Однако обеспечение иска может рассматриваться как процессуальное средство защиты. Обращаясь в суд с требованием об обеспечении иска, истец просит обеспечить свое матери-

ально-правовое требование к ответчику, реализация которого без принятия мер по обеспечению может оказаться невозможной. Однако следует учитывать, что право на применение мер по обеспечению иска возникает у суда с момента принятия искового заявления, когда еще судом не разрешен вопрос о наличии у истца права на иск, то есть право принудительного осуществления субъективного гражданского права [12, с. 217].

Под обеспечением иска понимается система норм, которые предоставляют суду возможность в установленных законом случаях принимать направленные на исполнение имущественных или иных требований истца к ответчику меры. Принятое в интересах истца обеспечение иска в ряде случаев может причинить интересам ответчика необоснованный вред.

Обеспечение иска, согласно смыслу ст. 139 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), также может приниматься в интересах ответчика и заявляющего самостоятельное требование относительно предмета спора третьего лица, которые также выступают «в роли истцов» [4]. Под защитой прав ответчика при принятии мер по обеспечению иска в рамках данной статьи целесообразно принимать совокупность мер, которые регулируются гражданским процессуальным законом и направлены на охрану прав и законных интересов лица, в отношении которого эти меры принимаются.

Суд должен разрешать спор, согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, в соответствии с принципами равноправия сторон и состязательности [2]. Европейским судом по правам человека сформулирована определенная правовая позиция, согласно которой в характеризующихся столкновением противоположных частных интересов судебных процессах под равноправием сторон понимается наличие разумной возможности у каждой стороны для предоставления своего дела в таких условиях, в которых ни у одной стороны нет явного преимущества и неблагоприятного положения по отношению к противоположной стороне [1].

В случае если ответчику предъявляются необоснованные требования об обеспечении иска, которые ставят его в неблагоприятное положение по сравнению с истцом, он, даже будучи уверенным в благоприятном для себя исходе, будет вынужден отказаться от продолжения судебного разбирательства.

Таким образом, возможности для реализации права на судебную защиту у ответчика и истца должны быть равные. Соответственно, возможность защиты прав ответчика при применении в интересах истца мер по обеспечению иска также должна гарантироваться законом.

В связи с этим в судопроизводстве различных стран при принятии мер по обеспечению иска применяются направленные на защиту прав ответчика меры. Защита прав ответчика при принятии мер обеспечения иска в Российской Федерации осуществляется в соответствии с нормами ГПК РФ [4] в гражданском процессе и в соответствии с

Арбитражным процессуальным кодексом РФ[3] – в арбитражном процессе.

В российском гражданском процессе значимым способом защиты прав ответчика выступает обжалование судебного акта об обеспечении иска. Определение об обеспечении иска может быть обжаловано исключительно с помощью частной жалобы. Так, ст. 145 ГПК РФ закрепляет за ответчиком возможность подать в суды апелляционной или кассационной инстанций частную жалобу на определения суда об обеспечении иска в течение 10 дней со дня их вынесения. При этом подача частной жалобы осуществляется в соответствии с предусмотренными ст. 332-335 и 372-375 ГПК РФ правилами, кроме указанных в ч. 2 ст. 145 ГПК РФ случаев. Данная статья предусматривает исчисление сроков обжалования определений по вопросам обеспечения иска с того дня, когда обладающее правом обжалования лицо было ознакомлено с текстом обжалуемого определения.

Помимо вышеописанного обжалования для российского процессуального права характерно применение других способов защиты прав лица, против которого было направлено заявление о принятии мер по обеспечению иска. Так, обеспечение иска, согласно ст. 144 ГПК РФ, может быть отменено тем же судом (судьей) по инициативе суда или по заявлению ответчика. Первой частью ст. 143 ГПК РФ предусматривается возможность замены одних мер по обеспечению иска другими по заявлению ответчика.

Часть 2 ст. 143 ГПК РФ предусматривает еще один способ защиты интересов ответчика, в качестве которого выступает предоставление ответчику права внести истребуемую сумму на счет суда взамен меры по обеспечению иска, принятых судом.

Следует отметить наличие риска причинения ответчику убытков практически во всех случаях. Это связано с возможной необоснованностью иска и мер обеспечения, обусловленной принятием судом мер по обеспечению иска еще до рассмотрения дела по существу. В соответствии с положениями ст. 146 ГПК РФ ответчик имеет право предъявить к истцу требование о возмещении причиненных ему обеспечением иска убытков после вступления в силу решения, которым в иске отказано. Отечественная судебная практика в случаях частичного удовлетворения иска, при рассмотрении которого были приняты меры по обеспечению, справедливо основывается на праве ответчика взыскать причиненные ему такими мерами убытки, соответствующие сумме той части иска, в удовлетворении которой было отказано [6, с. 7].

Гражданско-процессуальный кодекс РФ (ст. 146) позволяет лишь взыскать с истца причиненные принятием мер по обеспечению иска убытки. Вместе с тем принятие указанных мер, согласно ст. 139 ГПК РФ, возможно по инициативе и других участвующих в деле лиц, а не только истца. Соответственно, в том случае, если эти меры принимаются по инициативе, например, прокурора или какого-либо другого лица, которое предъявило иск в защиту интересов другого лица

от своего имени (на основании ст. 146 ГПК ПФ), окажутся ограниченными возможности ответчика взыскать причиненные ему мерами по обеспечению иска убытки [5, с. 213].

Для обеспечения баланса взаимных процессуальных обязанностей и прав ответчика и истца судом без согласия истца (его законного представителя) не должны приниматься меры к обеспечению иска в случаях ходатайства об обеспечении иска прокурором. Представляется целесообразным применение аналогичного правила и в тех случаях, когда заявление о принятии мер по обеспечению иска поступает в суд от лиц, которые обращаются в суд, в соответствии со ст. 46 ГПК РФ с целью защиты прав, свобод и законных интересов других лиц.

Таким образом, представляется необходимым распространить действие ст. 146 ГПК РФ на те случаи, когда меры по обеспечению иска суд не может допустить при отсутствии подтверждения ходатайства о принятии мер по обеспечению иска волеизъявлением истца. Следовательно, в случае отказа истцу в удовлетворении иска ответчик имеет право взыскать с истца причиненные мерами по обеспечению иска убытки не только в случае принятия этих мер по его просьбе, но и в случае их принятия по просьбе прокурора, а также лиц, которые обратились в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц.

Гражданско-процессуальный кодекс РФ (ст. 146) наделяет ответчика правом предъявления иска о возмещении причиненных ему мерами по обеспечению иска убытков лишь по отношению к истцу, предъявившего ходатайство о принятии таких мер. В связи с этим вопрос о возмещении убытков, которые ответчик понес в результате принятия мер по обеспечению иска по ходатайству заявляющего самостоятельное требование относительно предмета спора лица остается нерешенным. Поэтому представляется необходимым восполнить данный пробел посредством внесения изменений в ст. 146 ГПК РФ, предусматривающих закрепление за ответчиком права на предъявление требования о возмещении причиненных ему мерами по обеспечению иска убытков в отношении заявляющего самостоятельное требование относительно предмета спора третьего лица, по просьбе которого были приняты такие меры.

Кроме того, российский гражданский процесс предусматривает ряд других способов защиты прав ответчика при принятии мер по обеспечению иска. Так, суд, руководствуясь положениями ст. 146 ГПК РФ, может потребовать от истца предоставления обеспечения возможных для ответчика убытков, состоящее во внесении на депозитный счет суда денежных средств, обеспечивающих возмещение убытков должника, причиненных принятием мер по обеспечению иска.

Обеспечительные меры представляют собой одно из главных средств защиты прав истца, обеспечивающее реальность исполнения будущего судебного решения. Вместе с тем необходимо учитывать, что исход дела еще не предрешен в тот момент, когда применяются

обеспечительные меры. В связи с этим представляется целесообразным предоставления ответчику права на более надежную защиту своих интересов.

В частности, можно предположить, что баланс интересов сторон спора обеспечила бы имплементация в отечественный гражданский процесс применяемого в ряде европейских стран такого способа защиты прав ответчика при принятии мер по обеспечению иска, как наделение его правом подачи защитного документа до предъявления заявления об обеспечении иска.

Предполагается, что реализация данной меры способствовала бы существенному снижению риска принятия против ответчика необоснованных мер по обеспечению иска. Этому способствовало бы то, что ответчик мог бы аргументировано изложить суду свою позицию в защитном документе, а также подкрепить ее доказательствами при необходимости. Кроме того, реализация указанной меры наделяет истца (заявителя) представить суду аргументированные возражения на защитный документ, что снижает риск нарушения его прав.

Однако следует учитывать, что при внедрении указанного способа защиты прав ответчика в отечественное гражданское процессуальное право, следует соблюдать ряд ограничений, соответствующих потребностями правоприменительной практики, а также целям и задачам гражданского судопроизводства. Так, в частности, закрепление за ответчиком права предъявления защитного документа в суд не должно вступать в противоречие с такой важной характеристикой мер по обеспечению иска, как их неотложный характер.

Список литературы:

1. Постановление Европейского суда по правам человека от 27.10.1993 // СПС «Гарант».

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

5. Агафонова, Г.А. Комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Г.А. Агафонова, Ю.Ф. Беспалов, О.А. Егорова. – М.: Проспект, 2018. – 688 с.

6. Волченко, О.Ю. Защита прав ответчика при принятии мер по обеспечению иска в гражданском судопроизводстве России и Германии / О.Ю. Волченко // Труды Института государства и права Российской академии наук. –2014. – № 5. – С. 199-207.

7. Гаврилов, Э. Взыскание убытков, причиненных мерами по обеспечению иска / Э. Гаврилов // Российская юстиция. – 1997. – № 7. – С. 6-8.
8. Медведев, И.Р. От личного к публичному: судебная практика под влиянием активности заявителей / И.Р. Медведев // Закон. – 2015. – № 2. – С. 114-122.
9. Нохрин, Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве / Д.Г. Нохрин. – М., 2013. – 198 с.
10. Пузанова, Т. Встречное обеспечение: право или обязанность? / Т. Пузанова // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 9. – С. 21-24.
11. Юсупов, Т.Б. Обеспечение иска в арбитражном и гражданском процессе: монография / Т.Б. Юсупов. – М.: Городец, 2014. – 247 с.
12. Ярков, В.В. Комментарий к ГПК РФ (постатейный) / В.В. Ярков; под общ. ред. В.И. Нечаева. – М., 2015. – 423 с.

СЕРКОВ Никита Дмитриевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; serkovn96@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматривается нормативно-правовая база, регламентирующая статус работника УИС, а также сущность их правового положения в целом.

Ключевые слова: *нормативно-правовые акты, правовой статус, сотрудник УИС, правовое положение, права, обязанности, руководящие должности, персонал, осужденный, государственная служба.*

Сегодня в обществе остается актуальным вопрос о правовом статусе сотрудника уголовно-исполнительной системы. Сам правовой статус – это положение личности, ее права и обязанности по отношению к другим лицам.

Согласно законодательству, деятельность сотрудников УИС определяется несколькими нормативно-правовыми актами: глава 2 Конституции РФ, Законом РФ от 21.07.1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виду лишения свободы», Постановлением ВС РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел РФ и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел РФ», приказом Минюста России от 6 июня 2005 г. № 76 «Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел РФ и учреждениях и органах уголовно-исполнительной

системы», ФЗ от 19.07.2018 года №197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и другими нормативно-правовыми актами.

Принятием данного ФЗ были введены поправки в регламент сотрудника, конкретизированы их права и обязанности, а также требования к служебному поведению, ограничения и запреты, связанные со службой.

Федеральным законом устанавливается обязательность служебных отношений на контрактной основе, определяются стороны, содержание, формы и сроки действия контракта, а также порядок его заключения и изменения, детально регламентируются вопросы испытания при поступлении на службу в уголовно-исполнительную систему, перевода на другую должность, а также устанавливается исчерпывающий перечень оснований для прекращения контракта либо его расторжения и увольнения со службы в уголовно-исполнительной системе.

В целом на сотрудников возложены государственно-управленческие функции по обеспечению правопорядка, законности, а также соблюдении прав граждан в сфере уголовно-исполнительной системы. На правовое положение влияет социальное значение их деятельности. Содержание сущности основывается на комплексе правовых норм, специфике и условиях исполнения наказания в виде лишения свободы регламентация прав и обязанностей. Также свое влияние оказывают требования к личным и профессиональным качествам, выполняемой служебной деятельности, а также видов, оснований и пределов ответственности, мер социальной защиты и гарантий.

Правовое положение сотрудников УИС исходит из их прав и обязанностей, которые возлагаются на них во время исполнения функций уголовного наказания, определяется целым рядом факторов социально-экономического, политического и иного порядка, а также задачами и функциями учреждений и органов, исполняющих наказания. На формирование положения влияют цели и задачи в рамках исправительно-трудового законодательства, задачи и функции учреждений и органов, исполняющих наказания [6, с. 6].

Сотруднику выдаются служебное удостоверение и специальный жетон с личным номером. Образцы служебного удостоверения и специального жетона сотрудника и порядок их выдачи утверждаются федеральным органом уголовно-исполнительной системы. Служебное удостоверение сотрудника является документом, подтверждающим личность сотрудника, его принадлежность к учреждению или органу уголовно-исполнительной системы, должность и специальное звание сотрудника. Служебное удостоверение сотрудника подтверждает его право на ношение и хранение огнестрельного оружия и (или) специальных средств, иные права и полномочия, предоставленные сотруднику законодательством Российской Федерации [3, ст. 10].

Персонал ИТУ включает в себя сотрудников, имеющих специальные звания рядового и начальствующего состава органов внутренних дел. Есть различие в правовом положении сотрудников исправительно-трудовых учреждений и органов, осуществляющих надзор за исполнением наказания. Например, в персонал учреждений и органов, исполняющих наказания, входят рабочие и служащие, либо просто служащие, то есть персонал ИТУ. Требования к рабочим и служащим всегда различны. К персоналу сотрудников ОВД предъявляются дополнительные требования к возрасту и уровню образования, профессиональным и нравственным качествам личности, уровню физического развития и иным критериям. Особые требования к руководству учреждений ввиду того, что на них возлагается особая ответственность. Сотрудники ИТУ несут на себе основную нагрузку, они должны руководствоваться внутренними правилами трудового учреждения. Это могут быть Правила по соблюдению изоляции отдельных категорий осужденных (например, в штрафном изоляторе), переписки, проведение свиданий, взаимоотношений осужденных между собой и персоналом учреждения.

Согласно законодательству, сотрудники ИТУ вправе и обязаны осуществлять контроль за соблюдением законности на режимных объектах и производственных территориях, прилегающих к ним. В случаях обнаружения нарушений режима должностные лица из числа персонала ИТУ вправе применять предусмотренные законом меры воздействия. Например, в соответствии со ст. 53 ИТК при применении физической силы, специальных средств и оружия особым требованием будет применение их как крайних средств, когда иными способами невозможно обеспечить законность требований сотрудника. Огнестрельное оружие применяется для отражения нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или работников уголовно-исполнительной системы, для освобождения заложников, а также для возможности задержания лиц, оказывающих вооруженное сопротивление сотрудникам, для остановки транспорта при побеге осужденного, вызова помощи или подачи сигналов тревоги, отражение нападения с использованием оружия, при побеге с оружием или с помощью транспортных средств, попытке осужденного приблизиться к сотруднику с обнаженным огнестрельным или холодным оружием, попытке осужденного прикоснуться к оружию сотрудника.

В правовом статусе сотрудников важное значение имеет охрана осужденных [1, с. 24]. Сотрудники делятся на несколько категорий, имеющих различный правовой статус. Есть также такое понятие как «специальный правовой статус», который обусловлен особым порядком прохождения службы и особыми условиями. Порядок прохождения и условия регламентируются Законом РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и иными нормативно-правовыми актами Российской Федерации, нормативно-правовыми актами органа исполнительной власти.

В законодательстве возникает много вопросов о правовом статусе сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые появились из-за множественных законодательных преобразований за последние годы. Сформировалась единая система государственной службы, произошла передача пенитенциарной системы из Министерства внутренних дел в Министерство юстиции Российской Федерации. Много нерешенных вопросов остается в сфере правового регулирования административно-правового статуса сотрудника УИС.

В законодательном акте не до конца учтены степень подготовки сотрудника к выполнению тех или иных действий, его психическое и физическое, вследствие чего на законодательном уровне предлагается внести поправки в гл. IV «Права и обязанности работников уголовно-исполнительной системы», которой необходимо регулировать данные вопросы.

Исходя из функций различных категорий служащих, видно, что «работники», «сотрудники», «персонал», «рабочие и служащие» являются самостоятельными понятиями, обозначающими различные категории лиц, работающих в уголовно-исполнительной системе. Дополнительные требования предъявлены лишь к руководителям учреждений, исполняющих наказания, ведь они по своей должности являются организаторами «воспитательного процесса» с осужденными и подчиненным персоналом, а также несут ответственность за хозяйственную деятельность предприятия. В целом он должен быть и «юристом», и «педагогом», и «психологом», и «экономистом», и «хозяйственником» в одном лице, совмещать множество функций и обязанностей [4, с. 5].

В соответствии со ст. 26 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», сотрудники исполняют свои обязанности и пользуются в пределах их компетенции правами, предоставленными учреждениями либо органом, исполняющим уголовные наказания в виде лишения свободы, которые предусмотрены настоящим Законом и другими законодательно-нормативными актами РФ. Основополагающие элементы административно-правового статуса сотрудника УИС – это его служебные обязанности и предоставленные ему права. Остается в литературе дискуссионным вопрос о первичности возложенных на сотрудника обязанностей по отношению к предоставленным правам.

Как можно определить, одна из проблем в определении правового статуса сотрудников УИС – международные стандарты в сфере исполнения наказаний, а также отсутствие четкой правовой регламентации административно-правового статуса сотрудников. Влияние оказывает неурегулированность прохождения службы в УИС, проблема перевода некоторых категорий сотрудников в гражданские служащие, низкий уровень правовой защиты, материальное обеспечение. Иное правовое положение у сотрудников, осуществляющих надзор за условно осужденными лицами. У таких сотрудников свои определенные функции по осуществлению надзора, соблюдению за-

конности, выявлению нарушений, а также проведении мер профилактики [6, с. 3].

До сих пор открыт вопрос о месте уголовно-исполнительной системы в системе госслужбы РФ. Сотрудники ФСИН России служат в подразделениях и органах, а не проходят службу в государственных и органах системы ОВД. Множество законодательных актов, на которые опираются сотрудники УИС при осуществлении своей деятельности, затрагивают различные сферы данной категории сотрудников. Это ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе». Можно говорить о том, что статус данного органа не ясен, так как сотрудники в своей деятельности опираются на Закон «О службе в органах внутренних дел», но по факту подчиняются Минюсту России. В настоящее время, согласно № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"», службы в УИС тесно взаимосвязана с иными видами службы, будь то государственная, военная и т.д. То есть она затрагивает различные стороны правоотношений:

1) соотносительности основных условий и размеров оплаты труда, а также основных социальных гарантий при прохождении службы в уголовно-исполнительной системе, государственной гражданской службы, военной службы и государственной службы иных видов;

2) установления ограничений и обязательств при прохождении службы в уголовно-исполнительной системе, государственной гражданской службы, военной службы и государственной службы иных видов;

3) учета стажа службы (выслуги лет) в уголовно-исполнительной системе при исчислении стажа (выслуги лет) государственной гражданской службы, военной службы и государственной службы иных видов;

4) соотносительности специальных званий, воинских званий, классных чинов и дипломатических рангов;

5) соотносительности основных условий государственного пенсионного обеспечения граждан, проходивших службу в уголовно-исполнительной системе, и граждан, проходивших государственную гражданскую службу, военную службу и государственную службу иных видов.

Взаимосвязь службы в уголовно-исполнительной системе и муниципальной службы обеспечивается посредством учета стажа службы в уголовно-исполнительной системе при исчислении стажа муниципальной службы.

Гражданину, проходившему государственную гражданскую службу, военную службу или государственную службу иных видов, назначаемому на должность высшего начальствующего состава в уголовно-исполнительной системе, или сотруднику, назначаемому на

соответствующую должность государственной гражданской службы, военной службы или государственной службы иного вида, по решению Президента Российской Федерации может быть сохранено право на социальные гарантии, которые имел указанный гражданин или сотрудник в соответствии с законодательством Российской Федерации [3, ст. 5].

В дальнейшем, при вступлении в силу Закона «О государственной правоохранительной службе в РФ», сотрудники УИС приобретут статус государственных служащих, их статус будет подразумевать под собой такие элементы как ограничения и запреты по службе.

Список литературы:

1. Самарина, Е.С. Категория «правовой статус личности» в теоретико-правовой науке / Е.С. Самарина // Ленинградский юридический журнал. – 2013.

2. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (постатейный) / под общ. ред. С.Х. Шамсунова. – М.: Юстицформ, 2008.

3. ФЗ от 19.07.2018 года № 197-ФЗ «О службе в уголовно исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

4. Есин, М.А. Социально-правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной системы / М.А. Есин. – М.: «Перо», 2012.

5. ФЗ от 21.07.1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виду лишения свободы».

6. Потявин, В.Ю. Правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной системы / В.Ю. Потявин // Молодой ученый. – 2017. – № 3.

7. Приказ Минюста России от 6 июня 2005 г. № 76 «Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел РФ и учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы».

СИМАРОВ Алексей Владимирович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; avsimarov@mail.ru

ЗАЩИТА ПРАВ МАЛОЛЕТНИХ ПРИ СОВЕРШЕНИИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

В статье рассматриваются вопросы особенности совершения сделок с недвижимостью при участии несовершеннолетних, а также защиты имущественных прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: *имущественные права, несовершеннолетний, сделкоспособность, недвижимость, опека и попечительство.*

Статья 35 Конституции РФ [3] закрепляет право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами.

Данное право распространяется и на несовершеннолетних граждан, которые могут осуществлять права собственников в отношении различных объектов материального мира, при условии соблюдения правил, предусмотренных российским законодательством в отношении распоряжения их имуществом.

В настоящее время такое важнейшее право несовершеннолетних, как право на жилище, приобретает огромное значение в связи с включением недвижимого имущества в гражданский оборот. На основании принятых правовых норм, например, Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» [12], Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [14] и т.д. несовершеннолетние граждане на всей территории России стали собственниками различных объектов недвижимости. Закрепление прав несовершеннолетних на недвижимое имущество подразумевает признание за ними совокупности гражданских прав и обеспечение их государственно-правовой охраной. При этом согласно российскому законодательству, объем прав несовершеннолетних граждан отличается от объема прав граждан, достигших совершеннолетия.

Вопросы распоряжения недвижимым имуществом несовершеннолетних граждан подлежат пристальному вниманию со стороны законодателей, ученых-юристов и имеют особое значение в судебной практике, что обусловлено, по мнению А.А. Звягольского, «повышенной социальной, стоимостной и правовой значимостью объектов такого имущества, и, как следствие, вызванной необходимостью наилучшей защиты прав детей в этом направлении» [2, с. 50].

К сожалению, несмотря на достаточно обширную нормативную базу, касающуюся охраны жилищных прав и повышенного внимания к данной сфере со стороны государства, в судебной практике имеется большое количество случаев нарушения прав несовершеннолетних при совершении сделок с недвижимым имуществом, связанных с действиями родителей, замещающих их лиц, а также со стороны государственных органов. Как пример нарушений со стороны государственных органов можно привести Решение Калининского районного суда, где было признано незаконным решение УПРФ РФ об отказе в распоряжении средствами материнского капитала [8].

Очевидно, что незнание особенностей прав несовершеннолетних при совершении сделок с недвижимостью может привести к их недействительности и существенно нарушить права одной из самых уязвимых категорий граждан.

Согласно п. 1 ст. 26 ГК РФ, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно совершают сделки с недвижимым имуществом, но при этом получение письменного согласия на совершение такой сделки от родителя, усыновителя или попечителя является обязательным условием её совершения [1]. Малолетние граждане, не достигшие 14-летнего возраста, не могут совершать подобные сделки. От их имени сделки с недвижимостью совершают только их родители, усыновители или опекуны.

Специальных исследований по поводу реализации сделок с недвижимостью с участием малолетних граждан не проводилось, однако ряд авторов указывают на особенности правового статуса малолетних. Так, Л.Ю. Мокрова [6, с. 630-632] отмечает в своей статье, что в ГК РФ проведено разделение между «малолетним» и «несовершеннолетним». Ссылаясь на содержание статьи 26 ГК РФ, автор указывает, что несовершеннолетним является лицо в возрасте от 14 до 18 лет. Также она указывает, что в диспозиции данной статьи не идет речи о согласии органов опеки и попечительства на совершение сделок с участием несовершеннолетних, имеется лишь оговорка о согласии законных представителей несовершеннолетнего гражданина.

Согласно российскому законодательству, несовершеннолетние граждане, не достигшие 14-летнего возраста, являются малолетними и обладают частичной дееспособностью, то есть вправе самостоятельно совершать лишь некоторые предусмотренные законом сделки. Согласно ст. 28 ГК РФ, за малолетних граждан сделки с недвижимым имуществом могут совершать от их имени только их родители, усыновители или опекуны. Причём сделки с имуществом несовершеннолетнего, совершаемые их законными представителями, регулируются положениями п. 2,3 ст. 37 ГК РФ.

Формулируя в ст. 37 общее правило распоряжения имуществом малолетних, законодатель использует отсылочную норму, указывая на необходимость применения норм, установленных Федеральным законом «Об опеке и попечительстве» [13]. В указанном случае имеется в виду необходимость соблюдения требований ст. 19-21 ФЗ «Об опеке и попечительстве».

Однако применение общих норм ГК РФ и ФЗ «Об опеке и попечительстве» о распоряжении имуществом малолетнего гражданина в теории и на практике вызывает некоторые сложности.

А.Е. Тарасова считает, что «основные положения ГК РФ, в которых определен порядок управления имуществом подопечных опекунами лишь продублированы в ФЗ № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», в соответствии с чем имеются существенные пробелы в регулировании данных вопросов» [9, с. 12].

Согласно ст. 37 ГК РФ, опекун не имеет права совершать сделки, влекущие уменьшение имущества подопечного, не получив предварительно разрешения на то органа опеки и попечительства. Необходимость получения разрешения на сделки и иные действия, которые повлекут за собой уменьшение стоимости имущества подопечно-

го, определена и в ст. 19 ФЗ № 48 «Об опеке и попечительстве». Соответственно критерий действий законного представителя в данных нормативных актах определен по-разному. И, несмотря на несущественную разницу, она очевидна, так как при уменьшении имущества происходит лишение несовершеннолетнего прав на принадлежащее ему ранее имущество. А уменьшение стоимости имущества подопечного в результате совершенных опекунами сделок устанавливается при сравнении денежного выражения стоимости проданного имущества с приобретённым. Например, достаточно распространена ситуация, когда уменьшения имущества не происходит, но имеется уменьшение его стоимости. То есть продается недвижимость, принадлежащая малолетнему и покупается равная ей по площади, но находящаяся в менее престижном районе или находящаяся в доме с большим износом.

Можно сделать вывод о том, что имеется необходимость единообразия в толковании норм, регулирующих порядок совершения сделок с имуществом малолетнего. Критерий, которому должны отвечать сделки, совершаемые с имуществом несовершеннолетнего должен быть одинаков в основном и специальном законе.

По нашему мнению, критерий, установленный в ГК РФ, является формальным, так как позволяет совершить сделки, указанные в примере. А формулировка «уменьшение стоимости имущества подопечного», содержащаяся в ФЗ «Об опеке и попечительстве», является более удачной, так как обязывает соблюдать равенство стоимости продаваемого и приобретаемого имущества, что исключает возможность нарушения прав малолетнего в результате совершенных сделок с его имуществом.

Разъясняя данный вопрос, Верховный Суд РФ устанавливает, что «согласие на отчуждение имущества, принадлежащего несовершеннолетним детям в соответствии со ст. 28, 37 ГК РФ, должно быть получено перед совершением сделки с целью обеспечить соблюдение законных имущественных прав несовершеннолетнего и только реальное соблюдение этих прав ребенка является критерием оценки действительности сделки» [7].

А.Е. Тарасова указывает: «Получение разрешения ООиП является обязательным условием действительности сделки с имуществом несовершеннолетнего, несоблюдение которого в соответствии со ст. 168 ГК РФ должно приводить к ничтожности сделки как противоречащей закону. Однако прямого указания о ничтожности сделки, на которую не получено разрешение ООиП, ни в ГК РФ, ни в Федеральном законе № 48-ФЗ нет» [9, с. 21].

Однако данная позиция признается не всеми. Обоснование другой точки зрения строится на толковании ч. 4 ст. 21 Закона об опеке, в соответствии с которой при обнаружении факта заключения договора от имени подопечного без предварительного разрешения органа опеки и попечительства последний обязан незамедлительно обратиться от имени подопечного в суд с требованием о расторжении такого до-

говора в соответствии с гражданским законодательством, за исключением случая, если такой договор заключен к выгоде подопечного.

Так, группой авторов в комментарии к Закону об опеке под редакцией П.В. Крашенинникова указывалось, что «впервые в законодательстве четко установлены последствия заключения договора опекуном или попечителем без предварительного разрешения органа опеки и попечительства. До введения в действие Закона об опеке существовала практика оспаривания сделок, совершенных опекунами и попечителями без такого разрешения или с нарушением его условий. Истцы ссылались на ст. 168 ГК РФ, указывая, что совершенная без надлежащего разрешения сделка ничтожна как не соответствующая требованиям закона. Однако применение последствий недействительности таких сделок, как правило, было затруднено в связи с необходимостью учета прав и интересов добросовестных приобретателей отчужденного имущества подопечного» [4, с. 45].

С 1 сентября 2013 г. Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ [10] в Гражданский кодекс РФ введена ст. 173.1, которая устанавливает последствия совершения сделки без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица, государственного органа либо органа местного самоуправления. Эта норма является специальной по отношению к ст. 168 ГК РФ. Теперь рассматриваемые сделки, совершенные без согласия государственного органа либо органа местного самоуправления (предварительного согласия органа опеки и попечительства), по общему правилу, являются оспоримыми. Законом или в предусмотренных им случаях соглашением с лицом, согласие которого необходимо на совершение сделки, могут быть установлены иные последствия отсутствия необходимого согласия на совершение сделки, чем ее недействительность.

О несогласованности ч. 4 ст. 21 Закона об опеке и ст. 168 ГК РФ ранее указывалось многими авторами. Теперь, с введением ст. 173.1 ГК РФ, еще острее встает вопрос о возможности применения к сделке, совершенной без согласия органа опеки и попечительства, последствий иных, чем недействительность.

Для усиления защиты прав несовершеннолетних с 1 января 2017 года введена норма, согласно которой сделки по отчуждению недвижимого имущества несовершеннолетних граждан подлежат нотариальному удостоверению [11].

Данное обстоятельство предполагает значительные изменения в имеющейся ситуации по сделкам с имуществом несовершеннолетних на практике. И действительно, целью нотариального удостоверения сделки является проверка соответствия её закону и обеспечению прав граждан. Однако проблемы всё ещё существуют. По нашему мнению, решение существующих проблем при совершении сделок с имуществом несовершеннолетних осуществимо при условии последовательных и системных мер в законотворческой и в правоприменительной сфере в комплексе.

Таким образом, можно выделить ряд проблем в сфере защиты имущественных прав несовершеннолетних, к которым относятся следующие:

• нет необходимых единых критериев, определяющих отсутствие нарушений имущественных прав несовершеннолетних при совершении сделок с принадлежащим им имуществом;

• нет полномочий у органов государственной власти по осуществлению контроля за выполнением родителями и законными представителями несовершеннолетних соблюдения условий выданных ими разрешений;

• нет эффективного механизма информирования органов опеки и попечительства о попытках нарушении имущественных прав несовершеннолетних при совершении сделок с недвижимым имуществом.

• отдельные несостыковки имеющихся нормативно-правовых актов, которые регулируют правоотношения по реализации защиты имущественных прав несовершеннолетних граждан;

Для решения данных проблем необходимо внесение изменений в действующие нормативные правовые акты.

По нашему мнению, необходимы следующие меры:

1. Законодательное закрепление положений о том, что разрешение органа опеки и попечительства при сделках с имуществом несовершеннолетнего выдаются на определенных условиях, при которых законные представители обязуются выполнить все необходимые действия, указанные в этих условиях.

2. Внесение изменений в ст. 37 ГК РФ в части установления правила о том, что условия органа опеки и попечительства являются обязательными для исполнения не только законными представителями детей, но и нотариусами, а также органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимое имущество. Подобная мера об обязательных условиях станет основанием для отказа в нотариальном удостоверении сделок по продаже имущества несовершеннолетнего, а также станет препятствием в государственной регистрации перехода права собственности на имущество несовершеннолетнего при нарушении его прав.

3. Внесение изменений в ст. 54 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», которые позволят наделить нотариусов полномочиями по одновременному удостоверению сделки не только по продаже недвижимости несовершеннолетнего, но также сделки по оформлению в его собственность иной недвижимости взамен утрачиваемой, в соответствии с условиями предварительного разрешения органа опеки и попечительства.

4. Возложить полномочия по контролю за выполнением законными представителями детей условий предварительных разрешений органа опеки и попечительства на органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество.

5. Возложить на органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, полномочия по контролю

за предоставлением на государственную регистрацию не только удостоверенного нотариусом договора по продаже недвижимости ребенка, но и по покупке ему недвижимости, взамен утрачиваемой, в полном соответствии с условиями предварительного разрешения органа опеки и попечительства.

6. Законодательно предусмотреть механизм оповещения нотариусами и органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, органов опеки и попечительства о попытке нарушения имущественных прав детей их законными представителями.

Таким образом, внедрение данных мероприятий позволит усовершенствовать государственный механизм правовой защиты имущественных прав несовершеннолетних, без каких-либо дополнительных расходов федерального бюджета, что обеспечит в целом реализацию государственных интересов.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Звягольский, А.А. Пути решения проблем определения, реализации и защиты имущественных прав несовершеннолетних / А.А. Звягольский // Актуальные проблемы права. – № 5. – 2018. – С. 49-51.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

4. Крашенинников, В.П. Комментарий к Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» / В.П. Крашенинников. – М.: Статут, 2010. – 514 с.

5. Крысанова-Кирсанова, И.Г. Особенности заключения сделок с имуществом несовершеннолетних / И.Г. Крысанова-Кирсанова // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета. – Краснодар, 2017. – С. 376-381.

6. Мокрова, Л.Ю. Сделки с недвижимостью с участием несовершеннолетних: проблемы реализации / Л.Ю. Мокрова // Энергия науки. Сборник материалов V международной научно-практической Интернет-конференции студентов и аспирантов. – Ханты-Мансийск, 2015.

7. Определение СК Верховного Суда РФ от 29.08.1997 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 2.

8. Решение Калининского районного суда Санкт-Петербурга № 2-3756/2018 2-3756/2018 ~ М-1768/2018 М-1768/2018 от 04.06.2018 по

делу № 2-3756/2018 // Судебные решения.рф. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/AM1GI2qqwDgx/ (дата обращения: 07.07.2019).

9. Тарасова, А.Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях / А.Е. Тарасова. – М.: Волтерс-Клувер, 2008. – 574 с.

10. Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2327.

11. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4344.

12. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (ред. от 01.04.2019) // СЗ РФ. – 2002. – № 4. – Ст. 251.

13. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.

14. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. – 2007. – № 1 (1 ч.). – Ст. 19.

СОКОЛОВ Никита Сергеевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; sokolov.14159265@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА

В статье рассматривается история авторского права от истоков его развития до современного состояния.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, история, развитие, источники.

Сейчас вопросы авторского права приобретают особую актуальность в связи с переходом всего нашего общества к единому информационному сообществу. В современных условиях жизни все большее значение приобретает развитие института защиты исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. В настоящее время авторское право направленно на развитие условий для занятия творческим трудом, защиты авторов от посягательств посторонних лиц. В связи с этим нужно понимать, что авторское право зародилось еще очень давно и прошло много этапов его эволюции.

Историю авторского права, его юридическую природу исследовали многие дореволюционные отечественные ученые-юристы.

В России эту область исследовали Г.Ф Шершеневич, С.А. Муромцев, Я.А. Канторович, М.Н. Кузнецов, Ю.В. Матвеев, М.И Никитина, А.П. Сергеев, А.В. Аксенова. Но именно вопросы исследования истории авторского права оставались без серьёзных научных изысканий.

Первые представления об авторском праве появились в Древней Греции и Риме. Одним из первых известных литературных источников о защите интеллектуальной собственности датируется 500 г. до н.э., когда поварам в одной из греческих колоний была предоставлена многолетняя монополия на создание некоторых определенных кулинарных деликатесов. Римские юристы уже в первом веке нашей эры, несмотря на отсутствие в римском праве института интеллектуальной собственности, обсуждали вопросы, связанные с тем, каким именно способом должны защищаться результаты интеллектуального труда [1].

Однако нормы в сфере авторского права и его защиты не получили закрепления в римском законодательстве. Ведь, несмотря на имеющиеся экономические и технические условия, возникновение института авторского права сковывалось социальным положением автора и его воззрениями на литературный труд как таковой. Имущественные и личные неимущественные права на произведение еще не отграничивались от права собственности на рукопись. Отсутствовало понимание существования нематериального объекта, поскольку римское общество не нуждалось в законодательной регламентации отношений иных, чем право собственности на этот материальный носитель. Таким образом, римское право никак не защищало имущественные интересы автора или издателя.

В средние века в связи с возникновением книгопечатания и развитием гравирования на место переписывания от руки заняло механическое воспроизведение, книги перестают быть предметами роскоши и становятся выгодным промыслом. Именно эти обстоятельства привели к появлению издателей и продавцов книг, которые именовались торговцами печатной продукцией. Они инвестировали огромные средства в печатные машины, их создание и дополнительные производные. Эта самая процедура подразумевала «авансирование средств, которое в течение определенного времени могло быть возмещено разумными поступлениями. В этой ситуации без какой-либо защиты охраны от конкуренции путем продажи незаконных копий инвестирование в печатание и продажу книг было опасным и рискованным предприятием, многие разорялись. Усиливался нажим в пользу обеспечения какой-то формы охраны, и она появилась в виде привилегий, предоставляемых различными властями; в Англии и во Франции – королями; в Германии – князьями различных государств» [2, с. 38].

Привилегии – первый документ, который выдавался органами власти авторам для защиты их прав, по своей сути представлял охранную грамоту. Привилегии выдавались монархом лично автору по просьбе последнего. Как правило, привилегии выдавались на ху-

дожественные литературные произведения, и такая практика была редкой. Многие учёные и люди искусства придерживались той точки зрения, что их произведения являются не актом творения; они являются лишь «проводниками» божественного знания, которое выражают посильным способом. Соответственно, заявлять права на свои произведения было бессмысленно и греховно. Одним из первых выданных привилегий считается привилегия от 1486 года, выданная Антонио Сабеллико. Именно он получил исключительное право печатать произведения по истории республики («Декаду Венецианских дел»). За нарушение данной привилегии был установлен штраф в размере 500 дукатов [3].

В качестве одного из первых нормативно-правовых актов, касающихся защиты прав авторов, можно выделить акт, изданный Флорентийской Республикой 19 июня 1421 г. для защиты прав известного архитектора Филиппо Брунеллески. Указанный нормативно-правовой акт не только признавал права авторов и изобретателей на результаты их интеллектуального труда, но также явился стимулом для развития института интеллектуальной собственности в Европе [1].

Постепенно от индивидуальных привилегий светские и церковные власти перешли к предоставлению общих привилегий, которой могло пользоваться любое заинтересованное лицо при выполнении предусмотренных в этой привилегии условий. Это привило к распространению монополий. К концу XVII века авторы стали чаще требовать защиты своих прав в случае тиражирования и распространения их произведений.

Идея покровительства типографской и издательской промышленности отступает перед мыслью об экономическом интересе самих авторов. Поэтому на смену привилегиям, защищающим данного издателя или автора, приходит защита всех издателей и авторов, основанная на общих нормах.

1709 год можно считать новым этапов развития авторского права. Впервые принят закон, вводящий авторское право – Статут Королевы Анны «Акт о поощрении учености путем наделения авторов и покупателей правами на копирование печатных книг на нижеуказанный период времени» [4], который обеспечил законную защиту прав на книги и иные произведения. Данный Статут рассматривается как один из первых нормативно-правовых актов, установивших концепцию, в соответствии с которой автор произведения являлся владельцем авторских прав на него.

В Статуте было установлено, что копирование являлось единственно возможной свободной печатью и перепечатыванием книги, и эта свобода нарушалась человеком, который печатал, перепечатывал и продавал книги без получения разрешения. В случае нарушения авторских прав лицо, совершившее преступление, было наказано штрафом в размере пенни за каждый лист книги, часть которого была отправлена автору книги, а другая – передана государству. Кроме того, незаконные части книги подлежали уничтожению.

В одно время с развитием авторского права в Англии также происходило зарождение авторского права в США, Франции и других странах Европы, где концепция авторского права, отличавшаяся от концепции авторских прав на копирование произведений, распространенной в Англии, впервые возникла в XVI-XVII в. и продолжила свое развитие в XVIII в.

В 1783 году был принят первый нормативный акт об авторском праве на территории США: закон штата Коннектикут Act for the Encouragement of Literature and Genius (Закон о поощрении литературы и таланта). В период с 1783 по 1786 годы охрана авторского права была введена в 12 из 13 составлявших в то время США штатов.

31 мая 1790 года Конгресс США принял закон о предоставлении авторских прав, который создал федеральное авторское право и обеспечил его действие на протяжении четырнадцати лет. Если автор оставался жив на момент истечения срока, он имел возможность продлить свои права ещё на четырнадцать лет. Если автору не надо было продлевать своё авторское право, то и обществу также не было нужды настаивать на сохранении копирайта, труд автора становился общественным достоянием. Так как федеральный закон отменяет действие любого противоречащего закона штата, федеральный закон об охране копирайта вытеснял любые копирайтные законы штатов.

Франция считается основоположницей защиты прав авторов в области литературных произведений и искусства. По окончании революции в 1789 году права на собственность стали первым гарантом свободы человека. Именно во Французском Кодексе было впервые закреплено на законодательном уровне определение интеллектуальной собственности [5]. То, что в XVIII веке во Франции авторские права имели такую же силу, как и права на собственность, подчёркивает высокое развитие юридической отрасли в этой стране уже в то время.

Что же касается России, то в нашей стране авторское право появилось как институт в 1803 г. Именно тогда создана специальная Комиссия, которая должна была разработать, исходя из европейского законодательного опыта, свои положения защиты прав авторов.

Таким образом, в большинстве европейских стран к началу XIX века уже осуществлялась защита авторского права. Однако с развитием технологического прогресса действующие национальные законы не могли полноценно защитить права авторов. Для охраны авторских прав и в других государствах требовалась заключение соглашений международного характера. Это привело к появлению в 1886 году в Швейцарии Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений. Целью конвенции было обеспечить взаимное признание авторских прав различными государствами и установление международных норм для их защиты [6, с. 127]. Именно с принятием данного документа начался новый этап в авторском праве. Впоследствии в текст конвенции вносились изменения, связанные в основном с расширением объектов охраны авторских прав. Бернская конвенция

закрепила основные принципы защиты авторских прав, которые применяются и в настоящее время во многих странах мира.

В XX веке в связи с продолжающимся экономическим и технологическим развитием в мире международная защита авторских прав требовала дополнительного усовершенствования. В результате появления новых объектов интеллектуальных прав, требующих правовой охраны, был принят ряд конвенций, направленных на защиту авторских прав, а именно: в Женеве под патронажем ЮНЕСКО подписана Всемирная конвенция об авторском праве; в Стокгольме государства-члены БИРПИ подписали конвенцию, учреждающую создание Всемирной организации по интеллектуальной собственности, Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм 1971 года и другие. Указанные конвенции расширяли круг объектов защиты авторских прав, охраняя уже не только авторов произведений, но и исполнителей, изготовителей фонограмм, а также защищали произведения от их незаконного распространения. В результате принятия данных конвенций появляется особый знак защиты авторских прав.

Авторское право есть совокупность личных прав человека, которые не направлены на получение дохода и любого другого вознаграждения, а выполняют роль защитника авторских интересов и его имущественных прав. Системы авторского права в том виде, в каком они существуют практически во всех цивилизованных странах, представляют собой жизненно важный элемент инфраструктуры современного общества, который служит интересам всех его членов. Вступив в постиндустриальную эпоху, авторское право активно воздействует на функционирование обширных национальных и международных сетей распределения информации.

Список литературы:

1. Moore, A. Intellectual Property / A. Moore // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2011 Edition) / Ed. by E.N. Zalta // URL: http://plato.stanford.edu/archives/sum2011/entries/intellectual-property (дата обращения: 01.10.2019).

2. Алехина, Л.А. Эволюция авторского права / Л.А. Алехина // История государства и права. – 2006. – № 9. – С. 38-39.

3. Колесников, Е.А. Некоторые материалы к истории авторского права в России / Е.А. Колесников // URL: http://www.eakolesnikov.narod.ru/CopyrightRussia.html (дата обращения: 15.09.2019).

4. Статут королевы Анны, 1710 // URL: http://www.copyrighthistory.com/anne.html (дата обращения: 01.10.2019).

5. Дюма, Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции / Р. Дюма / пер. с фр. – М.: Междунар. отношения, 2014. – 384 с.

6. Понкин, И.В. История развития права интеллектуальной собственности. Первые нормативные правовые акты, касавшиеся вопросов авторского права / И.В. Понкин // Вестник Российского уни-

верситета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 3. – С. 124-129.

СТРЕЛОВА Ольга Владимировна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; olgastrelova@mail.ru

СТОРОНЫ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА НА КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ

В статье раскрываются особенности субъектного состава договора строительного подряда на капитальный ремонт общего имущества многоквартирных домов.

Ключевые слова: *капитальный ремонт, общее имущество, заказчик, подрядчик, регион-оператор, собственники, помещения, многоквартирный дом.*

Установленная в гражданском законодательстве норма о том, что для договоров подрядного типа характерно наличие таких сторон, как заказчик и подряд, распространяется и на правоотношения в сфере капремонта, но при этом имеет достаточно сложный и многоуровневый субъектный состав.

Комплексный характер правового регулирования проведение капремонта общего имущества многоквартирного дома (далее – МКД) порождает правоотношения двух видов.

Первые из них – публично-правовые (организационно-плановые [1, с. 11]). В соответствии со ст. 168 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ [2] (далее – ЖК РФ) органы государственной власти большей части субъектов РФ приняли региональные программы капремонта общего имущества МКД, на основе которых планируется капремонт в муниципальных образованиях, а также образован региональный оператор «Фонд капитального ремонта общего имущества МКД», который открыл счета в кредитной организации.

Вторые – частноправовые (договорные). В соответствии со ст. 180, 182 ЖК РФ регион-оператор вступает в различные гражданско-правовые отношения (например, привлекает подрядные организации, которые будут осуществлять капремонт, несет ответственность за их неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей перед собственниками помещений).

Основным субъектом указанных разновидностей правоотношений в сфере проведения капремонта являются собственники помеще-

ний в МКД. Их правовой статус в этих правоотношениях практически не исследуется в научной литературе, хотя и вызывает ряд вопросов:

Во-первых, закрепленная в ЖК РФ система капремонта общего имуществ МКД, предусматривает активную роль собственников жилых помещений в МКД, начиная от выбора способа формирования фонда капремонта, принятия решения о нем на общем собрании до участия в приемке результатов его проведения. Вместе с тем правовому статусу собственников помещений в МКД отведены отдельные нормы раздела IX ЖК РФ, что затрудняет применение механизмов защиты их прав, так как требует наличие специальных знаний и навыков толкования этих норм.

Во-вторых, не ясен статус собственников помещений в МКД как участников договорных отношений. Речь идет об их статусе при заключении региональным оператором договора строительного подряда на капремонт общего имущества МКД с подрядчиком. Так, в научной литературе [3, с. 340] высказано мнение о том, что региональный оператор является посредником между собственниками помещений в МКД и подрядчиком, осуществляющим капремонт, из чего следует, что заказчиком данного договора являются собственники помещений в МКД. Наличие посредника между собственниками помещений и подрядчиком на капремонт позволяет рассматривать статус первых как правовой статус потребителей.

Это, на наш взгляд, противоречит нормам, предусматривающим обязанность регионального оператора заключать договор от своего имени (п. 5 ч. 2 ст. 182 ЖК РФ), а также его ответственность за результаты их работы перед собственниками помещений в МКД (п. 11 ч. 2 ст. 182 ЖК РФ). В силу указанных норм заказчиком по договору строительного подряда на капремонт является именно региональный оператор, а отношения между ним и собственниками помещений в МКД возникает на основе обязательства подрядного типа на основе формирования фонда капремонта на его счете, в котором подрядчики являются третьими лицами, не являющимися стороной указанного обязательства [4, с. 109]. Если же собственники выбрали такой путь финансирования капремонта, как аккумулирование взносов на специальном счете (далее – спецсчет), то предложение о проведении капремонта должно последовать от лица, осуществляющего управление МКД.

В-третьих, возникает вопрос о моменте, с которого собственники помещений в МДК становятся участниками правоотношений по капремонту общего имущества в их домах: с момента включения их МКД в региональную программу; с момента получения от регионального оператора предложения о проведении капремонта (п.1 ч. 2 ст. 182 ЖК РФ), с момента начала уплаты взносов на капремонт (ч. 3 ст.169 ЖК РФ), с момента возникновения права собственности на помещение в МКД? Считаем, что ответ на этот вопрос лежит в отношениях по поводу обязанности собственников нести бремя ответственности за содержание общего имущества (ст. 39 ЖК РФ), вклю-

чающее и отчисление взноса на капремонт (п. 2 ч. 2 ст. 154 ЖК РФ). Возникает она между собственниками жилых помещений в МКД и управляющей организацией (ТСЖ, ЖСК, ЖК, Совет дома и др.) на основе сложного юридического факта: 1) регистрация права собственности на конкретное помещение в МКД, что определяет размер доли в праве общей собственности (ст. 42 ЖК РФ), и 2) заключение договора на управление домом, в котором у них возникает указанное право собственности (кроме случаев непосредственного управления).

Правоотношение по капремонту общего имущества МКД возникает между собственниками и соответствующим субъектом – с региональным оператором или управляющей организацией (в зависимости от выбранного способа формирования фонда капремонта) с моментов:

1. Возникновения у собственников обязанности по содержанию общего имущества МКД, о котором мы сказали ранее.

2. Возникновения у собственников обязанности по уплате взносов на капремонт. Она возникает у собственников по общему правилу в течение восьми месяцев, начиная с месяца, следующего за месяцем принятия региональной программы и ее официального опубликования. Этот срок может изменяться субъектом РФ (ч. 3 ст. 169 ЖК РФ).

3. Принятия собственниками решения о проведении капремонта по собственной инициативе, по предложению управляющей организации, регионального оператора. Если этого решения не будет за три месяца до года, когда капремонт этого МДК запланирован региональной программой, то его примут органы власти местного самоуправления с учетом предложения, сделанного региональным оператором.

4. Принятия решения о способе формирования фонда на капремонт.

Если собственники выбрали такой способ как создание спецсчета, то правоотношения по капремонту строятся между собственниками и выбираемыми ими подрядчиками, что предполагает ответственность за качество проведенного ремонта именно за собственниками. В этом случае именно собственники помещений в МКД являются заказчиками по договору строительного подряда на капремонт общего имущества МКД. Если собственники решили собирать взносы на капремонт на счете регионального оператора, то заказчиком по договору на капремонт общего имущества становиться последний. Следует учитывать, что возникновение правоотношения по поводу капремонта общего имущества имеют особенность для МКД, которые вводятся в эксплуатацию после введения в действие региональной программы капремонта. В этом случае обязанность по уплате взносов на капремонт возникает с момента его включения в эту программу, но не позднее пяти лет с этой даты. Выбор способа формирования фонда капремонта должно предшествовать обязанности по уплате взносов на капремонт (не позднее, чем за три месяца) (ч. 5.1. ст. 170 ЖК РФ). В отношении собственников помещений в МКД есть еще одна особенность – в их качестве могут выступать соответственно само госу-

дарство (РФ), субъект РФ, различные виды муниципальных образования и предприятий (организаций) в случае, если в домах, собственниками которых они являются, имеются неприватизированные квартиры. В этом случае именно они вступают в правоотношения по капремонту с региональным оператором.

Другим субъектом, возникающих при капремонте общего имущества МКД правоотношений, является особый субъект – региональный оператор. Он создается субъектом РФ как специализированная некоммерческая организация в форме фонда для обеспечения проведения капремонта общего имущества МКД (ч. ч. 1 и 2 ст. 178 ЖК РФ). Имущественную основу регионального оператора составляют взносы учредителя; платежи собственников помещений в МКД, принявших решение о формировании фонда капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора; другие источники, не запрещенные законом.

Другой стороной договора строительного подряда на капремонт общего имущества МКД является подрядчик, в отношении не установлено конкретных требований непосредственно в ГК РФ и ЖК РФ. Речь идет о строительных, строительно-монтажных и других организациях, действующих в сфере строительного производства, и о гражданах-предпринимателях. Если же заказчик привлекает подрядчиков для проведения работ, оказывающих влияние на безопасность объектов, подлежащих капремонту, то в этом случае в их качестве могут выступать только индивидуальные предприниматели или юридические лица, выполняющие такие работы при условии, что они являются членами саморегулируемой организации (далее – СРО) в области капитального ремонта (ч. 2 ст. 52 Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ [5]).

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 01.07.2016 № 615 «О порядке привлечения подрядных организаций для оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме и порядке осуществления закупок товаров, работ, услуг в целях выполнения функций специализированной некоммерческой организации, осуществляющей деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах» [6] (далее – Положение об отборе подрядчиков) требования к подрядчикам следующие: 1) наличие опыта выполнения аналогичных работ (услуг); 2) отсутствие подтвержденных рекламаций по ранее оказанным услугам и (или) выполненным работам по капитальному ремонту многоквартирных домов (в зависимости от предмета предварительного отбора); 3) наличие у участника предварительного отбора в штате минимального количества квалифицированного персонала (устанавливается в документации предварительного отбора в зависимости от предмета предварительного отбора). Получается, что правосубъектность подрядчика (ее объем) ставиться законодателем в зависимость

от предмета договора строительного подряда на капремонт общего имущества МКД.

С учетом специфических признаков договора строительного подряда в случае его применения при капремонте общего имущества МКД можно отметить возможность использования в данном случае субподрядных отношений. В этом случае в качестве генерального подрядчика будет выступать подрядчик. Отметим, что современное гражданское законодательство не содержит каких-либо требований к субъектам договора субподряда, хотя в судебной практике встречаются договоры, содержащие условия, ограничивающие свободу выбора генподрядчика субъектов субподрядных отношений [7, с. 30]. Считаем, что подобные ограничения нарушают принцип свободы договора, а также являются случаями вмешательства в ведение хозяйственных дел генподрядчика, что также нарушает принцип автономии воли (п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Подводя итоги исследованию, отметим, что сторонами договора строительного подряда на капремонт общего имущества МКД являются заказчики, в роли которых выступают такие субъекты правоотношений по капремонту, как собственники помещений в МКД, региональный оператор, органы местного самоуправления. Другой стороной этого договора является подрядчик, в роли которого могут выступать индивидуальные предприниматели или юридические лица, к которым законодатель предъявляет ряд требований, связанных с их участием в СРО.

Список литературы:

1. Газизов, Р.М. Организационно-правовые основы капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах: монография / Р.М. Газизов. – М.: Русайнс, 2016. – 472 с.

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 14.

3. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / В.В. Андропов, Е.С. Гетман, Б.М. Гонгало и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2012. – 571 с.

4. Бигаева, Г. Какие нюансы необходимо учитывать подрядчику для получения оплаты и какие документы следует сохранять после оплаты заказчиком / Г. Бигаева // Жилищное право. – 2015. – № 8. – С. 105-112.

5. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 16.

6. Постановление Правительства РФ от 01.07.2016 № 615 «О порядке привлечения подрядных организаций для оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме и порядке осуществления закупок товаров, работ, услуг в целях выполнения функций специализированной некоммерческой организации, осуществляющей деятельность, направ-

ленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах» (ред. от 12.04.2019) // СЗ РФ. – 2016. – № 28. – Ст. 4740.

7. Ершов, О.Г. О правоотношении субподряда в строительстве / О.Г. Ершов // Адвокат. – 2013. – № 2. – С. 28-35.

ТЕПЛЯКОВ Олег Викторович,
кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский институт повышения квалификации работников ФСИН России; otvspb@yandex.ru

ПОТАПОВ Юрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры теории и истории государства и права; upotapov@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ И СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (РОССИЙСКИЙ ОПЫТ)

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования деятельности организаций и учреждений по связям с общественностью (СО, PR) и средствами массовой информации (СМИ).

Ключевые слова: *средства массовой информации, связи с общественностью, правовое регулирование, государственная тайна, коммерческая тайна, информационно-коммуникационная среда.*

Средства массовой информации (далее – СМИ) выполняют весьма важную функцию в интересах широкой общественности. Чтобы создать им возможность выполнять эту функцию в интересах общественности, следует выполнять правовые основы.

СМИ обязаны выполнять свои функции с чувством ответственности перед обществом и отдельным человеком, для этого предусмотрена законодательная база, предусматривающая сбалансированные отношения журналистов со специалистами по связям с общественностью.

Современная деятельность в сфере связей с общественностью предусматривает правовое регулирование. В настоящее время законодательных актов, которые регулируют данный вид деятельности, не существует. Сложность заключается в том, что деятельность специалиста по связям с общественностью достаточно многогранна.

Нормативно-правовые акты, составляющие юридическую основу функционирования PR, лишь частично отражены в достаточно новой отрасли права – информационной [1].

Одним из важнейших компонентов в деятельности специалистов по связям с общественностью является соблюдение правовых норм, ведущих к социально ответственному поведению, и законности действий. Соблюдение сотрудниками пресс-служб правовых норм во взаимодействии со СМИ ведет к законности действий и ответственному поведению. В ходе выполнения задач специалист по связям с общественностью обязан учитывать сферу деятельности организации, для которой проводится PR-кампания [2].

Основными предпосылками цивилизованного контакта на информационном пространстве России являются принятые международные, федеральные конституционные и федеральные законы Российской Федерации, а также иные подзаконные нормативно-правовые акты.

Международное законодательство, которое регламентирует организацию связей с общественностью, – это Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Пункт 1 статьи 10 данной Конвенции констатирует, что каждый имеет право свободно придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ [3].

Закрепление международным правам принципа получения информации и идей без каких-либо вмешательств со стороны публичных властей и независимо от государственных границ обусловлено тем, что основой развития современного общества является свобода выражения мнений и убеждений, свобода массовой информации [4].

В России общедозволительный порядок регулирования информационно-коммуникационной среды (далее – ИКС) осуществляет Конституция Российской Федерации, которая признает и гарантирует права физических и юридических лиц «свободно искать, получать, производить и распространять информацию любым законным способом». Информационная безопасность определена как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства. Ст. 29 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый имеет право свободно искать получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». В соответствии с Основным законом гарантируется свобода массовой информации, а цензура запрещается.

Однако осуществление названных прав и свобод может быть сопряжено с определенными ограничениями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе. Так, пропаганда и агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганда социального,

расового, религиозного или языкового превосходства запрещена Конституцией Российской Федерации.

Кроме вышеперечисленных нормативных правовых актов, правовое регулирование отношений в ИКС, касающихся свободы в среде обмена информации, осуществляется целым рядом российских законов.

Непосредственная деятельность специалиста по связям с общественностью напрямую связана с информационными базами. Процесс распространения информации связан с конфиденциальной, коммерческой или государственной тайной контента. Для соблюдения интересов своей организации специалист по связям с общественностью должен стремиться к построению системы защиты информации.

С целью правового регулирования на ИКС тщательно прописаны исключения из правил. Для введения запретов в информационной среде необходимо обратить внимание на понятие информационной безопасности. В законодательстве и научных работах под информационной безопасностью понимается состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства.

Также немаловажное заключение в данном плане сделали западные специалисты: в обеспечении информационной безопасности удельный вес правовых методов составляет 60%, а программно-технических и организационных соответственно – 30 и 10% [5, с. 203].

Интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры, для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации, пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и правопорядка, развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества [6, с. 22-23].

Исключения могут исходить от абсолютного запрета создания и распространения ложной информации; от общего запрета, предусматривающего без соблюдения соответствующих процедур доступа к информации ограниченного доступа.

В соответствии с федеральным законодательством информация с ограничительным доступом подразделяется на информацию, содержащую сведения, составляющие государственную тайну, и конфиденциальную информацию [6, с. 23-24]. Отношения, связанные с государственной тайной, регулируются Законом Российской Федерации от 21.07.1993 № 5486-1 «О государственной тайне», который содержит определенный перечень сведений, сбор и распространение которых запрещены. Закон регулирует отношения, возникающие в связи с отнесением сведений к государственной тайне, их засекречиванием

или рассекречиванием и защитой в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации. Ст. 2 названного закона определяет государственную тайну как защищаемые государством сведения в области военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которой может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. Далее в ст. 5 следует полный перечень сведений, составляющих государственную тайну.

Не менее серьезно законом охраняется конфиденциальная информация в любых ее формах и видах от несанкционированного доступа к ней посторонних лиц. Последствия разглашения таких сведений может привести к уголовной ответственности. Ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» подразделяет любые сведения, находящиеся в распоряжении граждан, государственных органов и юридических лиц, на общедоступные и данные с ограниченным или запрещенным доступом. Подобные виды сведений, которые находятся под охраной закона, указаны в перечне, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера».

В силу специфики своей деятельности журналист как лицо, уполномоченное редакцией на сбор, обработку и распространение информации, для ее поиска использует разные профессиональные приемы, методы, а также технические средства. В настоящее время их арсенал заметно расширился, а возможности получения информации, к сожалению, не всегда носят, надо признать, законный характер.

С этой целью предпримем анализ норм российского законодательства, устанавливающих определенные ограничения на доступ к информации. Связано это в первую очередь с особым режимом сведений, составляющих государственную, коммерческую и иную охраняемую законом тайну. Вторая задача заключается в обеспечении безопасности журналистов и редакций в процессе их профессиональной деятельности во время сбора информации, например, о частной жизни лица, секретах производства или иных сведений, составляющих профессиональную тайну.

В настоящее время по разным подсчетам в российском законодательстве имеется от двадцати до сорока видов специально охраняемых тайн. Тайнами, по общему определению, признаются сведения, доступ к которым в силу различных обстоятельств ограничен, а их распространение может угрожать безопасности государства, привести к нежелательным для их носителя или правообладателя последствиям, причинению вреда, нарушению прав и интересов физических и юридических лиц.

В юриспруденции существует подход, в котором при классификации тайн главным признаком выступает статус собственника информации (сведений, данных) ограниченного характера. В зависимости от этого ключевого признака существует три основные группы

тайн: 1) государственные секреты; 2) тайны, затрагивающие различные аспекты общественной жизни; 3) тайны частной жизни лица [7, с. 365-370].

На наш взгляд, такая градация несколько сужает границы такого правового явления, как охраняемые законом тайны. Поскольку отдельные группы тайн имеют как частноправовой характер, так и государственный или иной организационно-правовой статус (коммерческий, общественный и др.). Скажем, при незаконном распространении информации, составляющей банковскую тайну физического лица, нарушаются права данного лица на тайну частной жизни. Должностное лицо кредитной организации, имеющее доступ к такой информации, своими действиями нарушает закон и должен нести ответственность. Банку как юридическому лицу тем самым наносится урон его деловой репутации, кроме того, организация может понести материальные убытки, определенные судом в качестве компенсации ущерба.

Возможной представляется и классификация, учитывающая степень секретности сведений: совершенно секретные, особо важные, конфиденциальные данные, для служебного пользования и др.

Несмотря на наличие государственной, коммерческой, профессиональных и других тайн, общество и государство, провозгласившее открытость и гласность, средства массовой информации как один из его институтов, стремятся, с одной стороны, к оперативности в распространении информации, с другой – к расширению перечня видов информации ограниченного характера, доступ к которой становится возможным без нарушения законодательства. Однако здесь мы сталкиваемся не только с юридическими, но и с этическими проблемами.

Список литературы:

1. Правовое обеспечение информационной безопасности: учеб. пособие / под ред. С.Я. Казанцева. – М.: Academia, 2005. – 240 с.

2. Потапенко, С.В. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации от диффамации в СМИ / С.В. Потапенко. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – 279 с.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2010 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета – 2010. – 18 июня.

5. Энциклопедия промышленного шпионажа / под общ. ред. Е.В. Куренкова. – СПб.: Полигон, 1999. – 511 с.

6. Дорский, А.Ю. Правовое обеспечение PR / А.Ю. Дорский. – СПб.: Питер, 2005. – 208 с.

7. Потапов, Ю.А. Журналист и тайны: правовые и этические аспекты / Ю.А. Потапов // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2014. – № 1 (3). – С. 365-370.

ТИМОЩУК Константин Игоревич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; Konstantiny80@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются особенности содержания преступности женщин, факторы, влияющие на ее рост и распространение, характерные черты и признаки, исследование которых поможет выявить и обусловить проблематику ее профилактики и предупреждения.

Ключевые слова: *женская преступность, причины женской преступности, насильственные преступления, предупреждение женской преступности.*

Исследование проблематики женской преступности представляется крайне актуальным с криминологической точки зрения вопросом, который отчасти обуславливается тем, что долгое время она рассматривалась исключительно с точки зрения биологической дифференциации женщин, и только начиная с XX века стали учитываться социальные, социально-политические, профессиональные и иные ее особенности.

Ю.М. Антонян, проводя исследование такого феномена как женская преступность, выделяет следующие свойственные ей характерные черты, отличающие ее от мужской преступности:

- масштаб;
- общественные отношения, на которые посягает такая преступная деятельность;
- последствия таких преступных деяний;
- объективная сторона – отличие механизма совершения преступного деяния;
- психологические и этические обстоятельства, выступающие в качестве первопричины совершения преступления;
- выбор жертвы преступного деяния [1, с. 14].

Перечисленные характерные черты женской преступности в первую очередь объясняются исторической и социальной спецификой положения женщины в обществе, которое, не смотря на то, что в последний век претерпело кардинальные изменения, но еще не успело утвердиться в новых социально-правовых реалиях, а также психолого-биологическими особенностями.

Отрицательные факторы, влияющие на рост женской преступности:

1) криминальный профессионализм, рецидивизм, совершение преступлений в группе и организованный характер;
2) увеличение массовой доли тяжких преступлений;
3) ее омоложение;

4) совершение преступлений на почве «страсти» (ревность, зависть, месть);

5) влияние криминальной системы ценностей и вовлечение в специфическую субкультуру;

5) прямая зависимость большой доли преступлений от негативных социальных явлений, таких как алкоголизм, наркомания, бродяжничество, проституция, маргинальный образ жизни и пр.

Рассматривая классификацию социального портрета женской преступности можно выделить следующие основания для ее приведения, а также обратить внимание на статистику и ее долю от общего количества преступлений (на примере данных по г. Санкт-Петербургу в 2018 году):

1) уровень полученного образования:

- начальное и основное (38,21%);
- среднее (полное) общее (9,11%);
- средне-профессиональное (32,99%);
- высшее профессиональное (19,69%);

2) отношение к гражданству Российской Федерации:

- граждане (93,07%);
- иностранные граждане/апатриды (6,93%);

3) возрастная группа (лет):

- 14-15 (0,82%);
- 16-17 (0,98%);
- 18-24 (15,09%);
- 25-29 (15,92%0;
- 30-49 (56,27%);
- 50+ (10,92%);

4) отношение к трудовой занятости:

- наемные рабочие (26,19%);
- служащие (6,20%);
- индивидуальные предприниматели (0%);
- государственные служащие (0,37%; указанный показатель женской преступности превышает аналогичный показатель преступности мужской на 0,26 %);
- учащихся и студентов (3,54%);
- лиц без регулярных источников доходов (63,32%);
- безработные (0,37%; указанный показатель женской преступности превышает аналогичный показатель преступности мужской на 0,12%) [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что усредненная женщина-преступник в г. Санкт-Петербурге в 2018 году – гражданка РФ в возрасте от 30 до 49 лет, получившая среднее или среднее профессиональное образование, при этом не имеющая постоянного источника дохода.

Ш.У. Степанян обращает внимание, что наиболее характерными для женщин выступают следующие преступные деяния: с корыстной мотивацией (мошенничество, воровство, шан-

таж/вымогательство, ростовщичество, скупка краденного и пр.), преступления, проистекающие из алкогольной, наркоманской среды и проституции, дополнительно эти деяния могут быть отягощены вовлечением лиц, не достигших возраста совершеннолетия, в совершение преступных действий (либо этот состав может идти самостоятельно), преступления экономической направленности (в банковской/кредитной/страховой, торговой сфере) [3, с. 94].

Отдельное внимание среди совершаемых женщинами преступных деяний следует уделить преступлениям насильственной направленности, к которым следует отнести убийство, убийство матерью новорожденного, аффективные убийства, убийства, обусловленные превышением мер необходимой самообороны или по неосторожности, доведение до самоубийства.

Л.М. Щербакова выделяет причины, побуждающие женщин к совершению насильственных преступлений:

- негативные воздействия экономических потрясений в государстве;
- невысокую заработную плату либо трудности в трудоустройстве;
- негативная морально-психологическая обстановка в социуме;
- недостатки регулирования миграционных процессов;
- произошедшая в последние десятилетия переоценка и нивелирование роли института семьи;
- особенности женской психики, склонность к затяжным депрессиям, острому и долгому переживанию конфликтных ситуаций;
- неблагоприятная (как финансовая, так психологическая) обстановка в семье, бытовые ссоры;
- отрицательное воздействие на лиц с не устоявшимися правовыми, социальными и культурными устоями аморальных, либо криминальных примеров поведения, вовлечение в преступную субкультуру [9, с. 205].

Вопрос негативного и антиобщественного воздействия криминальной субкультуры в учреждениях уголовно-исполнительной системы на лиц, совершивших первичное преступление, и профилактики профессиональной и рецидивной женской преступности представляет собой большую значимость и актуальность. З.М. Зугумов обращает внимание на следующее: «Стоит отметить, что стратификация женщин-преступниц в пенитенциарных учреждениях существенно отличается от мужской. До 70-х годов XX столетия к кастам осужденных относились «багдадки», «жучки», «воровайки». В настоящий период в иерархии женщин, содержащихся в местах лишения свободы, выделяются: «многоходки», «воровайки», «пацанки», а также группы унижаемых и эксплуатируемых заключенных» [5, с. 194].

Коллективы/группы женщин-преступниц, приговоренных к помещению в места лишения свободы, произвольно дифференцируются в зависимости:

- от общественных отношений, послуживших объектом преступного посягательства;

- от одиночного либо рецидивного преступного характера совершения преступления;

- от отношения к криминальной системе ценностей;

- от опасности, исходящей от них по отношению к социуму;

- возрастной категории;

- уровня образованности;

- отношения к совершенному преступлению;

- места, занимаемого в сформировавшейся в уголовно-исправительном учреждении «иерархии»;

- сексуальных наклонностей.

Мерой профилактики криминализации женщин, совершивших преступное деяние впервые, и повышения эффективности реализуемых пенитенциарными учреждениями исправительно-воспитательных мер можно назвать анализ и выработку индивидуального подхода со стороны таких учреждений в отношении каждой из женщин-преступниц, учета свойственных им особенностей, таких как национальность, религия, образование, отношение власти, социально положение, уровень финансовой обеспеченности, семейное положение, воспитание и пр.

Также следует отметить социально-правовые меры предупреждения преступности женщин, реализация которых возлагается на государство и общество в целом. Некоторые авторы, к примеру, В.А. Лелеков, Т.В.Урусова к ним относят различные мероприятия социально-политической, бюджетной, экономической, этико-психологической, законодательной, воспитательной, медицинской и иной направленности [6, с. 13-14].

Эффективной мерой предупреждения женской преступности послужила бы разработка и принятие нормативно-правого акта, направленного на профилактику и пресечение проституции на государственном уровне. Следует отметить, что за занятие проституцией предусмотрено привлечение лишь к административной ответственности, уголовная же ответственность наступает за вовлечение и организацию такой деятельности. Ужесточение законодательной нормы и перевод занятия проституцией в сферу действия уголовного закона выступает как способ пресечения части преступлений, совершаемых женщинами и проистекающих из данного социального явления.

Представляется необходимым начинать профилактику женской преступности с нравственно-духовного воспитания лиц, не достигших совершеннолетнего возраста. Развивать и продвигать идею кризисных центров для женщин, детей и подростков, оказавшихся в затруднительной жизненной ситуации, что может способствовать тому, что такие лица воздержатся от нарушения закона или попадания под воздействие криминальной субкультуры. Большая роль возлагается на претворение в жизнь положений Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в

Российской Федерации», направленного на профилактику преступного поведения среди рассматриваемой категории лиц, реабилитацию, адаптацию и ресоциализацию оступившихся женщин.

Список литературы:

1. Антонян, Ю.М. Преступность среди женщин / Ю.М. Антонян. – М.: Росс. право, 1992. – 256 с.

2. Социальный портрет преступности (г. Санкт-Петербург, 2018 г.) // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. – URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 18.09.2019).

3. Степанян, Ш.У. Особенности женской преступности в современной России / Ш.У. Степанян // Гражданин и право. – 2009. – № 11. – С. 89-96.

4. Щербакова, Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы: диссертация ... доктора юридических наук / Л.М. Щербакова. – Москва, 2008. – 476 с.

5. Зугумов, З.М. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира / З.М. Зугумов. – М.: Книжный мир, 2015. – 727 с.

6. Лелеков, В.А. О предупреждении женской преступности мерами общесоциальной профилактики / В.А. Лелеков, Т.В. Урусова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 2. – С. 12-17.

ТКАЧЕНКО Наталья Андреевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; tkachenko.afc@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ АУТСОРСИНГА С ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

В статье выделяется такая особенность аутсорсинга, как конкретная схема используемой в нем кооперации (организации) деятельности (труда).

Ключевые слова: *аутсорсинг, договор аутсорсинга, кооперация, вертикальная интеграция, вертикальная дезинтеграция, разделение деятельности, кооперация деятельности, заказчик, аутсорсер.*

В настоящее время в России обычно используется узкое понимание аутсорсинга, современный российский договор аутсорсинга наделяется гражданско-правовой природой – природой договора между автономными и равными субъектами, предметом которого

являются имущественные отношения. Той же точки зрения на договор аутсорсинга придерживается и судебная практика [1].

Гражданско-правовые договоры, на основании которых возникают правоотношения аутсорсинга (в узком смысле), могут являться также смешанными договорами, содержащими элементы агентского договора, договора простого товарищества (о совместной деятельности) и пр. То есть в настоящее время конкретная юридическая форма отношений не является определяющей для признания их отношениями аутсорсинга. Следует согласиться с В.С. Витко и Е.А. Цатурян в том, что современный аутсорсинг представляет собой скорее экономическое явление, чем правовое, и что договор аутсорсинга (в узком смысле) не является неким отдельным (самостоятельным) видом гражданско-правового договора [2, с. 19].

Следует отметить, что наделение договоров аутсорсинга гражданско-правовой природой экономически эффективно в условиях роста экономики (производства). Определенным подтверждением этому может служить ситуация в таких видах аутсорсинга, как страхование, основанное на гражданско-правовом договоре (то, что любое страхование представляет собой некий пример аутсорсинга). В условиях общего спада экономики (производства) у договорного страхования обычно возникают серьезные проблемы [3, с. 129]. О проблемах, возникших в сфере аутсорсинга, основанного на гражданско-правовом договоре (схема вертикальной дезинтеграции), в период спада экономики говорит и Б. Вегедайя: «организации, которые уже ранее использовали аутсорсинг (т.е. заказчики), стали требовать от поставщиков соответствующих услуг (т.е. от аутсорсеров), чтобы они действовали адекватно тем партнерским подходам, которые сами же рекламировали на стадии продаж данных услуг и переговоров, и разделили бы огорчения и обременения, с которыми столкнулись покупатели (заказчики), – многие стремились в 2009 году повторно обсудить их контракты, прося поставщиков (аутсорсеров) передать им “больше за меньшую цену”, а также стремясь добиться существенного сокращения затрат по сравнению с ранее согласованным уровнем (примерно от 15% до 20%)» [4, с. 11].

Таким образом, постоянная приверженность заказчика только одной из двух основных схем кооперации (организации) разделенной деятельности (труда) – вертикальной интеграции или вертикальной дезинтеграции – при меняющихся экономических условиях может не обеспечить экономическую эффективность данной деятельности (труда). Подобное обстоятельство предполагает, что, кроме двух этих основных («чистых») схем координации (интеграции) внешних («чужих») человеческих ресурсов, на практике должны существовать и использоваться в целях обеспечения непрерывности, устойчивости и экономической эффективности деятельности (труда) в целом некие смешанные (переходные) схемы кооперации (организации). Рассмотрим более подробно проблему совместного использования при аутсорсинге двух схем кооперации (организации) деятельности (труда) –

вертикальной интеграции и вертикальной дезинтеграции на достаточно понятном примере юридической деятельности (труда).

Увеличение спроса на юридические услуги стимулирует специализацию, касающуюся различных видов судебных споров – споров, связанных с ценными бумагами, с трудовыми отношениями, недвижимостью и интеллектуальной собственностью. И чем более узкую специализацию имеет лицо, оказывающее юридические услуги в рамках схемы вертикальной дезинтеграции (на основе гражданско-правового договора), тем меньше вероятность того, что ему будет достаточно только одного клиента. Ему необходим растущий, а не падающий рынок юридических услуг. При падении этого рынка специализированное лицо (юридический аутсорсер) имеет большой шанс покинуть данный рынок, оставив своего заказчика, если он не примет заранее некоторых дополнительных мер, без юридической защиты [5, с. 5].

Лицо, осуществляющее юридическую деятельность (труд) в рамках схемы вертикальной интеграции (на основе трудового договора) в составе корпорации, обычно занимается достаточно широким кругом вопросов. Его экономическое благополучие в большей степени зависит от состояния рынка тех товаров и услуг, которые поставляет его корпорация, чем от состояния рынка юридических услуг. С учетом данного обстоятельства заказчики для сохранения непрерывности, устойчивости, экономической эффективности и определенного уровня качества юридической защиты зачастую одновременно с заключением гражданско-правовых договоров с внешними («чужими») юристами продолжают сохранять в своем штате собственных юристов.

Совместное использование двух схем кооперации деятельности (труда), подобное описанной ранее практике в сфере юридической деятельности (труда), имеет место также при внутреннем аудите в кредитных организациях [6, с. 16].

Политика заказчиков, направленная на сохранение в своем штате собственных работников, осуществляющих определенную деятельность (труд), одновременно с заключением гражданско-правовых договоров с внешними («чужими») лицами (аутсорсерами), которые осуществляют во многом аналогичную деятельность (труд), обычно создает на практике ряд правовых проблем. Эти проблемы связаны с необходимостью кооперации (организации) деятельности (труда) данных двух категорий лиц – лиц, которые работают по трудовому договору (вертикальная интеграция), и лиц, осуществляющих свою деятельность по гражданско-правовому договору (вертикальная дезинтеграция). Необходимая кооперация (организация) деятельности (труда) невозможна без определенного взаимопроникновения некоторых элементов, определяющих различающиеся правовые режимы деятельности (труда) всех этих лиц (трудоправового и гражданско-правового режимов).

При осуществлении юридической деятельности (труда) в условиях применения аутсорсинга отсутствие взаимопроникновения трудоправового и гражданско-правового режимов деятельности (труда) отрицательно влияет на кооперацию (организацию) юридической деятельности (труда). Например, в части своевременности получения и эффективности анализа необходимых аутсорсеру внутренних документов заказчика, полноты и своевременности ответа аутсорсера на особо важные и специальные по своему содержанию юридические вопросы руководства и сотрудников заказчика, возникающие в их текущей деятельности, в части совместного участия в судебных заседаниях, и т.д. [10, с. 7-9].

В правовом аспекте это предполагает, что в трудовых договорах и трудовом законодательстве должны существовать положения, конкретизирующие трудоправовые инструменты в направлении положений, характерных для гражданско-правовых договоров и гражданского законодательства, и наоборот. Примером взаимопроникновения трудоправового и гражданско-правового режимов, который предусмотрен действующим законодательством, может служить гражданско-правовой договор о предоставлении труда работников (персонала), предметом которого фактически служат некоторые элементы труда работников. Дополнительное свидетельство наличия правовых предпосылок для существования соответствующих «взаимопроникающих» положений – это появление проблем, связанных с разграничением трудовых и гражданско-правовых договоров. Они возникают и в российской, и в зарубежной правовой доктрине, а также в правоприменительной практике [7, с. 134]. В России к решению данных проблем подключился даже Конституционный Суд РФ. При принятии им решения по одному из дел потребовалось, чтобы он предложил для данного конкретного дела определенные критерии, позволяющие юридически разделить (отграничить) лиц, которые относятся к работающим по трудовому договору (вертикальная интеграция); осуществляющим самостоятельную экономическую деятельность (вертикальная дезинтеграция) [8].

Необходимость существования смешанных (переходных) схем кооперации (организации) деятельности (труда) была известна и в СССР. У предприятия существовали, например, не только плановые договоры, но и возможность использовать излишек своей производственной мощности (свободные производственные мощности) для заключения договоров на поставку по усмотрению сторон [9, с. 80]. В современной России примером смешанных (переходных) схем кооперации (организации) может служить обязательное медицинское страхование. В данном страховании очевидным образом используется вертикальная интеграция в системе правоотношений между Федеральным и территориальными фондами ОМС. Что же касается вертикальной дезинтеграции, то она применяется в системе отношений между территориальными фондами ОМС и страховыми медицински-

ми организациями, а также в системе отношений между медицинскими организациями и страховыми медицинскими организациями.

Список литературы:

1. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.09. 2016 № Ф01-3584/16 по делу № А28-14204/2015// СПС «Консультант плюс».

2. Витко, В.С. Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга / В.С. Витко, Е.А. Цатурян. – М., 2012. – 128 с.

3. Теория и практика страхования / под ред. К.Е. Турбиной. – М., 2003. – 381 с.

4. Иванов, А.Е. Проблемы и тенденции развития аутсорсинга учетных функций в России / А.Е. Иванов, Е.В. Лушпина // Международный бухгалтерский учет. – 2014. – № 5 (299). – С. 10-12.

5. Ковалевский, А.М. Правовая природа договора аутсорсинга в аспекте разрешения социально-экономических проблем / А.М. Ковалевский // Социальное и пенсионное право. – 2018. – № 2. – С. 3-7.

6. Филатова, Д.М. Аутсорсинг функций внутреннего аудита / Д.М. Филатова // Внутренний контроль в кредитной организации. – 2012. – № 2. – С. 15-18.

7. Кораблина, О.В. Правовые механизмы выявления отличительных особенностей гражданско-правовых и трудовых правоотношений / О.В. Кораблина // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1. – С. 131-138

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2010 № 11-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.И. Гущина» // Российская газета. – 2010. – 9 июня.

9. Яковлева, В.Ф. Специализация и кооперирование промышленности. Правовые вопросы / В.Ф. Яковлева. – М.: Юридическая литература, 1974. – 168 с.

10. Зыбина, О.С. Правовые основы внешнеэкономической деятельности / О.С. Зыбина, Е.К.Симакова // Учебное пособие. – СПб.: НОУ СЮА, 2016. – 96 с.

ФЕДОРОВА Анастасия Михайловна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; fedrva-staska@rambler.ru

ДЕЕСПОСОБНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

В статье рассматривается правовая категория «дееспособность» как структурный элемент правосубъектности.

Ключевые слова: *дееспособность, правосубъектность, гражданские права, деликтоспособность, вменяемость.*

Основным содержанием дееспособности является возможность лица самостоятельно приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности, способность своими действиями осуществлять гражданские права и исполнять гражданские обязанности, возможность нести самостоятельную гражданско-правовую ответственность.

Д.И. Мейер отметил, что приобретение права предполагает совокупность трех взаимосвязанных элементов: «субъект, способный к приобретению; объект, подлежащий приобретению, и акт приобретения» [1]. При этом «общей правоспособности недостаточно, а нужно, чтобы лицо было способно именно к приобретению данного права, а поскольку способность к правам не постоянно одинакова, а смотря по обстоятельствам то расширяется, то сжимается, т.к. в один момент времени лицо способно приобрести данное право, а в другой – не способно, то требуется также, чтобы лицо способно было приобрести его именно в данный момент времени».

При определении дееспособности важным в определении данной категории является словосочетание «способность действовать». Оно означает способность самостоятельно анализировать как свои действия, так и действия других лиц; предвидеть возможные последствия и выбирать наиболее благоприятные варианты к действию, что также возможно только при наличии определенного объема сознания, осознания и воли. Человек, который не достиг необходимого правового уровня сознания по возрастному критерию, или же утративший его при наличии у него психических отклонений, не способен собственными действиями приобретать права, обязанности и быть ответственным за свои поступки. Некоторые ученые считают, что именно дееспособность привносит в понятие правосубъектности необходимые активные элементы и придает ей специфическое свойство, характерное именно для гражданского права [2, с. 31].

Законодательно предусмотрено три вида дееспособности: полная, частичная и ограниченная.

Если в отношении совершеннолетнего гражданина отсутствуют судебные решения об ограничении или лишении дееспособности, то такой гражданин признается полностью дееспособным. Иначе говоря, полностью дееспособный гражданин не должен иметь критических нарушений психики или соматического здоровья, которые бы могли препятствовать полноценному осуществлению прав и обязанностей во всех областях права и социальной жизни.

Термин «частичная дееспособность» применяется только касательно несовершеннолетних. Согласно статье 28 ГК РФ, некоторые виды юридической самостоятельности, а также право самостоятельно совершать простые виды сделок ребёнок обретает, начиная с 6 лет. Это могут быть, например, мелкие бытовые сделки, покупка продук-

тов, распоряжение деньгами, полученные ребёнком от родителей и так далее. Однако точного определения законодательство на этот счёт не приводит.

Остальные сделки за ребёнка производят его родители до достижения ребёнком 14 лет. С этого возраста подросток вправе сам распоряжаться собственными доходами (заработком, стипендией и т.д.) и результатами интеллектуальной деятельности.

Однако за нанесенный ограниченно дееспособным гражданином вред ответственность он несет самостоятельно. Исключение составляют душевнобольные люди. При этом способность нести ответственность определяется по результатам психиатрической экспертизы.

Если исчезли причины для принятия решения об ограничении дееспособности, то такое решение может быть отменено. К примеру, если гражданин излечился от наркомании, игромании или алкоголизма, что подтверждается надлежащим медицинским заключением.

Лишение и ограничение дееспособности находятся исключительно в компетенции суда. Единственная причина – психическое заболевание, которое не позволяет человеку управлять своими поступками и в целом осмысливать свое поведение. Установить присутствие подобной патологии возможно только методом экспертизы.

Потеря дееспособности обозначает, что гражданин лишается совершенно всех прав на проведение юридически важных сделок. Вместо него и в его интересах это выполняет попечитель. Но при этом и ответственность за свои поступки недееспособный человек нести не может. Ведь он не осмысливает их результаты.

Административная дееспособность – это способность гражданина осуществлять права, выполнять обязанности, установленные административно-правовыми актами, и нести соответствующую ответственность. Однако административная дееспособность – это довольно размытая категория, так как однозначных условий ее наступления в законодательстве не приведено.

Административно-правовая область содержит множество компонентов. Для каждого из них определены свои возрастные и иные мерки. В частности, для того чтобы осуществить своё право на получение образования или получение медицинской помощи, гражданину не нужно ожидать прихода установленного возраста.

Согласно КоАП РФ [3], административная ответственность наступает с 16 лет. В отличие от уголовной ответственности, здесь не предусмотрено никаких исключений.

Следовательно, административная дееспособность гражданина обусловливается исходя из определённых административно-правовых взаимоотношений и обстоятельств, определенных для их участников.

Помимо дееспособности как уже говорилось раньше, к элементам правосубъектности некоторыми учеными относятся деликтоспособность и вменяемость. Проанализируем данные понятия.

Существует точка зрения, что к структурным элементам гражданской правосубъектности необходимо также причислить и деликтоспоособность. На этот счет мнения ученых разделяются. Так, одни ученые считают, что деликтоспособность должна быть самостоятельным элементом правосубъектности [4, с. 118], а другие – что деликтоспособность необходимо рассматривать как элемент структуры гражданской правосубъектности, но только как часть дееспособности [5, с. 86].

Деликтоспоособность – это способность лица нести гражданско-правовую ответственность за свершенные им правонарушения. Деликтоспособность – это единство двух возможностей: «быть носителем соответствующих прав и обязанностей и создавать их своими действиями» [6, с. 17]. В понятии деликтоспоособности находят единение двух способностей: способность лица нести какие-либо обязанности, и одновременно ответственно относится к их исполнению, а в случае нарушения возложенной на лицо ответственности – способность понести наказание за неисполнение.

В гражданском праве также наличествует институт возложения на субъект обязанности по несению отрицательных результатов от преступлений других лиц. Его цель – максимально полно обеспечить восстановление попранных прав пострадавшего или кредитора. Юридической основой несения указанных обязанностей служит правоспособность и дееспособность субъекта, а не его деликтоспособность. Такая возможность брать на себя обязанности является элементом содержания правоспособности и дееспособности. Он появляется из неправомерных действий третьих лиц, осуществление которых законодательство ограничивает установленными правовыми формами, например, гарантия, поручительство и т. п. Этот институт, за небольшим исключением, служит формой перекладывания (делегирования) на лицо прав пострадавшего (кредитора) по применению к виновной стороне мер ответственности.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность может осуществляться не только по форме «свое преступление – своя ответственность», но и по двум другим формам: «свои поступки – чужая ответственность» и «чужие поступки – своя ответственность».

Следуя логике данного рассуждения, действительно, деликтоспособность будет более логично отнести к структурной части дееспособности (возможности самостоятельно осуществлять свои права, создавать обязанности и исполнять их, отвечая по принятым на себя обязательствам), нежели правоспособности (то есть способности иметь права и обязанности). Однако клубок взаимозависимости и сопряженности всех трех понятий настолько переплетен, что весьма трудно разорвать логические связи между данными элементами и отнести деликтоспособность к правоспособности или дееспособности. Даже М.В. Кротов отмечал, что правосубъектность носит абстрактный характер, т.е. это обобщенная возможность правообладания, которая не может быть представлена в виде набора или комплек-

са отдельных субъективных прав. Не следует, по его мнению, представлять правосубъектность и как постоянно изменяющуюся, динамичную категорию, зависящую от объема конкретных прав и обязанностей, которыми наделен гражданин. Гражданская правосубъектность – это признаваемая в равной мере за всеми лицами максимально полная, суммарно выраженная возможность правообладания, абстрактный характер которой как раз и проявляется в ее обобщающей характеристике.

Следующий спорный элемент гражданской правосубъектности, который причисляется к общей массе, – вменяемость. Сразу необходимо оговориться, что вменяемость – категория, свойственная уголовным правоотношениям. В гражданских правоотношениях ее синонимом является дееспособность.

Не стоит путать понятия «дееспособность» и «вменяемость». Разница заключается в том, что вменяемость определяется только в отношении совершенного субъектом в прошлом тяжелого преступления, влекущего за собой уголовную ответственность. Невменяемость сопровождается недееспособностью в том случае, когда человек страдает явно выраженным психическим заболеванием, имеющим хронический характер. В любом случае, при определении дееспособности в отношении настоящего и будущего времени обязательно учитывается динамика психического состояния обследуемого гражданина.

Таким образом, правосубъектность – это юридическое свойство лица, которое позволяет ему быть полноправным участником правовой системы, гарантируя право на защиту интересов взамен на исполнение определенных обязательств.

Элементами правосубъектности выступают правоспособность, в рамках которой возможно рассматривать деликтоспособность и дееспособность. Дееспособность – это возможность лица самостоятельно приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности, способность своими действиями осуществлять гражданские права и исполнять гражданские обязанности, возможность нести самостоятельную гражданско-правовую ответственность.

Список литературы:

1. Мейер Д.И. Русское гражданское право / Мейер Д.И. // СПС «Консультант плюс».

2. Михайлова И.А. Возникновение и прекращение правоспособности физических лиц: новые аспекты / И.А. Михайлова // Российский судья. – 2004. – № 10. – С. 29-32.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

4. Козлова, Н.В. Правосубъектность юридического лица / Н.В. Козлова. – М.: Статус, 2008. – 476 с.

5. Рузанова, Е.В. К вопросу о дееспособности не достигших 14-летнего возраста / Е.В. Рузанова // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: Материалы научно-практической конференции. – Самара, 2005. – С. 85-87.
6. Яковлева, Н.В. Правовое регулирование опеки и попечительства / Н.В. Яковлева // Социальное и пенсионное право. – 2008. – № 2. – С. 14-19.

ФЕДУЛОВ Борис Александрович,
доктор педагогических наук, профессор, Барнаульский юридический институт МВД России, профессор кафедры тактико-специальной подготовки; fedulovb@mail.ru

ШУБИН Сергей Павлович,
Барнаульский юридический институт МВД России, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки; info@buimvd.ru

ЛЕВЧЕНКО Александр Александрович,
Барнаульский юридический институт МВД России, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки; info@buimvd.ru

ПРИМЕНЕНИЕ КВАЗИПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В статье раскрываются особенности применения квазипрофессионального подхода в процессе профессиональной подготовки сотрудников полиции. Авторами уточнено понятие «квазипрофессиональный подход» для современных условий, определены проблемы связанные с его внедрением и предложены направления по их разрешению, а также приводятся педагогические условия, раскрывается методика проведения занятий, реализующих квазипрофессиональный подход.

Ключевые слова: *квазипрофессиональный подход, правоохранительная деятельность, профессиональная подготовка, сотрудник полиции, педагогические условия.*

Перспективным направлением в современном образовании следует выделить квазипрофессиональный подход. Методики, основанные на его применении, призваны решить проблему сокращения существенного разрыва между обучением и практикой. Этот подход

реализует систему взаимосвязанных внутренних и внешних факторов, которые определяют восприятие, понимание и усвоение конкретной учебной ситуации, и непосредственно связаны с практической деятельностью. Внутренние факторы – это приобретенный человеком опыт, психологическое состояние и индивидуальные особенности человека, определяющие его отношение и способность к практической деятельности. Внешние факторы – условия учебной деятельности, объекты и пространственно-временные характеристики образовательного процесса, связанные с будущей профессиональной деятельностью [2, с. 96-110].

Квазипрофессиональное обучение – специально организованный процесс, реализующий динамическую модель продвижения, от получения теоретических знаний через квазипрофессиональную деятельность к приобретению практических профессиональных навыков. Эта деятельность включает контексты, которые дополняют учебную информацию прикладным смыслом, что предоставляет возможность обучаемым наглядно представить и понять конкретную связь изучаемого теоретического материала с обстоятельствами своей будущей профессиональной деятельности.

При традиционном обучении обучаемые сотрудники полиции воспринимают теоретический материал отвлеченно, без непосредственной связи с будущей профессиональной деятельностью, теоретические положения запоминаются фрагментами, на уровне определений или формул, при дальнейшей отработке практических навыков взаимосвязь теории и практики остается достаточно слабой, поэтому большинство выпускников вынуждены на практике самостоятельно доучиваться.

Необходимо отметить важные проблемы при решении поставленной задачи: определение областей эффективного применения в образовательной деятельности квазипрофессионального подхода; обоснование педагогических условий и требований к структуре и содержанию дидактических материалов; определение влияния информационных и технических средств на совершенствование форм и методов обучения; выявление оптимального порядка применения развивающих методов в процессе обучения и воспитания; реализация личностно-ориентированного подхода в профессиональной подготовке сотрудников полиции.

Существенным является то, что реализация квазипрофессионального подхода основывается на дидактическом соединении теоретических положений изучаемых дисциплин и практической деятельности сотрудников полиции. Сложность такого соединения заключается в том, что оно должно учитывать данные различных наук (как общенаучного, так и наук специализации). При разработке методологического обеспечения реализации контекстного обучения нами учитывались его основные особенности, далее раскроем их содержание.

Одним из принципиальных условий для реализации квазипрофессионального подхода выделяется необходимость моделировать в

учебно-воспитательном процессе целостное содержание особенностей профессиональной деятельности, поэтому обучение, чтобы стать успешным, должно начинаться с заданного целостного представления об изучаемом объекте и никогда не терять его из виду. Знания переходят в умения, но они не складываются из них автоматически, как из кирпичиков, а создают всякий раз новое качество, в котором и заключается суть развития. Построение экспериментальных программ, основанных на принципе системной дифференциации, можно определить как расчленение исходного, неделимого и целого представления о предмете на многообразные формы и ступени, которые возникают в процессе движения процесса обучения, раскрывающего его содержание [3, с. 107-116].

Существенным условием, которое следует выделить, является то, что изучаемый материал должен быть интересен, понятен и реально практически применим, для чего учебный процесс должен быть максимально приближенным к профессиональной деятельности. Следует учитывать, что методика, основанная на квазипрофессиональном подходе в большей степени актуальна на определенной фазе освоения профессиональной деятельности, она не может быть в полной мере реализована на первоначальном этапе обучения. Эффективно использовать данный подход для освоения конкретных направлений профессиональной деятельности, что целесообразно после усвоения начальных и исходных положений по этой деятельности. Поэтому рассматриваемые особенности актуальны и необходимы при освоении дисциплин специализации. Но, несмотря на то, что в рамках профессионального обучения речь идет о профильных предметах из области правоохранительной деятельности, его возможно и целесообразно реализовать и по дисциплинам общенаучного направления. Причем суть этих занятий заключается не только в том, чтобы проникнуть в глубину предмета, но и в том, что бы на его фоне раскрывать разные явления и процессы, определяющие практическую деятельность вообще и профессиональную в частности [6, с. 62].

Преимущества использования квазипрофессионального подхода заключаются в том, что дисциплина преподается в интересном, проблемном, а главное – полезном практическом контексте, который близок к профессиональным интересам сотрудников полиции. Для этого в традиционные формы обучения по дисциплине профессиональной подготовки обязательно включается материал по проблемам правоохранительной деятельности, примеры, вводные задачи и практический опыт конкретных личностей профессионалов.

В рассматриваемой методике существенное значение отводится созданию условий для развития мотивации для освоения профессиональной деятельности у сотрудников полиции и их регулярное стимулирование. Для этого применяется рейтинговая оценка образовательного процесса, преподаваемые знания актуализируются проблемами тактико-специальной подготовки, предъявляется заинтересованное, принципиальное и требовательное отношение к усвоению

материала обучаемыми, что способствует самовоспитанию профессионально-значимых качеств сотрудников полиции [1, с. 57].

Особенности занятий реализующих квазипрофессиональный подход проявляются и в процессе подготовки к их проведению. Изначально преподаватель определяет в теме одну или несколько актуальных проблем для профессиональной деятельности, готовит их представление так, чтобы они вызывали интерес и активность обучаемых. Обязательным является моделирование в учебно-воспитательном процессе реальных ситуаций и условий, возникающих в профессиональной деятельности, подбор примеров и положительного опыта решения правоохранительных задач, выбор проблемных ситуаций, задач и вводных.

Опытно-экспериментальная работа по оценке эффективности предлагаемой методики проводилась в Барнаульском юридическом институте МВД России. Из обучаемых были сформированы контрольная и экспериментальная группы, в экспериментальной внедрялись предложения по реализации квазипрофессионального подхода. Основными методами были экспертная оценка, тестирование, анкетирование, проверка сформированности компетенций по комплексным квалификационным заданиям. После проведения формирующего эксперимента в экспериментальной группе был отмечен значительный рост основных показателей, средний балл и качества знаний обучаемых возросло с 3,9 до 4,4 и с 79% до 91%, в контрольной группе существенных изменений не произошло. Таким образом, проведённая работа подтвердила эффективность применяемого подхода.

Методика, основанная на квазипрофессиональном подходе, применяемая в профессиональной подготовке сотрудников полиции реализует комплексное применение следующих активных методов: имитационно-деятельностного, проблемного, адаптивного обучения, игрового, личностного проектирования и духовно-нравственного развития [5, с. 65].

Методы имитационно-деятельностной направленности реализуют цель максимально приблизить учебный процесс к подготовке конкретного специалиста. Сущность такого подхода заключается в том, что знания являются лишь промежуточным звеном, конечной целью обучения должны быть действия.

Методы проблемного обучения предполагают такую деятельность обучаемых и обучающих, которая включает совместный творческий поиск и решение проблем при определенной самостоятельности первых и под общим руководством последних, путем постановки проблемных вопросов и задач.

Методы, реализующие учитывающие процессы адаптации, имеют цель максимально реализовать индивидуальные особенности и развить способности каждого обучаемого. Следует учитывать различные девиации в развитии личности, в том числе и гендерные особенности для достижения заданных результатов [4, с. 251]. Личностное проектирование должно обеспечить включение сотрудника поли-

ции в квазипрофессиональную деятельность, реализующую общественно-полезный и социально-нравственный ее характер.

Игровые методы реализуют принцип воспитывающего обучения. Воспитательный процесс имеет целенаправленное воздействие, субъектом данного процесса является педагог, эта деятельность открывает перед обучаемыми социальные ценности, которые преобразуются в личностный смысл.

Методы духовно-нравственного развития являются основой воспитания, и обязательно должны присутствовать при контекстном обучении. Обучаемый, готовясь к практической деятельности, должен осознавать, во имя чего она реализуется, поэтому реализуются методы формирования идеальных потребностей и гуманистических ценностных ориентаций.

Таким образом, квазипрофессиональный подход адекватно отражает особенности профессиональной деятельности сотрудников полиции и в наибольшей степени соответствуют характеру современного учебного процесса. Этот процесс характеризуется проведением в реальном масштабе времени и получения заданного результата; возможностью включения различных инновационных методов в структуру традиционных видов учебных занятий; динамичностью возникновения и разрешения ситуации через вводные проблемы и задачи; возможностью объединения различных методов в единый комплекс в соответствии с педагогическими целями; включением конкретного квазипрофессионального контекста в соответствии с целями профессиональной подготовки сотрудников полиции.

Список литературы:

1. Башков, А.В. Самовоспитание профессионально значимых качеств курсантов вуза МВД России: монография / А.В. Башков, Б.А. Федулов. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2011. – 176 с.

2. Вербицкий, А.А. Теория контекстного обучения как основа педагогических технологий / А.А. Вербицкий // Завуч. – 1998. – № 5. – С. 96-110.

3. Каропа, Г.Н. Системная дифференциация как закономерность и принцип обучения / Г.Н. Каропа // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 22. – №6 (170). – С. 107-116.

4. Мальченкова, В.В. Особенности профилактики делинквентности девушек-подростков социально-педагогическими и правовыми средствами / В.В. Мальченкова, Б.А. Федулов // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. – С. 251-253.

5. Федулов, Б.А. Формирование духовных основ образа жизни студенческой молодежи: монография / Б.А. Федулов, В.Д. Рудченко, А.В. Паутова, Л.Б. Пегарева. – Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2008. – 171 с.

6. Johnson Elaine B. Contextual Teaching and Learning. Corwin Press, INC. A Sage Publications Company. Thousand Oaks / B. Johnson Elaine. – California, 2002. – 196 p.

ХМОЛЕНКО Антон Николаевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; aanton08@mail.com

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассматриваются основные этапы возникновения, становления и развития института возбуждения уголовного дела в России, проводится анализ эволюции норм, регламентирующих данное направление деятельности.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, отрасли права, следственные органы, уголовно-процессуальный закон, судебная реформа.*

Современный уголовный процесс, равно как и право в целом, получил свое оформление не сразу. Он складывался параллельно развитию общества и государства. Со временем менялись его формы, принципы и институты. В результате становления уголовного процесса накапливался исторический опыт законодательного регулирования и его практической апробации, который необходимо учитывать в настоящее время при разработке рекомендаций по совершенствованию правовой регламентации различных процессуальных институтов [7, с.72-75].

История возникновения, становления и развития института возбуждения уголовного дела прошла несколько этапов, соответствующих определенным периодам развития уголовно-процессуального права в целом.

Первые упоминания о возбуждении уголовного дела относятся ко времени принятия Судебных уставов 1864 года.

Необходимо отметить, что в практике применения норм, регламентирующих начало производства по делу того времени, существовали некоторые проблемы. Законом не закреплялось четких оснований для начала следствия: существующее правило приступать к расследованию по своему усмотрению ограничивалось тем, что доносы, извещения и слухи должны быть основаны на достаточных доказательствах. Но данное ограничение отрицалось указанием, по которому полиция должна начинать следствие по любому сведению, в результате чего последнее нередко проводилось безосновательно, что предопределялось механизмом инквизиционного (розыскного) судопроизводства.

С завершением Октябрьской революции 1917 года, послужившей причиной смены государственного строя России, произошли преобразования и в сфере уголовного судопроизводства. Первым законом советской власти был Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 года [1], ознаменовавший новый период в развитии уголовного процесса, который упразднил дореволюционную судебную систему (су-

ды, прокуратуру, следственный аппарат), создал новые органы юстиции и установил основные принципы осуществления правосудия [2, с. 206]. Вместе с тем декретом допускалось право руководствоваться старыми законами в том случае, если они не отменены советскими и не противоречат революционному правосознанию. Это относилось, в том числе, и к нормам, касающимся института возбуждения уголовного дела, вошедшим в содержание декрета.

По окончании гражданской войны в стране проводилась судебная реформа 1922 года, в ходе которой были упразднены органы ВЧК, создана адвокатура (26 мая 1922 года), образована прокуратура (28 мая 1922 года) как орган, осуществляющий надзор за исполнением законов, в том числе и при принятии решения о возбуждении уголовного дела. Одним из важных результатов реформы стало принятие 25 мая 1922 года первого Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, представлявшего собой единый процессуальный закон для всех судов, лишь с некоторыми процессуальными изъятиями для деятельности трибуналов [3, с. 48].

Важной вехой в развитии исследуемого института и в целом всей системы юридических отраслей права стало принятие 5 декабря 1936 года Конституции СССР. Она формулировала демократические принципы и положения советского уголовного процесса, возведенные таким образом в степень конституционных [4, с. 409].

Главой 9 Конституции, посвящавшейся суду и прокуратуре, определялись, помимо принципов судоустройства, задачи суда и сущность прокурорского надзора, что имело большое значение для укрепления законности во всех сферах общественной жизнедеятельности, в том числе в области возбуждения и расследования уголовных дел.

В развитие изложенных положений Конституции 16 августа 1938 года был принят Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, которым устанавливались основные принципы деятельности суда, прокуратуры, органов дознания и следствия. В его статьях подробнее освещались полномочия органов суда, народных судей. В частности, закреплялось, что судья при принятии решения о возбуждении уголовного дела выносит соответствующее постановление, также предусматривались некоторые особенности возбуждения уголовного преследования против самих судей.

В период Великой Отечественной войны, когда деятельность судебных и следственных органов определялась по законам военного времени, институт возбуждения уголовного дела не мог избежать изменений, внесенных военной обстановкой.

Для укрепления законности в судебно-следственной деятельности послевоенного периода большое значение имело Положение о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1955 года. Названное положение усилило позиции прокуратуры, более детально были определены ее права и обязанности в сфере надзора за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия. Про-

курор, осуществляющий надзор за расследованием преступлений, наделялся правом отменять незаконные и необоснованные постановления следственных органов, в том числе и о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом. На него также возлагалась обязанность рассмотрения жалоб на действия соответствующих органов. Все это имело существенное значение для усиления надзора за законностью принятия решений на первоначальном этапе производства по делу.

Важным мероприятием, давшим новый толчок к развитию норм института возбуждения уголовного дела, явилось принятие 25 декабря 1958 года Основ уголовного судопроизводства Союза СССР и союзных республик, которые стали одним из результатов очередной кодификации отечественного законодательства. В них были сформулированы задачи уголовного судопроизводства, принципы правосудия, в главных чертах определено содержание каждой стадии уголовного процесса.

В октябре 1960 года был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, вступивший в действие с 1 января 1961 года. Нормы исследуемого института, сохранив преемственность многих положений, предусмотренных прежним законодательством, претерпели существенные изменения, получив, таким образом, дальнейшее развитие в новом законе. Среди характерных особенностей регулирования процессуальной деятельности на первоначальном этапе производства по делу можно выделить следующие.

В ст. 108 Главы 8 УПК РСФСР закреплялись поводы к возбуждению уголовного дела. Вместе с тем закон не содержал нормы о том, признавались ли в качестве поводов анонимные заявления (письма) граждан, и каковы правовые последствия таких заявлений. Это способствовало возникновению определенных трудностей на практике при работе с поступающими заявлениями. Напрашивался вопрос, что следовало делать после получения такого сообщения: отказаться от его рассмотрения или провести по нему предварительную проверку, поскольку оно могло содержать информацию о конкретном преступлении.

Данный пробел был устранен лишь в 1988 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», в соответствии с которым анонимные заявления не подлежали рассмотрению [5, с. 51].

Поводами к возбуждению уголовного дела по УПК РСФСР служили: заявления граждан; сообщения организаций, предприятий, учреждений и должностных лиц; сообщения профсоюзных и комсомольских организаций, народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций; сообщения, опубликованные в печати; явка с повинной; непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором, судьей или судом признаков преступления.

Наряду с поводами законодательно устанавливались основания к возбуждению уголовного дела, которыми по УПК РСФСР являлись достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Следует отметить, что современным уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 140 УПК РФ) основание для возбуждения дела трактуется аналогичным образом (наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления).

УПК РСФСР 1960 года регламентировал единую процедуру возбуждения уголовного дела, восполнив тем самым пробел предыдущего законодательства относительно последовательности процессуальных действий по рассмотрению первичных сведений о преступлении. Одновременно в соответствии со ст. 112 УПК РСФСР устанавливался порядок оформления решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом.

За годы своего существования УПК РСФСР 1960 года неоднократно подвергался изменениям и дополнениям, затрагивающим, в том числе, положения, относящиеся к институту возбуждения уголовного дела. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство» в уголовный процесс вводилась протокольная форма досудебной подготовки материалов, которая была распространена на дела о хулиганстве без отягчающих обстоятельств, а с 1977 года – на факты мелкого хищения государственного и общественного имущества. Окончательное процессуальное оформление она получила в 1985 года на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР», существенно расширившего область ее применения.

Важная роль в регламентации деятельности по рассмотрению сведений о преступном деянии отводилась ведомственным нормативным актам. В частности, Примерная инструкция о порядке приема, регистрации, учета и разрешения в органах и учреждениях внутренних дел заявлений, сообщений и другой информации о преступлениях и происшествиях, утвержденная приказом МВД СССР № 415 от 11 ноября 1990 года [6, с. 57] подробно регулировала деятельность наделенных соответствующими полномочиями лиц при получении сведений о противоправных действиях. Примечательно, что ряд предписаний данной инструкции получили развитие в нормах ныне действующих подзаконных нормативных актов, определяющих процедуру приема, регистрации сообщения о преступлении.

В начале 90-х годов в связи с изменением общественных отношений, а также существующей ориентацией на общепринятые международные стандарты в сфере правосудия и расследования уголовных дел, назрела необходимость разработки нового уголовно-процессуального законодательства.

В рамках проводимой судебной реформы Государственной Думой РФ 22 ноября 2001 года был принят Уголовно-процессуальный

кодекс Российской Федерации, вступивший в действие 1 июля 2002 года. Он установил целый ряд принципиально новых процессуальных правил, касающихся начала уголовного судопроизводства

Регламентация института возбуждения уголовного дела подверглась существенным коррективам. Введено правило, в соответствии с которым для возбуждения уголовного дела требуется согласие прокурора; в число следственных действий, производимых до возбуждения уголовного дела, включены, помимо осмотра места происшествия, освидетельствование и назначение экспертизы; изменен перечень поводов для возбуждения дела; внесены коррективы в процедуру возбуждения уголовных дел частного обвинения; отменена протокольная форма досудебной подготовки материалов.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости более тщательного исследования как самого института возбуждения уголовного дела, так и практики применения его положений с целью корректировки действующих процессуальных норм, а также выработки предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности, связанной с реализацией норм данного института.

Список литературы:

1. О суде: декрет СНК РСФСР № 1 от 24 ноября 1917 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (далее СУ РСФСР). – 1917. – № 4. – Ст. 50.

2. Исаев, И.А. История государства и права России. Учебное пособие / И.А. Исаев. – М: Проспект, 2017. – 380 с.

3. Власова, Н.А. Первоначальный этап уголовного процесса по законодательству дореволюционной России и зарубежных стран / Н.А. Власова // Проблемы предварительного следствия и дознания. Сб. науч. трудов. – М.: Проспект, 2007. – С. 45-52.

4. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М.: Юридическая литература, 1989. – 639 с.

5. Голубев, В.В. Анонимные заявления: позитивный взгляд на негативное явление / В.В. Голубев // Законодательство. – 2007. – № 3. – С. 50-58.

6. Сборник нормативных актов по деятельности органов дознания и предварительного следствия / сост. В.К. Бобров, П.В. Смирнов. – М.: Изд-во МЮИ МВД России, 1998. – 148 с.

7. Суслин, Э.В. Философские основы причинной связи в уголовном праве / Э.В. Суслин, В.Б. Малинин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2013. – № 4. – С. 72-75.

ЦЫПЛУХИН Максим Владимирович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; mtcipluhin@mail.ru

ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ ГРАЖДАН КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

В статье анализируются жизнь и здоровье, относящиеся к категории нематериальных благ, охраняемых непосредственно законом.

Ключевые слова: *субъективное право, жизнь, здоровье, способность к труду, право на жизнь, гражданская правосубъектность, нематериальные блага, психическое здоровье, физическое здоровье.*

Жизнь и здоровье, наряду со способностью к труду (к выполнению работ и оказанию услуг) относятся к категории нематериальных благ, охраняемых непосредственно законом.

Постановка вопроса о признании за каждым физическим лицом субъективного права на жизнь, на здоровье и органические способности носит внутренне противоречивый характер. Так, если мы говорим о признании какой-то юридической возможности за всяким и каждым (например, ч. 1 ст. 29 Конституции РФ), то она по определению не может быть субъективным правом, ибо не будет характеризоваться ни конкретностью, ни эгоистической направленностью. Верно и обратное: сказав о признании субъективного права, мы тем самым лишаем себя возможности говорить о том, что таковое признается за всяким и каждым. Или «за всяким и каждым» или «субъективное право», но не то и другое вместе. Неважно, о какой (чьей и каким образом проживаемой) жизни идет речь, охраняется любая жизнь; неважно, насколько здоровым является тот или иной конкретный человек физически иди уравновешенным психически, охраняется любое состояние здоровья; не имеет значения и вопрос о том, к какому труду способен (и способен ли к нему вообще) тот или иной конкретный человек, право охраняет не его конкретные способности, но всякие способности к труду вообще (в том числе и его, данного конкретного лица). Если бы гражданское право, решая вопрос об охране биологических благ, принимало во внимание их содержание и индивидуальные черты, подобно тому, как оно охраняет вещи и нематериальные блага социального свойства, приобретенные (созданные, завоеванные) действиями каждого конкретного лица, если бы существовали условия, при которых гражданское право могло бы отказаться от охраны этих благ, принадлежащих тем или иным конкретным лицам, тогда была бы налицо одна из предпосылок признания этих благ объектами субъективных прав [1, с. 84]. Тем не менее, и в этом случае о таком признании говорить бы не приходилось, поскольку этому воспрепятствовала бы объективная природа биологических благ.

Жизнь, физическое и психическое здоровье, равно как и способности к труду, не приобретаются человеческими действиями, подобно материальным и социальным благам, а даются от рождения человеку. Все эти качества или их предпосылки – способности, склонности, таланты – остается только развивать. Но даже если допустить, что какие-то из этих качеств (например, способности к определенному роду профессиональной деятельности) и привносятся извне, все равно такое привнесение не сопряжено с отчуждением (отобранием) аналогичных способностей и качеств у других людей. Жизнь вовсе не приобретается, она либо имеется, либо нет; приобретение же индивидуально определенного состояния физического или психического здоровья, равно как и способностей к труду, не представляет собой приобретения в смысле монополизации соответствующих качеств, ибо никто и ничто не мешает иным лицам (при наличии у них к тому желаний и возможностей) стать столь же здоровыми, уравновешенными и обладающими навыками выполнения определенной работы, т.е. это совсем не то приобретение, о котором шла речь прежде, применительно к тем благам, что являются объектами субъективных гражданских прав. «Приобрести» одну или несколько жизней, «дополнительно» к имеющейся, невозможно, т.к. жизнь у каждого одна; нет смысла, следовательно, ни в аренде жизни, ни в ее залоге, ни в иных способах распоряжения «правом» на нее; то же самое касается здоровья и способностей. Сколько бы по поводу этих ценностей ни заключалось сделок (ни устанавливалось бы прав и обязанностей), таковые не смогут повлиять на реальное положение вещей.

Можно вспомнить еще и о том, что юридические возможности, являющиеся субъективными правами, могут стать предметом как публично-правовых ограничений, так и частных обременений. На юридические же возможности, связанные с поддержанием жизни, направленные на приобретение либо сохранение определенного состояния здоровья или способностей, в современных условиях мог бы быть распространен один только институт публично-правовых ограничений, но не частных обременений. Впрочем, даже публично-правовые ограничения пресловутого «права на жизнь» сегодня касаются главным образом лишь одного ее аспекта – ограничения свободной жизни; что же касается публично-правовых ограничений тех возможностей, которые касаются здоровья и способностей, то таковых сегодня не имеется вовсе [2, с. 97].

Сама жизнь является предпосылкой к постановке вопроса о наличии носителя гражданской правосубъектности – человека. Соответственно, возможности (способности) каждого человека поддерживать данную ему свыше жизнь, сохранять и укреплять собственное здоровье, а также использовать и развивать свои способности к труду, признанные государством, оказываются элементами гражданской правоспособности – гражданско-правовой формы гражданской правосубъектности. Реализуя данные возможности, физическое лицо позиционирует себя в качестве субъекта (участника) общественных отно-

шений, в том числе тех, которые регулируются гражданским правом, т.е. в качестве субъекта гражданского права.

Итак, жизнь и здоровье являются нематериальными благами, непосредственно охраняемыми законом. Причем здоровье следует рассматривать как физическое (телесное) и психическое здоровье (душевный комфорт, спокойствие). Законодательного определения этих благ до сих пор не существует. Такая ситуация характерна не только для российского, но и для зарубежного законодательства, что предопределяет появление разнообразных концепций по этому вопросу.

Статья 1 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3] определяет институт охраны здоровья как совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его долголетней активной жизни, предоставление ему медицинской помощи в случае утраты здоровья. Из этого определения следует, что здоровье человека – это состояние его полного физического и психического благополучия. Соответственно, повреждением здоровья должно признаваться действие или бездействие, влекущее выход человека из этого благополучного состояния [4, с. 128].

Жизнь – система многократно повторяющихся единообразных биологических процессов, образующих человеческий организм: гомеостаз, обмен веществ, восприятие (отражение мира в ощущениях), развитие и размножение. Точность такого определения оставляет желать, конечно, много лучшего, но для правоведения это и не важно, поскольку важно лишь правильное практическое (формальное) определение начальной временной точки человеческой жизни, называемой рождением, а также финальной точки, именуемой смертью. Правовое признание за человеком способности жить означает, во-первых, признание способности живого человека сохранять свою жизнь при любых условиях, в том числе любыми (законными, разумеется, хотя и не обязательно моральными) способами бороться за ее сохранение и требовать того же (т.е. помощи в сохранении жизни) от других. По всей вероятности можно признать существование не только всеобщего запрета посягать на жизнь, но также и всеобщей регулятивной обязанности (обязанности всякого и каждого) оказывать сообразную собственным силам и ситуации активную помощь в устранении угрозы чужой жизни; лица же, положение (спасатели, пожарные, сотрудники милиции, врачи, родители, опекуны и т.д.) или предшествующее поведение которых создает в глазах лиц, жизнь которых находится под угрозой, основание рассчитывать на их помощь и содействие, обязаны такую помощь и содействие оказывать безвозмездно и с максимальной степенью добросовестности, в том числе в ущерб личным интересам.

Точно так же можно говорить и об обязанности государства совершать все свои действия таким образом, чтобы не только не мешать, но и активно поддерживать реализацию лицами, на его территории находящимися, способности жить. Объявление войны может осуществляться государством лишь в ответ на агрессию со стороны другого государства. Лица, приговоренные к смертной казни, должны пользоваться правом на пересмотр приговора, замену смертной казни другим видом наказания, правом на амнистию или помилование или, в крайнем случае, на отсрочку в исполнении приговора для приведения в порядок своих частных дел.

Понятие о жизни в современном праве предполагает понятие о свободной жизни. Возможно, люди и не рождаются ни свободными, ни равными в своем юридическом положении, но не подлежит сомнению то, что такая свобода и такое равенство признаются законодательствами всех цивилизованных государств. Понятие о так называемой личной свободе и личной неприкосновенности (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ), стало быть, не является в юридическом отношении понятием самостоятельным, а характеризует лишь один из аспектов процесса реализации права на жизнь.

За ребенком (лицом, не достигшим 18 лет) должно быть признано право не просто на жизнь, но право на призрение – право на жизнь в атмосфере любви, заботы, воспитания и защиты со стороны родителей либо лиц, их заменяющих. Другими субъектами права на призрение, на этот раз со стороны детей, близких родственников и государства (в лице органов социальной защиты), должны быть признаны, очевидно, пенсионеры, больные, немощные и престарелые граждане, не способные в силу возраста или состояния своего здоровья вести самостоятельную полноценную жизнь.

Наконец, понятие о жизни теснейшим образом связано с понятием о размножении – продолжении рода. Государство, однако, должно признаваться имеющим право ограничивать реализацию данной возможности гражданами, не способными обеспечить своим детям право на достойное детство.

Физическое здоровье – состояние человеческого организма, обеспечивающее возможность ведения максимально полноценной при данных условиях биологической жизни. Состояние здоровья каждого человека (как, впрочем, и жизнь) индивидуально и изменчиво; юридические возможности сохранения или достижения конкретного состояния здоровья конкретным лицом, будь они признаны государством, должны были бы иметь форму субъективных прав.

Но говоря о праве на здоровье, мы имеем в виду нечто иное, а именно - признание за всяким и каждым способностей: 1) жить, сообразно фактическому состоянию собственного здоровья (изменчивому и не всегда, стало быть, оптимальному) и 2) совершать (исходя из физических, душевных и материальных возможностей) действия, направленные на укрепление своего здоровья. Критическое состояние здоровья конкретного лица может быть лишь поводом к оказанию

ему бесплатной неотложной медицинской помощи; перманентное плохое состояние здоровья – основанием к признанию его носителя субъектом права на призрение со стороны государства. Однако никакой недостаток в состоянии здоровья конкретного лица (если только он не угрожает здоровью или жизни окружающих) не может стать основанием для умаления его правоспособности или ограничения прав [5, с. 13].

Возможно, что с усилением социальных начал в деятельности государства последнее сможет гарантировать всякому и каждому своему гражданину обеспечение определенного – более или менее высокого – уровня физического здоровья. Пока это остается лишь предметом пожеланий.

Психическое здоровье – душевное состояние человека (состояние его психики), позволяющее ему адекватно оценивать происходящее, понимать значение собственных действий и руководить ими. Недостаток душевного здоровья, ставший следствием психического заболевания, может служить основанием для признания гражданина недееспособным. Кратковременное сильное душевное волнение также должно считаться расстройством психического здоровья, ибо вызванная им неспособность гражданина отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, называемая дееспособностью, также может получить определенное гражданско-правовое значение. Наконец, стойкое расстройство психики или даже кратковременная утрата душевного спокойствия (равновесия), ставшие следствием виновных противоправных действий другого лица, вполне подпадают под категорию нравственных страданий, в свою очередь являющихся основанием для присуждения причинителя к компенсации понесенного в ходе их переживания морального вреда (ст. 151, 1099-1101 ГК РФ).

Таким образом, жизнь и здоровье – это нематериальные блага, непосредственно охраняемые законом. Причем, как уже было отмечено, здоровье следует рассматривать как физическое (телесное) здоровье и психическое здоровье (душевный комфорт, спокойствие). Они являются объектам личных неимущественных прав, относящимся к биологическим (естественным) условиям существования физических лиц. Жизнь и здоровье можно охарактеризовать как биологические предпосылки к образованию субъектов права со статусом физических лиц. Существование таких предпосылок никак не зависит от их признания или непризнания гражданским правом за каждым конкретным липом: кроме того, они не могут быть предметом частных сделок – действий, именуемых юридическими по причине направленности их влияния на субъективные права и юридические обязанности. Это означает, что жизнь и здоровье не могут признаваться объектами субъективных гражданских прав и правоотношений.

Список литературы:

1. Саврыга, К.П. Право на жизнь как обычное международное право, принцип общего международного права и норма jus cogens /

К.П. Саврыга // Российский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 80-88.

2. Рыбкина М.В. Особенности гражданско-правовой защиты конституционных прав граждан / М.В. Рыбкина, М.Н. Пригон // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 3. – С. 91-99.

3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

4. Лебединец, О.Н. К вопросу о гражданско-правовых механизмах реализации потребностей гражданина в охране здоровья / О.Н. Лебединец // Власть Закона. – 2015. – № 1. – С. 125-132.

5. Малеина, М.Н. Юридическая характеристика здоровья как нематериального блага / М.Н. Малеина. // Медицинское право. – 2014. – № 4. - С. 12-16.

ЦЫПЛУХИН Максим Владимирович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; mtcipluhin@mail.ru

ДЯГИЛЕВА Любовь Владимировна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, старший преподаватель кафедры гражданского права; gpravo@jurac.ru

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ

В статье дается характеристика обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью в исторической ретроспективе. Авторами исследуются признаки, характерные для обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью в современной правовой системе.

Ключевые слова: *субъективное право, жизнь, здоровье, право на жизнь, деликт, деликтное обязательство.*

В Российской Федерации, также как в любом другом правовом государстве, человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита становятся обязанностью государства. Конституция РФ к числу признанных и защищаемых прав относит прежде всего право на жизнь и право на охрану здоровья.

В настоящее время практически во всех правопорядках закрепляются нормы, позволяющие потребовать возмещения вреда в случае, если вред причиняется жизни и здоровью человека. Тем самым гражданское право охватывает своим регулированием не только имуще-

ственные отношения, но и уже традиционного осуществляет охрану и защиту таких нематериальных благ человека, как его жизнь и здоровье.

Поскольку жизнь и здоровье не могут быть объективно оценены, причинение вреда рассматриваемым нематериальным благам влечет возмещение в имущественной форме. Причем размер возмещаемого вреда определяется исходя из имущественных потерь, которое понесло лицо в связи со снижением или утратой трудоспособности, или в связи с утратой содержания, которое вызвано смертью гражданина, обязанного предоставлять таковое в силу закона.

Следует, однако, отметить, что возможность требовать возмещения имущественного вреда при причинении вреда жизни и здоровью была закреплена в правовых нормах не всегда. Как отмечает И.А. Покровский, «древнейшее право не вмешивалось в отношения по поводу частных правонарушений – по поводу посягательств на жизнь, телесную неприкосновенность и всяческих личных и имущественных обид. Вследствие этого всякое подобное посягательство вызывало в качестве естественной реакции месть потерпевшего и его близких. Какого-либо долга перед потерпевшим у преступника не было, ни к какому исполнению в пользу потерпевшего он не был обязан, преступник был "обречен" к мщению» [1, с. 236-237].

В дальнейшем стало очевидным, что мщение заключает в себе известные риски и для самого мстящего, поэтому позднее такое мщение стало заменяться соглашениями о выкупе, сначала в преступлениях легких, затем при более тяжких преступлениях. Оценивая месть как явление вредоносное и пагубное для общественной жизни, государство стало запрещать месть, взамен устанавливая специальный порядок, который сначала был добровольным в виде частных штрафов. В это время личная связь между кредитором (потерпевшим) и должником (причинителем вреда) рассматривалась, как обязательство, в силу которой последний выступал как ответственное лицо перед потерпевшим [2, с. 2401]. Так стали выделять деликтные обязательства.

Само название этих обязательств происходит от латинского слова «delictum», что в переводе означает погрешность, проступок, правонарушение. Деликтные обязательства были известны еще римскому частному праву. Например, уже в Институции Юстиниана [3, с. 222] закреплялось, что деликтное обязательство представляет собой «правовые оковы», в силу которых мы принуждаемся что-нибудь исполнить, согласно законам нашего государства. Дальнейшее развитие самого понятия «деликт» получило в Дигестах Юстиниана [4, с. 240]. В данном источнике закреплялось, что сущность деликтного обязательства состояла не только из права требования кредитора к делинквенту (должнику), но и из обязанности последнего исполнить его требование. Отметим, что право требования кредитора здесь приравнивалось к имущественной ответственности, а деликтные обязательства противопоставлялись уже договорным и «как бы договорным»

обязательствам. Так в римском праве сложилось представление, что договорные обязательства возникали из договоров и других правомерных актов, а деликтные обязательства возникали, соответственно, когда были нарушены абсолютные субъективные права потерпевшего и вследствие этого обязательно причинялся вред. Справедливости ради следует сказать, что римские юристы к деликтным обязательствам относили и те, которые в современном понимании образуют преступление, направленное против личности или имущества (кражи, телесные повреждения и др.). Различие деликта и преступления произошло уже позднее, как говорят специалисты, вначале с преторским правом, а затем в период империи.

Деликты в римском праве были источником возникновения общественных отношений, целью которых было воздействие не только на имущественное положение лица, но и на личность самого причинителя. Нормы обычного римского права предусматривали право потерпевшего на месть в отношении причинителя вреда, однако причинитель обратным правом на возмездие не обладал. Вместе с тем наказание делинквента в то время, по сути, не носило имущественного характера, а было обращено в первую очередь на его личность.

Несмотря на признание зарубежными правопорядками и дореволюционным российским правом возможности имущественного возмещения вреда при причинении вреда жизни и здоровью [5, с. 517-518], довольно длительное время в науке гражданского права в советский период господствующее положение занимала точка зрения, согласно которой неимущественные интересы не подлежат защите гражданско-правовыми способами вследствие невозможности их денежной оценки. Защита жизни или здоровья, помимо гражданского права, осуществляется и другими отраслями права – административным, уголовным [6, с. 461]. Однако такое положение сохранялось сравнительно недолго, поскольку сама история общественного развития достаточно ясно показала, что игнорирование гражданским правом неимущественных интересов личности лишь порождает в людях «неуверенность» в своих личных правах и благах.

В настоящее время в российском праве причинение увечья или иного повреждения здоровья гражданина, а также лишение его жизни порождает обязательство по возмещению имущественного вреда, которое обладает рядом специфических свойств по сравнению с общими правилами деликтных обязательств. Жизнь и здоровье являются высшими ценностями (Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 816-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевченко Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 и абзацем вторым статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации» [7]), которые, несомненно, не имеют денежной оценки.

Поскольку жизнь и здоровье являются особыми благами, имеющими нематериальную (идеальную) природу, возникают сложности при установлении адекватного механизма компенсации понесенных

потерь. В юридической литературе подчеркивается, что в правоприменительной деятельности крайне важно следовать началам справедливости при установлении размера потерь, т.к. несправедливые решения суда не только усилят нравственные страдания потерпевшего, но и негативно будут восприняты в обществе [8, с. 3].

Следствием выделения в отдельный деликт обязательств из причинения вреда жизни и здоровью является обособление наряду с нормами ГК РФ и специальных правовых актов. Среди таких специальных правовых актов важное место ранее занимали Правила возмещения вреда, причиненного рабочим и служащим при исполнении ими служебных обязанностей. Однако, в связи с вступлением в силу Федерального закона от 24 июля1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [9] отношения между работниками и работодателями по поводу возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью работников переместились из области гражданского права в сферу социального обеспечения. Данное нововведение позволило некоторым авторам утверждать, что теперь правила, закрепленные парагр. 2 гл. 59 ГК РФ, применяются только в случаях, когда причинитель вреда и перепевший не состоят друг с другом в трудовых и приравненных к ним отношениях [10, с. 31].

Однако не считаем возможным согласиться с таким мнением. При нарушении абсолютных прав (благ), к которым, несомненно, относятся «здоровье» и «жизнь», в каких бы отношениях ни состояли стороны, имущественная ответственность носит внедоговорный характер. Как справедливо отмечает А.М. Эрделевский, «отношения, возникающие в связи с причинением вреда (хотя бы и при наличии трудовых отношений между причинителем вреда и потерпевшим) гражданско-правовыми...» [11, с. 39]. Положения ст. 1084 ГК РФ касаются любых договорных обязательств с участием гражданина и преследуют цель «максимальной защиты интересов гражданина-потерпевшего» [12, с. 37]. В связи с этим они не должны пониматься как способ указания на отраслевую принадлежность правоотношений.

Следует заметить, что сама мысль о том, что «при нарушении абсолютных прав (благ), в каких бы отношениях ни состояли стороны, имущественная ответственность всегда носит внедоговорный характер», высказывалась еще в советский период [13, с. 19]. Таким образом, можно сказать, что деликтные обязательства – это всегда внедоговорные обязательства. Например, А.А. Томтосов, выделяя этот признак деликтного обязательства, так же указывает, что, «если вред жизни или здоровью гражданина причинен при исполнении им договорных или иных обязательств, то обязательство, которое возникает в данном случае вследствие причинения вреда, в силу прямого указания закона (ст. 1084 ГК РФ) носит внедоговорный характер... поскольку оно возникло вследствие нарушения абсолютных прав» [14].

Правоотношение деликтной (внедоговорной) ответственности состоит из субъективного права потерпевшего лица требовать возмещения причиненного ему вреда от лица, ответственного за такое причинение и корреспондирующей данному праву обязанности такого лица возместить причиненный вред в полном объеме. При причинении вреда жизни и здоровью в подавляющим большинстве случаев (за очень редким исключением) возмещения вреда предстает в форме обязанности уплаты денег в размере денежного эквивалента степени снижения (утраты) профессиональной трудоспособности, а также утраты содержания – возмещения убытков. С определением конкретного размера такого возмещения соглашением судебным актом или обстановкой охранительная обязанность возмещения убытков превращается в частный случай охранительного денежного обязательства, исполнение которого осуществляется по общим правилам об исполнении денежных обязательств.

Принцип полного возмещения причиненного вреда (не важно, в денежной или натуральной форме) ключевое начало ответственности за внедоговорный вред по нашему законодательству.

Правоотношение по возмещению вреда является строго личным, причем как с пассивной, так и с активной стороны. Это означает, что оно прекращается смертью физического и реорганизацией юридического лица, обязанного к возмещению вреда. Исключение составляет обязанность юридического лица по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью, т.к. она переходит на соответствующего правопреемника или правопреемников, а также случаи возложения судом обязанности возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью малолетними и недееспособными, на них самих в случае смерти лица, ответственного за этот вред. Точно так же строго личными являются требования по возмещению вреда со своей активной стороны. Требования о возмещении причиненного вреда – будь то вред в строгом смысле имущественный (вред имуществу) либо имущественный вред жизни или здоровью – со смертью (прекращением) своих обладателей прекращаются, не переходя ни к наследникам, ни к другим универсальным правопреемникам. В основании этого вывода лежит соображение, согласно которому возмещение вреда предназначено «залатать» брешь в имуществе конкретного потерпевшего от его причинения лица. Поскольку такими лицами не являются ни наследники, ни иные правопреемники потерпевшего, требования о возмещении вреда не могут поменять своего носителя ни посредством уступки, ни путем наследования.

Таким образом, обязательство вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств представляет собой именно внедоговорное обязательство, возникающее в результате нарушения при исполнении трудовых или иных договорных обязанностей таких абсолютных прав, как жизнь и здоровье, в силу которого лицо, причинившее вред, либо лицо, указанное в законе, обязано возместить причиненный вред в полном объ-

еме, а потерпевший вправе требовать от такого лица исполнения его обязанности.

Список литературы:

1. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Статут, 1998. – 512 с.
2. Куранов, В.Г. Гражданско-правовая ответственность за правонарушения в сфере здравоохранения: основания, виды, порядок ее определения и наложения на виновных / В.Г. Куранов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 11. – С. 2398-2404.
3. Новицкий, И.Б. Римское право. Учебник для вузов / И.Б. Новицкий. – М.: Зерцало-М, 2003. – 835 с.
4. Дигесты Юстиниана / перевод с латинского; отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Статут, 2002. – 770 с.
5. Шершеневич, Г.Ф. Курс гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – Тула: Автограф, 2001. – 673 с.
6. Иоффе, О.С. Избранные труды по гражданскому праву / О.С. Иоффе. – М.: Статут, 2000. – 620 с.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 816-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевченко Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 и абзацем вторым статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2009. – № 42. – Ст. 4970.
8. Богданов, Д.Е. Некоторые вопросы возмещения вреда, причиненного здоровью потерпевшего / Д.Е. Богданов // Российская юстиция. – 2012. – № 3. – С. 2-4.
9. Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (ред. от 07.03.2018) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3803.
10. Грановская, К. Возмещение ущерба здоровью по вине компании: анализ споров в судах / К. Грановская // Трудовое право. – 2018. – № 9. – С. 25-37.
11. Эрделевский, А.М. Компенсация морального вреда / А.М. Эрделевский. – М.: Р. Валент, 2007. – 272 с.
12. Хлыстак, Е. Понятие обязательств вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств в современном российском гражданском праве / Е. Хлыстак // Юрист. – 2007. – № 8. – С. 35-39.
13. Смирнов, В.Т. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве / В.Т. Смирнов, А.А. Собчак. – Л., 1982. – 362 с.
14. Томтосов, А.А. Деликтные обязательства / А.А. Томтосов // СПС «КонсультантПлюс».

ЧАХКИЕВА Зарема Султановна,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; zarema_chahkieva85@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье с помощью историко-правового анализа статей уголовно-процессуального законодательства России, посвященных потерпевшему, приводятся положения, позволяющие сделать вывод о закреплении в действующем уголовно-процессуальном законе нового подхода к статусу данного субъекта.

Ключевые слова: *потерпевший, уголовно-процессуальный закон, виктимология, процессуальный институт, дифференциация уголовной ответственности.*

Стремительная экспансия импортированной идеологии, защищающей права и свободы человека и гражданина, а равно усиление гуманистических настроений в обществе сказываются в настоящее время во всех сферах государственного управления, в том числе в законодательстве и правоохранительной деятельности. В результате за последнее десятилетие правовой статус потерпевшего был облагорожен.

Анализ статей УПК РФ, посвященных потерпевшему, позволяет сделать вывод о закреплении в действующем уголовно-процессуальном законе нового подхода к статусу данного субъекта. Институт потерпевшего, опирающийся на положение ст. 52 Конституции Российской Федерации о гарантиях таким лицам охраны их прав, равного доступа к осуществлению правосудия и возмещения ущерба, претерпел в ныне действующем уголовно-процессуальном кодексе существенные изменения. Нельзя не отметить, что объем правомочий потерпевшего стал значительно шире.

Положения УПК РФ, регулирующие рассматриваемый процессуальный институт, условно можно разделить на три группы: нормы, устранившие существовавшие ранее несовершенства юридической техники; нормы, поставившие новые вопросы перед их применителями; нормы, оставившие в неизменном виде проблемы, существовавшие ранее.

Большинство положений нового УПК РФ реалистично и направлено на расширение и укрепление гарантий прав участников уголовного судопроизводства, на улучшение самой процедуры рассмотрения уголовных дел и, что весьма важно, на закрепление того принципиального положения, что суд не является органом уголовного преследования.

Уголовное судопроизводство призвано обеспечить реализацию закрепленного в ст. 2 Конституции РФ императива, согласно которо-

му признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства.

Актуальность проблемы потерпевшего в уголовном процессе не вызывает сомнений. Вряд ли кто-либо станет отрицать актуальность изменения правового положения потерпевшего. Потерпевший в уголовном процессе – это вторая по значимости фигура после лица, совершившего преступление.

Фигура потерпевшего в 60-80-е гг. XX в. стала объектом исследования ученых-процессуалистов, изучающих проблему о потерпевшем в связи с определением его правового статуса (В.П. Божьев, М.С. Строгович, В.М. Савицкий, Ю.И. Стецовский, И.И. Потеружа, В.А. Дубривный). Учение о потерпевшем, о жертве преступления послужило импульсом зарождения такого раздела криминологии, как криминологическая виктимология (конец 50-х гг. XX в.). Тема, связанная с личностью потерпевшего, занимает значительное место в трудах психологов, психиатров, исследователей в области судебной экспертологии.

Материально-правовая природа этого понятия обусловлена тем, что преступление причиняет потерпевшему вред определенного характера, т.е. с уголовным правом он связан через категории «преступление» и «вред». Содержание уголовно-правового статуса потерпевшего включает в себя его субъективное право на восстановление правового положения, в котором он находился до совершения преступления, а также ряд других прав, обозначенных в уголовном законе. Поскольку потерпевший является субъектом общественных отношений, на которые посягает преступник, то он сам как обладатель охраняемого блага определяет направленность преступления, его объект. Следовательно, рассматривать потерпевшего как один из признаков состава преступления вполне оправданно.

Специфические признаки, характеризующие потерпевшего (пол, возраст, взаимоотношения с виновным) и его поведение (социально положительное или социально отрицательное), в ряде случаев являются тем криминальным компонентом, который обусловливает общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость общественно опасного деяния, совершенного в отношении потерпевшего. С изменениями данных признаков связаны процессы криминализации и пенализации общественно опасных деяний. Те же признаки потерпевшего выступают в качестве обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, назначаемое виновному. От волеизъявления потерпевшего в случаях, специально обозначенных в уголовном законе (ст. 76 УК РФ и примечание 2 к ст. 201 УК РФ), зависит решение вопроса об уголовной ответственности виновного. В семидесяти пяти случаях признаки потерпевшего указаны в УК РФ как квалифицирующие признаки преступления. Иными словами, роль потерпевшего в процессах криминализации, пенализации общественно опасных деяний, дифференциации уголовной ответственности –

основных методах уголовной политики – определяет его уголовно-политическое значение.

Центростремительные силы уголовного права традиционно сосредоточены вокруг лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом. Он выступает и как предмет изучения уголовно-правовой науки, и как объект уголовно-правового воздействия. Очевидный переворот в мировоззрении, по крайней мере научном, обращение к общечеловеческим ценностям, их признание, пусть еще в значительной мере декларативное, сделали невозможным оставлять без внимания другую фигуру, стоящую как бы на противоположном полюсе уголовно-правовых отношений, – человека, который пострадал от данного деяния, потерпевшего.

Разработка понятия и значения потерпевшего в уголовном праве, важная как для теории, так и для практики, обусловлена целым рядом факторов, имеющих в уголовном законе юридическое значение:

– признаки потерпевшего;

– осознание виновным признаков, характеризующих потерпевшего;

– поведение потерпевшего в отношении виновного;

– поведение виновного в отношении потерпевшего;

– проявление потерпевшим своей воли в отношении совершаемых уголовно-значимых деяний;

– осуществление потерпевшим своих прав.

Следовательно, значение потерпевшего в уголовном праве обусловлено тем, что он выступает в качестве одного из субъектов уголовных правоотношений. Признаки потерпевшего имеют значение конструктивных, криминообразующих признаков, а также обстоятельств, отграничивающих преступное поведение от непреступного, влияющих на квалификацию преступления, дифференциацию уголовной ответственности и индивидуализацию наказания.

Традиционно потерпевший рассматривался как участник уголовного процесса или как один из криминогенных факторов. Последнее направление вылилось в создание криминальной виктимологии – раздела криминологии.

Постепенно в научной среде сложилось представление о потерпевшем не только как об участнике уголовного процесса или криминогенной ситуации, но и как о субъекте, значимом для уголовного права.

«Термин “потерпевший” впервые появился в Уставе уголовного судопроизводства от 24 ноября 1864 г. В этом документе для обозначения лица, пострадавшего от преступления, используется производная форма глагола “терпеть”, “потерпевший от преступного деяния”, “потерпевший вред и убытки”. С тех пор этот термин используется в нормативном материале».

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1924 г. по существу объединял фигуры потерпевшего и гражданского истца. Основы уго-

ловного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. провели их разграничение (ст. 24, 25 Основ). УПК РСФСР 1961 г. в ст. 53 давал понятие потерпевшего от преступления. Потерпевшим считалось «лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, и признанное таковым в соответствии с процессуальным актом компетентного органа или должностного лица».

П.С. Дагель настаивал на двуедином значении понятия потерпевшего для материального и формального права, что, впрочем, не мешало ученому различать уголовно-правовое и уголовно-процессуальное понимание потерпевшего. Он писал, что «уголовно-правовое и уголовно-процессуальное понятия потерпевшего, будучи в принципе едиными, могут не совпадать, и в частности, отмечал различие функций данных понятий» [3, с. 25].

Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ, «Потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации». Характер вреда определяется объектом преступного посягательства. Конституция РФ в ст. 52 гарантирует потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью охрану прав, доступ к правосудию и компенсацию ущерба.

Категории потерпевшего в уголовном материальном и процессуальном законах имеют общие признаки:

– природа потерпевшего: таковым и в уголовно-процессуальном, и в уголовно-правовом смысле могут быть и физические, и юридические лица;

– определяющий признак потерпевшего – непосредственное причинение преступным деянием вреда определенного характера;

– потерпевшим является только лицо, которому вред причинен преступлением (ст. 14 УК РФ).

Существуют и признаки отличия между уголовно-правовым и уголовно-процессуальным понятиями потерпевшего. Понятие «потерпевший» в его уголовно-правовом значении первично по отношению к своей одноименной категории в уголовном процессе, во-первых, по генезису, во-вторых, темпорально. О первичности фигуры потерпевшего в уголовном праве и его вторичности, производности в уголовном процессе учеными было приведено достаточно много высказываний.

В уголовном праве фигура потерпевшего появляется объективно в результате совершения преступления, является элементом реально существующей действительности. Появление потерпевшего в уголовном праве не зависит от того, установлен ли факт причинения ему вреда, состоялось ли решение о признании его потерпевшим, зафиксировано ли оно в надлежащем процессуальном порядке. Признание лица потерпевшим в уголовном процессе – определенный этап, наступающий в зависимости от совокупности собранных по делу до-

казательств. В уголовно-процессуальном законе потерпевшим считается лицо, признанное таковым в процессуальном, документально оформленном порядке (ст. 42 УПК РФ), в результате чего лицо, входящее в процесс судопроизводства, формально наделяется статусом потерпевшего от преступления. С этого момента оно обладает правами и обременяется обязанностями участника уголовного судопроизводства.

Следовательно, основания появления фигуры потерпевшего в уголовном праве и процессе различны. Совершение в отношении лица преступления влечет за собой появление потерпевшего в уголовно-правовом смысле, вынесение соответствующего процессуального документа – в процессуальном смысле. Действительно, нетрудно заметить, что в ст. 42 УПК РФ, определяющей понятие потерпевшего, изначально говорится о том, что потерпевшим «является» лицо, а затем утверждается, что лицо потерпевшим «признается».

Таким образом, в уголовном процессе потерпевший – процессуальная фигура, определение потерпевшего связано с его процессуальным статусом, с правилами взаимодействия с другими участниками процесса, с достижением целей уголовного судопроизводства. «В уголовно-процессуальном законе надо сформулировать условия и порядок признания гражданина потерпевшим, разъяснение его прав и создание предпосылок к их реализации», – справедливо утверждает В.П. Божьев [2, с. 95]. В уголовном праве понятие потерпевшего имеет значение прежде всего для определения границ уголовной ответственности. Кроме того, являясь участником уголовно-правовых отношений, потерпевший имеет права, обязанности, правовые интересы отличные от тех, которыми он обладает как участник уголовного процесса. Процессуальное положение потерпевшего помогает осуществлять права, возникающие у него как у лица, чей правовой статус нарушен преступлением, кому реально причинен вред или причинение такого вреда угрожало.

Следовательно, можно сделать вывод, что разграничение уголовно-правового понятия потерпевшего проходит по целому комплексу признаков: по времени и генезису появления, содержанию правового статуса, характеру и реальности причиненного вреда, нормативному определению и юридическому значению.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 № 119-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959 (дата обращения: 11.09.2019).

2. Божьев, В.П. Условия допуска потерпевшего к участию в предварительном следствии / В.П. Божьев // Предварительное следствие в условиях правовой реформы. Сборник научных трудов. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1991. – С. 93-99.

3. Дагель, П.С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления / П.С. Дагель. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1974. – С. 16-37.

ЧЕСНОКОВА Маргарита Михайловна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; chesnokova.mm@mail.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК

В статье дается характеристика правовой природы недействительной сделки в свете реформирования гражданского законодательства на современном этапе.

Ключевые слова: *сделка, недействительная сделка, презумпция добросовестности, цель сделки, неправомерные действия, действительная сделка.*

Прежде чем начать рассмотрение природы недействительных сделок, было бы интересно отметить, что сама по себе сделка представляет собой фундаментальную форму взаимосвязи как общества в целом, так и отдельных лиц. В данном случае можно привести в качестве примера договорную теорию возникновения государства, в соответствии с которой люди объединялись вместе, формально заключив между собой общественный договор с целью достижения общих интересов и благ. Отсюда выходит, что сделка в самом простом ее смысле имеет историю с момента возникновения государства и по своей сути природе представляет собой добровольный союз некоторых лиц, результатом которого должно стать наступление благоприятных последствий и т.д.

Также некоторые авторы определяют зарождение сделки из религиозного ритуала, уделяя при этом внимание тому, что при заключении сделки в архаичный период важным было соблюдение определенных слов и жестов [1, с. 13]. В данном случае интересным является то, что какое-то отступление от установленных правил соблюдения ритуала вызывало недействительность совершенного действия. Отсюда можно утверждать, что свое историческое начало недействительная сделка берет еще в архаичный период.

Важным считается и то, что изначально единый религиозный ритуал был разделен в дальнейшем на волевой аспект, то есть моление и действия, которые определяли выражение проявленной воли. В данном случае сделка оказывается инструментом установления общественных связей.

Затрагивая проблему недействительности сделки и последствия ее недействительности, можно согласиться с тем, что данный феномен достаточно изменчив по своей природе, отличается в зависимости от применения и т.д. Безусловно, данное утверждение меньше всего применимо к сделкам с пороками воли, имеющими в себе недостатки, вполне выводимые из воззрений естественного права на волю, но весьма ощутимо в прочих, особенно незаконных, сделках.

В соответствии с ГК РФ установлен принцип свободы договора, который предполагает, что субъекты гражданских правоотношений при заключении договоров могут заключить как договор, вид которого предусмотрен законом, так и договор, который содержит в себе элементы различных видов договоров. Обязательными условиями являются соблюдение требований гражданского законодательства и согласованная воля сторон договора [2, с. 15].

После того как заключен договор, между сторонами сделки появляются взаимные права и обязанности, которые устанавливаются, изменяются и прекращаются. Договор должен быть заключен в соответствии с законодательством, и его положения не должны нарушать права и законные интересы других лиц. Каждый заключенный договор предполагает экономическую мотивацию сторон, т.е. его заключение направленно на получение экономически обоснованного результата. Данное условие соблюдается в том случае, когда участники договора являются добросовестными контрагентами [3].

В гражданском законодательстве закреплена презумпция добросовестности сторон, которая является одним из основополагающих принципов при составлении каких-либо сделок, это нерушимый постулат, несоответствие которого приводит к различным негативным последствиям для всех участников гражданского оборота. Данный принцип строится на том, чтобы деятельность сторон была законной, а стороны реализовывали свои права без ущемления интересов иных лиц [4, с. 41].

Однако следует сказать, что стороны не всегда действуют в соответствии с указанным принципом, при составлении различных сделок только формально соблюдая установленные законодательством предписания. После этого может возникнуть недействительность сделки, и могут быть применимы последствия такой недействительности судом.

На законодательном уровне, а также доктриной гражданского права выделяются два основных вида недействительных сделок: оспоримые и ничтожные. Оспоримая сделка недействительна в силу признания ее таковой судом, а ничтожная – в силу предписаний закона, т.е. независимо от судебного признания.

Рассмотрим проблему соотношения недействительной сделки и сделки как таковой, законно ли для ее определения использовать сам термин «сделка».

Статья 153 ГК РФ определяет сделку как действие граждан и юридических лиц, направленное на установление, изменение или

прекращение гражданских прав и обязанностей. Если провести анализ указанного понятия, то можно выделить характерные признаки сделки. Первый признак – это волевой характер сделки, то есть у лиц, заключающих сделку, должно присутствовать личное желание на данную процедуру, и это желание должно быть добровольным и обоюдным. Второй признак – это направленность воли на возникновение, прекращение или изменение гражданских правоотношений, то есть при заключении сделки меняется гражданско-правовое положение участников соглашения. Также можно отметить, что законодатель строго закрепил круг субъектов, указав граждан и юридических лиц, однако данное положение необходимо считать незавершенным, так как заключать сделки имеют право не только граждане и юридические лица, но и другие субъекты гражданских правоотношений, что будет рассмотрено далее.

Что касается определения цели сделки, то на первое место ставится установление ею обязательств, однако, устанавливая обязательство и достигнув тем самым своей конечной цели, сделка будет все-таки являться инструментом, с помощью которого достигается жизненное благо, данное при исполнении обязательства.

В юридической литературе термин «недействительная сделка» всегда подвергался критике. По мнению, М.М. Агаркова, недействительная сделка не может являться таковой, потому что она по своей природе недействительна и не способна на порождение какого-либо правового результата. В данном случае автор указанной точки зрения считает, что здесь присутствует недействительность волеизъявления, но никак не сделки [5].

Противоположной точки зрения придерживается И.Б. Новицкий. Его утверждение заключается в том, что недействительная сделка может считаться юридическим актом. Безусловно, недействительная сделка не приводит к тем правовым последствиям, на достижение которых была рассчитана, но нельзя утверждать, что она вообще является «мертвой» и может нести в себе некоторые другие последствия, коими будет являться реституция [6]. Автор диссертации придерживается мнения И.Б. Новицкого и считает, что точка зрения М.М. Агаркова является в некоторой степени некорректной и не может иметь какого-либо практического значения.

Советский и американский юрист О.С. Иоффе полагал, что употребление термина «недействительная сделка» вполне обоснованно и удачно в практическом отношении [7].

Д.И. Мейер, известный российский юрист-цивилист, общественный деятель девятнадцатого века, писал, что «только законные сделки можно назвать сделками...» [8, с. 260].

Отсюда можно сделать вывод, что большинство авторов все-таки придерживается позиции признания недействительной сделки сделкой как таковой, что подтверждается научными исследованиями.

Также интересной можно считать точку зрения И.С. Перетерского, который отличал сделки от недействительных сделок и утвер-

ждал следующее: «Сделка – это действие, дозволенное законом. Действия, хотя бы и вызывающие юридические последствия, но не те, которые имели в виду участники, не пользуются защитой закона и не являются сделками» [9].

Еще один из ученых Д.М. Генкин не брал в расчет правомерность сделки и считал, что она не является необходимым элементом, а только определяет те или другие последствия сделки [10].

Совсем противоположной является позиция Н.В. Рабинович, в соответствии с которой недействительные сделки она определяла как правонарушения «особого порядка», уточняя при этом, что в данном случае следует говорить о правонарушении в широком смысле этого слова [11].

Существовали различные точки зрения на природу недействительных сделок, которые были заявлены в разный промежуток времени, но все же их объединяет одна цепочка: большинство авторов придерживаются мнения о том, что недействительная сделка – это сделка по своей правовой природе, хоть она и не порождает тех последствий, которые ожидали стороны. А уже потом некоторые ученые дополняют к недействительной сделке присущие только ей характерные черты.

Автор проводимого исследования считает, что гражданско-правовая сделка представляет собой правомерные действия субъектов гражданских правоотношений, в результате совершения которых возникают, изменяются и прекращаются юридические отношения и наступают желаемые последствия, которые не противоречат законодательству и не нарушают законные интересы иных лиц. В связи с этим необходимо, чтобы законодатель дополнил понятие недействительной сделки вышеуказанными пунктами.

Также следует заметить, что если законодатель поменяет термин «недействительная сделка» на «неправомерные действия», то в этом случае появится возможность применения не только гражданской ответственности, но и уголовной. Поэтому ныне действующее легальное определение сделки многими считается некорректным. Выдвигается предложение об употреблении термина «недействительность соглашений» в связи с тем, что недействительные сделки по своей сути являются противоправными и изначально нацелены на нарушение закона [12, с. 25].

Хотелось бы отметить, что гражданское законодательство использует принцип диспозитивности при оспаривании недействительной сделки, который позволяет выражать сторонам сделки собственную волю, то есть, если лица, заключившие договор, не выделяют в нем каких-либо существенных нарушений, то они не станут обжаловать его в суде. Однако чаще возникают ситуации, когда дело обстоит иначе.

В связи с этим автор полагает, что будет целесообразным в указанном случае использовать термин «действительная сделка» вместо

термина «недействительная сделка» до тех пор, пока суд не поставит под сомнение ее действительность по жалобе сторон.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что сделка – многогранное правовое явление, заключающее в себе большое количество обязательных элементов, неимение хотя бы одного из которых повлечет недействительность сделки, либо, по мнению автора, вообще отсутствие сделки как таковой.

Список литературы:

1. Родионова, О.М. Понятие сделки с позиции деятельностного подхода / О.М. Родионова // Юрист. – 2013. – № 10. – С. 12-14.
2. Демидюк, В.А. Анализ правовой природы недействительных сделок / В.А. Демидюк // Вестник КГУ. – 2016. – № 1. – С. 14-19.
3. Толстой, Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР / Ю.К. Толстой. – Л.: ЛГУ, 1955 // Юридическая научная библиотека. – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie4918.html (дата обращения: 15.09.2019).
4. Куликов, К.А. Роль принципа добросовестности в признании сделки недействительной / К.А. Куликов // Вестник СГЮА. – 2015. – № 4 (105). – С. 39-44.
5. Агарков, М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков // Советское государство и право. – 1946. – № 3-4 // Scribd. – URL: https://ru.scribd.com/doc/77022990/ (дата обращения: 15.09.2019).
6. Новицкий, И.Б. Сделки. Исковая давность / И.Б. Новицкий. – М.: Госюриздат, 1954 // Юридическая научная библиотека. – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie5983.html (дата обращения: 15.09.2019).
7. Иоффе, О.С. Советское гражданское право / О.С. Иоффе. – М., Юридическая литература, 1967 // Юридическая научная библиотека. – URL: http://lawlibrary.ru/article1024272.html (дата обращения: 15.09.2019).
8. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 578 с.
9. Перетерский, И.С. Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий. Вып. 5. Сделки. Договоры / И.С. Перетерский. – М.: Юриздат НКЮ РСФСР, 1929 // Российская государственная библиотека. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01009227030 (дата обращения: 15.09.2019).
10. Генкин, Д.М. Недействительность сделки, совершенной с целью, противной закону / Д.М. Генкин // Ученые записки ВИЮН. – 1947. – Вып. 5/ – Юридическая научная библиотека. – URL: http://lawlibrary.ru/article1081192.html (дата обращения: 15.09.2019).
11. Рабинович, Н.В. Недействительность сделок и ее последствия / Н.В. Рабинович. – Л.: ЛГУ, 1965 // Юридическая научная библиотека. – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie12053.html (дата обращения: 15.09.2019).
12. Фабричная, Т.Б. Проблема недействительности сделок / Т.Б. Фабричная, Ю.М. Мартынова // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 12-2 (52). – С. 23-28.

ШУМСКАЯ Елена Викторовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; eshumskaya@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА ЖЕРТВАМ ТЕРРОРИЗМА

В статье анализируется отдельные проблемные вопросы, возникающие при возмещении вреда жертвам терроризма.

Ключевые слова: *терроризм, гражданско-правовая ответственность, компенсация, защита прав потерпевших, акт терроризма.*

Принято говорить, что «терроризм» – это враг, у которого нет лица. Как часто на экранах наших телевизоров стали воспроизводить новости о совершении того или иного террористического акта? Общественный резонанс, насилие, страх, убийства, месть – разве можно отнести данные понятия к пониманию и восприятию нашего общества как социального, развитие которого направлено на защиту прав человека и гражданина? Психика человека – очень сложная субстанция, над которой бьются большое количество ученых, и тем не менее, понять причинно-следственные связи деяния того или иного лица нельзя, поэтому мы сталкиваемся с такими фактами, как терроризм. На сегодняшний день терроризм является одной из самых глобальных социальных проблем. Его относят к части политики и нередко к инструменту проведения внешнеполитической деятельности для достижения геополитических целей отдельных держав, сил и движений на мировой арене.

Безусловно, терроризм приковывает к себе немалое внимание многих стран, международных сообществ и организаций, однако в условиях масштабной угрозы этого явления, к сожалению, механизмы помощи жертвам терактов не развиты. Несмотря на это, юридическое закрепление процедуры регулирования выплаты компенсаций необходимо, даже если есть все основания надеяться на то, что практическое применение данные нормы никогда не получат. Этому вопросу посвящено многие международные правовые акты и ряд публикаций [8, 9, 11].

Положения норм международного права устанавливают четыре вида прав жертв преступлений: право на доступ к правосудию, право на компенсирование утраченного от причинителя вреда, право на финансовое возмещение причиненного вреда за счет государства, право на получение социальной реабилитации.

В 1993 г. была принята Конституция Российской Федерации, после чего защита личности стала приоритетным курсом в деятельности государства и его органов. В данном акте закрепляется гарантия государственной защиты прав и свобод человека и гражданина. «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охра-

няются законом, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба», тем самым гарантируя полноценную защиту его прав и законных интересов, а также обеспечение компенсации причиненного ущерба [1, с. 15].

Нельзя забывать и о частноправовых механизмах, направленных на защиту потерпевших. Примером может служить образование частных организаций, задачей которых является поддержка жертв преступлений, в том числе выплата им в порядке, определенном уставом этих организаций, денежных сумм. Частноправовую основу имеет и страхование.

Далее, с помощью механизма гражданско-правовой ответственности субъекта может осуществляться защита прав потерпевших, не являющегося непосредственным причинителем вреда: у потерпевшего возникает возможность направиться с требованием не только к причинителю, но и к иному обязанному лицу.

На сегодняшний день в России действует ФЗ от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2], который устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом. Но, к сожалению, указанный закон направлен именно на реализацию деятельности участников предотвращения террористических акций, а не на выплату каких-либо пособий и компенсаций потерпевшим.

Существует и такой нормативный акт, как Постановление Правительства РФ от 12.01.2007 № 6 «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом» [3], который определяет порядок реализации мероприятий по реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, принимающих участие в борьбе с терроризмом за счет средств федерального бюджета.

Однако, как показывает практика, этого для более полной реализации возмещения ущерба как физического, так и психологического мало. Примером тому может послужить террористический акт 2002 года на Дубровке в Москве, в ходе которого группа боевиков захватила и удерживала заложников из числа зрителей мюзикла «Норд-Ост», где число захваченных составило 916 человек. Последствия теракта подверглись критике со стороны пострадавших и их родственников, после чего были вынесены обвинения в сторону властей. Как утверждали освобожденные заложники и родственники погибших, власти не обеспечили своевременную квалифицированную медицинскую помощь, ведь одной из причин столь большого числа погибших (по официальным данным 130 человек) явились неверно организованные эвакуация и вынос пострадавших, после чего были поданы многочисленные жалобы и иски (всего 65) на бездействие со

стороны государства. Только 2011 году Европейский Суд по правам человека удовлетворил коллективную жалобу, где Россию принудили к выплате 1 миллиона 300 тысяч евро [4, с. 20; 10, с.43].

Между практиками существует мнение о необходимости создания акта о защите прав жертв террора, поэтому было предложено внести на рассмотрение составом ГД РФ проект закона «О социальной защите прав пострадавших от терактов России». Главная мысль заключается в одном – улучшение социального положения пострадавших и родственников погибших. Среди прочего – закрепить особый статус «жертвы терроризма» и граждан, получивших увечье в результате террористической акции, меры необходимой помощи для пострадавших, увеличить компенсационные выплаты и льготы. К сожалению, проект так и не получил юридического закрепления на государственном уровне [5, с. 39].

Проведение теракта, как правило, связано с причинением значительного вреда гражданам, причем возмещение не всегда может быть реализовано. По объективным причинам террористы могут скрыться с места трагедии. Даже когда их находят и задерживают, а после вследствие судебного разбирательства по делу выносят решение о возмещении вреда, исполнители не могут совершить выплату из-за своей неплатежеспособности.

Законодатель регламентирует, что возмещение ущерба лежит не на государстве, а на преступниках. Фактически Россия не является носителем ответственности о причинении вреда гражданину со стороны власти и властных структур.

На этот счет имеется позиция Конституционного суда Российской Федерации. В Определении от 27.12.2005 № 523-О По жалобе граждан Бурбан Елены Леонидовны, Жирова Олега Александровича, Миловидова Дмитрия Эдуардовича, Миловидовой Ольги Владимировны и Старковой Тамары Михайловны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» [6] отмечено, что «государство компенсирует вред, но выступает не как причинитель вреда или должник по деликатному обязательству, а как публичный орган, который выражает общие интересы и распоряжается бюджетом в общих интересах».

Компенсации, выплачиваемые государством в процессе возмещения вреда, причинённого террористическим актом, установлены Постановлением Правительства РФ от 15.02.2014 № 110 «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий» [7] (далее – Постановление).

Согласно п. 3 Постановления, «федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации не позднее одного месяца с даты совершения террористического акта или завершения мероприятий по пресечению террористического акта правомерными действиями (окончания контр-

террористической операции) обращаются в Правительство Российской Федерации с просьбой о выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда для осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями».

При обращении должны быть указаны данные о количестве граждан, получивших вред, о размере материального ущерба, и об объеме расходов бюджета, направленных на ликвидацию чрезвычайной ситуации.

На основании закона характер и степень физических увечий оценивается судом в зависимости от фактических обстоятельств и личных особенностей потерпевшего. Законодательство не устанавливает какого-либо точного порядка определения этого размера, определяется только необходимость учета требований разумности и справедливости. Действительно, такие правила разработать трудно.

При анализе практики можно заметить, что при крупных терактах Правительство РФ и органы власти субъектов РФ выделяют на добровольной основе средства на выплату компенсаций родственникам погибших и пострадавшим из резервных фондов [8, с. 79; 10, с. 45].

Однако, по нашему мнению, справедливее будет решать данный вопрос с прецедентной точки зрения при помощи равноценных подходах, это и будет точкой отсчета.

На основании вышеизложенного следует констатировать факт, что в законодательстве присутствует много пробелов относительно восстановления прав потерпевших в ходе террористических акций. Отсюда следует вывод, что разрешение этого вопроса может быть осуществлено посредством участия разных уровней представителей власти: первый – акты компетентного органа, второй – приговор суда, вступивший в законную силу.

Список литературы:

1. Хачароев, З.Д. Возмещение вреда жертвам терроризма: отечественный опыт / З.Д. Хачароев // Российский следователь. – 2010. – № 13. – С. 14-17.

2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 18.04.2018) // СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

3. Постановление Правительства РФ от 12.01.2007 № 6 «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом» (ред. от 25.03.2013) // СЗ РФ. – 2007. – № 3. – Ст. 452.

4. Кобец, П.Н. Защита имущественных прав потерпевших от террористического акта: гражданско-правовой аспект / П.Н. Кобец,

К.А. Краснова, М.А. Волкова // Адвокатская практика. – 2018. – № 5. – С. 18-23.

5. Кибальник А.Г. Акт международного терроризма - новое преступление против мира и безопасности человечества / А.Г. Кибальник, В.А. Суворов // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 37-42.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2005 № 523-О «По жалобе граждан Бурбан Елены Леонидовны, Жирова Олега Александровича, Миловидова Дмитрия Эдуардовича, Миловидовой Ольги Владимировны и Старковой Тамары Михайловны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» // СЗ РФ. – 2005. – № 12. – Ст. 1326.

7. Постановление Правительства РФ от 15.02.2014 № 110 «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий» (ред. от 30.05.2018) // СЗ РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 809.

8. Ступина, С.А. Компенсация морального вреда жертвам террористических актов: некоторые аспекты определения размера / С.А. Ступина, А.С. Шерстяных // Современное право. – 2018. – № 11. – С. 77-85.

9. Перфилов, В.И. Новый подход к возмещению вреда жертвам террористических актов в России / В.И. Перфилов // Государство и право: история, современность, перспективы развития: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции 27 ноября 2013 г. Часть III. – СПб.: НОУ СЮА, 2013. – С. 73-79.

10. Кокорин, И.С. К вопросу о возмещении вреда жертвам террористических актов в России / И.С. Кокорин, В.И. Перфилов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2013. – № 3(20). – С.42-47.

11. Шумская, Е.В., Террористический акт как основание возникновения гражданских правоотношений / В.И. Перфилов, Е.В. Шумская // Актуальные проблемы правового регулирования частных и публичных правоотношений: сборник научных статей по материалам научного семинара. Под ред. Назарова С.В.. – СПб.: АНО ВО СЮА, 2018. – С. 233-236.

ЮРЕВИЧ Кристина Сергеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; yrvch@yandex.ru

ПРИНЦИП ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ: СЛОЖНОСТИ В ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы реализации принципа обеспечения граждан судебной защитой с учетом его важности в современном обществе, а также государственные механизмы для помощи гражданам в использовании данного принципа.

Ключевые слова: *право, судебная защита, злоупотребление.*

Принцип обеспечения прав граждан на судебную защиту является одним из основополагающих принципов для того, чтобы каждый гражданин мог свободно защищать свои права и интересы. Принцип закреплен в актах, имеющих высшую юридическую силу на территории Российской Федерации, например, в ст. 46 Конституции Российской Федерации, а также в международных актах ст. 18 Всеобщей декларации прав человека, ст. 2 и 6 Международного пакта о гражданских и политических правах, в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод граждан. Благодаря данному принципу гражданин имеет право отстаивать свои законные права и интересы в суде.

В современном гражданском обществе преобладают письменные договорные отношения, и важность данного принципа увеличивается по сравнению, например, с Россией конца 90-х годов, где так называемые «договорные» отношения строились в основном на устном обещании или какой-либо устной договоренности, которая часто не исполнялась. Судебная система в данном случае оставалась бессильной, так как такие отношения не подлежали судебной защите.

На данный момент принцип обеспечения прав граждан на судебную защиту хоть и имеет общую задачу – защищать законные права и интересы граждан, однако по-разному реализуется в уголовном и гражданском процессе. Так, например, Гражданским процессуальным кодексом ст. 46 предусмотрено право на обращение в суд, которое позволяет любому гражданину, чьи права были нарушены, обратиться за защитой таких прав в установленном кодексом порядке. В уголовном процессуальном кодексе тот же принцип базируется уже на обеспечении подозреваемому и обвиняемому право на защиту. Однако не обошлось и без схожих черт, например, таких как возможность обжалования незаконных процессуальных действий или решений как в гражданском процессе, так и в уголовном, что так же можно отнести к рассматриваемому принципу в связи с тем, что незаконные процессуальные действия или решения напрямую влияют на реализацию принципа [1, с. 16].

Но, несмотря на то, что принцип обеспечения прав граждан на судебную защиту закреплен в различных документах разного уровня, и гражданам даны обширные возможности для реализации данного принципа, зачастую граждане, не имеющие юридического образования, не могут в полной мере им воспользоваться. Это связано с множеством факторов. К ним можно отнести и неверное толкования норм права, и обилие отсылочных норм в Российском законодательстве. Но, пожалуй, основными из таких факторов является неумение граждан грамотно составлять процессуальные документы, непонимание, что такое территориальная подсудность, а так же неполное понимание всех процессуальных прав и обязанностей как при подаче искового заявления, так и при ведении непосредственно самого процесса.

Совокупность этих факторов приводит к тому, что гражданину становиться сложно, а в некоторых случаях просто невозможно отстаивать свои законные права и интересы, а это чревато как потерей имущества для гражданина, чьи права были нарушены, так и безнаказанностью лиц, нарушивших такие права.

Однако в законодательстве присутствуют механизмы, помогающие с реализацией принципа всем гражданам без исключений. Одним из них является принятый 21 ноября 2011 года федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Однако не все категории граждан могут воспользоваться такой помощью, а лишь инвалиды I и II группы, ветераны Великой Отечественной войны, Герои Российской Федерации, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, Герои Труда Российской Федерации и это не исчерпывающий список, указанный в ст. 20 ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [5]. Граждане, подпадающие под вышеуказанные категории, могут рассчитывать на полную и квалифицированную юридическую помощь, которая включает в себя правовое консультирование в устной и письменной форме, составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера, представления интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях.

Также и гражданский процессуальный кодекс предусматривает оказание квалифицированной юридической помощи, например, в силу ст. 45 прокуратура может обратиться в суд с исковым заявлением и представлять интересы отдельных категорий граждан в суде общей юрисдикции. Дополнительно принцип на судебную защиту в гражданском процессуальном кодексе реализуется при помощи назначенного судом представителя Ответчика, но только, как указанно в ст. 50 ГПК РФ[3], в случаях, когда место нахождения ответчика неизвестно.

В уголовно-процессуальном кодексе также присутствуют механизмы реализации права на судебную защиту. Так, например, в ст. 50 УПК РФ, указано, что защитником может являться адвокат, назначенный обвиняемому, подозреваемому дознавателем, следователем

или судом [4]. В таких случаях расходы на оплату услуг защитника ложатся на федеральный бюджет.

В настоящее время судебная система претерпевает значительные изменения. Одним из основных факторов, который привел к такому результату, на наш взгляд, является утверждение демократических ценностей, укрепление общественного порядка и законности с учетом соблюдения прав и свобод человека и гражданина и, как следствие, прогрессирующее значение фактора гуманизации правосудия. О необходимости ориентирования сферы юстиции на человека в последнее время стремительно заговорили и во многих странах постсоветского пространства.

Согласно ст. 46 Конституции РФ, каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [2]. Таким образом, судебная защита презюмируется. Ограничение конституционного права гражданина на судебную защиту не допускается, исходя из анализа норм Конституции Российской Федерации. Так, судебная защита гражданских, семейных, жилищных, трудовых и иных прав и охраняемых законом интересов является эффективной гарантией обеспечения этих прав и применения государственного принуждения к тем, кто посягает на права и законные интересы граждан и организаций или не считается с ними. Поскольку судебная защита прав и законных интересов граждан и организаций приобретает все большее значение, возникает необходимость выявления и исследования условий (предпосылок) осуществления этой защиты, т.е. условий, с наличием которых закон связывает возникновение, изменение и прекращение субъективного права определенного лица на обращение за судебной защитой по конкретному делу. Так, если у заинтересованного лица есть право на предъявление иска и право на удовлетворение иска, его субъективное право в этом случае должно получить судебную защиту. В связи с этим, с одной стороны, в конституционно-правовом статусе лица немаловажное значение сегодня приобретает его субъективное право на обращение в суд, с другой – установленные законом предпосылки права на предъявление иска должны способствовать надлежащему и добросовестному осуществлению этого права. Данный вопрос в российской и мировой доктринах является очень важным, поскольку грань между ограничением права на иск и недопущением злоупотребления таким правом достаточно тонка [6, с. 77]. Данная тенденция наблюдается в связи с тем, что через призму советского гражданского процесса, который предоставлял гражданам достаточно широкую возможность обращения к судебной защите, сегодня реализация права на обращение в суд с учетом общемировых стандартов в сфере прав человека и гражданина дает возможность существованию многочисленных злоупотреблений в этой области.

Существование интереса к указанной проблематике обусловлено в первую очередь большим количеством исков, подаваемых гражданами и организациями в суды. Как показывает судебная практика, нередко обращения в суд преследуют недобросовестные цели, не свя-

занные с защитой нарушенного субъективного права или законного интереса, и имеют характер злоупотребления правом на иск. Следствием такой ситуации является вред, причиненный государству в лице его судебных органов, который выражается в несении необоснованных материальных, а также временных затрат. Причиняется также вред трудовым, материальным ресурсам добросовестных участников гражданского оборота.

Как мы могли заметить, важность принципа обеспечения прав граждан на судебную защиту трудно переоценить, его реализация важна для недопущения нарушений законных прав и интересов гражданина. Необходимость в защите законных прав и интересов обусловлено в первую очередь стремительным развитием общества в сторону договорных отношений, а также участившимися случаями нарушения таких прав. Государство при этом также не остается в стороне и в свою очередь поддерживает разные категории граждан в реализации принципа с помощью правовых механизмов, необходимых для недопущения ущемлений законных прав и интересов гражданина.

Участившиеся случаи злоупотребления принципом права на судебную защиту говорят о том, что законодательная база, регламентирующая данный вопрос, начинает устаревать, в ней недобросовестные граждане находят лазейки, с помощью которых и злоупотребляют своим правом. Чтобы уменьшить случаи недобросовестного поведения граждан, необходимо законодательно ужесточать регулирования таких прав, как, например, право на иск.

Список литературы:

1. Новохацкая И.П. К вопросу о возможности злоупотребления правом на иск: теоретические аспекты / И.П. Новохацкая // Вестник Томского государственного университета. – Право. – 2016. – № 2 (20). – С. 15-19.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.

6. Назаров С.В. Отдельные вопросы правового обеспечения борьбы с коррупцией в учреждениях и органах ФСИН России / Вест-

ник Владимирского юридического института. – 2008. – № 2 (7). – С 76-79.

ЯНЧ Валерий Вацлавович,
кандидат философских наук, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, доцент кафедры истории и теории права, декан факультета обучения иностранных граждан; yanchvv@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье выявляются проблемы адаптации иностранных граждан к образовательной деятельности; автором осуществляется поиск способов их решения.

Ключевые слова: *глобализация, образование, поликультурное образование, адаптация, интеграция, образовательная услуга.*

Сегодня мы наблюдаем, как процессы глобализации затрагивают все более широкие сферы социальных отношений. Если изначально глобализация заявила о себе в международных экономических отношениях, то сейчас она оказывает существенное воздействие на развитие права, науки, культуры, образования и других сфер. В «Социологической энциклопедии» глобализация понимается как «спонтанный, отчасти управляемый процесс все возрастающего действия различных факторов международного значения (экономические, политические связи, культурный и информационный обмен, международные организации, транснациональные корпорации) на социальную действительность в отдельных странах…» [1, с. 65]. В современных условиях успешное развитие национальных государств и их союзов возможно лишь на основе последних достижений науки и техники, в силу чего знания становятся важнейшим инструментом достижения значимых экономических и социально-политических целей. Ввиду разного уровня социально-экономического развития национальных государств многие из них неспособны самостоятельно, на основе собственных ресурсов, преодолеть технологическое отставание от более развитых государств с эффективной системой образования и подготовки научных кадров. Выходом из данной ситуации является направление граждан на обучение за рубеж на основе межгосударственных соглашений, либо в частном порядке. Многие молодые люди сегодня ищут возможность получить образование за рубежом для того, чтобы быть более успешным на рынке труда. Обучение за границей также дает возможность получить новый социальный опыт,

узнать незнакомую ранее культуру, завести знакомства, которые могут быть полезны в будущей профессиональной деятельности.

Республика Беларусь является привлекательной страной в сфере образования для иностранных граждан. Высокую репутацию на международном рынке образовательных услуг имеют высшие учебные заведения, осуществляющие подготовку медицинских кадров. Ведь еще во времена Советского Союза в них обучалось значительное количество иностранных граждан, у которых сложилось высокое мнение о национальной образовательной системе и о стране в целом. Сегодня Республика Беларусь широко известна за рубежом как страна, где осуществляется качественная подготовка специалистов в сфере информационных технологий. Интерес у иностранных граждан вызывает также возможность получить образование в сфере биохимии, энергетики, юриспруденции, ветеринарии, лингвистики и других отраслях знаний.

Следует отметить, что образовательные услуги, предлагаемые Витебским государственным университетом имени П.М. Машерова, востребованы у иностранных граждан. В университете их обучается более тысячи. Это представители 22 стран, большинство из которых являются гражданами Туркменистана и Китайской Народной Республики. Говоря об обучении иностранных граждан, следует обратить внимание на проблемы их адаптации к новым условиям жизнедеятельности. На наш взгляд, адаптация иностранных обучающихся представляет собой сложный, противоречивый процесс вхождения в ценностно-смысловое пространство иной социальной и образовательной среды.

В научной литературе выделяют шесть основных этапов межкультурной адаптации: «1) отрицание; 2) защита; 3) преуменьшение; 4) принятие; 5) адаптация; 6) интеграция. Так, на первом этапе адаптации происходит отторжение чужой культуры страны, в образовательное пространство которой попадает студент. Далее включаются механизмы внутренней защиты своих национальных культурных ценностей. Последнее заставляет иностранцев преуменьшать достоинства чужой для них культуры. Однако со временем человек забывает об этом и начинает перестраиваться, пытаясь найти позитивные стороны в окружающей его культуре. На пятом этапе происходит собственно адаптация, когда иностранец может подражать представителям другой культуры. Вопрос об интеграции в современной науке признан учёными неразрешимым... Огромное количество разнообразных факторов не пускает человека в другую культуру. Так, мы наблюдаем поликультурное многообразие» [2, с. 270].

К сожалению, не всем иностранным обучающимся удается адаптироваться к новой социокультурной и образовательной среде. Препятствием к интеграции может быть не только непонимание иностранцами особенностей белорусской национальной культуры, но и неприятие культурных различий между самими иностранными гражданами. Это приводит порой к нарушениям учебной дисциплины, административного, гражданского, уголовного и миграционного за-

конодательства. В результате к таким студентам применяются такие меры, как отчисление, высылка, депортация. Это свидетельствует о том, что в университетах необходимо существенное внимание уделять поликультурному образованию, формируя у иностранных обучающихся уважительное отношение к представителям иных социокультурных систем.

Обучение иностранных граждан может быть реализовано через три модели адаптации:

- «растворение» иностранных граждан среди всего контингента обучающихся, когда они учатся и проживают в общежитии (в комнатах) совместно с представителями иных национальных культур;
- создание своеобразных «резерваций», когда учебные группы формируются по национальному признаку (то же касается и проживания в общежитиях);
- комбинированная модель, когда используются оба названных выше типа адаптации с учетом того, насколько представители той или иной национальности готовы преодолеть социокультурные барьеры.

Принимая иностранных граждан на обучение, учебные заведения должны определить для себя, какой модели адаптации они будут следовать. Автору наиболее привлекательной видится первая модель. Однако нельзя чрезмерно стимулировать процессы интеграции. Ведь национальными, религиозными факторами нельзя ни в коем случае пренебрегать.

Следует сказать, что обучение иностранных граждан сопряжено с необходимостью решения ряда проблем. Это зачастую невысокий уровень владения русским языком, трудности адаптации к особенностям организации учебного процесса и новой социальной среде. Решение языковой проблемы решается следующим образом. По итогам собеседования абитуриенты с недостаточным уровнем владения русским языком направляются на подготовительное отделение, где изучают язык в объёме 840 часов. Для студентов, зачисленных на первую ступень высшего образования, в учебных планах предусмотрено изучение русского языка как иностранного в объёме около 550 часов за все годы обучения. Однако следует отметить, что решение проблемы недостаточного уровня знания русского языка осуществляется за счет часов, отведенных в типовых планах на освоение ряда дисциплин, в том числе и иностранного языка. Сегодня представляется невозможным эффективно осуществлять учебную и трудовую деятельность без знания иностранных языков. Туркменские же граждане имеют после окончания средней школы, как правило, невысокий уровень владения иностранными языками. Проблему можно решить через введение иностранного языка в учебные планы в качестве факультативной дисциплины, либо инициировать изменения в учебных планах на уровне Министерства образования.

Особую помощь в адаптации иностранных студентов оказывают кураторы учебных групп, а также центр развития личности и практической психологи, созданный в университете. Студенты вовле-

каются не только в учебную деятельность, но и участвуют в творческих конкурсах, занимаются волонтёрской работой. Это позволяет им быстрее интегрироваться в жизнь университета, углубить знание языка, способствует их личностному развитию.

В содержательном аспекте большое подспорье в изучении учебных дисциплин оказывает виртуальная образовательная среда MOODLE. В ней преподаватели размещают как традиционные, так и интерактивные курсы лекций, материалы для проведения семинарских, лабораторных занятий, глоссарии, диагностирующие тесты и иные учебно-методические материалы. Например, за юридическим факультетом закреплена 91 дисциплина, электронными учебно-методическими комплексами обеспечены 84,6%. Учебные курсы в виртуальной образовательной среде представлены в соответствии с требованиями модульно-рейтинговой системы обучения, т.е. освоение дисциплины осуществляется по блокам (модулям). Изучение модуля завершается формой промежуточного контроля, предлагаемой преподавателем (тестирование, коллоквиум, контрольная работа и др.). Итоговая оценка по дисциплине формируется с учётом того, как студент работал на семинарских (лабораторных) занятиях, как прошёл формы промежуточного контроля. Благодаря MOODLE, иностранный студент может самостоятельно получить доступ к необходимой информации, через тестирование проверить уровень освоения материала.

Положительно зарекомендовало себя использование на семинарских занятиях и при организации самостоятельной работы рабочих тетрадей. На кафедре истории и теории права, например, изданы рабочие тетради по общей теории права, римскому частному праву, правовой информатике и ряду других дисциплин. Студентам предлагается написать определения правовых понятий, решить задачи, составить кроссворды, решить тесты и др. Наличие рабочей тетради помогает преодолеть недостатки виртуальных технологий. Студент, например, должен самостоятельно, своей рукой записать определения. Это способствует и формированию навыков поиска информации, и повышению уровня владения русским языком, и закреплению полученных знаний.

Более успешной подготовке иностранных студентов способствует также возможность прохождения практик на родине. Ей активно пользуются студенты биологического и юридического факультетов. Например, юридическим факультетом заключены договоры на прохождение производственных преддипломных практик с некоторыми правоохранительными органами Туркменистана. Это позволяет иностранным студентам при написании дипломной работы собирать и использовать материалы национальной правоприменительной практики, осуществлять сравнительный анализ правовых систем.

Список литературы:

1. Социологическая энциклопедия / под. общ. ред. А.Н. Данилова. – Мн.:БелЭн, 2003. – 453с.

2. Шишкина, И.В. Пути и возможности преодоления проблем адаптации иностранных студентов в процессе поликультурного обучения на подготовительном факультете / И.В.Шишкина, О.А Ежовкина // Международное образование и сотрудничество: сборник материалов. – Т. 3. – 2015. – С. 269-271.

СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель

ЗЫБИНА *Ольга Станиславовна* – ректор, кандидат юридических наук, доцент.

Заместители председателя:

СУСЛИН Эдуард Васильевич – первый проректор – проректор по учебной работе, декан факультета юриспруденции (бакалавриат), доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВ Сергей Владимирович – проректор по научной и инновационной деятельности, зав. кафедрой уголовного права, кандидат юридических наук, доцент.

Члены организационного комитета:

ФАРАФОНОВА Л.Н. – декан факультета юриспруденции (магистратура), кандидат педагогических наук, доцент;

БРЫКОВ С.А. – заместитель декана – начальник отделения очной формы обучения факультета юриспруденции (бакалавриат);

ИВАНОВ К.Д. – заместитель декана – начальник отделения очно-заочной и заочной форм обучения факультета юриспруденции (бакалавриат), кандидат юридических наук, доцент;

ПЕРФИЛОВ В.И. – начальник отдела научной и инновационной деятельности, кандидат военных наук, доцент;

ТОЛСТОВА А.Е. – зав. кафедрой гражданского права, кандидат юридических наук, доцент;

ПОПОВА Е.С. – зам. зав. кафедрой гражданского процесса, кандидат юридических наук, доцент;

ДОЛМАТОВ А.В. – зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, доктор педагогических наук, профессор;

ВАРУШКИН А.А. – зам. зав. кафедрой уголовного права, начальник отдела аспирантуры, кандидат юридических наук;

БРЯНСКАЯ Е.В. – зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент;

МИШИНА Е.В. – зав. кафедрой теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент;

ДУЛИЧ Л.М. – зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ЗЕЛТАБОЛ О.В. – главный инженер;

ГООСС Н.Н. – зав. библиотекой имени А.Ф. Кони;

ДЕМЕНТЬЕВА Е.В. – секретарь конференции, научный сотрудник отдела научной и инновационной деятельности, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Суслин Э.В., Кувшинов В.С. К вопросу о предпосылках формирования правовой образованности 3
Бенера А.О. Проблемы совершенствования правовых норм о привлечении родителей к уголовной ответственности за преступления, совершенные против семьи и несовершеннолетних 10
Бивзюк А.А. Понятие жилищной потребности граждан 15
Брусова А.Ю. Некоторые вопросы определения субъекта гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности 19
Буйлова А.Ю. Правовой механизм обеспечения конституционного права на жилище в Российской Федерации 23
Востриков П.В. Актуальные вопросы исчисления сроков апелляционного обжалования 28
Габдуллин Р.И. Конкурсное производство как стадия процедуры банкротства: законодательство и практика 33
Григорьева А.Е. Виды имущественных прав несовершеннолетних детей 37
Давудгаджиев З.М. Изъятия из юрисдикционных иммунитетов государств и их собственности 41
Джумшудян О.Г. Общая характеристика правонарушений, содержащих признаки хулиганства 45
Дмитриева Т.Ф. Формирование теоретического блока системы криминалистического обеспечения следственных действий 49
Дудорова Л.А. Методы установления личности в габитоскопии 53
Зуев А.В. Общая характеристика законодательства Российской империи о капитане морского судна 58
Иванов А.И. К вопросу о наследовании земельного участка 63
Исергепова А.К. Пробация и её перспективы в уголовном процессе Республики Казахстан 67
Капустин А.С., Боровкова М.А. Проблемные вопросы привлечения к административной ответственности за безбилетный проезд в петербургском метрополитене 72
Карл А.М. Оперативно-розыскные мероприятия в странах-участницах евразийского экономического союза 76
Клачкова Е.Д. Исполнение наказания в виде исправительных работ 81
Кожаков А.А. Саморегулирование предпринимательской деятельности как элемент публичного регулирования экономических отношений 85
Кожаков А.А., Попов А.П. Государственная регистрация субъектов предпринимательства как элемент публичного регулирования экономических отношений 88
Кожевникова Т.Д. Особенности квалификации кредитного мошенничества, как одного из преступлений в сфере экономики 92
Комарницкая И.В. Лица, ответственные за вред, причиненный несовершеннолетними 97
Кононов А.В. Основания и последствия признания торгов недействительными, проблемы теории и практики 103
Коренев П.В., Ремчук Д.О. Понятие и особенности оспаривания сделок в рамках дел о банкротстве 108
Корольчук Р.С. Авторское право как институт права интеллектуальной собственности 113

Коротких А.В. Криминологическая характеристика и проблемы предупреждения профессиональной и организованной преступности …… 118
Костин К.В. К вопросу нормативного правового регулирования института исправительных колоний …….. 124
Кузнецова Л.И. Статус резидента – физического лица в валютном законодательстве Российской Федерации ……. 128
Кузнецова Л.И., Попов А.П. Принципы финансово-правового регулирования валютных операций ……..…… 132
Кулешов М.Ю. Обеспечительные меры защиты прав кредиторов в договорных отношениях …….…… 136
Курс И.А. Правовая природа и основные признаки давностного владения и приобретательной давности ……..... 140
Куфтырева К.А. Понятие и признаки договора ренты ……...…… 145
Лебедева А.А. Возникновения и прекращение представительства в гражданском но процессе ……..... 150
Лекан Д.Ю. Исполнение и отбывание уголовного наказания в виде ограничения свободы: теоретический аспект ……... 156
Леушина А.В. Наследование авторских прав по завещанию ……..… 161
Малышева Е.С., Иванов К.Д. Зарубежный опыт регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка ….. 165
Малышева Е.С., Иванов К.Д. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка ……..… 170
Маркушева А.А. Проблемы уголовной ответственности за контрабанду и иные преступления в сфере таможенного дела ……..…… 174
Мартынов Р.А., Брянская Е.В. Цифровизация – реальная потребность уголовного судопроизводства …….. 180
Мурашкина И.В. К вопросу о новелле в наследственном праве: совместном завещании супругов …….. 184
Назаренко П.А. Проблемы восстановления пропущенного процессуального срока при подаче апелляционной жалобы в гражданском процессе ……..…… 189
Недялкова Е.В. Особенности взыскания неустойки за ненадлежащее выполнение обязанности по оплате товара в отношениях поставки товара ……..…….. 193
Олейник К.А. Система преступлений террористической направленности по уголовному законодательству России ……..…… 196
Паровардья М.П. Становление и развитие законодательства о защите прав потребителей 201
Паровардья М.П., Толстова А.Е. Особенности гражданско-правовой ответственности в области защиты прав потребителей ….. 207
Петров И.Ю. Нематериальные блага как объекты личных неимущественных прав: понятие и правовая природа …… 213
Петров А.П., Петров В.А. Становление социального государства, его признаки и принципы ……..…… 218
Печенин П.Л. Проблемы правового определения комнаты в коммунальной квартире как объекта купли-продажи ……..…… 223
Подолянская Л.С. Родственная связь (родственный союз) как основание наследования по закону членами семьи наследодателя …… 230
Прохорова М.Ю. Поиски оптимальных организационных форм международного сотрудничества: проекты Я.А. Коменского, В.Ф. Малиновского ……..…… 235

Ремчук Д.О. Оспаривание сделок, заключенных до признания должника банкротом 242
Савина В.В. Возмещение ответчиков убытков, причиненных обеспечением иска 246
Серков Н.Д. Правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной системы 251
Симаров А.В. Защита прав малолетних при совершении сделок с недвижимым имуществом 256
Соколов Н.С. Становление и развитие авторского права 263
Стрелова О.В. Стороны договора строительного подряда на капитальный ремонт общего имущества многоквартирных домов 268
Тепляков О.В., Потапов Ю.А. Правовое регулирование связей с общественностью и средствами массовой информации (российский опыт) 273
Тимощук К.И. Проблемы женской преступности 278
Ткаченко Н.А. Особенности аутсорсинга с правовой и экономической точек зрения 282
Федорова А.М. Дееспособность как элемент правосубъектности 286
Федулов Б.А., Шубин С.П., Левченко А.А. Применение квазипрофессионального подхода в процессе профессиональной подготовки сотрудников полиции 291
Хмоленко А.Н. История становления и развития института возбуждения уголовного дела 296
Цыплухин М.В. Жизнь и здоровье граждан как объекты гражданско-правовой охраны 301
Цыплухин М.В., Дягилева Л.В. Понятие и значение обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью 306
Чахкиева З.С. Формирование правового статуса потерпевшего в российском уголовном процессе 312
Чеснокова М.М. Определение правовой природы недействительных сделок 317
Шумская Е.В. Некоторые проблемные вопросы, возникающие при возмещении вреда жертвам терроризма 322
Юревич К.С. Принцип обеспечения права граждан на судебную защиту: сложности в его реализации 327
Янч В.В. Проблемы адаптации иностранных обучающихся к образовательной деятельности 331
Оргкомитет конференции 336

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

VI Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича

Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции 20 ноября 2019 г.

Том 2

Редакторы: Ковалева О.А., Семина Т.А.
Оригинал-макет: Перфилов В.И.

Подписано в печать 15.11.2019 г. Печать трафаретная. Формат 60x84 1/16
Объем 21,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 559.

Отпечатано в копировальном множительном участке
Санкт-Петербургской юридической академии

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская юридическая академия (далее – Академия) создана 7 июля 1997 года по инициативе заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, доктора юридических наук, профессора, Почётного президента Санкт-Петербургской юридической академии Станислава Федоровича Зыбина при участии федеральных и региональных органов государственной власти.

За 22 года образовательной деятельности Академия выпустила более 4300 выпускников. В числе выпускников – депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутаты муниципальных образований Санкт-Петербурга и Ленинградской области, государственные служащие, сотрудники Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной таможенной службы, военнослужащие Министерства обороны РФ и др.

Образовательная деятельность в Академии осуществляется на основании Лицензии Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации № 2394 от 20 сентября 2016 года (серия 90Л01, № 0009460) на осуществление образовательной деятельности по указанным в приложениях образовательным программам. Лицензия предоставлена бессрочно.

Академия имеет Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации о государственной аккредитации от 1 ноября 2016 года № 2322 (серия 90А01, № 0002445). Срок действия свидетельства о государственной аккредитации – до 31 января 2020 г.

В 2019 году Академия прошла процедуру профессионально-общественной аккредитации образовательных программ в Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» и в соответствии с Решением Комиссии Ассоциации юристов России по юридическому образованию от 16 апреля 2019 года, протокол № 28 Академия получила Свидетельства № 53-Б, № 53-М/1, № 53-М/2 о профессионально-общественной аккредитации образовательных программ по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) и 40.04.01 «Юриспруденция» (уровень магистратуры).

Академия с 5 марта 2010 года является членом Ассоциации юридических вузов России (ЮРВУЗ) (Свидетельство № 0264).

В 2007 году Академия награждена Почетным дипломом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга «За выдающийся вклад в

развитие высшего профессионального образования в Санкт-Петербурге».

Образовательная деятельность в Академии осуществляется высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом. Более 80% преподавателей Академии имеют ученые степени и ученые звания, среди которых известные научной и юридической общественности, вузовскому и профессиональному сообществу ученые: доктор юридических наук, профессор Э.В. Суслин; доктор педагогических наук, профессор А.В. Долматов; доктор юридических наук, профессор С.А. Роганов; доктор юридических наук, доцент С.Г. Александров; доктор юридических наук, профессор В.Г. Павлов; доктор юридических наук, доцент Е.В. Силина, доктор философских наук, профессор Барышков В.П.; доктор исторических наук, доцент Д.Н. Соловьев и др.

Продолжительное время в коллективе Академии трудятся педагоги, награждённые знаком отличия «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»: Л.М. Дулич, П.В. Иванов, В.С. Кувшинов, Э.В. Суслин. Удостоены почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации» профессор В.Г. Павлов, профессор П.В. Иванов.

Состояние материально-технического обеспечения и оснащённость образовательного процесса в Академии соответствуют требованиям, установленными федеральными образовательными стандартами высшего образования, и позволяют осуществлять качественную подготовку студентов.

Академия осуществляет обучение по направлениям подготовки:

40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата), профили обучения: гражданско-правовой, уголовно-правовой, государственно-правовой;

40.04.01 Юриспруденция (уровень магистратуры), профили обучения: правовое обеспечение гражданского оборота и предпринимательства, теория и практика применения законодательства в уголовно-правовой сфере.

40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

Направления подготовки (направленность):

12.00.01 Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве;

12.00.09 Уголовный процесс;

12.00.12 Криминалистика; Судебно-экспертная деятельность; Оперативно-розыскная деятельность.

44.06.01 Образование и педагогические науки (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

Направления подготовки (направленность):

13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

По окончании обучения выдается диплом государственного образца

Вступительные испытания:

Бакалавриат:

Очная форма обучения – результаты ЕГЭ по обществознанию, русскому языку, истории. Срок обучения – 4 года.

Очно-заочная форма обучения:

- На базе высшего профессионального (неюридического) образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

- На базе среднего профессионального (юридического) образования – собеседование по теории государства и права, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 6 месяцев.

- На базе среднего общего или среднего профессионального (неюридического) образования – собеседование по обществознанию, русскому языку, истории.

Срок обучения – 4 года 6 месяцев.

Заочная форма обучения:

- На базе высшего профессионального (неюридического) образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

Магистратура:

Очная форма обучения – вступительные испытания по конституционному праву Российской Федерации (срок обучения – 2 года).

Заочная форма обучения – вступительные испытания по конституционному праву Российской Федерации (срок обучения – 2 года 5 месяцев).

Аспирантура:

Очная форма обучения – вступительные испытания по специальной дисциплине и иностранному языку (срок обучения – 3 года).

Заочная форма обучения – вступительные испытания по специальной дисциплине и иностранному языку (срок обучения – 4 года 5 месяцев).

Справочная информация:

- В Академии осуществляется обучение по программам дополнительного профессионального образования.
- Студентам очной формы обучения предоставляется отсрочка от призыва на военную службу.
- Действует гибкая система оплаты.
- Студентам очной формы обучения предоставляется общежитие.

Адрес Академии:

192012, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 114 литер А.

Приемная комиссия:

+7 (812) 677-00-07; +7 (921) 951-34-33; +7 (921) 564-31-01;

E-mail: jurac.spb@mail.ru, priem@jurac.ru

Официальный сайт Академии: www.jurac.ru

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НАШУ АКАДЕМИЮ!